

КРАСНОВ
Петр Николаевич
1869–1947

КРАСНОВ

Борис Тумасов

НЕ ВВЕДИ ВО ИСКУШЕНИЕ

РОМАН

act **СРМАК**
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА
2003

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т 83

Оформление
В. И. Харламова

Т 83 Тумасов Б. Е.
Красноярск: Не введи во искушение: Роман/Б. Е. Тумасов. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 442, [6] с.: ил. — (Белое движение).

ISBN 5-17-020546-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07437-4 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9577-0085-1 (ЗАО НПП «Ермак»)

Новый роман известного писателя-историка Б. Тумасова посвящен жизни и деятельности одного из лидеров Белого движения, генерал-лейтенанта, атамана Войска Донского, писателя Петра Николаевича Краснова (1869-1947).

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Формат 84×108/32. Подписано в печать 15.08.2003.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 1578.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002

ISBN 5-17-020546-5
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07437-4
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9577-0085-1
(ЗАО НПП «Ермак»)

© Тумасов Б. Е., 2003
© ООО «Издательство Астрель», 2003

ISBN 5-17-020546-5

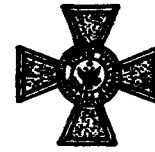

9 785170 205462

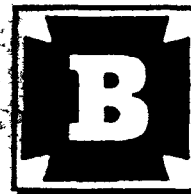
Борис Тумасов

НЕ ВВЕДИ ВО ИСКУШЕНИЕ

РОМАН

Вместо предисловия

В числе тех, кто противостоял советской власти, пожалуй, не было фигуры более противоречивой, чем генерал Краснов. Историки пишут, что он был одним из руководителей российской контрреволюции. Литераторы назвали его поэтом и рыцарем «Тихого Дона», исследователем прошлого и будущего, фанатом и утопистом.

Краснов — герой Первой мировой войны. На его счету почти четыре года лихих конных атак и окопной жизни.

Писатель Александр Куприн, столкнувшийся с Красновым в Эстонии, в армии Юденича, назвал Петра Николаевича «очаровательным человеком». Противоположного мнения был Антон Иванович Деникин, которого военная судьба не раз сводила с Красновым на Дону. Деникин характеризовал атамана как самодовольного эгоиста, не разбирающегося в средствах для достижения своих целей...

Писать о генерале Краснове при столь противоречивых о нем суждениях нелегко, тем более что имеющиеся сведения скупы и хроникальны.

Зная, что Краснов был предан престолу, в годы мировой войны стал приверженцем генерала Корнилова, а затем попутчиком Керенского, невольно задаешься вопросом: какие дороги привели его в объятия Германии? Что побудило Краснова в эмиграции разделить взгляды гитлеровцев, оказаться рядом с ними в их войне с Советским Союзом, способствовать созданию казачьих частей, действовавших против югославских партизан и советской армии?

Он очень по-своему любил Россию и мечтал видеть ее свободной от советских порядков. Об этом Краснов скажет, находясь в Лефортово, за несколько дней до своей казни...

Глава 1

Тачанка, раскрашенная красной и синей красками, бойко катила по донской степи. Казалось, степь не имела ни начала, ни конца. Иногда попадались буераки с колючим терновником. На обрывах земля была подобна слоеному пирогу: белесая и каменистая, грозящая в непогоду обвалами.

Буераки — любимое пристанище волков. Здесь они закладывают берлоги, выводят волчат, здесь сбиваются в стаи, ночами вой разносится по всей степи.

В мае пролились теплые грозовые дожди и сытно напоили землю. Сочная зеленая трава укрыла всю степь, и только местами рыжими заплатками выделялись суглинки с редкими булыжниками.

Вот-вот расплеснется степь радужным цветом: зацветут васильки и желтыми полянами поднимется маслянистая сурепка. Дивными красками заиграет донское приволье.

В степи полковнику Петру Николаевичу Краснову дышалось легко, воздух был такой чистый, что казалось, пьешь родниковую воду. Полковник считал себя природным донским казаком, хотя и родился в Санкт-

Петербурге. В столице закончил гимназию, Александровский кадетский корпус, потом Павловское военное училище. Учился Петр Краснов хорошо. Получил звание фельдфебеля Роты Его императорского Величества, над которой шефствовал сам государь.

Петр любил бывать на Дону, окупаться в его жизнь. Он ездил сюда чаще всего с отцом, посещал станицу Вешенскую, к которой были приписаны Красновы, и где им полагался земельный пай.

Время учебы подходило к концу, и за блестящие успехи и организаторские способности Краснов удостоился чести быть занесенным на мраморную доску почета и права выбора службы. Он выбрал лейб-гвардии Атаманский полк. Это был второй из казачьих донских гвардейских полков.

История Атаманского полка уходила в далекое прошлое. Еще в 1775 году донской атаман Иловайский сформировал десятисотенный полк, с той поры эта военная часть традиционно считалась гвардией Войска Донского. Сменялись императоры, сменялись атаманы, но Атаманский полк оставался. А когда при императоре Николае Первом атаманом всех казачьих войск был объявлен наследник престола, Атаманский полк с Дона перевели в Санкт-Петербург. Он стал именоваться лейб-гвардии Атаманским Наследника Цесаревича полком.

Отец Петра Краснова, узнав о выборе сына, не удивился. Казачий офицер, дослужившийся до звания генерал-лейтенанта Главного Управления Казачьих Войск, он и сам предпочитал казачью службу.

На Дону Красновы были известным родом. По преданию, их предок пришел туда еще во времена царя Алексея Михайловича и был принят в казачество в станице Букановской...

Покачиваясь на мягких подушках тачанки, прикрытых персидским ковром, полковник Петр Краснов ехал по донской степи и вспоминал свой жизненный путь от теперь уже далеких дней училища до нынешнего дня.

Краснов знал: теперь уже не скоро придется вновь побывать на Дону. Месяц тому назад он получил новое предписание: явиться для прохождения дальнейшей службы в 1-й Сибирский полк имени Ермака Тимофеевича. Полк стоял в городе Джирекенте, что вблизи маньчжурской границы. В тех местах Краснов и прежде бывал. Ему были знакомы и дальневосточные леса, и богатые рыбой реки Приамурья... Но что могло быть прекраснее и дороже Дона с его плесами, лугами, степным привольем? Вон хотя бы это многоцветье. Или еще не поседевшие ковыли, какие по осени переливаются морем. Трава, еще не вымахавшая во весь свой рост...

По воспоминаниям старожиллов, бывали годы, когда трава вырастала по брюхо коня, а иногда даже скрывала верхового.

Петр Николаевич подумал, что такое, наверное, случалось в старые времена, когда на Дону селились предки нынешних казаков, в том числе прославивший красновский род генерал-майор Иван Кузьмич Краснов, выбившийся в известные полководцы при Суворове и Кутузове, водивший донские полки при атамане Платове и погибший в сражении под Колоцким монастырем за два дня до Бородинской битвы. Имя этого храброго генерала на Дону не предади забвению, и когда в Русско-японскую войну семнадцати первоочередным донским полкам присваивали имена почетных шефов, то вспомнили и Ивана Кузьмича Краснова...

Гордились в роду Красновых и последующими героями, честно служившими царю и Отечеству еще в Крымскую войну, носившими полковничьи и генеральские погоны. А начиная с генерал-лейтенанта И. И. Краснова эта фамилия стала известна и в литературных кругах. Иван Иванович Краснов написал стихотворные произведения «Тихий Дон» и «Князь Василько», исторические и историко-этнографические работы «Оборона Таганрога», «О казачьей службе» и другие произведения. Петр Краснов помнил, как пробовал силы в литературе его отец, Николай Иванович, и тоже довольно успешно. Ли-

тературная стезя манила Петра еще с юности, когда он издавал свой журнал и сотрудничал в ряде петербургских печатных изданий...

От станицы Вешенской до станции Миллерово путь неблизкий. Ночевали в одном из украинских сел, где были заезжий дом. Село небольшое, белые мазанки, крытые камышом, загоны для скота, высокие тополя вдоль улицы. Встречную арбу тянула пара круторогих волов.

Был полковник до Миллерово долго и за время пути о многом передумал. В молодые годы он болезненно отяжелел к тому, что друзья по училищу называли его петербургским казаком, и поэтому всегда старался сблизиться с донцами, когда те бывали в Петербурге. Особенно тянулся Петр к хоперцам и вешенцам: может, потому, что там находилась паевая земля Красновых, куда он наезжал в молодости...

Молодой казачок Ванька Шандыба, сидя на облучке, лихо правил тачанкой. Из-под фуражки с лакированным козырьком выбивался темно-русый чуб. Казачок выводил сильным голосом песни о Доне, о его приволье. Одна песнь сменяла другую. Видно, зная их немало. А Петр Николаевич вспоминал, как он впервые появился в Атаманском полку, как целый год числился без вакансии, как лишь потом его зачислили корнетом...

В те же годы появились его первые литературные произведения, и о Петре Краснове заговорили как о писателе-романтике, воспевающем казачество и его славное прошлое. Но, получив признание как литератор, Петр Николаевич остался верен военной службе. Год проучился он в Академии Генерального штаба, получил звание сотника и был назначен полковым адъютантом, то есть начальником штаба полка...

Ездовой придержал коней, объезжая буерак. Лошади, почуяв волчий дух, задропали. Весной и летом волки не страшны человеку: в эту пору они сыты. А вот зимой голодная стая опасна. Она дерзкая и лютая...

Верст через десять впереди блеснуло озерцо, поросшее по берегу осокой.

— Ваш благородь, извольте дать коням отдых. До Миллерово еще далеко.

Краснов щелкнул крышкой, посмотрел на часы, согласился:

— Пожалуй, можно.

Шандыба остановил коней, насыпал в торбы овса. Краснов направился к озерцу. Был полковник выше среднего роста, коренастый, чуть сутулый, темные волосы зачесаны на затылок.

Низко, со свистом, пронеслась утиная стая, села на воду, поплыла к камышам. Петр Николаевич не был охотником. Все свободное время он проводил либо с казаками на учебных занятиях, либо за письменным столом. В джигитовке и владении саблей, как считали сослуживцы, у Краснова не было соперников. Его успехи не раз отмечались на смотрах...

Казачок свистнул, и отдохнувшие кони пошли резво. Петр Николаевич спросил:

— А что, Иван, поди, скоро на службу?

— Да уж не за горами... Отец скоро за конем отправится.

— Лагерные сборы где отбывал?

— Прошлым летом в Персияновке. А так в Вешках с нами наш урядник Пантелей занимается!

— Суров?

— Да не жалостлив. Особенно на рубке лозы лютует... А еще не дает поблажки тем, кто за конем не следит... Я пока на Чалом езжу...

— Когда же назад в Вешенскую?

— Завтра поутру. У односума заночую и тронусь... С ним в лагерях кашу из одного котла ели...

В Миллерово попали накануне прихода поезда. День клонился к исходу. Ванька внес в вагон красновский саквояж и пожелал доброго пути.

В купе Краснов оказался один. Отодвинув штору, он посмотрел на перрон, где на пристанционном базар-

тике чем только не торговали старухи и молодайки: масло сливочное в лепешках на травяном листе, сметана и молоко в крынках, куры отварные, яблоки моченые; яблоки генерал, отец Петра, приезжая на Дон, всегда покупал и ел с особенным удовольствием...

Мимо вагона старик пронес вяленого сазана, и Петр Николаевич вспомнил, как однажды в юности, в Вешенской, он жил в доме, где в боковой пристройке обитал дед, промышлявший рыбной ловлей. За ту неделю он пристрастил к рыбалке и Петра. Как-то утром, едва небо тронула заря, Петр поехал один на рыбалку. Вывел лодку из заводи, взялся за весла. На мелководье щука гнала мелочь, стайка серебром рассыпалась по водной глади. Приналег Петр на весла, направил лодку к противоположному берегу, где водились сомы и сазаны. Дон тихий, не шелохнется. Выгреб, приякорился, корм из вареной пшеницы рассыпал. Размотал удочку, червяка крупного на крючок насадил. И не успел по сторонам осмотреться, как поплавок качнулся и пошел вглубь. Петр за удилице дернул и ахнул: размером с добрый чугунок сазанья голова показалась и снова ушла на глубину. Тут Петр вспомнил уроки деда-рыбака. Попустил леску и снова потянул. Хватил сазан воздуха, пошел на дно. Так водил Петр долго и, когда сазан вдосталь наглотался воздуха, вывел его на мелководье... Дома сазана взвесили — потянуло на десять фунтов. С тех дивных пор Петр Николаевич больше на рыбалке не бывал...

У входа на вокзал висел медный колокол, оповещавший об отходе поезда. На скамье, потемневший от непогоды, стоял чан с водой, на цепи болталась жестяная кружка. Несколько скучающих пассажиров ждали встречный поезд. Дежурный по вокзалу в красной фуражке вышел, трижды ударил в колокол. Паровоз сипло загудел, дежурный поднял желтый флажок, и поезд, лязгнув сцеплениями, тронулся, медленно набирая ход. Остались позади станционные постройки, домики, пакгауз, водокачка, переезд. Поезд весело побежал по Донщине...

Полковник осмотрелся: диван-кровать, обтянутый красным плюшем, чисто вытертые зеркала, на столике у окошка хрустальный графин, тонкий резной стакан в серебряном подстаканнике...

А за стеклом вагона донская земля. Его, Краснова и его предков земля. Он гордился своими предками, гордился казаками-донцами, какие верно служили государям, всегда считая, что любая смута есть явление разрушительное. В этом полковник убедился, когда в 1905 году подстрекатели из социалистических партий устраивали бунты в Москве и Петербурге.

В то время Краснов был приписан к штабу Забайкальской казачьей дивизии и принимал участие в боевых действиях в войне с Японией, за что был награжден орденом Святой Анны 4-й степени, а за последующие сражения под Ляояном — орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантами. За бой на реке Шаха и под Мукденем ему выпала дополнительная награда — мечи к уже имевшемуся ордену Святого Станислава. По материалам тех сражений у Краснова-писателя появилась большая книга, названная им «Год войны».

Приоткрыв дверь, в купе вошел проводник в синей форменной куртке, внес постельное белье. Полковник вышел в коридор и, пока проводник готовил постель, смотрел в вечернюю сумеречную степь.

Вскоре под мерный перестук колес Краснов крепко заснул.

***

Хутор Пригибский одним боком так прирос к Вешенской, что казался с нею одним целым. Как и Вешенская, которую казаки любовно переименовали в Вешки, Пригибский лежал на пологом песчаном берегу Дона. Хутор многолюдный, со своим атаманом, со своей церковью, что напротив меловых отрогов.

Ежели податься от Вешенской в сторону Усть-Хоперской, то там Дон роднится с Хопром. Берега здесь

обрывистые, с омутами, где ловят сома и вялят на зиму. Напротив Усть-Медведицкой в норах кипмя кишат раки, крупные, клешнистые, такие разве только возле Аксая ловятся.

Ванька Шандыба, по-хуторскому — Кагальник, получил прозвище от дальнего предка, появившегося на хуторе из Кагальника.

Мать, тетка Матрена, сына любила, но иногда укоряла:

— Ой, не сносить тебе, Ванька, головы.

Особенно часто повторяла она это с той поры, когда Шандыба пробрался к мельнику в сад, а собаки укараулили, не дали слезть с дерева. Мельник отхлестал Шандыбу крапивой, после чего Ванька полдня в Дону отсиживался. А сверх того старый Шандыба отходил Ваньку вожжами, приговаривая:

— Не позорь казачьего рода...

Жили Шандыбы не то чтобы богато, но и не бедно. Сами управлялись со своей землей, успевали и отсеяться и урожай собрать. В зиму пару кабанчиков заваливали, оттого в холода было свое мясо и сало. Потом наступала пора резать гусей, бычка. Куры неслись, и в яйцах нужды не было.

До службы Ваньке Шандыбе оставалось чуть больше года. Пока у урядника Пантелея обучался конной езде и владению пашкой.

Прошлым летом хуторяне отправляли своих будущих служивых попробовать казачьей жизни в Персияновских лагерях, а в нынешнюю весну Ваньке довелось отбывать службу при вешенском станичном атамане. Дело нехитрое: куда господин атаман пошлет. Сидит себе казачок в правлении, а когда потребность какая, бежит либо едет куда велят.

Ванька своей «тыждневной» службой был доволен — удалось от посевных работ передохнуть. А то, едва снег с земли, с отцом и младшим братом Мишкой — в степь, от темна до темна в работе.

Нынешней весной приглянулась Шандыбе девчонка Варька, хуторская, с другой улицы. Хоть и была

она еще голенастая, ровно цыпленок, но Ванька решил: к сроку, когда службу воинскую отбудет и воротится домой, Варька в самый сок войдет, в невесту выходится. Тогда и зашлют Шандыбы сватов...

Как-то раз шла Варька к Дону с корзиной белье стирать, а Ванька ей дорогу заступил.

— Пропусти, — нахмурилась.

— А вот и не пропущу, покуда не скажешь, что станешь ждать меня со службы.

— Ты еще отслужи, а там поглядим, — гордо ответила Варька и, обойдя Шандыбу, пошла к Дону.

У Ваньки до конца «тыждневной» оставалось три дня, когда его покликал атаман.

— Вот что, Шандыба, завтра спозаранку закладывай тачанку. Коней из станичной конюшни бери лучших. Повезешь его превосходительство полковника Краснова в Миллерово...

Полковник оказался малоразговорчив. Всю дорогу сидел, откинувшись на спинку тачанки, о своем думал. Ванька песни пел, полковник молчал.

Устав петь, принялся и Шандыба время коротать в мыслях. А они у него какие: скоро, поди, сено косить. Отец погонит его с братом на дальнее займище, на ту сторону Дона. Трава там хорошая, но скосить и высушить — одно дело, а как перевозить? В день по несколько раз через реку переправляться. Пока сено в тюки запрессуешь да на пароме переправишь, на спине соль на рубахе выступит. За лето и осень, ровно мартовский кот, исхудаешь, одни кости да кожа остаются. А зимой как встанет Дон да в лед закуется, оставшиеся копенки санями вывозить. Всем хутором санный поезд за Дон тянется.

Зимой у Ваньки была еще одна забота: силки на зайцев ставить. Зайцы к самой станице подходили, кору молодую по садам объедать. Выйдет Ванька в сад — то одно дерево попорчено, то другое, и по всему снегу следы петлями. Шандыба силки расставит, глядишь, и попался косой.

Правда, ловить зайцев силками Мишка, младший брат Ваньки, наловчился лучше: у него редкая ночь без добычи проходила. Шандыбам зайчатина так приелась, что они ее живности домашней скармливали...

Еще Ванька подумал, что на будущий год отец собирается в Зимовники, где будет конная ярмарка. Пора коня строевого покупать, справу к службе готовить. Шорнику заказать седло новое, чтоб седельные подушки подогнал, сумы переметные, уздечку, стремена. А что до всякой амуниции, так ее задолго собирали, в походный сундучок укладывали, нафталином пересыпали. Не доведи бог на смотре, когда комиссия проверяет подготовку казака к службе, опозориться. А ежели казак безлошадный, то его в пехоту, в пластуны записывали. У Шандыбы в роду из кожи вон лезли, но в безлошадные не попадали, все в кавалерии служили...

В Миллерово Ванька вез полковника серьезного, не какого-нибудь канцеляришку, штабную крысу, а боевого офицера. Эвон на груди орденов сколько! В правлении слышал, как писарь говорил, что полковник Краснов на восток к манжурской границе едет, полк казаков уссурийских принимать.

Писаря из правления Шандыба хорошо знал, это был Варькин отец Кондрат Павлович. Лет пять тому назад он служил в казачьей сотне, квартировавшей в Москве. Уезжал голь-голью, а воротился с большими деньгами. Заходил в гости, похвалялся новой бекешей, хромовыми сапогами со скрипом. Разговаривая с Ванькиным отцом, Захаром Мироновичем, говорил:

— Мы, Мироныч, там в Москве смутьянам шкуры поспуцали. Будут помнить казачьи нагайки.

Говорил, а сам то и дело вытаекивал из кармана серебряные часы-луковицу, на время смотрел, крышкой щелкал.

Ушел Кондрат, в хате установилась тишина. Но вот Захар Миронович вздохнул:

— Ох-хо, не похвалялся бы лучше Кондрат. Слезы людские — они запросто не прольются. Госюдь все видит, все слышит...

А Ванька другое заметил. Вскоре часы-луковица в кармане хуторского атамана оказались, а Кондрат в писарях стал хаживать, в правлении штаны протирать. Хотя всем известно — грамотность-то у него не ахти какая...

Рассказал Ванька о том отцу, да Захар Миронович цыкнул:

— Не твоего куриного ума дело...

Иван Кондрату Павловичу в душе завидовал. Видать, удачлив Варькин отец. Окажись Ванька на его месте, тоже обогатился бы...

Захару Мироновичу сын не перечил. Только уж он, Ванька, с такими часами не расстался бы ни за что.

Иван представил себя в новой гимнастерке, в сапогах хромовых, шагающим по хуторской улице. Видит: навстречу Варька идет. Он небрежно лезет в карман, серебряной крышечкой щелкает, время смотрит... Гляди, Варвара Кондратьевна, каков я...

Размечтался Шандыба, особенно когда из Миллерово возвращался. Кони бежали резво, от дум никто не отвлекал. Туда ехали — полковник все степью донскою любовался. А Ваньке степь уже давно не в новинку. Он каждодневно ее видит...

***

Сон в поезде оказался зыбким. Он вернул Краснова к тем далеким годам, когда его с сотней казаков приписали к дипломатической миссии, отправлявшейся в африканскую страну Эфиопию. Это было первое российское представительство, которому надлежало признать государство эфиопов, укрепить его международное положение.

Состав из нескольких пассажирских вагонов и теплушек с лошадьми в октябре 1897 года проследовал до

Одессы. Здесь казаки погрузились на пароход. Кони опасно ступали на трап, норовили вырваться, их загоняли силой. Потом погрузили тюкованное сено, мешки с овсом, последними поднялись сотрудники миссии с багажом.

Пароход следовал до Джибути, побывал в шторме. Когда оказались на твердой земле и позади осталась изнуряющая водная стихия, казаки вздохнули облегченно. Но они не представляли, какие трудности им еще предстояло преодолеть; почти трехмесячный конный переход через пустыни и горы, пока, наконец, показался главный город эфиопов Аддис-Абеба и миссия предстала перед абиссинским вождем Менеликом.

Абиссинский император выказал казакам расположение, прием устроил. А донцы абиссинкам поразались.

— Гляди-кось, экие красотки, ровно в краске коричневой разукрасились...

— Глазасты, а зубы белые...

— Что зубы, ты на губы гляди. Губасты. Такая знаешь как целуется!

— А ты целовался?

— Ишпо нет...

С первых же дней Краснов приступил к восстановлению боевых качеств казаков, проводил джигитовку. Донцы продемонстрировали Менелику и его приближенным свою выучку, удивив эфиопов ловкостью владения конем и саблей.

Менелик щедро наградил казаков, а руководителю конвоя Краснову вручил офицерский крест Эфиопский 3-й степени...

Не успел Петр Краснов толком отдохнуть от трудного пути в африканскую страну, как его с важными донесениями отправили на родину. Обратный путь через пески и горы он проделал за одиннадцать дней, удивляясь выносливости своего мула. Потом опять пароход до Одессы и поезд уже до Санкт-Петербурга... Здесь его ждала заслуженная награда — орден Святого Стани-

слава 2-й степени, а от союзников России французского правительства орден Почетного легиона...

После Эфиопии куда только не забрасывала судьба Петра Николаевича. Побывал он в пострадавших от голода центральных губерниях, потом командировали в Курск на Большие маневры, после чего направили на границу Турции и Персии.

В 1901 году Краснов был уже на Дальнем Востоке: специальный корреспондент газеты «Русский инвалид» на китайской войне. И как результат — новая книга «По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии, Индии».

Краснов участвовал в войне России с Японией, за что был удостоен нескольких боевых орденов. А уже через год и несколько месяцев вышли его очерки о Русско-японской войне.

После революционных событий 1905–1907 годов Краснов закончил офицерскую кавалерийскую школу, ездил с командировками по казачьим войскам, получил чин полковника. Теперь он был назначен в 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича полк, что на границе с Маньчжурией...

Краснов пробудился, сел у окна. День только начался, но полковник всегда поднимался рано, сказывалась пропшая жизнь: частые командировки, упорная работа за письменным столом.

За окном вагона пробегали леса. Петр Николаевич знал: в Первопрестольной он пересядет на скорый поезд и тот привезет его в Петербург на Варшавский вокзал, а там, на Невском, ждет его жена Лидия Федоровна, Лидочка. Краснов обвенчался с ней по приезде из Эфиопии. Влюбился сразу, впервые увидев в театре. Камерная певица настолько увлекла его, что Краснова не остановили ни ее второй брак, ни ее родословная. Была она немка, дочь статского советника.

До своего отъезда в Джирекент полковник отправил на новое место службы верного адъютанта, хорунжего Алексея Любимова, с багажом и теперь собирал-

ся ехать налегке, взяв с собой жену да наброски к будущим книгам «Борьба с Китаем» и «По Азии». Книжки были давно уже написаны, но хотелось кое-что переделать, улучшить.

Возвратившись из Аддис-Абебы, Петр Николаевич выпустил две книги: «Казачи в Африке» и «Казачи в Абиссинии», сразу же привлечшие внимание читателя описанием необычных земель.

Провожая хорунжего, полковник наказал, чтоб квартира была удобной, просторной, с кабинетом для литературных занятий...

На Алексея Любимова Петр Николаевич полагался во всем. Он знал его еще по службе в Атаманском полку. Донской казак из станицы Константиновской был сыном крепкого хозяина, урядника Михаила Любимова. Одно время был атаманом, но годы взяли свое. Сейчас, по рассказам Алексея, отец сам уже не обрабатывал принадлежавшую ему паевую землю, а нанимал пришлых. Кроме причитавшегося ему и сыну надела отец арендовал еще несколько паев у станичного правления.

До службы Алексей обучался в Новочеркасском кадетском училище и мечтал об офицерских погонах. И когда получил чин хорунжего, был очень рад. Полковнику Краснову он служил преданно, помнил наказы отца: командира своего чти и звание казака не позорь...

Краснов частенько спрашивал у своего адъютанта, что пишет ему отец Михаил Алексеевич, какими событиями живет Дон и столица Войска Донского Новочеркасск.

В Джирекенте у маньчжурской границы Петр Николаевич бывал проездом еще в те годы, когда принимал участие в Русско-японской войне. В Главном управлении казачьих войск ему аттестовали 1-й Сибирский казачий имени Ермака Тимофеевича полк самыми лестными словами. Джирекент Краснов знал — захолустный город. Но Петра Николаевича заверили: при

первой же возможности из Азии его перебросят в европейскую часть России.

Полковник гадал, произойдет ли это до начала войны. А что война непременно грянет, он был уверен: тучи сгущаются. Россия в коалиции с Францией и Англией. Ей противостоит Германия и Австро-Венгрия. Как будут разворачиваться боевые действия? Нет сомнения, немцы и австрийцы откроют фронты на востоке против России и на западе против Франции. Основной удар, считал Краснов, примет на себя Россия. Не раз обращаясь к карте, полковник видел: на первом этапе русской армии придется отражать наступление австро-венгров. Австрийской и венгерской конницам Петр Николаевич отдавал должное, но был убежден: до казаков, их лихости, умения владеть саблей и пикой противнику далеко...

Вот и Москва. Краснов поднялся, попросил проводника прислать носильщика за саквояжем, а сам вышел на перрон.

Глава 2

Ванька проснулся с первыми петухами. Рассвет едва брезжил. От истопленной печи обдавало жаром. Мать возилась с тестом, и в хате пахло хмелем.

Ванька вскочил, наскоро ополоснул лицо, выскочил на баз¹. Сегодня он отбывал с казаками-призывниками в Новочеркасск. Оттуда их повезут к месту, где стоял 10-й Донской полк. Казакам уже было известно, что полк квартировал в царстве Польском, в городе Замостье. Шандыбе это ровным счетом ничего не говорило. Где такой город, он и не представлял. Да чего голову забивать: куда надо, туда и привезут.

Хуторские казаки отправились в Вешенскую, а из Вешек их уезжало уже десятка два. Уезжали весело: мир посмотрят и себя покажут. А что служить предстоит, так казака этим не удивишь. Казачья доля —

государю и отечеству верой и правдой службу исполнять. Так было всегда. Служил отец Ивана, служил дед, приказной десятник Донского полка. В бою под Таганрогом в Крымскую кампанию пал смертью храбрых прадед Шандыба. С того сражения земляки привезли в его курень жене, прабабке Ивана, Георгиевский крест и рассказ, как прадед лихо рубил врагов. За те его заслуги хуторское правление оказывало овдовевшей казачке подмогу...

Накануне отбытия на службу казаков-призывников урядник Пантелей строем ввел их в старую церковь, построенную еще при царе Петре Алексеевиче. Казаки-призывники вслед за священником повторили слова присяги, и урядник, поздравив их, сказал:

— Отныне вы присягнули служить на верность царю и Дону...

От реки тянулся осенний туман, расплываясь по улице. Отец вывел из стойла коня, провел по его гладким бокам гребенкой, проверил копыта. Вороной заржал призывно, ему откликнулись с соседнего база.

— Ты, сын, на службе за конем следи. Он за добром отплатит, в бою верным товарищем будет. Урядника Пантелея знаешь. Так его японец шрапнелью посек. Кабы не конь, там бы в Гаоляне лежать остался. А конь вывез к своим...

Чуть погода отец спросил:

— Мать пирожки в дорогу испекла?

— Кубыть так.

— Сала нехай завернет да луку надергает. В полку не балуй, смотри, к бутылку не пристрастись. Прознаю, со службы домой воротись, у меня приговор скорый, вожжами отхожу. В нашем роду к винному зелью дуже охочих не водилось...

Выступили к полудню. Отец собственноручно оседлал Воронка, проверил подпругу. После чего вынес пикю. От времени ее древко уподобилось кости.

— С энтой пикой дед твой и я службу несли.

Ванька вскочил в седло, мать принесла провизию и

открыла ворота. Захар Мироныч повел Иванова Воронка за уздцы, брат Мишка шел, держась за стремя. За воротами Иван распрощался со всеми и рысью поскакал мимо Варькиного плетня к хуторскому плацу, где собирались новобранцы.

В Вешенской их уже ждали. Из правления вышел урядник Пантелей. Крутанул ус, поправил фуражку.

— Ну, служивые, по коням!

Призывники вскочили в седла, выровнялись в строю. Урядник прикрикнул:

— Пики не заваливай!

На крыльце правления показались атаман и писарь, поздоровались.

Атаман заговорил:

— Служивые, хочу слово вам сказать. Там, в полку, помните, вы — донские казаки. Честь свою не роняйте. Случится война — недругу спину не кажите. Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Урядник Пантелей вас сопроводит до столицы Войска Донского славного города Новочеркаска. Он вам здесь на обучении дядькой был, как в вагоны погрузитесь, Пантелей в Вешки возвратится. А на месте примут вас отцы-командиры. Не доведи Бог, отпишут чего дурного, на станичном сходе ту писульку прочитаю, пусть сход вас судит...

Разобравшись по двое, вслед за походными бричками казаки тронулись в путь. Ехали, молчали. Каждый знал, что покидает станицу надолго. Оглядывались, и пока не скрылись из вида последние курени, желания разговаривать ни у кого не появлялось.

На развилке дорог — одна вела на Новочеркасск, другая на Миллерово — Ванька Шандыба вспомнил, как вез полковника Краснова на станцию, усадил в вагон, сам заночевал у товарища...

С рыси перевели коней на шаг. Семка Стрыгин голосисто завел:

По ком дева плачет,
По ком дева плачет...

И два десятка глоток дружно подхватили:

По ком слезы льет...

Шандыба Варьку голенастую вспомнил. Ну она-то по Ивану не заплачет и слезы не будет лить. Однако Шандыбу это не слишком и взволновало. За время службы еще не одну Варьку встретит. А возвратится на хутор и коли Варьку еще не засватают, попросит отца пойти за сватами, поклониться Кондрату...

Намедни проходила Варька мимо их куреня, в церковь к вечерне шла, так на Ваньку и взгляда не кинула. Шандыба хотел окликнуть ее, да раздумал — чего до поры гутарить: ишь, заносится.

И снова вспомнил полковника, которого в Миллерово подвозил. Сказывали, на Восток уехал. Небось, до генерала уже выслужился. Ванька невысказанное придумал: вот бы воротился он, Шандыба, со службы на хутор с погонями полковника, грудь в орденах, как у того Краснова. Что хутором — всем вешенским людом встречали бы. Сам станичный атаман перед ним вьюном вертелся бы. А он, Шандыба, мимо Варьки идет, в ее сторону не глядит...

Не успел Иван помечтать, насладиться несбыточным, как урядник команду подал:

— По-овод!

Качнулись пики, кони в рысь взяли. Зацокали копыта по высохшей земле, за клубилась пыль. Оглянувшись Шандыба: уже не только Вешек, но и Дона не видать.

* * *

В Новочеркасск прибыли верхнедонцы с Вешенской, с хуторов: пополнение в 9-й и 10-й казачьи полки. Распределялись по вагонам, занимали наспех сколоченные дощатые нары. По сходням заводили в вагоны-пульманы коней, грузили тюки сена, брички на платформы, закладывали в ясли корма. Дневальные поругивались, осаживали беспокойных коней.

Шандыбе с вешенцами достался хвостовой вагон.
— Братцы, — заметил Семка Стрыгин, — хучь бы не потеряли нас дорогой.

— Ничего, подберут! — ответили весело.

Вдоль состава, постукивая молоточком по колесам, шагал осмтрщик, открывал крышки букс, оглядывал смазку.

Шандыба, стоя у распахнутых дверей вагона, спросил:

— А скажи, господин хороший, до самого Замостья нас повезут?

Осмтрщик оставил вопрос без ответа. Семка Стрыгин полубопытствовал:

— Скоро тронемся?

— Когда время подойдет, так и поедешь.

— Суровый ты человек, господин хороший, — заметил Шандыба.

Весь день казаки томились в теплушках. Только в полночь эшелону дали отправление.

Когда все уже спали, поезд сипло засвистал и медленно двинулся. Четверо суток, с долгими остановками на узловых станциях состав тащился до границ царства Польского. Днем казаки, толкаясь у распахнутых дверей вагонов, разглядывали села и деревеньки, городки и местечки и удивлялись:

— Глянь-кось, до чего велика земля расейская!

— И повсюду люд живет!

— А хатки-то, хатки. И земля, братцы, не наша Донщина. Эвона озимая чахлая, ровно чахоточная, одни остяки стоят.

— Оттого мужики на Дон и едут. Им бы власть, они нашу землю меж собой поделили бы, — переговаривались казаки. — Пуцдай попробуют, враз руки потрубаем!

— Дон наш батюшка — вольный только для казаков, и земля наша паевая, мы за нее службу несем.

Семка Стрыгин Шандыбу слегка плечом толкнул:

— Слышь, Ванька, слух есть, ты на Варьку поглядываешь.

Парни засмеялись. Кто-то озорно выкрикнул:

— Варькин папаша ему женилку-то вырвет.

Иван поднес кулак к Семкину носу:

— Ты это брось, ино твой собачий язык укорочу.

Не миновать бы драке, да кто-то воскликнул:

— Дивись, вон ветряк на бугре! Прямо как у нас на хуторе.

Мельница-ветрянка работала, медленно вращались огромные крылья, рядом с лобастым курганом мужики с телег мешки с зерном сгружали.

— Эх, братцы, — сказал рыжий казачок, — любил первый осенний помол. Бывало, с ночи очередь занимали. На привозе нередко с иногородними схватывались: никто никому спуску не давал.

— И у нас на хуторе такой ветряк стоит.

— В наших Вешках вальцовка. Какой хошь помол делали, а уж крупчатку на пироги лучше нашей мельницы, считай, по всему Дону не мололи.

Солнце на заход спустилось, приблизились сумерки. Шандыба шинель на нарах раскинул.

— Спать, односумы. Чую, завтра на месте будем.

— Да уж скорей бы, какой-никакой горячей баланды похлебать.

Казачки улеглись, захрапели. Бодрствовали только дневальные, вглядывались в темень, негромко переговаривались:

— Как бы к утру дождя не нагнало.

— Вечером заря горела.

— К непогоде. В дождь выгружаться одна морока.

— Может, минует.

Паровоз натужно пыхтел, выбрасывая клубы сизого дыма.

— Эк раскочегарил!

— Зловредные энти людишки, машинисты паровозные из депо. Отец сказывал, первые бунтовщики в пятом году были.

— Смутьянов нагайкой поучить не грех...

— Да, не мешает в науку плеткой побаловать, ума вогнать.

Дневальный скрутил цыгарку, затянулся.

— Угости-ка, Никола, табачком.

— А свой-то придержи-ка?

— В сумке, а она на нарах. Не хочу ребят тревожить. Никола протянул кисет.

— У меня махра дерущая. Не сыпь много, щепотки хватит.

— Да я чуть-чуть и возьму. Махра у тебя духмяная, что есть, то есть.

— Дед самолично лист режет, а чего еще добавляет, не говорит.

— Я твоего деда знаю, у него баптан. Кавуны добрые, на пуд вытягивали. Хлопцами, случалось, забирались к нему, а он учует — палит из дробовика солью. Не доведи бог попадет, тогда и кавуну не рад.

— Тебе перепало?

— Случалось.

— Дед соль крупную заряжал.

Где-то блеснула молния. Заурчал гром.

— Гляди, Никола, дождь не за горой.

Первые капли застучали по крыше вагона. Вскоре дождь разошелся, повис стеной.

— Давай дверь задвинем, а то в вагон забивает.

* * *

Во Владимир-Волынский эшелон прибыл утром. Дождь хоть и прекратился, но грязь и хлябь кругом несусветная, на дорогах, на привокзальном базарчике. Намокшие тополя с обвисшей, еще не опавшей листвой, промокшая водокачка красного кирпича, пакгауз под потемневшей черепицей. Стаи воронья кружились с карканьем. От всего этого на душе Шандыбы сделалось грустно, хоть волком вой. Так ему захотелось домой, на свой хутор, где жизнь устоялась и все было обыденно. Теперь даже тяжелые полевые работы казались праздником.

А по эшелону перекатываются команды:

— Выводи коней!.. Седловка!.. Построение!..

Топот застоявшихся коней по трапам, окрики, брань. От базарчика, весело переговариваясь, брели несколько казаков. За ними плелся по лужам старый еврей, прося деньги:

— Пан казак, пане казаки, прошу гроши за курку!

Один из казаков оглянулся, погрозил кулаком:

— Ах ты, собачий сын пейсатый, да где ты видывал, чтобы за курку казак гроши платил? Ты приезжай ко мне на Дон, я тебе не одну курку дам.

Смеялись те, что унесли курицу, смеялись выгружавшиеся из эшелона, смеялся Шандыба, только несчастный торговец, безнадежно опустив руки, стоял по щиколотку в луже...

Свел Ванька Воронка, вынес седло с войлочной попоной, накинул коню на спину, подтянул подпругу. Хотелось есть. Иван вытащил из торбы четвертинку сала и засохшую лепешку, принялся жевать. Тут раздалось:

— По коням!

Так и не поев, Шандыба очутился в седле. Разобравшись по трое, казаки выехали на большак, что вел к Замостью.

По правую руку остался Владимир-Волынский. Над городом высилась соборная колокольня, постройки, дома с островерхими крышами, крытыми черепицей, край зубчатой стены, увитой зеленым плющом. А по холмам лесные массивы. Донцам непривычно. Иван глазел и ахал: вот не думал не гадал, что мир такой разнообразный. Дома степи привольные, Дон величавый, курени-хаты глинобитные, плетнями огорожены. У богатого казака хаты мало чем выделяются, разве что повыше да цинком крытые. Зайдешь в лавку, ее магазином редко кто именует, все на полках: мануфактура в штуках, железоскобяные изделия, шорно-седельная продукция в углу свалена, а на видном месте карамель и пряники...

У редкого казака баз душу не радует: одна-две лошади, коров несколько, а что до птицы, так ее по двору не-

счетом бродит. А тут давеча в крик пан ударился: курицу унесли. Еще самую малость — и заплакал бы пан...

Шандыба про курицу вспомнил, снова есть захотел. Достал сало, хлеб, принялся жевать. Видать, смачно ел, Семка тоже к торбе потянулся. Сказал, повернувшись к Шандыбе вполоборота:

— Ты, Ванька, на меня зла не держи. Я про Варьку так, для красного словца приплел.

— В другорядь гавкнешь, не посмотрю, что станишник.

— Хочешь, у меня сомятина вяленая есть.

— Катись ты со своей сомятиной.

Долго ехали молча. Дорога вела вдоль реки: то подходила к самому берегу, то удалялась.

— Ноне самое время рыбное, жир нагуливать в зиму, — заметил Иван.

Семен не ответил. Чуть погодя сказал:

— Я прошлым месяцем в станичном правлении сидельцем отбывал и слышал, как атаман гутарил, будто в нашем десятом Донском полковником Краснов.

— Брешет. Полковник Краснов Ермака Тимофеевича полком командует где-то у китайской земли. Я его самолично из Вешек в Миллерово доставил.

— Да нам все одно, хуч поп, хуч попадья.

— По мне бы, лучше попадья. Слушай, Семка, а отчего попадья всегда в теле? У нашего батюшки вон какая задастая.

— Так то у нашего, а я вот в Мечетке был, так там худющая, одни мослы. — Семен на Шандыбу посмотрел. — Что ты, Ванька, о попадье речь завел?

— Я? Ты попервах начал. А бабы они и есть бабы.

— Эх, отслужу, приведу в курень казачку, да поядреней... Я бы ее что ту кобылицу объездил.

— Норовистая скинет, да еще лягнет.

— Обратаю.

— Ну-ну.

С головы колонны урядник голос подал:

— Песельники!

— Семен, это по твоей части.

Семка, что петушок на заборе, встрепенулся.

— За-певай! — крикнул урядник.

Ехали казаки
С Дона до дому,

завел Семка, и тут же десяток глоток с присвистом подхватили:

Подманулы Галю,
Забрали с собою...

***

Телефонограмму из штаба о своем новом назначении Краснов воспринял как должное. За два года службы в Семиречье он дважды исполнял обязанности командира бригады. Командиром полка Краснов слыл суровым и педантичным, требовал от подчиненных точного выполнения своих указаний, соблюдения расписания строевых и учебных занятий. Его 1-й Сибирский казачий полк имени Ермака Тимофеевича на смотрах обычно занимал первые места и удостоивался самых высоких похвал. Дважды в год приезжала от штаба войск Семиреченской области комиссия для проверки полка в целом и подготовки личного состава...

Поэтому перевод в Замостье Краснов воспринял как явление закономерное, тем паче ему ранее это было обещано. Конечно, Замостье не Петербург и не Москва, но все-таки не Азия. Там, в Джирекенте, в первые месяцы Краснову было особенно трудно. Полковые учения, плац, верховая езда, джигитовка. Конные марши к границе с Монголией. Леса и сопки. Походные биваки у слияния Аргуни с Шилкой. Штабное учение у Онона. Полковнику Краснову не раз приходила мысль, что где-то здесь, у голубых вод Онона, собирал курултай² великий Чингизхан и здесь родилась у него дерзкая мысль о покорении мира...

В Джирекенте все общение супругов Красновых ограничивалось офицерским собранием. Лидия Федоровна скучала по столице, и Петр Николаевич отправил ее домой. После отъезда жены Краснов все свободное от службы время уделял литературе. Подпучивал над собой: придет время — все наброски созреют... К моменту, когда предстояло оставить полк, Краснов успел напечатать несколько рассказов. Публикациям он счет не вел.

Краснов никогда не задумывался на тем, все ли, что выходит из-под его пера, заслуживает внимания? Он был убежден твердо: коли печатают, значит, должны читать. А потребность писать захватывала.

Наконец, настал день и час, когда полковник Петр Краснов, распрощавшись с полком, сел в вагон. Покидал Джирекент со сложным чувством. И не потому, что предстояло начинать новую службу. 10-й Донской казачий полк он знал, общался с прежним его командиром и некоторыми офицерами. Да и казаки были в основном с верхних станиц, к ним Краснов питал теплые чувства еще со времен, когда был адъютантом командира полка атаманцев.

В последнее время Петр Краснов чувствовал, что в мире зреет военный взрыв. Грядет война, и будет она мировой. Сложилось противостояние сил. С одной стороны Англия, Франция и с ними Россия, с другой — Германия и Австро-Венгрия, к ним уж непременно привяжется Турция.

Иногда Петр Краснов думал, почему Россия впряглась в англо-французскую колесницу, ведь издавна она семейными узами была связана с немецким двором. Вот и жена императора Николая немка. Краснов видел Александру Федоровну: в прежние годы она часто посещала лейб-гвардии казачьи полки, бывала на всех парадах. Петр Краснов считал ее красивой, интересными были и ее дочери.

Так почему же все-таки Англия и Франция? На самом-то деле полковник давно знал ответ. России нужны Балканы и черноморские проливы. Материковая

Франция еще может вести войну с Германией и Австро-Венгрией, однако чтобы Англия послала своих солдат воевать в Европе — в это Краснов верить отказывался. Если же в боевые действия вступит и Османская Турция, России придется открыть фронт на Кавказе.

Достав из портфеля карту Европы, Краснов разложил ее на столике у окна. Вот Замостье. От него до австро-венгерской границы совсем близко. Значит, если предстоит воевать, то с австрийцами и венграми. На этом направлении казаки столкнутся с кавалерией противника. Этого Краснов не страшился. Он знал: лихость казачья, сила их конной атаки не имеют себе равных. Об этом он писал в своих книгах. Что ж, теперь, пожалуй, уже в недалеком будущем теория будет проверена в предстоящих сражениях...

Петр Николаевич вышел в коридор, стал у окна. Вагон безлюдный, лишь в дальнем купе ехал в столицу какой-то чиновник, но держался он отчужденно, едва поклонился, и на этом общение закончилось.

За окном тянулись сибирские леса, рубленные, вековые, станционные постройки. Полковник подумал, какую трудную работу проделали строители сибирской железной дороги. Прежде Краснову это и в голову не приходило, но вот накануне войны с Японией он впервые проехал сибирским путем и понял, как трудно все досталось России. И не капиталы, вложенные в дорогу, не инженерная планировка поразили его, а строители, мужики, которые прокладывали рельсы, насыпали гравий, укладывали шпалы. Всю грандиозность инженерной мысли наши мужики воплотили своими руками: топорами рубили лес, на тачках подвозили песок. Тогда-то он по-настоящему прочувствовал строки Некрасова: «Труд этот, Ваня, был страшно тяжелый, не совладать одному...»

Краснов пригладил ладонью волосы, тронутые редкой сединой. Сорок четвертый год живет он, сколько повидал, поездил. О многом уже написал, а сколько еще предстоит написать...

Изредка поезд подавал сигналы, они замирали в тайге. Таежная глушь проглатывала паровозный дым. Скоро поезд пересечет уральский каменный пояс, и тогда потянутся за окнами вагона европейская Россия.

В Санкт-Петербурге Краснов задерживаться не намеревался: дня три-четыре проведет дома, побывает в Главном Управлении Казачьих Войск, и отправится в Варшаву, а за ней и в Замостье.

Глава 3

На вторые сутки пополнение 9-го и 10-го Донских полков прибыло в Замостье. День клонился к вечеру. Старослужащие окружили вновь приехавших, выискивали станичников, узнавали новости из дома. Казаки шумели, гомонили. Шандыба повстречался со второгодком Степкой Усом, хуторским соседом. Иван достал из торбы сверток с подарками от родителей Степана:

— Отец с матерью кланяться велели. Урожай ноне добрый, кобыла ожеребилась. Любку, сестру твою, замуж готовят — на Покрова свадьбу справят. Ну, а как тут служба?

— Служба как служба, послужил — понюхаешь.

— Слышь, Степка, говорят, у вас полковником его превосходительство Краснов?

— Днями приехал. Тебе-то откель известен?

— Позапрошлым летом в Миллерово на станцию отвозил.

— Куды как знакомец. У соседа забор горел, наш кобель зад грел.

— Гляди, Степка, я и обидеться могу.

— Чего там. В одной сотне служить будем, а наш есаул Гаража ого как вашего брата чтит. Он вас до седьмого пота гонять будет.

— Не пужай, аль забыл станичного урядника Пантелея? Чай, помнишь, как он нас не миловал.

— То был Пантелей, а это Гаража. Ну, довольно. За передачу и поклон спасибо. По службе во всем за меня держись. Да торбу, ежели ишло чего домашнего осталось, доглядай. Хлопцы наши враз опорожнят.

Ушел Ус. Не успел Шандыба осмотреться, как командовали построение. Перед вновь прибывшими появился есаул Гаража, прошелся вдоль строя новобранцев, державших коней на поводу. Ловким движением сбил фуражку на затылок:

— Здорово, казачки! Поздравляю с прибытием в наш славный 10-й Донской казачий полк имени генерала Луковникова! Верю, что будете верно служить Государю и Отечеству, как отцы ваши и деды, не посрамите Дона.

— Рады стараться, ваш благороды! — рявкнули хором новобранцы так, что дернулись в поводьях кони. А Гаража продолжал:

— Урядники обучат вас конному и пешему бою. Слушайте их, и в час грозный для Отечества вы не дрогнете ни перед внешним, ни перед внутренним недругом...

В оставшийся до отбоя час новобранцы развели коней по денникам², заложили сена в ясли и, оставив торбы в казармах, отправились к навесу, где дымила походная кухня.

Дождался Ванька своей очереди, протянул свой и Семкин котелки. Повар в измазанном жиром халате ловко плюхнул по черпаку иппенной каши, заправленной пережаренным салом:

— Налетай, казаки, налетай. Тут первую храбрость проявляй...

Ночь Шандыба странный сон увидел. Явился ему есаул Гаража и голосом повара кричит:

— Тут, казачки, храбрость нужна!

И черпаком потрясает.

Утром рассказал сон Степке Усу, тот посмеялся:

— Сны, Ванька, казаку по службе ну ни с какой стороны не нужны. Как измотаешься, дай бог голову до

подушки успеть донести. Ничего, привыкнешь, Шандыба, оботрешься...

В то утро у Ваньки ссора с дневальным по конюшне вышла. Показалось, что его Воронку сена в ясли мало заложили.

Услышал урядник, прищурился:

— Споришь? В ночь в наряд по конюшне заступишь.

А дневальные коню норму полной мерой отмеряли.

То был первый урок Шандыбе. Ус пояснил:

— Считай, малым отделался, Ванька...

* * *

Офицеры 10-го Донского казачьего полка были довольны своим новым командиром. Полковник не выскочка, все ступени армейской службы честно прошел, в Японскую войну воевал. Известный литератор. К казакам строг, но справедлив.

По приезде Краснов выступил в офицерском собрании:

— Господа, я принял полк в надлежащем состоянии, за что благодарю вас. Однако требую, сохраняя дисциплину, обратить внимание на боевую выучку казаков. Чует мое сердце: наступает время, когда каждый казак проявит верность престолу и Отечеству.

Чуть помедлив, полковник обвел взглядом собрание:

— Господа! Император Александр Второй велел вписать в Устав: защита Отечества — священный долг каждого гражданина России...

По утрам полк поднимали трубачи: играли зорю. После завтрака объявлялись седловка и построение.

Учения проводились на плацу за Замостьем. Из города выступали сотнями, под звуки оркестра. Кони по масти: вороные, караковые, гнедые, рыжие, буланы...

Шандыба со своим Воронком попал в сотню есаула Гаража и вместе с Семкой оказался в подчинении у Уса.

В первый день, когда казаки только в Замостье были, Шандыбу Степка Ус есаулом Гаражой стращал.

Однако если кто и лютовал, так это Степан, особенно когда его в приказные произвели. Уж он в обучении своего десятка старался отличиться.

В джигитовке, в скачках и рубке лозы Иван и Семка другим не уступали, этому их еще в Вешках урядник Пантелей научил. Но вот в пешем строю и когда ползать по-пластунски пришлось, Ус всю поизмывался.

Семка злостью исходил:

— Мать его так, слышь, Ванька, откель у твоего соседа ярость, ровно у кобеля, которого мясом сырым кормили? Кубыть мы солдаты, а то ведь казаки. Нам сподручней пика и сабля...

К зиме всем вручили укороченные винтовки — карабины: начались стрельбы, штыковой бой, чистка оружия. Шандыба с трудом выкроил время, чтобы написать домой письмо. Передавал всем приветы, на трудности не жаловался, все равно бы его не поняли: служба есть служба, служил отец и дед и прочие предки Шандыбы. Сообщил в письме, что Степка Ус приказный и его, Ивана, первый начальник. Брату Мишке посоветовал урядника Пантелея слушаться, его обучение в науку идет...

Сочинил Иван письмо, и так хотелось ему передать привет Варьке, но не осмелился. Зато о том, как Воронка содержит, упомянул. За коня отец спрос особо учинит...

Еще хотел отписать Шандыбе о полковнике Краснове, да прозвучал отбой, а с утра снова начались учения.

С полковником Иван на плацу столкнулся. Увидел, во фронт вытянулся. Краснов Шандыбу не узнал. А Ванька неожиданно для себя осмелился:

— Ваше благородие, дозвоьте слово молвить.

Остановился Краснов.

— О чем?

— Ваше благородие, я вас из Вешек до Миллерово довозил.

— А, вот что. Как фамилия твоя, казак?

— Шандыба, ваш благородь.

— Ну службы, казак, исправно, старайся.

С тем Краснов и удалился. Семка спросил:

— О чем с полковником гутарил?

Пересказал Иван, а Семка ему:

— Напрасно ты, Ванька, на Уса не пожаловался.

— Полковнику не до приказного, коли и внял, то ответственность бы: тебя, казак, приказной уму-разуму наставляет. А дошло бы до Степки, он бы шкуру с меня спустил.

— Это так. А я, Иван, в прошлом разе пустил коня по станкам и вместо лозы едва ему ухо не срубил. Страху набрался — поныне дрожь пробирает. Да отвел Бог от греха.

***

Штаб полка располагался в имении пана Жилинского. Здесь же в отдельном флигеле жил и полковник. Он часами изучал карты предстоящих боевых действий. Однажды, собрав офицеров штаба, указкой провел по карте:

— Господа, обратите внимание на подготовку театра предполагаемой войны. Вот государственные границы будущих враждующих сторон: России, Австро-Венгрии и Германии. Что бросается в глаза?

— Я вижу, Петр Николаевич, значительные различия путей сообщения и инженерной подготовки, — сказал начальник штаба.

— Совершенно верно, — согласился Краснов. — Это результат столетней давности, времен Венского конгресса⁴. Он, как известно, не преследовал стратегических целей, а исключительно политические. Под флагом российского государя Александра Первого образовалось царство Польское с населением, часто враждебным России, в котором еще жил дух Речи Посполитой. Галицийские же области тяготели к Российской империи, но достались Австро-Венгрии. Именно здесь пограничная линия нигде не совпадает с естественными

преградами. Вот реки Неман и Висла... Карпатский хребет — тыл австрийской армии. Постараемся, господа, поставить себя на место австрийского командования. Предположим, оно станет подтягивать свои войска к границе Российской империи.

Краснов постукал пальцем по карте:

— Хоту услышать, господа, как в масштабе казачьего полка будете поступать вы? — Взгляд полковника остановился на хоружем Любимове.

— Действовать в соответствии с распоряжением вышестоящего штаба, господин полковник.

— Гм! Прошу высказываться всех, господа, согласно чину.

С хоружим согласилось большинство офицеров. Требуется, говорили они, узнать планы штабов. Краснов внимательно выслушал присутствующих, в заключение сказал:

— Господа, наши действия ни в коей мере не должны носить характер самостоятельности и полностью будут зависеть от общего стратегического плана и фронта. Но надо учитывать, что казачий полк — это маневренная часть. Она в состоянии использовать прорыв даже на малом участке фронта и пройти по тылам противника. Но еще раз подчеркиваю: наши действия будут полностью соответствовать общим разработкам. Российский Генеральный штаб держит их в секрете. О них можно лишь догадываться по перемещению войсковых соединений.

Держали в тайне свои планы будущей войны и германский и австро-венгерский штабы Верховного командования...

***

Весь маневренный период предстоящей войны на Восточном фронте, по мысли воюющих сторон, должен был разворачиваться преимущественно на территории западной пограничной полосы Российской им-

перии и сопредельных провинций Восточной Пруссии, Западной и Восточной Галиции.

Верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич и начальник штаба генерал Янушевич разделили весь фронт на Северо-Западный с командующим генералом Жилинским и Юго-Западный с командующим генералом Ивановым. В задачу Юго-Западного фронта входило: разгромить австро-венгерскую армию и не дать отойти из Галиции значительным силам противника на юг, за реку Днестр, и на запад, на Краков.

В соответствии с разработанным планом развертывались и силы. На Юго-Западный фронт прибыли четыре армии, в том числе 8-я генерала Брусилова. В состав ее входила и Краоянская бригада, состоящая из 9-го и 10-го Донских казачьих полков.

Будучи опытным офицером, Краснов понял предполагаемый замысел российского Генерального штаба. На карте это выглядело заманчиво и оправданно. Но стратегия одной стороны подчас нарушается стратегическим планом другой...

Что касается стратегии Юго-Западного фронта, то наступление здесь русской армии должно было преследовать концентрическое движение всех войск фронта с целью окружения противника с обоих флангов.

Анализируя эту тактику, Петр Николаевич понял: в российском Генеральном штабе исходят из превосходства сил русской армии. Ни генерал Янушевич, ни главнокомандующий великий князь Николай Николаевич не хотят признать, что Австрия подтягивает на этот фронт новые силы, в том числе перевозит из Сербии свою 2-ю армию.

Краснов пришел к выводу, что его предполагаемый план вторжения 10-го Донского полка в тыл противника будет оправдан...

В тревожном ожидании прошла весна 1914 года.

* * *

К лету Краоянская бригада перебазировалась к городу Томашовке — на полпути от Замостья к австрийской границе.

Получив предписание, полковник Краснов отдал распоряжение готовиться к переходу. В кузницах застучали молоты: перековывали лошадей, перетягивали шины на бречках. Свертывали и грузили на фуры полковой скарб, штабное имущество, казну. Отъехали лазаретные двуколки, за ними отправились походные полковые кухни.

Трубы возвестили построение, и на плацу в каре выстроились сотни. Раздалась команда «Смирно!», казаки замерли: знаменосец с помощником вынесли зачехленный полковой стяг. Появился полковник Краснов, который, приветствуя, объехал строй. Последовала команда, и полк походным порядком выступил из Замостья. Предстояло преодолеть за сутки сто верст пути с четырехчасовым ночным привалом.

Первый день выдался жаркий, припекало солнце, клубилась пыль. Казаки были при полной амуниции: пики, сабли, на спинах карабины.

Едва выехали из Замостья, как Семка сказал:

— На войну едем, Шандыба.

Промолчал Иван, да и о чем говорить? Неспроста вся бригада к границе тронулась. На душе тревожно. Что ждет в бою? Раньше о том не думал, все казалось обыденным. Воевали в прошлом, будут воевать и в будущем. Но тогда это не касалось его, Ивана. А ныне сразиться, судя по всему, предстоит с врагом грозным: вон какой силой на него выступили. Полками, дивизиями к границам подтягиваются.

Иван и помыслить не смел, что его убить могут. Однако боязно, по коже мурашки ползают. Рука, удерживающая пику, делается влажной. Иван даже себе не хочет признаться, что ему страшно. А тут еще Семка бубнит:

— Слышь, Шандыба, коли что случится, давай друг дружку держаться. Помнишь, урядник Пантелей сказывал: «Войны, казаки, не пугайтесь».

— Он, может, и не пугался, — вздохнул Иван, — вон Георгий заработал.

— А ты думаешь, Шандыба, я пужаюсь? Это попервой так. Война ведь казаку мать родна.

— У Степки Уса дед с Балканской войны медаль привез. Похвалялся: сам генерал Скобелев нацепил.

— Мы, Шандыба, тоже рода казацкого. Может, и мы с крестами в Венки воротимся.

Степка Ус услышал, захохотал:

— И кура петуком поет...

***

Верстах в тридцати за Томашовкой на краю леса полк остановили, велели разбить лагерь. Вырубили кустарник, поставили повзводно палатки, для господ офицеров отдельные, штабную, лазаретную, коновязи с навесами для коней, чтобы в ясли дождь не забивал и сено с ячменем не промокли. Для казака конь — святое дело. Сам пояс затяни, а коню сполна дай.

Поставили укрытие для полковой батареи. Задымили походные кухни.

Краснов лично наблюдал, как полк обустраивается. Особенно придирчив был к навесам для коней, хмурился, если замечал какое-то упущение.

У палатки, где разместился полковой оркестр, играли трубы, капельмейстер занимался с музыкантами.

Проверив, как несут службу дневальные, пройдясь по лагерю, Краснов выслушал доклад хорунжего Любимова о выставленных постах. Зашел в штабную палатку, с начальником штаба склонился над картой. До границы оставалось верст пятьдесят.

— Валериан Дмитриевич, завтра мы будем на границе. Если уж нам велено сюда подтянуться, значит, на этом участке и войну примем. Давайте подумаем, что нам австрийцы готовят.

Начальник штаба кивнул:

— Да, Петр Николаевич, скоро пушки ударят...

На рассвете на автомобиле выехали к границе. Краснов с начальником штаба позади, рядом с профессором хорунжий Любимов. Ехали молча. Машина бежала по накатанной дороге, пофыркивая мотором.

— Хорошее дело — автомобиль, — сказал, нарушив тишину, начальник штаба.

— Хорошее. Но мне желаннее конь. — Краснов усмехнулся. — Помните, как у Лермонтова: «Конь же лихой не имеет цены...»

— Это в вас, Петр Николаевич, кровь предков заговорила.

— Возможно... Мне редко доводилось бывать на Дону, дышать степным раздольем. Иногда ловлю себя на том, что мне в жизни недостает Донщины. — Краснов снял фуражку, потер лоб. — Знаете, о чем я подумал: закончится война, непременно уйду из армии и поселюсь на Дону. И не в столице Новочеркасске и не в пролетарском Ростове, а в какой-нибудь небольшой станице, чтобы река рядом и сады. По утрам сети заводись, а в них сазан пудовый бьется...

— Вы, Петр Николаевич, романтик. Если из армии уволитесь, сплошь литературой займетесь?

— Обязательно. А что до романтика, так у Красновых в роду все романтики.

— Читал я ваши произведения, отдаю должное.

Краем уха хорунжий Любимов слушал разговор, вспоминая свою станицу Константиновскую, зори на Дону. В безветренную погоду река замирает. Медленно выползает солнце. Сначала покажется краем, скользнет по воде, пробежит по станице, по садам. А вскорости и целиком выкатится: большое, румяное...

У самой границы остановили машину. Краснов с начальником штаба проехали к горке, отсюда открывалась галицийская земля. В стекла цейсовского⁵ бинокля были хорошо видны поля, городок Любеч, станица, постройки, водонапорная башня и австрийские солда-

ты. С платформ они скатывали пушки, снимали зарядные ящики. Из вагонов-теплушек выводили лошадей. Куцехвостые битюги шли по сходням, ездовые вели их к орудиям.

— Готовятся австрияки, — заметил начальник штаба.

— Немецкая пунктуальность сказалась и на австрийцах. Они уже давно готовятся к войне. Я думаю, немцы планируют основной натиск на Россию со стороны Галиции силами Австрии. Галицийский фронт на востоке они считают главным. А свои ударные части направят на западе против французов.

— Думаю, вы правы, Петр Николаевич. События так и будут развиваться. В Пруссии, на Северо-Западном фронте, как известно, всего две армии сосредоточились против генералов Самсонова и Раниенкампа.

— Там театр боевых действий болотистый. Мазурские болота для войск российских опасность таят...

Краснов помолчал, разглядывая вражескую землю.

Муравьями сновали солдаты. Маневренный поезд подтащил несколько новых вагонов, из них началась выгрузка военного имущества.

Краснов снова заговорил:

— Боеприпасы подвезли. Основательно готовятся. Помните, Валериян Дмитриевич, разбирая одно из штабных учений, мы с вами пришли к решению, как надобно действовать казачьему соединению в составе даже одного полка?

— Естественно.

— Вот это решение мы вскоре и выполним...

Глава 4

Захар Миронович Шандыба к воскресной заутрене приходил раньше всех. К началу службы поставит свечи святому Пантелеймону Исцелителю и всем святым, помолится о здравии, удачной службе в чужеземном краю сына Ваньки, потом станет поближе к алтарю,

чтобы никто не помешал слушать проповедь отца Иеремии. А священник хорошо говорил и все пояснял доходчиво, понятно.

Отбыв заутреню, Захар Миронович направлялся к хуторскому правлению, где к тому времени собирались родственники служивых в ожидании писем.

Почтарь выносил сумку, выкрикивал счастливец, вручал конверты. Захар Миронович нового письма не ждал; получил в прошлом месяце, однако шел послушать: что делается в мире, какие вести.

В то утро в толпе встретил соседа Уса, кума: Сергей Минаевич крестил Захарова меньшего, Мишку. Спросил:

— Чай, письма от Степки дожидаясь? Может, чего и о Ваньке моем отпишет?

Минаевич на уши туговат, приложил ладошки трубочкой, весь во внимании. Тут почтарь выкрикнул его фамилию, и Ус пробился к крыльцу.

Почтарь вручил плотный конверт, заметил:

— Не иначе, сын карточки прислал; тяжелое.

У Сергея Минаевича руки дрожали, куда конверт вскрывал. Вытащив карточку на картонке, расплылся в улыбке.

— Ты глянь, Захар, какой Степка казак бравый. А это кто же с ним рядом? Кажись, офицер. Прочитай-ка, кум, что там на обороте написано.

Шандыба прищурился, отстранил карточку подалее от глаз, прочитал по слогам:

— Снялись мы у фотографа в городе Томашове с моим командиром хорунжим Алексеем Михайловичем из станицы Константиновской. Посылаю на добрую память. Ваш сын, приказный Степан Сергеевич Ус.

Сергей Минаевич даже в ладоши хлопнул:

— Ай да Степка! Гляди-ка, кум Захар, так и пишет: приказный. Эвон, к концу срока в урядники выбьется. Как считаешь?

— Может, и в хорунжии. Неспроста рядышком с хорунжим стоит.

— Да, Степка мой не из таких, что без чинов служат. Дай срок, воротится, еще и в атаманах походит. Пойду бабку свою порадую.

Шли улицей к Дону, переговаривались. Сетовали на трудную зиму: снежная и волки разгулялись. Да и весна не дюже баловала. Но слава богу, пережили, озимые хорошие, в рост удались, да и яровые отсеяли. Вон какие хлеба уродились, теперь бы ведро и в срок убрать.

Сергей Минаевич крестника Мишку похвалил: и казачок славный, и помощник, видать, неплохой...

Тут навстречу старикам Варька оказалась. Гордо голову несла, однако поклон отвесила.

Сергей Минаевич Варьку окликнул:

— Погляди, дочка, Степка какой, уже в приказных ходит. Со службы воротится — сватов к тебе зашлем. Пойдешь замуж за него?

Варька косу за спину кинула, головой тряхнула:

— Пушай воротится, тогда погляжу, чего он стоит.

И пошла своей дорогой. Шандыба хмыкнул, а Ус вслед Варьке проворчал:

— Ох и девка, вожжи по ней скупают.

— Дело молодое, Минаич. Поди, забыл, какими сами были, как девок замуж брали.

— Я-то свою битую взял: отец с детства к почтению приучил.

— Моя Матрена тоже без норова оказалась. Ни разу рука на нее не поднялась... Степка-то про Ваньку ничего не отписал?

— Когда ему отписывать. У Ваньки какая служба: коня почистил да с котелком на кухню сбежал. А Степка приказный, ему за других ответ держать...

У своих хат, что через дорогу оконцами друг на дружку смотрят, старики расстались.

***

Полковник Краснов возвращался из штаба бригады поздним вечером. Фары автомобиля высвечивали до-

рогу, выхватывали обочину: деревья, кустарники. Водитель вел машину осторожно. Хорунжий Любимов на переднем сиденье, подавшись к стеклу, всматривался в дорогу. Петр Николаевич, откинувшись на подушки заднего сиденья, прикрыв глаза, думал о жене Лидии Федоровне — в штабе ему передали письмо из Санкт-Петербурга. Жена писала: обустроилась, ни в чем не нуждается, горничной и кухаркой довольна. Интересовалась его службой, рассказывала, что в столице только и разговоров о предстоящей войне. Писала о святом старце Распутине, который вхож во дворец и пользуется у государыни большим доверием оттого, что может лечить наследника цесаревича, когда у того случается плохо с кровью...

Краснова в штабе бригады встретили хорошо. Его точку зрения на действия казачьей конницы в войне полностью поддержали и заметили, что с Красновым согласен командующий 8-й армии генерал Брусилов. Полковник считал Брусилова генералом знающим, изучал его труды по стратегии и тактике.

Получив поддержку в штабе, Петр Николаевич мысленно уже принял решение передислоцировать свою часть, подтянуть ее непосредственно к самой границе. В таком положении полк получит высокую маневренность и будет готов нанести первый удар.

Молчание нарушил хорунжий Любимов:

— Ваше превосходительство, ужели не миновать войны?

— Да, Алексей, война неизбежна. И будет она мировой. Много стран вяжутся в нее.

— Значит, и затяжной.

— Бесспорно. На чашу весов будет брошена не только техническая мощь воюющих сторон, но и экономический потенциал. Я убежден: технически Германия очень сильна, но экономический потенциал России сильнее... Думаю, все решит первый год войны. Как развернутся боевые действия, насколько крепок дух. Русский солдат и казак сильны верой в царя и Отече-

ство. Нам бы эту веру сохранить, тогда сохраним Россию и одержим победу.

— Дай Бог, ваше превосходительство.

— Будем надеяться на лучшее.

Подъехали к лагерю. Дозорные, узнав машину полковника, подняли шлагбаум.

Отбой уже был, но начальник штаба ждал Краснова. Полковник принял рапорт дежурного. Начальник штаба, одернув мундир, вышел навстречу. Краснов протянул руку, поздоровался:

— Вероятно, хотите узнать, как съездил? Война на пороге. Наши соображения приняли, так что, Валерьян Дмитриевич, с утра поднимаем полк.

* * *

Выдвинулись почти к самой границе. Краснов был убежден: полк расположился здесь ненадолго. Ждали приказа. Не было дня, чтобы полковник не выезжал на возможные участки прорыва. С начальником штаба и командиром батареи выбирали места, где удачнее всего можно было прорвать фронт.

Постоянно выставлялись сторожевые посты. В один из них попали Шандыба со Стрыгиным да еще два хоперца, старшим — Степан Ус. Пост им достался на развилке дороги, одна вела на Любеч, другая — на Новгород-Северский.

Выехали с утра, когда густой туман еще не развеялся: кони будто плыли. Место выбрали удачное. Лошадей укрыли в кустарнике, сами сели в овражке. Наблюдение вели с небольшой возвышенности, откуда во все стороны было видно. Едва туман рассеялся, как открылась округа. Первым отсидел в засаде Шандыба, его сменил Стрыгин. Прилег Иван на траву, сорвал травинку, прикусил, пожевал. Вспомнил, как в детстве молочай ели. Прежде на ладони покачают, пока из него не перестанет выделяться горькая белая жидкость. Да еще приговаривают: «Молочай, молочай, на кобыле покачай...»

Рядом Степка Ус развалился, пускает дым в небо. Шандыбе курить не хотелось. Редко когда сигарку свернет, затянется.

Смотрит Ванька в небо — белесые облака плывут, ровно стая лебедей. Хоперцы меж собой переговариваются. Один из них перед уходом на службу женился. Сам, может, и не стал бы, да отец крутой оказался. Как прошел слух, что сын деваху ославил, кнут на нем обломал, после чего заявил: женить тебя немедленно, кобеля непутевого. И в неделю свадьбу сыграли.

Теперь хоперец все вспоминал со смехом. Товарищ слушал, сокрушался:

— Тебе хорошо, а я ишло с девкой вдосталь и не миловался.

Шандыбе вспомнилось, как собирали его на службу. Мать все сетовала:

— Если б Ванька оставил нам невестку, все б легче было. Старая я, в хате помощи нет. А от мужиков, от отца твоего или Мишки, какая подмога...

Ус докурил, начал похрапывать. Шандыбу тоже в сон потянуло. Глаза сами закрываются. Почудилось, будто отец Захар Мироныч перед ним стоит, хмурый. «Не спи, — говорит, — сукин сын, в дозоре».

Ивану сон будто рукой отвело, сел. Слышит голос Семкин:

— Австрияки!

Стрыгин, запыхавшись, скатился под бугор. Ус вскочил:

— Где?

— Там, — Семка рукой указал, — разъезд, человек десять.

— Далеко?

— С версту отсюда.

Степка, чуть помедлив, команду подал:

— Выводи коней, готовься к бою, — и побежал к лошадям, на ходу приказывая: — Брать будем в пики и сабли. Стрельбы не поднимать. — И уже с коня: — С Богом, донцы.

У Шандыбы сердце екнуло. Сказать, что боязно, — так нет. Азарт почуял, вроде на охоту выбрался.

Не торопясь выехали из балочки. Коня шли по жнивью тряской рысью. Ус повторял:

— По первах в пики бери, потом в сабли.

Австрийцев увидели в полуверсте. Те ехали кучно, в серых мундирах, кони кургузые рыскали прямо на казаков. Обнаружив противника, не повернули, а наоборот, погнались навстречу. Видно, решили: русских мало, сомнем. Степка голову набычил, только и выкрикнул:

— И-эх, братцы!

Шандыба повод Воронка отпустил, следом Семка и хоперцы скачут.

Выставил Иван пику, в ушах ветер, конь в беге пластается. Переднего австрияка хорошо разглядел: у него от крика рот перекосило, глаза злые. Иван только и подумал: увернется австрияк от пики, рубанет саблей — и прощай жизнь казачья... Ан нет, хрястнуло дрезко, чуть из седла Шандыбу не выбросило. Откинул Иван пику, выхватил саблю. Тут на него другой австрияк наскочил, схватились. Отбил Шандыба первый удар, а австрияк снова палаш занес. Ловкий рубака оказался, юркий. Воронка на дыбы встал, тем спас хозяина.

Как наяву представилось Шандыбе учение урядника Пантелея. Изогнулся, в стремях приподнялся, рубанул с оттягом. Плечо от удара едва не вывернул. Почуял — рассек австрияка едва ли не до седла.

Тут только заметил, что повернули враги, уходят. С версту преследовали их казаки. Наконец Степка Ус остановил донцов:

— Назад! Там впереди вдруг засада! — К Ваньке повернулся: — А ты, Шандыба, молодец. Двоих сваял. Покидали место сражения, оживленно переговариваясь. Сняли с убитых винтовки, палаши. Одного коня поймали, второй ускакал.

Пока казаки трофей собирали, Шандыба в сторону отъехал, с Воронка соскочил. Тошнило. Тут только по-

настоящему понял: человека убил, да не одного, а двух сразу.

Подопел, ведя коня в поводу, Семка.

— Ты, Вань, душевно-то не переживай. Они сами наскочили, и кабы не ты их, они бы тебя без жалости порубили. — Головой покрутил. — Ишло бы одного, куда ни шло, а то двоих. И как тебе удалось?

В полк возвращаясь, Ус заметил:

— Везучий ты, Иван. За австрийского коня с выручки магарыч ставь.

Отмолчался Шандыба: муторно было у него на душе. Не понимал, отчего смеются хоперцы, завидует Ус, радуется Семка.

Казаки вброд какую-то речушку перешли, к своим выехали. Приказный Ус доложил о стычке есаулу Гараже, а тот полковнику.

Трубач сыграл сотне пешее построение. Краснов встал перед строем.

— Казаки! Сегодня вы показали себя достойными славы своих отцов. Ваша застава приняла участие в стычке с неприятелем. Приказный Ус действовал в соответствии с уставом, а ваш товарищ, казак Шандыба, проявил геройский поступок, сразив двух неприятельских разведчиков. За этот подвиг он награждается Георгиевским крестом.

Стоявший позади Ивана Семен шепнул:

— К концу войны, Ванька, крестов наспибаешь на всю грудь.

Не поворачивая головы, Шандыба процедил сквозь зубы:

— Пустобрех. — И шагнул из строя, где полковник уже держал крест на полосатой ленточке.

***

День был жаркий. Иван, расстегнув ворот, улегся на земляном полу во взводной палатке, поглядывая через приоткрытый полог на дорогу. От навеса, где де-

журили нарочные, отъехал автомобиль и запылил в сторону штаба бригады. Степан Ус сказал:

— Не иначе за приказом отправились. Чует мое сердце, снимемся сёдня.

Шандыба кивнул:

— Наше дело, сосед, успевай в стремя вступить.

— Ты, Иван, на хутор уже отписал, похвалился Георгием?

— Успеется. Ишшо в настоящем деле не были.

— Потрафило тебе: пороху не нюхал, а уже Георгия нацепил.

— Не гутарь, Степан, попусту. Когда мы на разъезд наскочили, я никому дорогу не заступал. Вيني своего коня, что он моего Воронка не обошел.

Вошел, пригнувшись в проеме палатки, Стрыгин.

— На кухню йду за кулешом. На вашу долю брать? Ушел, гремя котелками.

— Вчера от Гаражи слышал: вся Краоянская бригада на рубеж выдвинулась. Жди начала наступления...

С того часа, как бригада заняла исходные позиции, Петр Николаевич Краснов ждал объявления войны с минуты на минуту. Столкновение с разъездом противника он расценивал как одну из попыток австрийцев разведать расположение русских войск. Из штаба по телеграфу было предписано командиру полка с начальником штаба явиться к командиру бригады.

Первыми словами было:

— Господа, война началась.

— Да, — только и сказал Краснов.

— Да-да, господа, то, что мы предчувствовали, сбылось. Вам необходимо атаковать станцию Любеч и овладеть ею.

— 10-й полк наступает без поддержки пехоты?

— 9-й полк имеет свое задание.

— Позвольте операцию начать завтра на рассвете. Батарея обстреляет станционные укрепления. Австрийцы накануне постарались, окопы отрыли.

Командир бригады подошел к карте.

— Конечно, хорошо было бы пустить сначала пехоту, но ее нет.

— Мы начнем конной атакой. Залогом успеха будет неожиданность.

— Во всем полагаюсь на вас, Петр Николаевич. Как вы там писали: «Быстрота, глазомер и натиск».

— Так говорил Александр Васильевич Суворов, ваше превосходительство.

— Да-да. Задача бригады — не дать австрийцам отойти на вторые позиции...

Возвращаясь в расположение полка, Краснов сказал начальнику штаба:

— Я, Валериан Дмитриевич, совершенно убежден: если мы будем действовать неожиданно и дерзко, то задачу выполним.

— Однако, Петр Николаевич, мы обязаны помнить, что к Любечу подтягиваются крупные австро-венгерские соединения.

Краснов потер подбородок.

— Бог не выдаст — свинья не съест. Давайте, когда приедем, снова проиграем на карте предстоящие действия...

В полночь запели трубы. Полк, поднятый по тревоге, вскоре был готов к маршу. Шандыба, поглаживая Воронка по холке, говорил Стрыгину:

— С вечера Ус накаркал.

— Слышь, Вань, а может, мы того... снова передислоцируемся к Томашовке в старый лагерь?

— Не похоже. Батарею с места стронули.

— А я все сомневался: ужели сыщется такая держава, что посмеет на Россию напасть? Эвон она какая огромная. Сам видел, сколь ден до царства Польского добирались.

— Побить-то нас не побьют, но юшки попускают, — вмешался в разговор хоперец, чей конь все норовил куснуть шандыбинского Воронка.

— Ты, хоперец, лучше утихомирь-ка своего каурого.

— Играет.

— Раз-говори! — прикрикнул Ус.

Семен ногой в стремени толкнул Шандыбу в сапог.

— Наш станичник, слышь, паря.

— Приказный!

— В брюхе заурчало, — засмеялся хоперц, — жрать охота.

— То из тебя страх прет. Эвон, дух чижелый, — рас- смеялся Стрыгин.

— Ты ерой, Аника-воин, — обиделся хоперц.

— Сотня! — враз оборвав разговор, подал голос Га- ража. — По четверо в ряд разберись!

Звякнули стремена, зазвенели удила.

— Сот-ня-я, за мной! — выкрикнул Гаража. — Вздвонными колоннами — в ры-ысь!

И ударили копыта в сухую, соскучившуюся по дож- дыю землю. Двинулись сотня за сотней, закачался лес- ник. Следом упряжки потянули полковую батарею.

«К границе едем, — думал Шандыба, — война...»

Взошла луна, осветила дорогу. Ни разговоров, ни песен: всем ясно — мирные дни остались позади.

***

Полк изготовился к атаке. Казаки держали коней в поводе, тихо переговаривались.

— Робеешь, Шандыба? — Стрыгин глянул на това- рища.

Иван только плечами пожал.

— А я, односум, робею. Помнишь, я тебя просил в бою друг дружку держаться. Ну как ранят, а то хуже, убьют, чтоб домой отписать.

Хоперц, что на живот жаловался, промолвил:

— Ехал, дорогой хотел заснуть, все же меньше стра- ху было бы. В седле укачивало, а сна не было.

— А я вот, Семен, о чем подумал. Австрийский им- ператор — чего ему нейдется? И германский кайзер чего на нас попер?... Я слышал, он нашему государю родней доводится.

— Кубыль чего не поделили.

— А кто его знает. Наши кизячки тоже: как чего не так, стенка на стенку прут, — пояснил хоперц.

Степан Ус повод на руку намотал, а сам голову к седлу притулил, подремывал. Конь у приказного смиренный, будто с пониманием, что коняину перед боем поспать требуется. Усу родной хутор приснился. Мать из колодца воду достает, журавль восклицывает. По- том отца увидел. Тот к нему с вопросом: «Отчего ты, Степан, в Георгии обижен? Ванька тебе нос утер, За- кар Мироныч воня по станице гоголем ходит...»

Открыл Ус налившиеся мутой глаза, прислушался. Кроме казачьих переговоров, ничего не слышно. Ре- шил: «По всему видать, на рассвете в атаку поведут».

Перекрестился.

— Господи, спаси и помилуй.

Тут по рядам перекачались:

— Уса и Шандыбу к полковнику!

Полковника увидели среди офицеров штаба. Он про- кивнулся взад-вперед, поворожа руку на эфес сабли.

Кавказ подошли, Ус доложил. Краснов сказал:

— Требуется разведать, что делается у австрийцев, не ждут ли они нас?

Ехали настороже: не наскочить бы на врага. Версты через две оказались на открытом поле. Остановили ко- ней, всмотрелись адаль. Луна освещала австрийские укрепления. Было тихо. Горели огоньки станицы, но там не замечалось никакой сумятицы.

— Кажись, не догадываются, — сказал Ус. — Воз- вертаемся...

***

Впереди открывалась широкая панорама. Верстак в- нии лесная опушка: лес грядями убежал на север. На- зад тянулось поле: то желтые, сикитые, то зеленые, поросшие сочными травами. Вдали высились красный костел. У леса копошились австрийские солдаты. Вид-

но было, как они укреплялись, маскировали окопы ветками, отбрасывали землю.

— Роят, — сам себе сказал Шандыба.

— Скоро в атаку пойдем, — заметил Степан. — Вон как полковник вглядывается.

От группы офицеров отделился ротмистр и заторопился к казакам. Не доходя, подал команду:

— Третьей и четвертой сотням спешиться! Коней в укрытие! — Подошел к названным сотням: — Примкнуть штыки! За мной к станции, бегом, цепью!

Приблизились к постройкам. Оттуда раздались сначала редкие, потом частые выстрелы. Начальник штаба поторопил:

— На ура, казачки! Взрывай водокачку!

Громкие крики, короткий штыковой бой. Застрочили пулеметы короткими очередями, затем длинными. Сдерживая коня, Ус проворчал:

— Ишь как строчат, навроде палкой по частоколу.

Тут ударила полковая батарея. Снаряды падали в расположение окопов, поднимали султаны земли. Небо от разрывов сделалось розовым. Орудия смолкли, и Краснов подал команду:

— Полк, в намет арш!

Шандыба перекрестился:

— Господи, помоги!

Рассыпавшись в лаву, понеслись казаки на вражеские укрепления. Австрийцы выскакивали из окопов, бежали к станции, некоторые стреляли по всадникам, потом пытались отбиться штыками. Казаки брали врагов в пики, рубили саблями.

Сильный взрыв потряс станцию и мост: огненное пламя поднялось над водокачкой.

Воздух дрожал, в ушах стоял гул. Неожиданно с запада показались густые цепи австрийцев. На рысях вынесла батарея. Развернулась. «Сейчас ударит прапнелью», — пришла Шандыбе в голову мысль... Краснов развернул сотни и, не видя, догадался: лава несется за ним. Батарея успела дать всего один залп, и ее

смяли. Расчеты разбежались, пехота дрогнула и тоже побежала.

Краснов придержал коня, бросил саблю в ножны. Велел трубачу играть сбор...

К вечеру сражение за Любеч закончилось. Донцы грузили на фуры трофейное оружие, гнали пленных. Те шли, со страхом поглядывая на чубатых конвоиров.

Доложив в штаб бригады о разгроме австрийской группировки у станции Любеч, Краснов тут же получил новое предписание: развить наступление, не давая противнику сосредоточиться.

За удачное проведение Любечской операции полковника Петра Николаевича Краснова наградили Георгиевским оружием, произвели в генерал-майоры и назначили командиром Краоянской бригады.

* * *

После Любеча, переформировав 9-й и 10-й Донские казачьи полки, Краснов бросил свою бригаду в прорыв австро-венгерского фронта. В штаб армии Петр Николаевич доложил: «Наше наступление на Раву-Русскую преследует цель выйти в тыл противника, обеспечить успех Галицкой битвы...»

Краснов действовал дерзко. Бригада пошла по вражеским тылам столь стремительно, что командование противника срочно направило против казаков целых две дивизии генерала Витмана. Спешив 11-ю дивизию, Витман срочно поставил укрепления в надежде, что остановит Краоянскую бригаду, а 10-я конная дивизия пойдет в наступление. Австрийский генерал был больше чем уверен: Краснов вынужден будет отступить. Но случилось непредвиденное. Сразу же после марша 9-й и 10-й Донские полки, едва перестроившись, тут же под развернутыми знаменами ринулись в атаку.

Австро-венгры не ожидали такого стремительного удара, какой нанес им командующий Краоянской

бригады, и отошли к югу верст на тридцать от Равы-Русской.

С 1 сентября 1914 года австрийское верхнее командование переживало тяжелые дни. Отход 3-й и 2-й австрийских армий мог сорвать намеченный план новой операции против восточной группы русских 3-й и 8-й армий. Решено было оборонять Львов как важный политический и военный центр, на который должны опираться 3-я и 2-я австрийские армии. Однако командующий 3-й армией генерал Брудерман не согласился со своим командованием, мотивируя это решение слабой боеспособностью своей армии. Настойчивость Брудермана привела к приказу о сдаче Львова и отводу 3-й и 2-й армий за реку Верещину.

Желая усилить свою группировку, австрийское командование обратилось к германскому генеральному штабу с просьбой прислать хотя бы два корпуса в район Перемышля...

Уже в начале 1915 года боевая репутация генерала Краснова возросла. Когда он после ранения остался в строю, его перевели командовать 3-й так называемой Туземной бригадой «Дикой дивизии».

Сформированная из горцев Кавказа, добровольно вступивших в состав русской армии, эта бригада снискала себе славу безумной храбростью. Неслучайно в недалеком будущем она стала личной охраной знаменитого генерала Корнилова.

«Туземную бригаду» генерал Краснов ввёл в действие. Он не успел как следует ознакомиться с ее личным составом, как в майские дни «Дикую дивизию» бросили в бой. Черкесы врываются в австрийские окопы, выскочили в ход винтовки. Горюющие факелы, вопли раненых... Черными призраками черкесские конники выманили убегающего противника, их сабли не знали пощады.

За участие в этом сражении генерал Краснов наградили орденом Святого Георгия 4-й степени...

Война на два фронта осложнила положение Германии. Только переход к позиционной войне давал немцам возможность сохранить свободу действий для нанесения достаточными силами удара там, где нужно было добиться успеха.

Под суровым давлением необходимости Германия перешла к позиционной войне. Уже в феврале 1915 года германское Верховное командование главным фронтом избрало Восточный, где до этого основные операции развивались между российскими и австро-венгерскими войсками. Германские корпуса с Западного фронта спешно перебрасывались на Восточный.

В мае 1915 года австро-венгерские армии начали большое наступление по всему фронту.

В Галиции русские 3-я, 8-я и 11-я армии, успешно отразив треть по счету наступление австрийцев, закрепили свои новые позиции по рекам Дукля и Бяла и далее по линии Грабова—Горлица—Льско. 11-я армия к тому же продолжала блокировать Перемышль...

К войне русская армия оказалась не вполне готова. Недокомплект составлял полмиллиона людей. Боевые потери, нехватка технических средств. Снижалось настроение солдат, росло дезертирство, появлялись случаи самострела.

Сложная ситуация на Восточном фронте, безынициативность командующего Западным фронтом и, наконец, надежда на распад Австро-Венгерской монархии, которую делал начальник штаба фронта генерал Алексеев, усугубляли общее положение дел.

С июля русская армия переживала тяжелые дни отступления. В ту пору генерала Краснова назначили начальником 3-й Довеской дивизии, и не успел он ее принять, как его перевели по 2-ю Сводную казачью дивизию. Перед ней была поставлена задача прикрыть отступление армии на самом опасном участке.

В штабе армии генералу Краснову сказали:

— Дивизия состоит из кубанских и терских казаков. Начальник штаба полковник Денисов, донской казак, хороший штабной работник. На него можете положиться.

Ночь после разговора в штабе армии Петр Николаевич провел бессонную. Он понимал: сдерживать германские войска силами одной дивизии — задача непосильная. Но обстановка сложилась так, что если Сводная казачья дивизия не выполнит этот приказ, противник продвинется еще дальше, займет многие села и города...

Генерал Краснов знал: рано или поздно верховное командование противника приостановит свое наступление и перейдет к позиционной войне. Требуется обеспечить планомерный отход русских войск, дать им возможность закрепиться на новом рубеже. Вот чего ждут от Сводной казачьей дивизии. Принятие окончательного решения о своих действиях Краснов перенес на следующий день, когда ознакомится с картами, с данными разведки, с направлением главного удара противника. И конечно, же выслушает мнение штаба и его начальника...

* * *

Штаб дивизии Краснов искал долго, только к обеду увидел казаков-кубанцев. Они отходили конным строем, командир полка сообщил, что их часть готовится к отражению атак австрийцев, которые движутся следом. На карте он указал, где кубанцы займут оборону. Терцы встанут с ними по соседству. Сейчас будут установлены орудия, и батарея должна на время сдерживать натиск австрийцев.

— Мы бы не допустили этого отхода, — сказал командир полка, — но на фронт прибыли большие силы немцев.

От командира кубанцев Петр Николаевич узнал, как проехать в штаб.

Несмотря на столь близкое соседство с противником, генерал Краснов не увидел в штабе никакой

паники. Выставлена охрана, у коновязи привязаны лошади.

Старший урядник, исполнявший обязанности дежурного по караулу, провел генерала через темные сени в комнату, где за столом сидели над картами несколько офицеров. Увидев Краснова, они вскочили, вытянулись. Небольшого роста полковник отрекомендовался Святославом Варламовичем Денисовым. Петр Николаевич, поздоровавшись, тоже склонился над картой.

Денисов принялся пояснять, как развиваются события.

— Святослав Варламович, — прервал его Краснов. — Я хорошо понимаю ситуацию, в которой находятся отступающие войска. Приказ из штаба армии, который вы уже получили, ставит нас в сложное положение. Путь, избранный вами, не обеспечит планомерного отвода войск. Что вы еще предложите?

— Ваше превосходительство, — начштаба провел пятерней по густой шевелюре, — у меня есть некоторые соображения. Извольте, я их изложу. Мне известен ваш опыт, Петр Николаевич, по рейду 10-й Донской казачьей дивизии в тылу врага. Мне кажется, мы вправе применить этот опыт сегодня.

Краснов улыбнулся:

— А знаете, Святослав Варламович, с этой мыслью я ехал сюда. Но мы пока не вправе делать глубокие рейды. Мы должны постоянными набегами тревожить противника и сбивать темп его наступления.

Денисов потер руки:

— Я доволен, ваше превосходительство, что наши взгляды в целом совпали. Разрешите приступить к разработке плана действий.

— Конечно, и чем быстрее мы выработаем нашу программу действий, тем лучше. В разработке плана мы будем исходить из того, что для рейдов по тылам можно использовать только конницу, терский и кубанский полки. Что до стрелков, то они станут отряда-

ми прикрытия. Их девизом должно стать «Ни шагу назад!». Начинаем маневренную войну.

Глава 5

Ночью стрельба стихла, и в тишине слышались голоса. Это переговаривались солдаты пехотного полка, пришедшие сменить казаков.

Краснов осторожно шел по окопам, опасаясь наступить на спящих солдат. Хорунжий Любимов шел вслед за генералом. Четвертый год как Краснов держал его при себе. Еще со службы в Джирекенте хорунжий был вместе с генералом, старался быть ему во всем полезным, облегчать его фронтовой быт...

Два солдата расчищали ячейку, устанавливали пулемет. Присев на земле, другие солдаты покуривали в рукав, переговаривались:

— Держи оборону, а тех же винтовок не на всякого достает.

— Немцы прут. У них и винтовок, и пулеметов, и прочего добра вдосталь.

— Винтовок-то мы у австрияков либо у немчуры отнимем, а вот кормежка у них прямо на зависть. Утречком принюхаешься — от их окопов хорошо пахнет.

— Ты, Ерема, принюхайся: от германца еще и сортиром воняет.

— А от тебя чем?

— Германец еще по утрам кофей пьет...

Краснов удалился и не слышал уже, о чем солдаты продолжали бубнить. Шедший за генералом хорунжий заметил:

— Соскучился мужик по дому.

Краснов промолчал. Слава богу, хоть казаки к службе привычные, ведут себя смиренно.

— Тихо-то как, ваше превосходительство, — промолвил Любимов.

Тут из германских окопов выстрелили из ракетни-

цы, и ее белый шлейф потянулся к земле. В ответ застрочил с русской стороны «максим».

— Вот тебе и «тихо», — вздохнул Краснов.

Солдат, сидевший на приступочке окопа, увидев генерала, вскочил:

— Здравь желаю, ваш благородь!

— Смотри, разбудишь всех.

Солдат, понизив голос, сказал:

— Ваш благородь, дозвоьте спросить — когда войне конец? Кормильцев в хате моей не осталось, а у меня детишек четверо, мал-мала меньше.

— Как побьем германцев, солдат, так и закончим войну, — ответил Краснов.

Другой солдат, стоявший рядом, произнес:

— Мы, ваше благородие, австрияков бы давно победили, коли б не германец. Энтот воевать крепко умеет.

— Ваше превосходительство, — шепнула Любимов, — казаки снялись и дальше оборону не держат.

— Возвращаемся, хорунжий.

***

Алексей Любимов придержал стремя, и генерал, усевшись в седло, окинул взглядом темневшую колонну казачьих полков. Не раз доводилось Краснову водить казаков в бой, но ощущение не страха, нет, а какой-то напряженности не покидало его. Вот и сейчас он почувствовал, будто озноб пробежал по телу.

Подъехали командиры кубанского и терского полков. Генерал дал последний наказ начальнику штаба дивизии полковнику Денисову:

— Святослав Варламович, на вас возлагается ответственность за пехотный полк, занявший оборону. Держитесь, голубчик, настает час проверки наших планов. Оправдается, и мы выполним задачу, поставленную перед нами командующим. — Краснов повернулся к офицерам: — Господа, сегодня начало наших новых действий. Мы проведем серию коротких рей-

дов по тылам противника, дабы задержать его наступательный порыв. Это, господа, наш долг. Противник должен чувствовать, что с тыла ему могут нанести удар в любой час. Прорываться будем на стыке австрийского корпуса с германскими частями. Здесь, по нашим сведениям, наиболее уязвимое место. После выхода во вражеский тыл разворачиваемся и начинаем атаку. Это будет днем, поэтому полки вступят в сражение под развернутыми знаменами. Наша атака будет для противника неожиданной. — Краснов снова обратился к начальнику штаба: — Святослав Варламович, говорят, человек предполагает, а Господь располагает. Если, паче чаяния, напор противника на наш передний край будет настолько сильным, что стрелки попятятся, удержите их от паники, отведите пехоту во вторую линию, а там и мы о себе заявим. Ну, господа, с Богом!

Командиры полков разъехались. Сотня за сотней пошли рысью...

* * *

День выдался теплый и солнечный. Серебряная паутина висела в воздухе. Казаки весело переговаривались:

— Бабье лето, кажись!

— Оно самое. Сейчас бы, братцы, бабу...

— Голодной куме хлеб на уме.

— Эй, уманец, замолкни, и так не в седле сижу, а навроде на колу.

Казаки захохотали. Кто-то сказал озорно:

— Поломаешь — женка прогонит.

— Ниче, братцы, я и поломаным с ней справлюсь.

Весело казакам. Въехали на большак. Из-за дальнего бугра показался всадник.

— Эвон как скачет, в намет.

— Так и коня может загнать.

— Наш, из головного дозора. Не иначе с донесением.

Казак уже докладывал генералу:

— От разведки я. Урядник Веселко велел сообщить: там село и в нем германцев не менее бригады. Пехота. Нас не ждут, по селу разбрелись... Пулеметные расчеты не готовятся, на оружейных батареях кроме караульных никого нет. По всему, прислуга передыхает после марша...

Тотчас от генерала по полкам поскакали адъютанты. Развернулись сотни, расчехлили знаменосцы стяги. Едва трубачи сыграли атаку, сотни подали команду:

— Шашки наголо, в атаку марш!

С треском выхватили казаки сабли и, раскинувшись в лаву, охватывая полукругом село, понеслись кубанцы и терцы на неприятеля. Развевались красные и серые башлыки, блестели на солнце сабли. Громовое «Ура!» потрясло округу. В панике метались германцы, разбежались по селу, но их настигали, рубили...

Краснов остановил коня, окинул взглядом место сражения. Боя не было: немцев гнали, пока генерал не велел трубачам играть отбой.

В той короткой атаке казаки добыли несколько пулеметов и угнали куцехвостых германских битюгов. С пушек сняли замки.

Краснов узнал: в этом первом рейде они разгромили бригаду, следовавшую к фронту...

* * *

Проследив по картам марш Сводной дивизии, Краснов предложил Денисову:

— Надо готовиться к следующему рейду. Будет он, Святослав Варламович, уже по австрийскому тылу. Сутки отдыха казакам и лошадям, и в путь.

Новый налет кубанских и терских казаков в тыл австро-венгров был не менее удачным. Он задержал на несколько дней продвижение противника. В штабе дивизии принялись за разработку плана глубокого рейда, который должен был продлиться с неделю. Краснов с Денисовым пришли к убеждению, что эти рейды

приостановят наступление германских войск и дадут возможность русским частям передохнуть, укрепиться на новых рубежах.

— Ваше превосходительство, — сказал Денисов, — к такому рейду надо готовиться тщательно. Может случиться, что дивизии предстоит столкнуться с венгерской конницей.

— Возможно, — согласился Краснов. — Это будет не просто рейд по тылам, но и удар по германским войсковым соединениям: необходимо нарушать управление, сеять панику и неразбериху. Будем готовиться. Одно могу сказать, Святослав Варламович, немцы вот вот перейдут к позиционной войне. И тут станем молить Господа, чтобы наш тыл не развалился.

— Что вы имеете в виду?

— Моральный дух русского солдата.

***

В штабе Верховного командования германской армии произошли кадровые изменения: на должность начальника Генерального штаба вместо Мольтке-младшего был назначен генерал Фалькенхайн. Переход Германии к позиционной войне Фалькенхайн расценивал как необходимость.

Перебросив значительную часть своих армий на восток и начав наступление, Верховное командование Германии рассчитывало на быструю победу. Однако русские войска отходили медленно, укрепляясь на новых рубежах.

Генерал Фалькенхайн, приняв дела, несколько дней ознакомился с обстановкой на фронте, принимал рапорты командующих. Фалькенхайн не был словоохотливым: выслушивая генералов, молча кивал. На одном из совещаний, оборвав очередного докладчика, он сказал:

— Господа, мы усилили нашу восточную группировку, преследуя определенные цели. В первую очередь это стремительное продвижение наших войск вглубь рус-

ских просторов. Но русские упорно сопротивляются, грозят превратить войну в затяжную, а это для нас смерти подобно. Сейчас я бы хотел услышать, чем объяснить задержку продвижения на Юго-Западном фронте? Почему 8-я армия генерала Брусилова отступает столь медленно, что это напоминает перегруппировку сил противника при подготовке к контр наступлению?

Поднялся начальник разведки Генерального штаба германской армии, седой высокий старик с лицом аскета:

— Мой генерал, отходя, генерал Брусилов поставил в прикрытие 2-ю Сводную казачью дивизию. С недавних пор ею командует генерал Краснов, человек, обладающий талантом стратега.

— Это тот Краснов, который подвизается и на литературном поприще?

— Так точно, мой генерал. Краснов предпринимает действия своей дивизии, напоминающие партизанские рейды. Это ломает наши планы, заставляет менять их. Операции наших штабов подчас зависят от воли Краснова. Казаки его дивизии — лихие конники, и не будем скрывать — подчас нагоняют страх на наших солдат, не говоря уже об австрийцах.

Фалькенхайн недовольно нахмурился:

— Уведомите верховное командование австрийской армии, чтобы направили против дивизии Краснова корпус венгерской кавалерии.

— Австрийцев атакуют сербы.

— В данной ситуации нас интересует австрийская армия как союзник Германии. И если мы начали наступление на востоке, то пусть австрийцы в нашем оркестре ведут свою скрипку в унисон.

— Да, мой генерал.

— Мы не должны затягивать войну — этого не выдержит экономика Германии. Но если мы поставим Россию на колени, то будем кормить немецкий народ и армию. В России много хлеба, мяса и масла, и мы заберем это по праву победителей.

Фалькенхайн поднялся, давая понять, что совещание окончено. И, уже уходя, напомнил:

— Уведомьте австрийцев: конница венгров должна остановить казаков Краснова.

***

На приеме у канцлера между Гинденбургом и Фалькенхайном случился короткий разговор. Дело было в конце 1915 года, в разгар зимы. На востоке, где стояли немецкие и русские армии, крепчали морозы, а в Германии, в Берлине была оттепель, сыпал мокрый снег, пахло сыростью.

Генерал-фельдмаршал Пауль Гинденбург, отодвинув тяжелую штору на высоком окне, заметил:

— Там, на Восточном фронте, я отогревался в русской избе на печи. Тепло, приятно пахнет распаренной глиной. Одно плохо: тараканов не счесть.

— Брр, — поежился Фалькенхайн.

— Но забавно, что русские называют этих тараканов прусаками. И я думаю: может, они правы? Может, родина тараканов Пруссия?

— Вздор! Тараканы заводятся в любой стране от нечистоплотности.

Гинденбург весело расхохотался.

— Хорошо, давайте о деле. Эрих, знаете, о чем я подумал? Вы начальник Генерального штаба и, думаю, согласитесь со мной. На востоке русская армия окончательно оттеснена от своих границ в болота Полесья и парализована. Галиция освобождена; Польша и часть Литвы очищены от русских; Австро-Венгрия спасена от окончательного разгрома; Сербия уничтожена; Болгария с нами в союзе; Румыния сказала свое «нет» Антанте... Наша победа близка.

— Я с вами согласен. Но перед великой Германией стоит нелегкая задача покорить Россию.

— Убежден, Эрих: если мы разгромим ее армию, а это уже не за горами, мы ее покорим. Россия превра-

тится в страну, из которой мы будем получать все необходимое. Представьте себе: Украина и Крым, Кавказ и Сибирь, Дон и Кубань. И уголь Донецка...

— Этого ждет германская нация, Пауль, она держится надеждами, ей надоели эрзацы... Теперь ваша задача повернуть германскую армию на запад. Франция должна встать на колени, а проклятые англичане — убраться на свой остров.

— Неудачи России в войне вызывают недовольство у русских. У них много всяких партий, которые против существующего государственного строя... Среди социал-демократов обратите внимание на фигуру Владимира Ульянова.

— Он себя именует Лениным.

— За ним стоит совсем незначительная группа, но она имеет перспективу роста, ибо спекулирует на самых низменных чувствах человека. На эту партию нам, Эрих, и требуется сделать свою ставку.

— Что вы имеете в виду?

— На эту мысль меня натолкнул один ульяновский тезис. Совсем недавно я познакомился с маленькой работой этого Ленина, он ее назвал «Тезисы ЦК». В них выражена политика социал-демократов крайне революционного толка. Там есть один тезис, который не должен пройти мимо нашего внимания: поражение своего правительства в империалистической войне. То есть поражение России, призыв социал-демократов ленинского толка совершить революцию. Германия должна помочь ленинской партии.

— А не перебросится ли эта революция, Пауль, потом к нам в Германию?

Гинденбург улыбнулся.

— Ну, уж у себя-то мы с ней справимся.

***

К стрелкам пришло пополнение. С маршевой ротой прибыл унтер-офицер Супонин, роста малого, но голо-

систый. Был он из ивановских рабочих, мастер поговорить с солдатами, за что те и любили унтера.

Супонин все разговоры с солдатами сводил к войне. Вопросы задавал с подковыркой:

— А что, солдатушки, бравы ребятушки, желаете ли вы продолжения войны?

Обычно подобные разговоры он заводил, когда вокруг собиралось несколько человек. И услышав ответ, что война у всех уже в печенках сидит, продолжал:

— Кому, братушки, война, а кому и мать родна.

— То так, — соглашались солдаты.

— А дома, поди, жонки ждут, детишки.

— Уж как ждут... И руки по земле соскучились...

— Кончать эту войну надобно, братушки.

— А как ее кончить, подскажи, унтер, коли там в окопах немцы и австрияки сидят.

— Так они же — ваши братья, такие же, как вы, крестьяне и рабочие. Они тоже домой хотят. Вы покинете окопы, и они тоже.

— Ну ты сказал! Чтоб немец окоп покинул?

— Покинет, братцы, покинет. В этом и есть пролетарская солидарность.

— Да я хоть и сейчас ушел бы домой, так меня в трибунал поволокут, — возмутился солдат с изрытым оспой лицом.

— Федор правду рассказывает, — поддержали товарищи.

Супонин снова голос подал:

— Коли один Федор уйдет — трибунал, а коли рота, полк, дивизия, а там глядишь, и весь фронт — на всех-то трибуналов не хватит...

— Коли весь фронт, иное дело...

Подобные разговоры Супонин заводил не раз и всегда находил поддержку среди солдат.

Об этих разговорах слышал хорунжий Алексей Любимов и тут же доложил генералу Краснову. На его удивление Краснов отнесся к происходящему серьезно: тут же поручил арестовать агитатора. Но когда отправились забирать Супонина под стражу, унтер-офи-

дера и след простыл. О том доложили командиру дивизии. Краснов был в гневе, приказал выставить караулы, но агитатор успел скрыться, посеяв среди солдат семена возмущения, которые уже в ближайшее время взопли буйной дурман-травой.

* * *

10-й Донской казачий полк с боями отходил. Немцы наседали, донцы отбивались, изредка контратакуя.

За участие в сражениях Шандыба получил второго Георгия.

Иван как-то поймал себя на мысли, что его давно уже покинул страх: душа очерствела. В числе первых он бросался в атаку, и в эту минуту его охватывала звериная жажда схватки с противником.

Получил Георгия и Степан Ус. А Стрыгин Ваньку раз за плечи приобнял, пожаловался:

— Я, Шандыба, в последние дни прошу у Господа покоя. Молюсь, как бабаня меня учила: «Боже, милостив буди мне, грешному». А что до Георгиев, так мое от меня не уйдет...

Молился Семен, да пуля-дура его подстерегла...

Это случилось у Шандыбы на глазах.

Поздней осенью их полк, прикрывая отступающую бригаду, прорвался к железнодорожной узловой станции. Немцы плохо ее охраняли. Казаки неожиданно ворвались, рубили противника. Немецкие солдаты разбежались по станции кто куда, беспорядочно отстреливаясь. Пожалуй, бой можно было считать законченным, и казаки ждали сигнала отхода, как вдруг из ворот депо выполз бронепоезд. Он шел медленно, и так же угрожающе медленно вращалась его орудийная башня: наводчик выискивал цель.

Не успели казаки поворотить коней, как с бронепоезда ударили пулеметы, раздался орудийный выстрел. Шандыба видел, как конь под Стрыгиным встал на дыбы и рухнул, придавив Семена.

Соскочил Иван с Воронка, бросился к товарищу, склонился, но Семен был мертв — осколок угодил ему прямо в лоб.

* * *

Генерал Краснов и представить себе не мог, что его личность станет предметом обсуждения в штабе Верховного командования германской армии.

Он по-прежнему водил Сводную казачью дивизию в рейды, тревожил тылы противника, его конники сеяли панику и ужас.

В один из октябрьских дней, когда первый морозец по утрам уже прихватывал траву, дивизия возвращалась с удачного рейда.

Выслав боевые разъезды и авангард, Краснов ожидал сведений. Людей не торопил, казаки ехали шагом, передыхали. Слегка отпустив поводья, Краснов оценивал прошедший рейд. Получилось, как задумано: наступление немецкого корпуса приостановлено, скоро дивизия выйдет к своим и можно будет дать отдых коням и людям. Рейд прошел успешно, потери малые. Командующий армией генерал Брусилев будет доволен.

Мысли перебросились в Петроград: с некоторых пор так стал именоваться Санкт-Петербург. Петр Николаевич подумал, что давно не получал никаких известий от жены. Может, в штабе армии его сейчас ждет письмо?

Краснов достал карту местности, долго в нее всматривался... Который раз он изучал десятиверстку: все, от названия сел до расположения дорог, было ему хорошо известно, и все же...

Подозвав адъютанта, Краснов велел пригласить полковых начальников. Те подъехали, когда к генералу прискакал казак из авангарда и сообщил, что путь дивизии перекрыла конница венгров.

— Ваши соображения, господа? — обратился Краснов к полковым начальникам.

Командир терского полка сказал решительно:

— У нас, ваше превосходительство, одна дорога, и надо по ней пробиваться.

Краснов перевел взгляд на кубанца. Тот пригладил усы:

— У нас тоже, ваше превосходительство, шлях один и ответ один — биться!

— Да, пожалуй, вы правы, господа, боя не избежать. Подойдем к противнику незаметно как можно ближе и ударим первыми. Действуем казачьей лавой, охватывая венгров по флангам. Правым краем пойдут кубанцы, левым — терцы. Я поведу казаков по фронту. Помните — наша сила во внезапности. В бою один казак троих венгров стоит. Расчехлить знамена, офицеры вместе с сотнями. Ваш пример, господа, образец для личного состава. С Богом!

Казаки двинулись навстречу венгерской коннице. Сначала шли рысью. Краснов обнажил саблю, и тут же ответный ляг вытаскиваемых из ножен сабель разнесся по всей изготавившейся к бою дивизии.

Перестроившись на рысях, рассыпались в лаву и сразу же перевели коней в намет. Ударили землю тысячи копыт. Краснов услышал, как крикнул хорунжий Любимов:

— Генерала берегите!

— Ну, Господи, помоги, — вздохнул Краснов и прищепил коня. Тот понес его в самую гущу боя.

Храпели кони, крики и брань слились воедино. Сшиблись. Краснов успел заметить, как вокруг него сгрудились казаки охранной сотни. Рубились, звенела сталь, грызли друг друга кони.

Не ожидали венгры столь решительного напора. Сначала дрогнул их левый фланг. Вот повернули коней драгуны и на правом. Приподнявшись в стремени, Краснов закричал торжествующе:

— Казаки, братцы — молодцы!

К генералу подскакали адъютанты.

— Командирам полков передайте: драгун преследовать, не дать им снова сосредоточиться. Вперед!..

Глава 6

Едва дивизия прорвалась через линию фронта, как Краснова срочно вызвали в штаб армии. Генерал понимал, что речь пойдет о последнем рейде, но они с Денисовым сами еще не успели его как следует разобрать, проанализировать положительные и отрицательные моменты. Казалось странным, как австрийскому командованию удалось в столь короткий срок перебросить корпус конных драгун и закрыть дивизии выход. Вероятно, венгров заранее подтянули к месту возможного прорыва казаков...

Дорогу в шестьдесят верст Краснов преодолел за два часа. Водитель местность знал хорошо, и автомобиль ехал быстро.

День был теплый, но с неба, затянутого тучами, сыпал мелкий дождь. Он стучал по брезентовому тенту машины, убаюкивал. Краснов размышлял, прикрыв глаза. За оставленную дивизию он был спокоен: Денисов выведет части во второй эшелон и организует отдых казаков, чтобы полки Сводной обрели полную боеспособность...

Краснов подумал, что в лице полковника Денисова он нашел хоть и молодого, но толкового начальника штаба и надежного помощника. В свободное же время Денисов становился прекрасным рассказчиком, что для Петра Николаевича-писателя было особенно интересно. Проживший детство и юность на Дону, Денисов много знал о жизни казаков, их обычаях.

— Ваше превосходительство, — нарушил ход мыслей генерала хорунжий Любимов, — за этим поворотом штаб армии.

Краснов открыл глаза: в раздумьях он и не заметил, как подъехали.

Штаб армии размещался в просторном доме местного помещика. За столом с разложенными картами сидели начальники оперативного отдела армии, начальник разведки, несколько штабных работников и сам

начальник штаба. Едва Краснов поздоровался, как вошел командующий 8-й армии генерал Брусилов, чуть выше среднего роста, седой, подтянутый. В ту пору ему уже исполнилось шестьдесят два года.

Командарм пожал руку Краснову, предложил:

— Доложите, Петр Николаевич, о рейдах вашей дивизии. Особое внимание обратите на последний.

Краснов подошел к большой карте, испещренной красными и синими стрелами.

— Ваше превосходительство, — начал он, — в связи с превосходством сил наступающего противника мы с полковником Денисовым приняли решение избрать тактику внезапных рейдов по тылам неприятеля, полагая, что этим замедлим темп его наступления. При разработке операций мы использовали данные нашей дивизионной разведки...

Брусилов слушал внимательно, изредка кивал. Начальник оперативного отдела армии и начальник разведки что-то помечали в своих картах...

Доклад Краснова никто не прервал ни одним вопросом. Когда он закончил, Брусилов спросил:

— Так вы, Петр Николаевич, говорите, против Сводной казачьей дивизии был брошен корпус драгун?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Интересно. А не считаете ли вы, что эта акция была задумана заранее?

— Об этом, Алексей Алексеевич, я тоже думал. — Краснов редко обращался к Брусилову по имени-отчеству. — Складывалось ощущение, что дивизию караулили превосходящими силами.

— Вот именно. — Брусилов прищурился. — Видно, ваши рейды раздражили германское и австро-венгерское командование и вас решили уничтожить... Благодарю, Петр Николаевич, за краткий, но обстоятельный доклад и выражаю благодарность за смелые действия казаков. Уверен, ваш опыт рейдовых операций мы еще используем. Я отдал распоряжение пополнить вашу дивизию 10-м Донским полком.

Краснов постарался скрыть довольную улыбку.

— Ваше превосходительство, вам известно, к донцам я питаю особое расположение, а в 10-м Донском казачьем полку я прослужил несколько лет.

— Тем более...

Когда Краснов покидал штаб армии, начштаба сказал на прощание:

— Вероятно, Алексея Алексеевича скоро заберут от нас. Есть сведения из Ставки: его должны назначить командующим Юго-Западным фронтом вместо генерала Иванова.

***

Не думал не гадал Иван Шандыба, что их 10-й Донской казачий полк поступит в распоряжение генерала Краснова в составе Сводной казачьей дивизии.

По прибытии донцов встречал сам генерал. Приняв рапорт командира полка, Краснов объехал каре, задерживаясь у каждой сотни: здоровался, всматривался в лица казаков, будто выискивал знакомых.

Шандыбе казалось, будто генерал узнал его, но он тотчас прогнал эту мысль. Откуда Краснову помнить его, когда за это время генерал повидал немало донцов и кубанцев, терцев и забайкальцев, стрелков и артиллеристов: все они должны казаться ему на одно лицо...

Однако Краснов узнал Шандыбу. Узнал лихого казака, который в первый день войны срубил двух австрийских драгун в разведке. За тот подвиг он, полковник Краснов, вручил казаку Георгиевский крест...

Вечером Степан Ус рассказал Шандыбе:

— Повидал сегодня хорунжего Любимова. Он сказывал: дивизия на примете у командующего. Значит, долго не засидимся...

Вскоре Степана Уса произвели в урядники и назначили взводным в сотне Гаражи.

Донцы, зная постоянное желание Уса выслужиться, зло подшучивали:

— Поди, Степке и до генерала недалече.

— До генерала-то, может, не дотянет, а вот шкуру с нашего брата спустит в охотку.

В тот же день Степан Ус, отозвав Шандыбу в сторону, сказал:

— Ты, Иван, не забудь отписать в Вешки, кто я ныне...

А многоверстный фронт, растянувшийся от Прибалтики через белорусские леса и болота и украинские степи до Румынии, горел огнями, гремел вспышками оружейных зарниц. Земля, изрытая окопами и перепаханная снарядами, стонала. В боях менялись люди, ожесточались, теряя присущую им от природы доброту.

Шандыба уже без сострадания смотрел, как кони вытаптывают озимые, как казаки жгут хаты, грабят сельчан, выгребают клуны, режут скотину.

Денисов как-то сказал Краснову:

— Петр Николаевич, вам не кажется — казаки наши излишне мародерствуют?

Помолчав, генерал ответил:

— Вижу и сам. Да не пойман — не вор. Боюсь, тут наказания не помогут. Война всех распустила, хотя... Вообще-то, Святослав Варламович, это у них в крови сидит: ведь взять по-казачьи не украсть. Вспомните вольницу Стеньки Разина либо Кондрата Булавина.

— Да и Ермак Тимофеевич не лучше... Герой, Сибирь покорил, для государя Ивана Васильевича Грозного постарался... Стоит в столице Войска Донского памятник ему, красуется, а спросите народ, который он покорил, скажут, руки в крови, рухлядь-меха бесценоно нагребил... Предчувствую скорый конец нашей передышке, — сменил тему разговора Денисов.

Краснов согласился:

— Я в этом уверен с того дня, когда докладывал в штабе армии. А с того часа, когда командующим Юго-Западным фронтом стал генерал Брусилов, жду приказа. Вот только в чем он будет состоять?

— Не зря же нас усилили. Вчера, Петр Николаевич, я весь день изучал карту боевых действий.

— И что?

— Была бы моя воля, я бы нашему противнику устроил новые Канны⁷.

— Где?

— У Львова либо у Ковеля. Но для этого не одна наша Сводная дивизия нужна, а еще войсковые соединения. Обратите внимание, Петр Николаевич. — Денисов нарисовал две стрелы, соединившиеся в районе Ковеля. — Вот таким образом.

— Святослав Варламович, быть бы вам начштаба фронта.

— Вашими бы устами, Петр Николаевич, да мед пить. Они рассмеялись.

— А что, Петр Николаевич, возможно, так мыслят и в штабе фронта?

— Поживем — увидим. Но, Святослав Варламович, в подобном случае необходимы мощные группировки, иначе сил на Канны не хватит.

* * *

Накануне войны Краснову довелось видеть тогдашнего военного министра Сухомлинова. Проездом из Варшавы министр посетил Замостье, где стоял 10-й Донской казачий полк. Сухомлинов не произвел на Петра Николаевича особого впечатления. Больше запомнились скабрзные рассказы о нем, о его красавице жене, о ее связи с бакинским нефтяным магнатом Манташевым.

О Сухомлинове и члене его ведомства Мясоедове говорили в начале войны, когда установились факты контактов Мясоедова с императором Вильгельмом. Мясоедов был предан суду, а военный министр Сухомлинов отстранен от должности.

Тогда же стало ясно: русская армия, вступая в боевые действия, оказалась без необходимого количества

снарядов и винтовок — средства, отпущенные для этого, были разворованы. Назначенный на пост военного министра Поливанов и член военного ведомства Гучков привлекли к работе все общественные силы страны, в поисках средств подняли земства, города, сделали громадные заказы в Америке. На военные нужды заработали все заводы России.

Двух лет не прошло, русская армия стала технически так же сильна, как и германская. Генерал Краснов убедился в этом, когда в его дивизию, а затем и в корпус стали бесперебойно поступать вооружение и боеприпасы. Но от Петра Николаевича не ускользнул и тот факт, что наряду с этим в армию начали проникать первые микробы разложения: брожение, недовольство.

Краснов понимал: в правительственных верхах этого сразу заметить не могут. В окопах, на передовых позициях брожение проявлялось день ото дня все ощутимее. Плюс ко всему в военном ведомстве началась чехарда со сменой военных министров. И в Генеральном штабе, и в полковых и прочих штабах понимали: добром это не закончится.

* * *

Фронт был далеко от границ Войска Донского, но война тем не менее чувствовалась и там. Уходили на фронт призывники, сокращалась пашня — некому стало ухаживать за землей. На Дон приходили похороны, уведомления из госпиталей...

Когда из Новочеркасска привозили почту, Сергей Минаевич и Захар Миронович всегда отправлялись к хуторскому правлению.

Скоро они узнали, что Степан получил Георгиевский крест и произведен в урядники, а Иван удостоен второго Георгиевского креста.

— А что, односум, — разводил руками Сергей Минаевич, — когда нас генерал Скобелев на Плевну вел, нам крестов так не давали, как ноне. Твой Ванька, мо-

локо на губах не обсохло, двух лет нет как службу несет, а уже два Георгия.

Захар Миронович обиделся:

— Ванька геройский казак. Ты на него напраслину возводишь. Твой-то Степка давно ли от сиськи оторвался, а уже в урядниках.

Пошли молча, переваривая обиды, наконец заговорили.

Похлопывая по плечу друга, Ус заметил:

— Слышал, будто у Лукерьи из Мигулинской сынка в вахмистры произвели и тремя Георгиями отличили.

— Это какой Лукерьи? Той, которая мужика своего била?

— Водился такой грешок за ней.

— Брешет народ — не три Георгия, а один. И не в вахмистры, а в приказные.

— Ну, до таких-то чинов Степка давно дослужился.

— А больше чем два Егория ни у кого ни в Вешках, ни в Мигулинской, ни в Казанской, да поди, и у хоперских не имеется.

— Ниче, односум, Степка и в есаулы выбьется, видит Бог.

— Дай Бог, — согласился Захар Миронович.

— Как мыслишь, кум, долго мы еще немца бить будем?

— Немец — он крепкий, уже юшкой умывается, а все мира не просит.

— Это так. А вот бабы у них смиренные, вон в Миллерово у моего знакомого жена из этих немцев, так ее бить не надо, во всем с мужем согласна.

— Хорошо, если так, Минаевич, а то нашу донскую казачьих кровей — ее хоть убей, а она по-своему гнет.

— Хорошо-то хорошо, а я вот в Новочеркасске что слыхивал. Царица, она ведь из немок, так гутарят, она с энтим, как его, Распутиным снюхалась, а царю то невдомек.

— Может, она в том Распутине силу мужицкую узрела?

— А пес ее знает. Бабу разве поймешь?..

В разговорах не заметили, как к правлению подошли. Народ расходился. Староста церковный, увидев опоздавших, сказал:

— Не отписали ваши служивые. Небось, на той неделе приплют.

— Нет так нет, — развел руками Шандыба.

Старики постояли у церкви, посеревшей от времени. Ус, глядя, как трава-колючка пробилась через плиты паперти, хмыкнул:

— Помню, я еще мальцом бегал, как храм ставили.

— Ты это о чем? — удивился Шандыба.

— О церкви.

— Вона. Отец мой, Мирон, плотничал.

Пошли улицей вдоль Дона. Неожиданно Захар Шандыба остановился у покосившегося сарая, примкнувшему к полуразвалившегося куреню, кивнул:

— Война, кум, сиротит. Убили Пантюху, подалась его вдова в иные края, и гляди, скоро следа живого не останется.

— Жизнь такая и есть. В прошлых годах встанешь спозаранку: на весь хутор петухи горланят, в базах скотина ревет, а ноне вроде все вымерло. Как теперича жить?

Старики повернули на подворье Шандыбы, уселись у высокого тополя на сбитую из досок скамью. Жена Шандыбы принесла на деревянном подносе нарезанные ломти хлеба, пожелтевшее от времени сало с луковицей, стеклянные стопки и неполную бутылку самогона.

Выпили старые казаки, крякнули, закусили. Посмотрел Шандыба вслед жене, почесал затылок.

— Истину гутарят — жизнь не красит. Вона, ровно утица переваливается.

— Да уж какая есть. На нас погляди. А ведь было время, орлами летали, на скачках призы брали...

Смеркалось. Солнце медленно закатывалось за горизонт, и в его свете блестели зеленые купола собора.

— Красить надо крышу и на нашей церкви, — заметил Ус.

— Обеднял люд, приход на храм не жертвует. Староста, вон, жалуется.

— Вестимо. Ладно, побреду, загутарились мы.

— В другом разе, глядишь, сыновья наши письмецо отпишут...

* * *

В самый полдень казаки дежурного взвода при штабе армии отдыхали. Большая часть в чем мать родила, сняв нательные кресты, купалась в пруду, мыла лошадей. Подкормленные во втором эшелоне кони игриво перебирали копытами, норовили сорваться с недоуздов.

Иван Шандыба улегся на пригорочке, откуда отрывались и пруд, и село, и помещичья мыза, лениво смотрел, как на бездонном небе кудрявились белесые облака. Облачка напоминали ему стадо гусей в заливе Дона, которые то опускали шею в воду, приподнимая вверх гузки, то вставали на воду, взмахивая крыльями, и тогда далеко разносились их громкие выкрики.

Шандыба повернулся на бок, облокотился на ладонь. Глядя на казаков, купавших лошадей, Иван вспомнил, как водил на Дон своих коней. Вымоет, почистит гребенкой, на берегу сгонит воду ладонью со спины и с подбрюшья. Блестят кони, перебирают копытами, ровно танцуют...

Как хутор вспомнился, тут и Варька на ум пришла. Видать, в деваху обратилась, а на вечеринку и пойти некуда. Казаки молодые на войну ушли, остались безусые, недоросшие до призыва, вот разве Гришка-гармонист, какого на фронт не взяли из-за хромоты. Да Варька на калеку и не глянет.

Вспомнил Иван, как казачатами бегали смотреть, каке в Дону купались девки станичные. Подкрадутся пацаны и подглядывают. Соблазнительно. Увидят девчата казачат — визжат, кулаками грозят.

Пожаловалась одна из девок, Катерина, Захару Мироновичу. Тот сына на баз завел, да так кнутом отходил, что у Ваньки на заднем месте рубцы фиолетовые долго не сходили. А Катерина встретила его и тихо-нечко так говорит: «Что это, Ваня, я тебя на Дону не встречаю, аль дорогу позабыл?»

Шандыба улыбнулся. Встреть он эту Катерину ныне, спуску не дал бы. Потянулся сладострастно, подумал: «Баба, поди, в самом соку...»

Распугивая кур, по селу протарахтела фельдьегерская мотоциклетка, остановилась у штаба дивизии. Соскочил офицер связи, взбежал по ступенькам дома.

Трубач заиграл к обеду. Иван поднялся, почувствовал, как в животе заурчало. Подумал: сейчас бы домой, на Дон, в Пригибский. Да миску доброй ухи с сомятиной. Сом-то ноне, в осень, вес нагулял. Особенно к хвосту — одно сало. Бывало, засолят сома да вывялят — жиром истечет...

На окраину села, где дымились походные кухни, уже сходились казаки, позванивая котелками. Пробежала к колодцу молодуха. Казаки покашливали, зубоскалили:

— Эх, братцы, хучь бы на одну ночку.

— Тут в пору завязать бы.

— Тебя бы, бугая, в стадо.

— Коров попортит.

Скрылась молодка, а казаки еще долго душу травили, войну на чем свет костерили, долю свою горькую поругивали...

Глава 7

Совещание у генерала Краснова подходило к концу, и командиры полков собирались разъезжаться. Речь шла о вопросе, всем известном, — о подготовке к новому рейду по тылам противника. Командир дивизии обратил особое внимание полковых начальников на мо-

лодых казаков третьего срока призыва, велел распределить их по сотням, какие уже не раз бывали в рейдах. Потом генерал приказал офицерам полков лично последить за конным составом: проверить амуницию, перековку лошадей, запасы продовольствия и зерна, которые приторочат на вьючных коней...

Прогрохотав мотором и стрельнув выхлопной трубой, остановилась мотоциклетка. Вошедший офицер связи вручил командиру дивизии пакет из штаба Юго-Западного фронта. Начштаба фронта полковника Денисова вызывал в штаб фронта.

Отпустив полковых командиров, Краснов с Денисовым высказали свои предположения о причине вызова. Краснов в заключение сказал:

— Святослав Варламович, поезжайте на автомобиле, быстрее возвратитесь. И помните: мне с вами было хорошо работать, и другого начштаба я бы не хотел...

Проводив Денисова, Краснов попросил хорунжего Любимова подать чай. К нему он особенно пристрастился, когда служил на Востоке. Пил чай очень крепким и без сахара.

Алексей Любимов долго жил бок о бок с Красновым и хорошо изучил все его привычки: чай принес с крутым кипятком. Генерал пил мелкими глотками из своей любимой чашки китайского фарфора, размышляя, по какому поводу вызван в штаб фронта Денисов. Неужели переведут из дивизии? А этого не хотелось бы. Денисов серьезный и, главное, надежный начальник штаба. Хотя, по убеждению Петра Николаевича, заслуживает и должности и звания повыше...

Перед отъездом Краснов попросил Денисова узнать, нет ли для него письма от Лидии Федоровны.

День перешел на вторую половину. Петр Николаевич допил чай, отставил чашку. Раньше, живя в Петербурге или на Востоке либо в царстве Польском, Краснов после обеденного чая обычно садился за письменный стол. Сегодня он знал, о чем хотел бы написать. Мысли, обгоняя друг друга, подсказывали ему

может романа, который он конечно же напишет, как только закончится война...

Генерала и литератора в эту минуту охватила жажда творчества, потребность излить мысли на страницах бумаги. И кто знает, может, и поддался бы генерал литератору, не явись неожиданно адъютант Кубанского полка с тревожным известием: третья сотня взбунтовалась!

Краснов, садясь в седло, спросил у ротмистра Якушкина причину бунта, но тот толком не знал.

Пустив коня вскачь, генерал подумал, что он мог ожидать неповиновения среди стрелков в пехоте, где солдаты — вчерашние мужики, но чтобы у казаков случился бунт!..

Бунтарскую сотню было слышно издалека: у полковой кухни стоял гвалт. Краснов подъехал, осадил коня. Увидев генерала с конвоем, казаки поначалу притихли. Но потом толпой окружили Краснова и подъехавшего к нему полкового начальника. Краснов поднялся в стременах:

— Казаки, кубанцы! Что случилось? Из-за чего возмущение?

В ответ гул голосов, крики.

Генерал поднял пуку.

— Я не понял, пусть выйдет один и все объяснит.

Казаки подались, пропустив вперед бородатого урядника.

— Ваше превосходительство, казаки харчем недовольны. Мы не свиньи, поглядите, ваше превосходительство, чем нас кормят.

Командир полка прикрикнул:

— Урядник Самойленко, ты присягу нарушаешь! Это бунт!

— Никак нет, ваше превосходительство, мы присяге верны, но посуди сам, можно ль с таким харчем мிரиться? В прошлом разе мясо тухлявое. Как-то раз кости навроде собачьих, а куда мясо подевалось, никто

не знает. Седни вот какой случай. Петренко, волоки сюда мешок!

Маленький казачок в алом чекмене⁹ мигом притащил холщовый мешок и высыпал под ноги генеральского коня кучу сухарей. Урядник взял один сухарь, подал Краснову. Генерал понюхал. Сухарь пахнул плесенью и мышами.

Краснов отдал сухарь полковнику, сказал резко:

— Найти виновных интендантов и наказать достойно. Немедленно привезите новую качественную партию сухарей. И следите лично, чтобы в котлы закладывалась здоровая пища. — Он повернулся к толпе: — Казаки, давайте расходитесь. Ваше питание я сам буду контролировать, а виновных мы найдем. Я верю, кубанцы, что вы честно исполните свой долг, этого требуют Государь и Отечество!

Отъехав в сторону, Краснов повернулся к полковнику:

— Установите подстрекателей. Не доведи Бог до бунта в полку. Если что, вас и интендантов отдам под суд трибунала!

— Ваше превосходительство, — возмутился полковник, — но где я возьму качественную провизию? Что привозят...

— Полковник, это ваша забота. Вы в ответе за дисциплину и боеспособность полка. Наконец, у вас есть полковая касса и вам дано право закупок.

Круто повернув коня, Краснов не прощаясь погнал его обратной дорогой. Следом поскакал охранный полувзвод.

* * *

Привязав к развесистому дереву коня, Шандыба чистил его гребенкой. Воронок перебирал копытами, на месте не стоял.

Неожиданно со стороны передовой раздался гул самолета. Аэроплан летел низко, чуть выше деревьев.

Задирая головы, казаки следили за невиданной птицей. Кони испуганно ржали, рвались с недоуздков.

Аэроплан, сделав круг, улетел. Казаки загомонили: — Разведчик.

— Во германец, какую штуку придумал!

— А летун-то в шапке кожаной и в очках. На меня поглядел.

— Так-то уж на тебя!

— Ты че, баба?

— Вот дурень!

— Братцы, в Святом Писании сказано: будут летать по небу железные птицы и люд клевать. И опутают землю и грады проволокой колючей...

Усмиряя Воронка, Шандыба думал: отчего неймет-ся германцу, все бы ему воевать русскую землю. Пулемет выдумал, именем российским назвал — «максим». И ероплан от него летает, бомбы в нашего брата кидает...

Рокот самолета застал генерала Краснова во флигеле, где размещался штаб дивизии. Он выскочил во двор. Следом выбежали несколько офицеров.

Сделав круг, самолет удалился. Краснов прошел в штабную комнату, склонился над картой фронта, разложенной на столе, всмотрелся в линию расположения корпусов немецких и русских.

Генерал понимал, что этот самолет — разведчик. Не иначе германцы готовят очередное наступление. Где оно начнется — вот вопрос. Основательности германского штаба и его командования Краснов отдавал должное. И еще ему как человеку военному imponировали дисциплина и порядок в немецкой армии. Там солдат не ропщет, не выступает против войны, и никому не дозволено выдвигать какие-то требования. Немец даже и не подумает выразить недовольство питанием. А казаки подняли бунт.

Краснов отмечал на карте места, где немцы могли бы начать наступательные операции. А самолет противника в это время высматривал, где русское коман-

дование сосредотачивает резервы, пути переброски их к фронту.

Изучая линию обороны дивизии, Краснов выискивал места возможного прорыва немецких войск, учитывая их излюбленную тактику фланговых ударов. Однако явно угрожающих участков он не увидел.

Пришел хорунжий Любимов. Генерал оторвался от карты:

— Ну-с, Алексей, принеси-ка мне ужин не из офицерского котла, а из казачьего. Хочу узнать, чем людей кормят.

* * *

Среди казаков дежурного взвода с утра пошли разговоры:

— Дезертира поймали.

— С фронта сбег.

— Ничего, скоро все побежим...

Ус услышал, прикрикнул:

— Но-но, балаболки, присягу забыли?

Увидел Шандыба дезертира: маленький, щуплый, воротник на шее хомутом болтается. Озирается среди казаков затравленным зверьком.

— Куда же ты бег? — спрашивают казаки.

— Домой, на Рязанщину. Там, в селе, жена с детишками. Пухнут с голоду.

— Дак изловят же.

— Меня изловят — другие убегут. Ты вот в окопе посиди!

— Сидели.

— Гляди, братцы, он ишшо нас окопом стращает!

— А мовет, он правду гутарит. У нас на Дону по бадам ветры гуляют.

— Немец прет.

— Да ты, я зрю, и трибунала не пужаешься?

— А чего его пужаться? И там смерть, и в окопах смерть. Кабы конец войны видеть, а то ведь нет...

Прибежал хорунжий Любимов:

— Ус, седлай коня, дезертира в штаб корпуса.

Разбрелись казаки, а у самих на душе муторно. Жаль солдата, по всему видать, настрадался в окопах...

* * *

Возвратился полковник Денисов. Вызывали для перевода, однако Брусиллов представление задержал.

Узнав о волнении в третьей сотне кубанцев и о поимке дезертира, начштаба нахмурился:

— Знаете, Петр Николаевич, я слышал в штабе фронта, что в Петрограде нездоровая обстановка. В окрестности царя на важные государственные дела влияет Григорий Распутин. И этот сибирский бродяга всецело овладел доверием государя. Да и о императрице всякие грязные слухи гуляют по столице.

— Я им не верю, Святослав Варламович.

— Рад бы с вами согласиться, да конкретные факты налицо. Ни одна смена государственных деятелей не проходит без Распутина. Эта чехарда вызывает возмущение в Петрограде. Ко всему, безграмотный, развратный мужик вхож в покои императрицы. Он якобы лечит наследника. В Петрограде, Петр Николаевич, брожение умов. Как бы не воспользовались этим всякие социалисты.

— Господь не допустит. Триста лет сидят на троне Романовы и, даст Бог, просидят еще больше.

— Хочется верить, Петр Николаевич.

— Мы, Святослав Варламович, императору присягали и будем верны ему. Донское казачество — одна из главных опор трона.

— Это так. Но волнение в третьей сотне удивляет.

— Что интенданты — воры, давно известно. Но сухари, поточенные мышами, в еду давать? Да за это надо под трибунал отдавать!

— Да не осудят ведь. У интендантов везде связи, они любого купят.

— Но, Святослав Варламович, есть еще Божий Суд.
— Петр Николаевич, воры и казнокрады Божьего Суда не боятся.

— Это горько. В Европе-то по-другому.

— Азия доминирует над европейской Россией силой своих традиций и привычек.

— Жечь каленым железом.

— Боюсь, слишком глубоко корни. Вот вы, Петр Николаевич, говорили: блюсти верность императору. Я с этим согласен. Но до меня доходили и другие разговоры: якобы наша государственная система устарела.

Краснов постучал костяшками пальцев по столу.

— Когда подобные речи произносят социал-демократы, это одно дело. Я расцениваю их как заразу, растлевающую общество. Но если это говорят всякие там думцы, которые спят и видят себя во главе страны, то они толкают Россию в пропасть. Нам не грех поучиться у немцев. Слово «орднунг», что значит «порядок», для них священо...

Краснов поднялся, прошелся по комнате. У большой карты России на стене остановился, скользнул взглядом по Донщине.

— Я, Святослав Варламович, хотя и родился в Санкт-Петербурге, но очень люблю Донщину. В своих книгах я, возможно, несколько идеализировал казацкую жизнь, но поверьте, Дон — моя сердечная привязанность. Она передана мне по наследству. За Дон я готов жизнь отдать. Не могу спокойно слушать, когда казаки поют: «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон...», слезы наворачиваются. Знаете, я не раз думал: если суждено мне будет выбирать место для жительства после армии, непременно остановлюсь на какой-нибудь станице, где растет виноград, а летом подсолнухи и пчелы летают...

Краснов замолчал. Денисов встал:

— Петр Николаевич, наши желания совпадают. Но это в далеком будущем... Позвольте откланяться.

* * *

Стрелкам пришла замена. Измотанные в боях, уставшие от окопного сидения полки уходили в тыл. На смену им шли части отдохнувшие, пополненные личным составом. Занимали окопы, размещались в блиндажах.

Гармонист, сидя на приступочке, задумчиво наигрывал: «Разлука, ты разлука, чужая сторона...»

Кто-то из солдат прикрикнул:

— Не нагоняй тоску!

Гармонист сменил мотив, заиграл: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет...»

По траншее, пригнувшись, шел ротный, приговаривая:

— Обживай окопчики, соколики, разлюбезные мои, засиделись в тылу, теперь ждите, скоро в наступление пойдем.

Поравнявшись с гармонистом, сказал:

— Селиванов, давай-ка напу.

Селиванов, перебирая ряды гармоники, затынул: «Солдатушки, бравы ребятушки...»

Гремя котелками, стрелки шли за едой. Походная кухня расположилась позади окопов в укрытии. Повар торопился раздать еду, покуда немцы не начали обстрел. Все знали: германцы — народ пунктуальный, обеденное время соблюдают. Да и жизнь в немецких окопах начиналась четко: ели, пили эрзац-кофе и только после этого начинали воевать.

Солдаты ерничали:

— Германец только на сытое брюхо воюет...

Через село, где расположился штаб дивизии, проходили полки, снятые с фронта. Задерживались у колючца, жадно пили воду, курили. Шандыба спросил у присевшего отдохнуть солдата:

— Вымотались?

— Третий месяц в окопах. Грязью обросли, живность всякая заела. Перво-наперво баню истопим.

— Сам откуда?

— Воронежский. Слышал, деревня Аненская?
— Деревню не слышал, однако воронежцы пограницы наши.

— Мы к донским землям примыкаем. По дому истосковались, война всю душу вымотала.

Солдат поднялся, поправил шинельную скатку и, закинув за плечо винтовку, пошел вслед за изломанным строем. Прорысила группа офицеров; посигналив, проехал автомобиль командира пехотной дивизии. И снова прошла, поднимая пыль, колонна стрелков.

Проводив взглядом нестройные ряды пехоты воронежских и рязанских, ивановских и костромских, ярославских и орловских, пензенских и смоленских мужиков, одетых в солдатскую форму, так похожих общей усталостью и тоской по своей избе, Иван Шандыба почувствовал, как его самого потянуло на Дон, в родной курень.

Из села выехали брички с фуражирами, разъехали по дальним деревням. Застучали молотки в полковой кузнице. Казаки выводили коней на водопой: донцы жили своими заботами. Ждали приказа, готовились к наступлению.

* * *

В штабе фронта Краснов встретил генерала Каледина. Оба обрадовались: воевали почти рядом, а виделись редко. Каледин командовал 12-й Донской казачьей дивизией, и его соединение шло в авангарде армии Брусилова, а Сводная казачья дивизия шла в арьергарде, прикрывая отход армии.

Генералы оба были донцами и были оба — сторонниками рейдовой тактики. И того и другого вызвали к командующему Юго-Западным фронтом.

— Не известна ли вам, Петр Николаевич, причина вызова?

— Пути Господни неисповедимы, Алексей Максимович. Однако смею предположить: если сразу двух

кавалеристов позвали, речь пойдет о какой-то нас двоих касающейся операции.

Краснов тронул Каледина за рукав мундира.

— Я слышал, Алексей Максимович, вас ожидает приятное событие — прочат на корпус.

Каледин пригладил усы:

— Так за корпус, Петр Николаевич, и отвечать надо соответственно.

Генералы прошлись по дорожке у штаба; день был ясный, но не жаркий. Заканчивалось цветение сирени, но запах все еще чувствовался в воздухе. В стороне от штаба собралась группа офицеров, у дороги пофыркивали автомобили, у коновязи стояли оседланные кони.

Краснов сорвал ветку сирени:

— В Петербурге сирень позже распускается.

— В Петрограде, дорогой Петр Николаевич. Петербурга уже нет. — Каледин помолчал. — Плохо в столице сегодня, ох как плохо. Любителей поговорить слишком много развелось. Краснобаев полно, а твердой руки нет. На поверхность всплыли смутные личности. Казачьей нагайки на них нет. — Каледин говорил зло. — Дума — это скопище болтунов, мечтателей. Была бы моя воля, висеть бы им на фонарях на страх другим... Они не только армию, они своими разглагольствованиями Россию губят.

Из штаба выскочил дежурный офицер, позвал к командующему.

В кабинете Брусилов был один, и Краснову это показалось необычным. Он ожидал увидеть здесь начальника штаба фронта или хотя бы его заместителей.

Предложив генералам сесть, Брусилов заговорил, речь его была приподнятой:

— Господа, наконец-то мы переходим от отступления и обороны к наступлению. Штаб Юго-Западного фронта разработал план операций, в которых вам уделяется одно из важнейших мест. Общий план одобрен Ставкой и главнокомандующим. — Брусилов при-

стукнул ребром ладони по столу. — Я понимаю, вам не терпится узнать свою роль. С ней вас познакомит начальник штаба. Исходя из общего плана вы должны разработать свои, поставить в известность штаб Юго-Западного фронта и по одобрении начать подготовку к наступлению: вы, генерал Краснов, — силами своей дивизии, вы, генерал Каледин, — силами своего корпуса. О часе наступления вас уведомит фельдъегерь штаба Юго-Западного фронта. А сейчас вас ожидает начальник штаба...

Штаб генералы покинули вместе. Уже усаживаясь в автомобили, обменялись мнениями.

— А ведь мы, Алексей Максимович, верно говорили.

— Да, не на пироги нас приглашали.

— Хорошо бы еще одну пехотную дивизию. Немцы — серьезный противник.

— Согласен: прорыв фронта должен лечь на стрелков. А кавалерия завершит дело.

С тем и разъехались...

***

Из-за леса, за которым прячется солнце, поднялся и завис над русскими траншеями серебристый аэростат. Задрали стрелки головы, дивуются.

— Колбаса, истинно колбаса!

— «Колбаса», — съерничал рыжий солдат. — Вот как пальнет, так узнаешь, почем лихо.

— Летун! Вишь, в корзине сидит!

Повисел аэростат над русскими позициями и улетел.

Поговорили солдаты о германской башковитости. Поспорили, кто хитрее: немец или русский мужик, да и смолкли.

Появление над позициями дивизии немецкого аэростата встревожило генерала Краснова. Зародилось сомнение: не прознало ли германское командование о намечающемся наступлении? Вызвал Краснов началь-

ника дивизионной разведки полковника Харьбина, велел узнать, что делается на той стороне.

В австрийский тыл ушли разведгруппы. Краснов ждал их донесений. Вести оказались неутешительными. Германское командование 10-й армии усиливало оборону австрийцев за счет 19-й и 20-й пехотных дивизий.

Краснов и Денисов понимали, что пробить такую оборону будет трудно. А ведь генерал Брусиллов отводил Краснову с Калединым роль ударной силы, которой надлежало прорвать фронт и выйти в тылы противника с последующим развитием наступления на Владимир-Волынский—Ковель. Если подобное случится, в котле окажется крупное соединение австрийской армии. А Юго-Западный фронт начал бы наступление и других фронтов.

***

Полковник Денисов, маленький рыжеволосый донской казак с голубыми глазами и аккуратной стриженной головой, отличался аккуратностью и прилежностью в штабной работе.

Из своих тридцати с лишним лет он едва ли не десятилетие занимал штабные должности. Начинал в полку, последние два года был в дивизии.

Когда на должность командира дивизии прибыл генерал Краснов, Денисов остался доволен. Он считал Краснова человеком культурным, зная генерала как писателя, исследователя казачьего быта.

Приняв дивизию, Петр Николаевич оправдал надежды начальника штаба. Генерал зря не распекал казаков, был тактичен с офицерами, в должной мере обладал храбростью и военными знаниями. С начальником штаба у генерала сложились товарищеские отношения, основанные на доверии и уважении.

Краснов ценил Денисова и полностью доверял его знаниям и опыту штабного работника. Когда генерал

прибыл из штаба и поделился с полковником известием о предстоящем переходе фронта от позиционной войны к наступлению, Денисов сразу спросил:

— Позвольте, Петр Николаевич, для наступления требуется подтянуть резервы. Видите вы их? Тем более если, как вам говорили, нашему участку отводится важная задача. Я не вижу тех сил, с которыми мы будем прорывать фронт.

Сомнения Денисова Краснов передал в штаб, попросив выделить ему дополнительно хотя бы один-два пехотных полка для первого удара по позициям противника. Просьба Краснова была доведена до командующего фронтом, на что Брусиллов ответил:

— Генерал Краснов забывает, что у него малый участок, а у меня целый фронт...

Стало ясно: 2-я Сводная казачья дивизия должна рассчитывать только на свои силы. Все резервы Брусиллов бережет для развития дальнейшего наступления Юго-Западного фронта.

Глава 8

Всю неделю до начала наступления Юго-Западного фронта Краснов с Денисовым были заняты подготовкой к прорыву на своем участке. Ночью, чтобы не заметил противник, усилили огневой наряд, к полковым батареям подтянули дивизионные. На передовую доставили ротные минометы.

На совещании генерал поставил перед полковником Харибыным задачу — ежедневно проводить разведку: не догадывается ли противник о предстоящей операции? Но усилив оборону за счет 19-го и 20-го германских полков из 10-й армии, австрийцы чувствовали себя спокойно.

Разложив на столе оперативные карты, Краснов с Денисовым неоднократно проигрывали варианты предстоящей операции. Их больше всего беспокоило,

как пройдет начало, удастся ли сломить сопротивление противника. Краснов был невысокого мнения об австрийцах, но уважал германского солдата.

— Я, Петр Николаевич, считаю так: конечно, сделаем все от нас зависящее, чтобы обеспечить успех прорыва. Но беда в том, что мы не имеем должного количества стрелков, пехоты, а без них придется ох как трудно.

Краснов долго хмурился.

— Я все понимаю, Святослав Варламович, и догадываюсь, к чему вы клоните. На казаков обычно ложится второй этап операции: ворваться в прорыв, расширить его, чтобы были введены новые силы. На сей раз я вынужден буду бросить на прорыв спешенных казаков. Они пойдут в атаку под знаменем дивизии, и я лично поведу их. Вам же поручаю, как только немцы и австрийцы побегут, возглавить конницу.

— Лучше вы это сделайте, а я поведу спешившихся...

— Нет, — голос Краснова прозвучал излишне резко, — казаки должны видеть своего командира — это придаст им уверенности. А будет уверенность, будет и победа.

***

Сменив на посту главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова, Брусиллов решил проинформировать по одному прорыву на линии перед каждой армией. Это было ошибкой в тактическом плане, ибо распыляло силы фронта.

Для главного удара в общем направлении на Луцк была назначена 8-я армия. Остальные армии тоже должны были вести наступление на участках, избранных своими командующими. При этом командующие могли рассчитывать только на свои силы. Ввиду ограниченности транспортных средств наступление намечалось вести, имея лишь ближайшую цель: разбить живую силу противника и овладеть его укрепленными позициями.

Карту Юго-Западного фронта испестрили красные стрелы предполагаемых ударов.

На рассвете 3 июня 1916 года по всему Юго-Западному фронту загремели орудийные залпы, поднялись огненные смерчи, разрушая оборонительные линии, окопы и блиндажи, превращая в месиво тысячи людей.

Позиции австрийцев, которые приходилось прорывать русским войскам на всех участках, состояли из двух, а местами и из трех линий обороны. Первая укрепленная полоса состояла из трех линий окопов, перед которыми имелось до шестнадцати рядов проволочных заграждений. Вторая полоса отстояла от первой на пять—семь километров, а третья на восемь—одиннадцать. Группировка австрийских войск была равномерной по всему фронту, средняя величина дивизионного участка — около тридцати километров. И эту глубоко эшелонированную линию обороны противника русским войскам надлежало прорвать, с тем чтобы вывести из войны Австро-Венгрию...

***

Не дойдя с версту до фронта, 2-я Сводная казачья дивизия спешила, ожидая последующих приказаний. И они последовали незамедлительно: донцам, передав лошадей коноводам, проследовать на передовую и здесь со стрелками готовиться к наступлению.

Взводу урядника Уса досталась позиция на левом фланге. Достав из кармана кисет, Степан оторвал бумажку, взял щепотку табака. Руки тряслись — табак рассыпался. Ус в сердцах спрятал кисет и сказал Шандыбе:

— Ты, Иван, в атаке поглядывай на меня. Чую, убьют меня сегодня либо ранят, так ты не бросай меня, вытащи.

— Ты, Степка, чой-то рано похоронную запел. Мы с тобой и войну пройдем и в Пригибском погуляем. Сергей Минаевич тебе уж небось невесту приглядел.

Ус улыбнулся.

— На это дело батя прыток. Поспешит взнудать. Однако ты, Иван, просьбу мою уважь, чай, соседи мы.

— Не думай о том, Степан, не кликай беды и не нагоняй тоску...

Присел Шандыба на земляной приступок на дне окопа, винтовку меж ног поставил и задремал. Во сне в Пригибском побывал, в своем курене с матерью и отцом поговорил. Потом над Доном прошел: вроде новая церква строится, хотел спросить, да не у кого.

Вдруг откуда-то Степан появился, Шандыба и говорит ему: «Ты, Степка, австрияков не бойся, они жидковаты перед казаками. Небось, засели в своих окопах как суслики...»

Летняя ночь теплая, однако Ивана дрожь пробрала. И на душе муторно. Может, оттого, что на той стороне Дона небо заволокли тучи, тяжелые, мрачные: гроза идет. Заблистала молния. Иван от грозы бежать взнамерился, но вдруг ноги отказали. Тут все разверзлось от страшного грохота...

Пробудился Шандыба, орудийный рев и разрывы снарядов сотрясали воздух. Подхватился, выглянул из окопа. За бруствером на австрийской стороне, казалось, горела земля. Иван подумал, что там уже не осталось никого в живых. Достаточно донцам подняться — и никакой атаки не надо, иди, занимай без боя первую и вторую линии укреплений.

Огонь батарей не прекращался. Перекрывая грохот, Шандыба крикнул Усу:

— Во жарят! Ни австрияк, ни немец не удержится, всех вымолотят.

Ус не ответил. Прошел по окопу хорунжий Любимов, крикнул:

— Урядник, по сигналу поднимай взвод!

Батареи били еще долго. Наконец стрельба прекратилась и стало так тихо, что если бы в эту минуту стрекотнул кузнечик, то его услышали бы во всех окопах.

Одна за другой взвились три красные ракеты, и на бруствер вскочил хорунжий Любимов, чуть поодаль —

сотник. Поднялись казаки. Не побежали, сначала пошли, потом перешли на ускоренную ходьбу. Чем ближе ряды колючей проволоки, тем быстрее шаг.

Прежде Ивану виделось ничейное поле небольшим, но теперь, когда его надо было преодолеть, оно казалось огромным и пугающим.

Австрийские траншеи все ближе и ближе. Ус бежал рядом с Шандыбой. Общее «Урра!» будто вырывалось из одной глотки.

А окопы противника молчали, будто там никого не осталось в живых. Глянул Иван на Уса: у того лицо бледное, искажено, словно от боли. Собрался Шандыба крикнуть Степке что-нибудь успокаивающее, но тут разом ударили по донцам фланговые пулеметы, залпами огрызнулись окопы. У Ивана в голове одна мысль мелькнула: ждали до поры, теперь перебьют всех. Впереди и с боков падали убитые, раненые. Остановились донцы, потом побежали. Вроде наперегонки спешили укрыться в своих траншеях. Глянул Шандыба туда, где Ус бежит, а тот стоит скорчившись. И тут же рухнул. Рванулся к нему Шандыба, наклонился, а Степка ревет навроде бугая. Иван его винтовку себе на шею и потащил Уса. Пули вокруг щелкают, соловьями поют. Раненые санитаров зовут. Один из казаков с развороченным животом умоляет пробежавших товарищей:

— Братцы, смерти прошу!

Сам не помнил Иван, как у своего окопа кто-то из донцов помог перетащить Степана через бруствер. Шандыба Усу голову приподнял, подбодрил:

— Ниче, Степа, сейчас в лазарет, а там на тебе рана как на кобеле зарастет...

***

Краснов следил за атакой. Вот донцы поравнялись с колючими заграждениями, и саперы принялись делать проходы. Траншеи противника молчали. Генерал едва слышно прошептал:

— Атаманы, донцы, еще один рывок, и первая полоса ваша...

Солдаты пехотного полка уже пробирались через проволоку, выставив штыки, бежали к австрийским траншеям... И тут враз застрочили пулеметы. Генерал увидел, как дрогнули и побежали обратно казаки.

Краснов ушел в свой блиндаж. Срочно были вызваны командиры полков. Командир дивизии был мрачен, говорил недовольно:

— Первая атака захлебнулась... Но мы будем продолжать, пока не добьемся прорыва. Весь удар наших орудий будет направлен на австрийские укрепления. Полковые и дивизионные орудия располагают достаточным запасом снарядов. Огонь должен тщательно корректироваться наблюдателями. После этого дивизия снова пойдет на прорыв.

Краснов повернулся к командиру кубанского полка:

— Велите кубанцам спешиться. Они примут участие в следующей атаке.

И тут же командиру пехотного полка:

— Я видел, господин полковник, что вашим стрелкам не хватило малости, чтобы ворваться в первую линию обороны австрийцев.

— Ваше превосходительство, если бы казаки не отошли...

Краснов будто не слышал сказанного пехотным полковником.

— Господа, командующий фронтом отдал распоряжение: коннице войти в прорыв через три дня. Наша задача — за это время преодолеть сопротивление врага.

Орудийная пальба улеглась, стихла перестрелка. Наступила передышка. В этот день к вечеру дивизия повторила попытку овладеть первой линией австрийских укреплений, и снова безрезультатно. Казаки отошли, понеся большие потери.

Раненых увезли в лазарет, погибших сложили в братскую могилу и после отпевания забросали землей. А те, кто остался лежать на нейтральной территории и

к кому невозможно было подобраться, в три-четыре дня почернели, и ветер понес с той стороны сладковатый запах.

Шандыба устал от постоянных атак. Злобствовал. Идя в наступление, каждый раз ждал смерти. Но она его миловала. В штыковой, когда сходились, бился люто, будто в его нынешней тяжелой жизни виновны австрийские или немецкие солдаты...

Прошла первая половина июня. Краснов бросил в наступление весь личный состав дивизии. Он сам повел ее в наступление. Тот бой был самым яростным, казаков обозлили неудачи и потери товарищей. Они видели, что генерал идет на прорыв вместе с ними. Ворвавшись в окопы, казаки сошлись в штыковой. Они заняли первую линию обороны, вторую, остановились перед третьей. Выдохлись. Бросить бы в бой резерв, но нет его. А к австрийцам подошли свежие германские полки, переброшенные с Западного фронта из Франции.

Из штаба поступали сведения об успешных операциях на отдельных участках Юго-Западного фронта. Стало известно: генералу Каледину удалось прорвать фронт. На своем направлении 8-я армия успешно развивает наступление и овладела городом Луцком. Взяв Луцк, части этой армии проникли вглубь расположения австрийской оборонительной линии километров на тридцать и, форсировав реку Стырь, вышли на фронт Колки. Но тут пришлось приостановить наступление, потому что вдоль железной дороги на Ковель появились новые германские части.

Перед Брусиловым встал важный вопрос: в каком направлении ему использовать успех 8-й армии — на Ковель или на Львов? Если бы конница прорвалась на Ковель, то положение Юго-Западного фронта определилось бы само собой. Главные силы правого крыла смогли бы ударить на Львов. Но конница не прорвалась, а, спешившись, действовала как пехота, и Брусилову пришлось ориентировать 8-ю армию сразу на два направления — на Львов и на Ковель.

Такая неопределенность не могла не сказаться на результатах всей задуманной операции Юго-Западного фронта, в том числе и 8-й армии. Прорыв, начатый без определенной стратегической идеи, без сосредоточения в зависимости от этой идеи глубоких резервов, должен был закончиться ничем. Это не замедлило случиться уже к августу 1916 года.

* * *

Издали доносилось чавканье копыт, окрики ездовых, скрип колес. Пользуясь ночной темнотой, подвозили боеприпасы и продовольствие.

Кругом были болотистые места, и оттого в окопах было сыро и зябко.

Назначенный взводным после ранения Уса, Шандыба направлялся к левому флангу своего взвода, где казаки третьей сотни стыковались с ротой пехотного полка. Иван шел, пригнувшись, по ходу сообщения, осторожно переступая через ноги спящих.

Ивану спать не хотелось. Он возвращался из блиндажа войскового старшины, где тот, собрав сотников и взводных, строго наказал: глаз не спускать с казаков, прислушиваться к их речам, какие разговоры ведутся, и глядеть, не появились ли смутьяны, подобные тем, что среди стрелков пехотного полка уже обнаружили. Войсковой старшина два раза повторил: зараза разложения не должна коснуться казачества, оно — опора Государя и Отечества.

Шандыба слышал, в соседней пехотной роте солдаты всю толкуют о продажности генералов и грозят уйти с фронта.

Ивану и самому война уже в печенках сидит. Особенно с той поры, когда казаков, спешенных, погнали в окопы. Но Шандыба был согласен с войсковым старшиной: кому, как не казакам, воевать за Россию.

И еще Иван твердо знал: если доведется услышать среди казаков недозволенные речи, он постарается

унять их, успокоить, напомнит о долге, но донести начальству — нет, такого от Шандыбы не дождутся...

В прошлом месяце погиб командир третьей сотни, и ее принял хорунжий Любимов. Алексея за глаза звали «любимчиком» генерала Краснова, но донцы его уважали за храбрость, он ходил в атаки вместе с сотней, участвовал в штыковых боях.

От сотника Шандыба узнал, что Степку из лазарета отправили на Дон долечиваться. В душе Шандыба даже завидовал Усу — дома побывает. А может, больше на фронт и не пошлют: ранение-то у Степки в грудь навывлет...

Присел Иван, шинель на плечи накинул, приготовился ночь коротать, да не дали. Велели взвод поднять, разведку боем устроить. Так поступали, когда хотели выявить огневые точки противника, чтоб накануне атаки подавить их орудиями...

Подняв взвод, Шандыба приказал казакам рассредоточиться. Ругаясь, они перебрались через бруствер и, когда со стороны австрийцев взлетела осветительная ракета, припав к земле, начали подбираться к вражеским позициям. Позади осталось нейтральное поле, теперь надо было вызвать огонь на себя. Казаки подняли беспорядочную стрельбу. Одна за другой поднимались в небо ракеты, ударили пулеметы. Стрельба продолжалась не менее получаса. Когда все успокоилось, Иван передал, чтоб отходили к своим. В итоге ночной вылазки троих казаков убило и шестерых ранило.

***

Из штаба корпуса генерал Краснов возвратился злой. Он считал упреки в адрес 2-й Сводной казачьей дивизии необоснованными.

Командир корпуса сказал:

— Я, Петр Николаевич, надеялся, что ваша дивизия на участке, который она занимает, прорвет фронт. Краснов ответил категорично и довольно резко:

— Ваше превосходительство, 2-ю Сводную казачью дивизию упрекнуть не в чем. Дело в том, что она действовала без резервов.

— И все же попытайтесь повторить наступление...

Возвратившись в дивизию, генерал созвал полковых начальников, командиров батарей, начальника разведки и снабжения на совещание. Несмотря на то что всех видов боеприпасов было достаточно, в выступлениях сквозила неуверенность в возможности прорыва. Однако Краснов отдал приказ готовить полки к штурму третьей укрепленной полосы.

Денисов разложил карты участка, в который раз дал установку каждому полку и сотне.

— Удар артиллерии будет нанесен всеми имеющимися средствами, — сказал он. — Огонь будет упреждающим, только после этого полки пойдут в наступление. В атаку двинутся под развернутыми знаменами...

Рассвет тронул небо, когда со стороны позиций дивизии ударили орудия. Разрывы сотрясали воздух и землю. Молчали австрийские укрепления, молчали пушки. Всю первую половину дня русские батареи продолжали обстрел вражеских позиций.

Но вот наступила короткая тревожная тишина. Шандыба, прежде не раз ходивший в атаки, почувствовал озноб, тело колотила нервная дрожь. Когда дивизия по всему участку поднялась в наступление, Иван одним из первых перемахнул через бруствер. Он спешил пересечь проклятое поле, чтобы очутиться в австрийской траншее. Но до нее надо было еще добежать, преодолеть колючую проволоку, да не один ряд...

С наблюдательного пункта Краснов следил за ходом атаки, видел, какие потери несет дивизия, думал: чтобы вырвать победу и бросить в прорыв конницу, необходимы резервы пехоты, которых у него как не было, так и нет. С огромным трудом удалось-таки закрепиться в третьем эшелоне.

Вечером Краснов начальнику штаба Денисову сказал:

— Боюсь, Святослав Варламович, как бы нам не навязали окопную войну.

— Вы, Петр Николаевич, имеете в виду нашу дивизию?

— Да нет, всему фронту. А ведь от позиционной войны рукой подать до революции.

— Ходят слухи, в правительственных верхах обсуждается идея сепаратного мира.

— Сепаратный мир будет означать, что Россия не будет плавать в проливах, а в Константинополе останется сидеть султан.

— Я думаю, идея сепаратного мира вызовет недовольство всех этих Рябушинских, Гучковых, Львовых и прочих.

— В конце концов, это не наши заботы. Наше дело — сохранить армию, удержать ее в повиновении.

* * *

Из соседнего пехотного полка дезертировали еще два солдата. Покинули окопы с оружием. На поимку дезертиров послали казаков, выставили патрули, но все оказалось тщетным.

Генерал Краснов велел зачитать в дивизии приказ о применении смертной казни за нарушение воинской дисциплины, считая такую меру достаточной для тех, кто попытается нарушить присягу.

Притихли казаки. Не доведи бог попасть в неблагонадежные. Такое ляжет позором не только на голову казака, но и на весь его род. Шандыба хотя и был недоволен окопной жизнью, однако держал недовольство в душе, вслух не высказывал. С детства наслышан был Иван о подвигах деда Мирона. Если бы дошло до Захара Мироновича, что сын службу несет недостойно, отец сказал бы:

— Дед твой, Ванька, Плевну брал, с самим генералом Скобелевым на приступы высот ходил, я царю-батюшке с честью служил, а ты, сукин сын, видать, забыл, чьих ты кровей?

Степку Уса в пример бы поставил. В общем, ослабил бы на весь хутор, на всю станицу Вешенскую. Да что там на станицу — на весь Дон...

Вспомнилось Шандыбе, как на большие праздники отец, бывало, сядет за стол в красном углу под святыми иконами, даже когда никого из гостей нет, нальет из заветного графинчика стопку водки, выпьет, закутит да заведет свою любимую песню. Иногда мать ему подпевала. Красиво у них получалось. Отец начинал:

...А из года в год степь донская, наша матушка...

Мать подхватывала звонким голосом:

...За Пречистую Мать-Богородицу,
да за веру свою православную,
Да за вольный Дон, что волной шумит,
в бой звала со супостатами...

Родители пели, а Ванька, когда был мальцом, слушал. Повзрослев, тоже подпевал. И было в курене уютно и весело. Вот за эту жизнь и воевал Иван Шандыба.

* * *

Приблизительно так, как Шандыба, мыслил и генерал Краснов. Хотя род его давно осел в Санкт-Петербурге, Краснов всегда считал себя донским казаком, верным трону. Неудачи России в войне он воспринимал болезненно и очень опасался разложения армии, которую считал хранительницей устоев Государства Российского.

Затянувшиеся боевые действия на Восточном фронте, смена военных министров и главкомверхов, усилившиеся брожения умов и, наконец, тяготы военного времени — все это, как хорошо понимал Краснов, может отразиться на положении всей Российской империи.

Иногда он, писатель и исследователь, спрашивал самого себя: неужели Россию не научил горький опыт Русско-японской войны? Тогда Страна восходящего

солнца продемонстрировала преимущества технической оснащенной армии. Минуло десять лет, и снова, теперь уже германские вооруженные силы, теснят русскую армию. А в последнее время Краснов стал задавать себе еще один вопрос: почему немецкий солдат так дисциплинирован, беспрекословно исполняет приказы своих офицеров и в германской армии нет никаких агитаторов?..

Опасаясь, что зараза разложения может коснуться казачества, Краснов и отдал распоряжение ознакомить 2-ю Сводную казачью дивизию с приказом о придании суду военного трибунала за нарушение воинской дисциплины.

Глава 9

Сергей Минаевич приехал забирать сына из новочеркасского госпиталя. Никого не послал, сам хотел первым увидеть Степана да доставить его в родной курень с бережением: рана-то у сына нелегкая. Ко всему Степка георгиевский кавалер.

К госпиталю Сергей Минаевич подъехал затемно. Долго дождался, пока санитар с сестрой милосердия вывели Степана, уложили в бричку. Сергей Минаевич суетился, взбивал свежескошенную траву, прикрывал войлочным потником. То и дело повторял:

— Ну, Степан, герой георгиевский, с прибытием.

Уселся в бричку, причмокнул:

— С Богом.

Покуда за город не выехали, поглядывал в исхудалое, осунувшееся лицо сына, в чубатую голову, в которую вкралась редкая седина, думал: видать, жизнь похлестала.

Степан подремывал, только в степи открыл глаза, когда пахнуло разнотравьем. Улыбнулся:

— Знаешь, батя, нет ничего красивше нашего раздолья. Казаку не Россия нужна, а Дон.

— В самый раз сказал. От степи и вся наша жизнь дошла.

— Соседи как там?

— Мироныч? А че с ним поделается. Прыгает. От Ваньки письма дожидается.

— Ванька меня из боя вытаскивал.

— Господь воздаст ему.

— Коня моего домой приведут?

Сергей Минаевич промолчал. Степан продолжил:

— Прет германец и нас бьет. Ну да и мы в долгу не останемся.

— Немец он и есть немец. Настырный... Так, говоришь, Ванька второго Георгия заслужил?

Теперь промолчал Степан.

Сергей Минаевич пошевелил вожжами, кони перешли в рысь. Дорога после дождя мягкая: бричку не трясет и Степану спокойно, рану не беспокоит.

— В 12-й Донской полк ушли казаки третьего призыва.

— Там генерал Каледин командир дивизии. У нас генерал Краснов.

— Слышал. Книжки его почитывал. Башковитый. Про казаков много пишет.

— Я, батя, в хозяйстве пока не подмога.

— Без тебя управимся. А я-то грешным делом сооружал: воротись — женим.

Степан улыбнулся.

— Мы с Ванькой о том же гутарили.

— Не слышать, когда замирение выйдет?

— По всему, не скоро немца побьют. Ить он упорный... А в окопах солдаты войной недовольство высказывают. Грозятся фронт покинуть.

— Ну это они с крестьянской дури. Как можно с фронта бечь?

— Довелось мне одного дезертира в штаб вести, говорил, придет час, все побегут.

— Может, и побегут, но только не казаки. Россия казаками сильна...

В разговорах не заметили, как смеркаться стало. Сергей Минаевич подстегнул лошадей.

— Ночевать в курене будем, там нас уже заждались.

* * *

Измотанную, понесшую большие потери 2-ю Сводную казачью дивизию отводили на отдых верст за десять от фронта. Шли конным строем, ведя в поводу лошадей погибших товарищей. Уходили в тыл, чтобы передохнуть, привести себя в порядок, помыться, постираться, отоспаться. Но радости было мало. Казаки знали, что окопная жизнь не окончена. Вскоре предстоит вернуться на позиции. Генералу Краснову командир корпуса честно сказал:

— Не расслабляйтесь, Петр Николаевич. Дивизия отдохнет, придет пополнение, и вы снова получите участок на фронте. В штабе корпуса познакомитесь с дислокацией.

Прибыв на место, дивизия расположилась по деревням: отрыли землянки, устроили бани. Стирали обмундирование, стриглись, приводили себя в порядок.

Управление расположилось в селе, что раскинулось на склоне холма в полуверсте от леса. Для штаба подыскали хату-пятистенку, а Краснов поселился в домике местного священника у деревянной церкви. Старая попадьа отвела генералу лучшую горницу. Вечерами отец Паисий и Краснов вели долгие разговоры. За чаем с кренделями, которые искусно пекла попадьа, говорили о догматах церкви, об униатах¹⁰, которые в последнее десятилетие активничали в этих краях.

Отец Паисий, перешедший рубеж своего шестидесятилетия, оказался не только умным собеседником, но и человеком начитанным, со своими собственными взглядами. Он сурово судил Флорентийский собор, увековечивший раскол христианства на католицизм и православие, убедительно доказывал, что настанет такое время, когда раскол отойдет в прошлое. Правда,

Краснов сам не отрицал такой возможности, тем паче что жена, Лидия Федоровна, хоть и приняла православие, но больше склонялась к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию...

После первых дней отдыха Краснов объехал расположение дивизии. Он остался доволен начавшим прибывать пополнением. От полковых начальников потребовал уделить вновь прибывшим внимание для боевой выучки, особенно в пешем строю. Позиционная война — это не кавалерийская атака: надо уметь действовать не только пикой и саблей, но и штыком.

Время, отведенное на отдых, не прошло даром. Посещая полки, Краснов видел: дивизия обретает хорошие боевые качества. Прежде чем проводить смотр, он решил поехать на рекогносцировку на предполагаемый участок обороны.

Из селения Краснов выехал один, без начальника штаба. Автомобиль катил дорогой, изрытой снарядами, изрезанной ободами колес. Кругом лес, но нередки и прогалины: деревья шли на вымостку дорог, устройство гатей.

Остался позади земляной городок, бивак пехотного полка. У походных кухонь толпились солдаты с котелками.

Автомобиль миновал деревню с выгоревшими избами. Слово руки, воздетые к небу, высились печные трубы.

Чем ближе передовая, тем гуще была концентрация войск. Одни шли к фронту, другие отходили в тыл.

У самого леса виднелись замаскированные ветвями пушки, суегились орудийная прислуга. Конные упряжки тащили трехдоймовки: батарея меняла позиции.

Водитель сбросил и без того малую скорость, проехал через шаткий, построенный на скорую руку мостик. Показались места, где предстояло занять позиции 2-й Сводной казачьей дивизии.

Генерал велел остановить автомобиль, вышел. Через стекла бинокля долго всматривался туда, где нахо-

дились укрепления противника. Краснов знал, что именно сюда германское командование, не слишком доверяя своим союзникам австро-венграм, перебросило своих солдат.

Впереди до самой передовой дорога была под обстрелом германских батарей. Но Краснов уже определил, где будут установлены пушки дивизии, куда уведут в укрытие лошадей коноводы, где поставят палатки лазарета...

Возвращался Краснов под впечатлением увиденного. Ясно было одно: ни о каких кавалерийских рейдах думать не придется. Казакам снова предстоит позиционная война с сидением в окопах, как стрелкам из пехотной дивизии, ходить в атаки, вступать в рукопашные бои, мокнуть под дождем, отогреваясь в блиндажах.

* * *

Срок, отведенный дивизии на отдых, еще не истек, но Краснов видел: даже за такое короткое время казаки повеселели, воспряли духом. Постепенно забывалось окопное горькое сидение, атаки, колючая проволока, потери. Пожалуй, многие и не думали о том, что скоро их ждут траншеи и испытания, которые они однажды уже пережили. Прежде, еще в бытность на Дону или в ином казачьем краю, все были уверены: удел казака, если он не пластун, — лихие конные победные атаки.

Да и у самого комдива Краснова еще теплилась надежда, что 2-ю Сводную казачью дивизию не пошлют на позиции, где ее ожидает участь стрелков. Так хотелось, чтобы казаки, как прежде, приняли участие в рейдах по тылам противника.

Однако, спрятав подальше свои желания и руководствуясь задачами, которые определил для дивизии командарм, генерал Краснов отдал приказ произвести смотр всего личного состава.

Из деревень и сел, где размещались полки, на огромное поле съезжались казаки. Гремели лафеты орудий, на рысях подъезжали полки. И если в прежние довоенные времена формирование целых полков шло строго по масти лошадей, то теперь не только полки, но даже сотни не могли похвалиться конями одной масти...

Дивизия строилась в каре. Играла музыка, поднимающая настроение. Раздалась команда на вынос знамени, и все замерли. Знаменосцы с помощниками встали во главе дивизии. Бывалые казаки, много раз видевшие это знамя на поле боя, невольно подтянулись, волнение охватило и новичков.

Краснов с начальником штаба медленно объехали каре, приветствуя полки. Отвечали дружно. Генерал остался доволен: дивизия смотрелась неплохо.

...И вспомнилось Петру Николаевичу, как задолго до войны он побывал на параде в честь тезоименитства государя. Тогда Краснов вел свою сотню: кони на подбор вороные. Прошли на рысях, а он, приподнявшись в стременах, салютовал императору саблей. Николай Второй после парада подозвал Краснова, сказал:

— Пока существует кавалерия, казачество незаменимо...

Речь командира дивизии была короткой. Он призывал казаков оставаться верными присяге, быть защитниками престола и Отечества, помнить заветы дедов и отцов, которые верно служили государю-императору.

Полки разъехались, а Краснов, собрав начальников, отдавал приказания, выслушивал пожелания. Просьбы сводились к одному: обратиться к командарму, чтобы конницу использовали по назначению.

У Краснова накануне был об этом разговор с Денисовым. Они оба считали, что кавалерию надо сохранить. Но приказ есть приказ.

— Если мы намерены сохранить казаков как полноценную боевую силу, нельзя использовать их как пе-

хоту. Но, Святослав Варламович, это наше пожелание, и дальше пожеланий мы не пойдем.

— Да, Петр Николаевич, — согласился Денисов, — но боюсь, казак растеряет свои боевые качества, посидев с пехотой в окопах и наглотавшись солдатского духа.

— Я этого сам опасуюсь. Вы, кстати, помните, в смутные дни 1905 года именно казаки сохранили верность государю. Если мы позволим казакам якшаться с солдатами, то можем потерять преданных защитников престола. — Краснов подумал. — Попробую убедить в этом комкора.

— Бог в помощь, Петр Николаевич.

Разговор Краснова с комкором состоялся, но ничего не изменил. Из штаба прибыл порученец с пакетом: дивизия должна занять означенные ранее позиции...

Глава 10

В середине октября 1916 года в дивизию пришла телефонограмма, в которой генералу Краснову предписывалось прибыть в штаб армии. Петр Николаевич был озадачен: 2-я Сводная казачья дивизия уже две недели занимала новые позиции, успешно отражая натиск баварских полков. Но приказ есть приказ, и Краснов, оставив часть на Денисова, выехал в Носовичи, где размещался штаб армии.

День был мрачный, дождливый. Кутаясь в шинель, Краснов размышлял, чем объяснить этот вызов. Командующего армией генерала Пестрецова Краснов знал давно, еще с Русско-японской войны. Однако в последнее время они не встречались, а с той поры, как Пестрецов стал командиром, Петр Николаевич по всем вопросам выходил на командующего корпусом. От него и поступило распоряжение дивизии занять позиции в окопах. Тогда в штабе корпуса не прислушались к его соображениям по поводу использования 2-й Сводной казачьей дивизии. Теперь

Краснов намеревался поднять этот вопрос перед Пестрецовым.

Автомобиль двигался на малой скорости, местами, где дорогу совсем развезло, еле полз, и Краснов подумал, что наступает пора, когда придется отказаться от машины и пересесть на коня.

Показались Носовичи, и вскоре автомобиль запрыгал по булыжной мостовой, мимо одноэтажных домов, церкви, магазинчиков, пустующего базарчика.

У штаба армии стояли часовые, у коновязей оседланные кони ожидали дежурных офицеров.

Командарму доложили о прибытии Краснова, которого сразу же пригласили в кабинет. Петр Николаевич обратил внимание на то, что Пестрецов выглядел очень плохо: лицо одутловатое, с сетью морщин у глаз, движения вялые.

В кабинет подали чай.

— Присаживайтесь, Петр Николаевич. Угощайтесь... И я с вами за компанию.

Краснов пил чай, слушал командарма.

— В последнее время меня пугает, Петр Николаевич, окопная война. Вы, боевой генерал, помните, как в Русско-японскую войну обстановка загнала нашего солдата в окопы. И к чему это привело? Я согласен с вашими соображениями по поводу сохранения казаков как особой военной силы, но что я могу поделать? Наши союзники англичане не хотят победы России. Они опасаются нашего вступления в Константинополь, наших крестов над Святой Софией. Англичане и побудили нас сесть в окопы. Эта тактика для нас не мед... В общем, Петр Николаевич, кажется, Россия попала в скверную коалицию: наши партнеры хотят загреть жар чужими руками.

— Что же делать, ваше превосходительство?

— Трудный вопрос, Петр Николаевич. Такой вопрос, пожалуй, стоит перед всей Россией. Мрачные силы собираются вокруг государя. Как выйти из столь сложной ситуации? В свое время там, наверху,

мне намекали, что нужен, дескать, сепаратный мир с Германией. Я был тогда в корне не согласен. Но сейчас я думаю: нет ли в тех словах истины? — Пестрецов отодвинул стакан. — Однако, Петр Николаевич, перейдем к делу. Я ведь вызвал вас не для того, чтобы сетовать на жизнь. Сейчас мы формируем новый корпус. В него войдут две пехотные дивизии, которые пополнятся резервом, войдет и ваша 2-я Сводная казачья дивизия. Я рекомендую вас на должность командующего корпусом. В ближайшее время познакомьтесь с обстановкой в пехотных дивизиях. Полагаюсь на ваш опыт.

— Ваше превосходительство, кто будет начальником штаба корпуса?

— Полковник Давыдов. Штабист он опытный, с трезвым умом, хороший аналитик. Но надо заметить, воспитательной работе среди солдат уделяет мало внимания. Короче, Петр Николаевич, ознакомьтесь, делаете выводы и готовьтесь принимать корпус...

***

Покидая Носовичи, Краснов узнал, в каких населенных пунктах стоит его будущий корпус, и велел водителю ехать по этим местам.

На подъезде к первой из деревень машина застряла в глубокой колдобине. Водитель привел отделение стрелков, и те, раскачав, лихо вытолкнули автомобиль.

Машина покатила мимо убогих изб, где толпились солдаты в старых, грязных, непригнанных шинелях, многие без погон, на головах измятые серые папахи, на ногах рваные сапоги, опорки, даже лапти.

Провожая угрюмыми взглядами автомобиль, солдаты и не думали приветствовать генерала. Петр Николаевич почувствовал себя удрученно. Он понимал: чтобы привести эти части в боевое состояние, необходимо, во-первых, восстановить дисциплину, во-вторых, организовать элементарные строевые занятия...

Обо всем этом Краснов и повел речь на совещании командиров дивизий и полков:

— Господа, в таком состоянии корпус небоеспособен. Я требую от вас научить солдат воевать. Господа офицеры, вспомните, что вы офицеры... В таком состоянии мы не можем выполнить поставленные перед нами задачи.

Краснова никто не прерывал, слушали молча.

— Я требую начать непрерывное обучение людей, я требую физических упражнений, чтобы солдаты почувствовали свое тело, могли разить штыком чучела, могли отбиваться прикладом... Работа с солдатами на местности в любое время дня, в любую погоду... И еще. Обратитесь к душе русского солдата... Солдаты забыли строевую музыку, пение...

***

О трагедии, происшедшей с частями будущего корпуса, Краснову сказал еще Пестрецов, но подробности он узнал от начальника штаба, полковника Давыдова.

Впереди был австрийский укрепрайон с ходами сообщения, окопами, землянками, блиндажами, несколькими рядами колючей проволоки.

— Вот здесь мы и стояли, — Давыдов повел рукой по местами осыпавшимся окопам... — Знали: нам предстоит выбить австрийцев из их укреплений, но командир проявил беспечность и вместо подготовки сутками не покидал свой блиндаж. Был постоянно навеселе, на все мои предупреждения не реагировал, даже грозил отстранить от должности. — Здесь, — продолжал полковник Давыдов, — в августе—сентябре произошло то, что мы и сегодня пожинаем. Командир заставил части идти на укрепления без артподготовки, не расчистив поле от проволоки. Солдаты шли на колючку под ураганным огнем австрийцев. По нам били из тяжелых орудий. Обратите внимание, ваше превосходительство, сколько здесь воронок. Мы отошли.

Нет, точнее мы убежали и только позже могли посчитать потери... Вот так, ваше превосходительство, за головоуятие одного ответили своими жизнями тысячи. И как результат — случаи дезертирства и отказ идти на передовую.

— Именно это мы и должны переломить, полковник. За первыми единичными случаями может последовать массовое неповиновение, а это развал фронта.

— Я с вами согласен, ваше превосходительство, но есть одно «но». В казачьих войсках еще сохраняются славные традиции предков. Этого нет среди обычных солдат.

— Наша с вами задача, полковник, если мы хотим сохранить армию и государство, каленым железом выжечь дух вольнодумства и неповиновения. Должен сказать свое слово и трибунал...

— Нелегко это будет, ваше превосходительство.

— Нелегко, но нужно. Интенданты докладывают, что на склады поступают обмундирование и сапоги. Обещают подвезти шинели. Солдатам начали выдавать нормальное довольствие, заработали бани. Люди повеселели. Мы должны достучаться до сердца каждого солдата, чтобы он понял свой долг — воевать до победного конца. Тогда мы можем послать корпус в бой.

* * *

В первых числах ноября новый корпус занял свое место на позиции.

Ходами сообщений солдаты растекались по окопам, зло шутили:

— Постоим, братцы, за веру, царя и отечество.

— Государь наш немецких кровей, и государыня немка. Сами в Питере во дворцах расслаживаются, а нашего брата в окопы загоняют.

— Погодь маленько, как мороз прижмет, так и нам не грех по избам разойтись.

Развязавших языки осаживали унтер-офицеры, фельдфебели, взводные:

— Разговорчики прекратить!

Солдаты постепенно утомнились, выставили наблюдателей. Из землянок послышался густой храп.

Поздно вечером на передовую приехал генерал Краснов. Шел по ходам сообщений один, без сопровождения адъютанта, шел не торопясь, всматривался в лица солдат, интересовался у часовых, как настроены, который год служит, откуда родом. Возвращаясь, взглянул на походную кухню. Спросил у повара, чем намерен утром кормить людей.

Узнав, что прибыл командир корпуса, подошел командир полка. Поздоровались.

— Вы бы отдохали, Григорий Александрович.

— А вы, ваше превосходительство, отчего не спите?

— У меня давняя сила привычки. В молодые годы подчас не спал по много часов. А когда за письменный стол садился, путал день с ночью.

— Доводилось мне, ваше превосходительство, читать ваши рассказы в «Ниве». Помню и эфиопские повести.

— Мечтаю вновь сесть за стол и взять в руки перо. Ужели наступит такой день?

— Война, ваше превосходительство, обогатит вас новыми наблюдениями.

— Лучше бы не было такого обогащения... Что там слышно у австрийцев?

— Разведка доносит, что к ним подошли немцы из Франции.

— Во Франции немцы испробовали газы. Но надеюсь, на Восточном фронте они их не применяют.

— Избави бог. Наш солдат от газов защиты не имеет.

— На Западном фронте Германия применила газы в основном как средство устрашения. Французские и британские солдаты были буквально парализованы.

— Под газовую атаку попал, ваше превосходительство, и русский экспедиционный корпус.

— К несчастью, Григорий Александрович, к несчастью. Иприт — газ слезоточивый, но нам пока неизвестны его последствия. А они могут быть печальными... Жаль, что Германия оказалась подготовлена к войне лучше стран Антанты. В этом мы убеждаемся снова и снова.

— Я верю, ваше превосходительство, что Россия одержит победу в этой войне.

— Я тоже, но нам не нужна победа царя Пирра. — Краснов приложил ладонь к папахе. — Спокойной ночи, Григорий Александрович.

***

В тот вечер, когда похоронили заместителя командира полка барона Зальцбурга, убитого разрывом снаряда, в офицерский блиндаж то и дело заходили офицеры, выпивали стоя рюмку водки, поминали убитого и отправлялись на позицию. А в блиндаже оставались близкие друзья барона — штаб-ротмистр Щелканов, интендант Засекин, поручик Малоканов, какой-то дальний родственник, да прибывший накануне из петербургского госпиталя капитан Вязинцев.

Когда уже, кажется, все было сказано об убитом, поручик Малоканов спросил Вязинцева:

— Горечь утраты, господин капитан, не позволяла спросить, как живет сегодня столица?

— Тяжело живет, господа, голодно. Очереди в булочных. Народ волнуется. Петроград преобразился в худшую сторону: он стал очень многолюдным. Появилось множество беженцев. Выздоровливающие раненые толпами бродят по улицам. Везде полно солдат и юнкеров. Из Кронштадта валит матросня.

На сколоченном из окопных досок столе колебалось пламя свечи, выхватывая лица присутствующих.

Интендант Засекин заметил:

— Во всем этом происки социал-демократов.

— Все от масонов тянется, — вставил поручик Ма-

локанов. — Наша российская беда, слепое подражание Западу.

— Нет, поручик, позвольте, — прервал Малоканова интендант, — масоны — это общество вольных каменщиков. В него входили, если помните, такие знаменитые люди, как Пушкин и Карамзин.

— Да-да, — согласился с Малокановым капитан Вязинцев, — именно след масонства я вижу в деяниях социал-демократов.

Получив поддержку, поручик Малоканов назвал имена декабристов, которые, по его мнению, были масонами.

— Князь Трубецкой, не его ли, масона, декабристы прочили в диктаторы? А Кондратий Рылеев тоже масон, подстрекатель солдат.

Штаб-ротмистр Щелканов сказал резко, будто отрубил:

— Сегодня, господа, этих социал-демократов ли, масонов ли надлежало бы вздернуть в Петропавловке на страх другим, а не сюсюкать с ними.

— Эх, батюшка, — вставил интендант, — наш государь император мягкий, добрый человек.

Штаб-ротмистр выругался:

— Эта доброта выйдет государю боком.

— Да, господа, — перешел на шепот капитан Вязинцев. — О государе не иначе как о рогоносце говорят, а о государыне по всему Питеру сплетни ходят.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Малоканов, — да пора бы уняться. Я видел этого Распутина неграмотный, грязный сибирский мужик.

— Сила мужика не в грамотности, — хихикнул интендант, — а в корне. Корнем своим и силен сибиряк Распутин. Силой глаз и словом даже кровь наследнику заговаривает.

— Господа, — сменил тему капитан Вязинцев, — я слышал о генерале Краснове: он имеет привычку наведываться на передовую, бывает в окопах, разговаривает с солдатами. Похвально...

— Позерство, — возразил штабс-ротмистр. — Генерал Краснов был и остается донским казаком, далеким от пехотной службы. Что он понимает в жизни солдата? И литератор он никудышный, шелкопер казачий.

— Позвольте с вами не согласиться, господин штабс-ротмистр, — запротестовал интендант. — Генерал Краснов хоть и пишет преимущественно о Доне и донских казаках, но пишет неплохо... Да и в корпусе, кажется, прижился. Навел дисциплину. Хочется думать, что корпус больше не попадет в такой переплет, в каком он оказался в августе.

Вязинцев похлопал ладонью по столу. Закачался огонек свечи.

— Кажется, господа, мы не о том речь повели, с чего начали. Не комкора Краснова мы судим. Комкора Краснова, настанет день, история рассудит. О недовольстве в Питере мы говорили и о подстрекателях социал-демократах. Да что там социал-демократы, господа, немало подстрекателей в Думе сидит. Среди думцев зреет очаг возмущения.

— Я бы всех этих думцев под один пулемет поставил, — рывкнул штабс-ротмистр Щелканов. — И одну очередь: та-та-та. Нет думцев, и смуты никакой нет.

— Согласен, — поддакнул поручик Малоканов, — в лихую годину, в смуту, в беспорядках пятого и седьмого годов была зачата Дума. Как могла она родиться здоровым ребенком? Вот и получила Россия уroda. Политического уroda.

Засекин поднялся, сдвинул в сторону пустые бутылки из-под водки и, достав из своего саквояжа шустовский коньяк, разлил по стопкам.

— Господа, пора нам закончить наши государственные баталии. Предлагаю эту стопку выпить еще раз за упокой души барона Зальцбурга.

Все стоя выпили. Засекин наполнил стопки по новой:

— А теперь, господа, я предлагаю выпить за здоровье государя императора и за Россию. За Россию без революции и социал-демократии.

— За Россию! За Россию! За Россию!

Генерал Краснов и помыслить не мог, что те несколько дней, что он прожил в домике сельского священника, вдруг всплывут в его памяти в ноябре 1916 года.

Сырой ноябрьской ночью во сне он вдруг увидел себя в сельском домике, в горнице священника Паисия. Матушка накрывает на стол, ставит блюдо с кренделями, разливает чай, а они с отцом Паисием ведут беседу. Точнее, Краснов слушает, а священник говорит, маленький, седой, в темной рясе, с серебряным крестом на груди.

Как наяву, все это видит генерал, отчетливо слышит слова:

— Христианство — это великая и всепобеждающая религия. — Священник тербит крест. — Христианство — вера, ниспосланная нам Всевышним. Оно есть учение, и поступать нам надобно, как велел Господь, заповеди Господни соблюдать, ибо нарушая их, мы поступаем вопреки разуму...

Десять заповедей на скрижалях. Бди их человек, и не было бы зла, а сопутствовали бы человеку радость и счастье земное. И была бы уготована ему жизнь райская...

Краснов спросил об исламе и услышал в ответ:

— Суры Корана также от Бога Единого, и даны они, как Ветхий и Новый Заветы Господом нашим, а разные народы толкуют их по своему, но это не означает многобожия. Бог велик, един, и правда, и истина в силе Господа нашего... Война — вот пример кары Господней, какую Всевышний ниспосылает на человечество за его прегрешения. Строгая кара эта, ибо в войне Господь призывает к себе многих и многих. В молитве спасение человека и в жизни праведной...

— А какую, отче, я веду жизнь?

— Молись, сыне, молись, ибо ждут тебя и слава земная, и тяжкие испытания, и смерть мученическая... Но и смертью смерть поправ, не ведаю, сыне, обретешь ли

ты прощение? И еще, сыне, в жизни своей помни слова молитвы великой: «Не введи нас во искушение...»

Очнулся генерал от забытья. Сумрачные мысли одолели его. Не было на душе покоя. Что означали тогда последние слова отца Паисия? Прозвучали они как предсказание: «Не введи нас во искушение...»

Краснов встал, истово перекрестился:

— Господи, прости и помилуй, вдохнови и вразуми, ибо имя мое Человек, а Человеку свойственно ошибаться.

* * *

Сотня есаула Гаражи после артподготовки прорвалась на стыке двух австрийских полков и, рассеяв венгерских драгун, закружила по ближайшему тылу, нагоняя страх на противника.

Ворвавшись на батарею, сотня изрубила оружийный расчет, сняла замки с пушек и повернула назад.

Дорогу ей попыталась перекрыть команда пулеметчиков, но Гаража с ходу погнал казаков в атаку. Сотня развернулась лавой. Припав к гриве Воронка, Шандыба скакал прямо на вражескую траншею. Слышал, как стучали пулеметы, свистели пули, видел австрийца, целившегося в него. Иван гнал коня на солдата, только и думая, не оступился бы Воронок. И когда конь словно птица перемахнул через окоп и хребет бруствера, успел рубануть австрийца саблей.

С гиком и свистом пробилась сотня к своим. За ту атаку Шандыба получил третий крест.

* * *

Корпус наступал медленно, с боями, выдавливал австрийцев с одних позиций, но, успев перегруппироваться, противник занимал новый укрепленный рубеж.

В позиционной войне части дивизии несли значительные потери. Это беспокоило Краснова. Но еще

больше волнение испытывал он, чувствуя, как разлазятся полки. Подобно ржавчине, разъедающей железо, или короеду, который точит дерево, души и умы солдатские пропитывались ядом нездоровых разговоров. Окопная жизнь была тому благодатной почвой. На ней всходили семена неповиновения и дезертирства.

Появились в корпусе солдаты, отказавшиеся выполнять приказы. Краснову докладывали, что стрелки грозятся покинуть окопы. Командир корпуса отдал приказ казакам выставить заставы на случай дезертирства.

Принятые меры на время успокоили людей, но вскоре болезнь разложения вспыхнула снова.

Как манны небесной, ждал Петр Николаевич отвода корпуса на отдых, чтобы можно было заняться укреплением дисциплины. Но их по-прежнему держали на передовой.

Между перестрелками похоронные команды собирали убитых, полковые священники их отпевали. Покойников хоронили в братских могилах.

К концу шестнадцатого года появилось вдруг новое слова «братание». Ночами из окопа в окоп с той и другой стороны переползали парламентареры, призывали покидать траншеи, отправляться по домам.

Когда Краснову донесли о первых случаях братания, он был поражен. Затем приказал выставить пулеметы и жестоко карать всех, кто поддается вражеской агитации.

Генерал доложил по телеграфу в штаб армии о положении дел, на что получил неутешительный ответ, что подобное наблюдается по всему фронту. Дальше телеграф повторил в очередной раз: принять самые строгие меры, вплоть до предания суду трибунала всех, кто нарушает воинскую дисциплину...

* * *

В двух верстах от передовой в деревенском домике разместился штаб корпуса. То и дело звонили телефо-

ны, пищал телеграф. Дежурный офицер принимал ленту, бегло читал, протягивал начальнику штаба полковнику Давыдову. Тот, просмотрев, откладывал и снова занимался картой-десятиверсткой, делал пометки.

Вторые сутки в штабе готовили операцию, целью которой было общее наступление корпуса с использованием конницы.

Шум автомобиля возвестил: из штаба фронта возвратился комкор.

Давыдов отодвинул карту, отложил карандаш. В помещение быстрым шагом вошел Краснов. Сбросив шинель на руки адъютанту, он жестом пригласил начальника штаба во вторую комнату, служившую генералу кабинетом.

Полковник еще никогда не видел Краснова таким озабоченным: тот расхаживал по маленькой комнате, потирал руки, хмурился. Генерал напоминал в эту минуту зверя в клетке. Но вот Краснов остановился и, не предлагая начальнику штаба сесть, заговорил:

— Господин полковник, в России произошли события, которые могут привести к непредсказуемым последствиям.

Невысокий, полноватый полковник от такого вступления вытянулся, весь обратившись в слух.

— ...О Распутине, естественно, вы слышали. О его вмешательстве в дела государственные вам тоже известно. В столице, в правительственных кругах зрел заговор, суть которого сводилась к попытке вывести Россию из войны с Германией через сепаратный мир...

— Слухи эти, ваше превосходительство, не лишены оснований, — кивнул Давыдов.

— Так вот, господин полковник, инициатором смены курса внешней политики России и заключения мира с Германией был Распутин. Своим поведением, вмешательством в государственные дела он возбудил против себя недовольство как среди членов дома Романовых, так и в Думе. Так вот, этой ночью во дворце князя Юсупова Распутина убили.

— Кто же поднял руку на любимца государыни? — Брови Давыдова недоуменно взметнулись. — Кто эти смелые люди?

— Говорят, сам князь Феликс Юсупов и думец Пуршкевич...

— Этот краснобай?

— Именно он.

— А еще?

— Сие мне неизвестно. Говорят, государь велел начать следствие. Я почему-то убежден: за этим убийством последуют события, в корне меняющие судьбу всей России.

* * *

Петр Краснов всегда верил своему государю-императору, отметал напрочь злые и грязные слухи о нем и об императрице. Считал все это наносным: история грязь отбросит и воздаст Романовской семье должное.

Смерть Распутина и все, что ранее происходило в Петербурге, перевернули его представления о государе, его божественном происхождении, побудили многое переосмыслить.

Перед генералом Красновым встал вопрос: а чист ли государь перед народом и отечеством? Попытка заключить сепаратный мир — как это вяжется с приказом Николая Второго, изданным по армии и флоту всего за четыре дня до смерти Распутина? Приказ, в котором говорилось о задачах и целях войны. В нем государь утверждал, что он един с народом и готов продолжать войну до полной победы над врагом. В приказе шла речь о Константинополе, о православном кресте над Святой Софией, о проливах, о Польше как свободном государстве...

Петр Николаевич задал себе вопрос: где же правда? И попытался ответить на него так. Император почувствовал, что Россия устала от войны, ей требуется отдых. Но верхи общества ждут, что русская армия вступит в Константинополь. Мечтая о проливах, верхушка общества не слишком доверяет государю, хочет сама пору-

лить Россией. Не в этом ли смысл речи лидера кадетов Милюкова? Еще в ноябре он выступил в Думе, и его речь в тысячах экземпляров листовок распространилась по всему фронту. Призыв к наступлению и победе: так Краснов истолковал слова Милюкова. Но неграмотные солдаты, если им читали эти листовки, рассуждали по-своему: «Того Милюкова к нам бы в окопы, вшей покормить да в штыковую сходить...»

А призывы государя к народу русскому — так ли уж они взяли за живое русскую душу? Нет, в это Краснов как генерал и писатель не слишком верил. Сегодняшний солдат — это крестьянин, одетый в шинель и с винтовкой в руках, и он не хочет войны...

Краснов понимал, что царю не найти отклика в солдатской душе.

И снова Петр Николаевич задавал себе те же вопросы: как сохранить армию? Где пути к спасению России? Быстрая и победоносная война? Но она затягивается, и еще неизвестно, чем закончится...

* * *

После штурмов вражеских позиций, когда казаки что ни день мысленно прощались с жизнью, не ведая, кто кого: тебя ли австриец, ты ли его, — наступила пора вольная — сотню есаула Гаражи послали на заставы. Командир корпуса приказал не щадить тех, кто нарушит присягу.

Застава Шандыбы была у самого леса на пересечении пути, который мог вывести беглеца на тракт, что вел к железнодорожной станции. Напутствуя казаков, Гаража сказал:

— Ловите тех, кто покинул передовую, кто за юбку женину схорониться хочет.

Иван не верил, что кто-то самовольно покинет часть, хоть и знал, что среди стрелков речи недозволенные ведутся.

Развели казаки костерок, коней к деревьям привязали. Сами на треногу котелок повесили, кипяточком

балуются, байки травят, Дон вспоминают, курени. Все больше о бабах речи ведут, по телу бабьему истосковались. Шандыба в разговоры не встревал, слушал. Не было у Ивана еще той, с кем бы он хоть одну ночь провел. И был уверен, что и среди сидящих у костра, как и у него, не было многого из того, чем они похваляются. Да и когда казакам миловаться? С весны и до морозов с надеда не вылазили: то посевная, то молотба. А женили редко кого до службы...

Однако ноне эвон как храбрятся. А поди, не ведали настоящей ласки женской, разве что во сне...

Налил Шандыба кипятка в кружку алюминиевую, прихлебнул. Вспомнил, как, бывало, отец Захар Миронович войдет с мороза в хату, чашку чая выпьет и скажет:

— Ну, старая, теперь и обедать можно.

Неожиданно в версте от заставы, где казачий пикет сидел, хлопнул выстрел. Четко по морозу слышно.

Шандыба на Воронке и погнал к пикету. Издали увидел караульного. Стоит хоперц, в руках винтовку как палку держит. А рядом солдат убитый. Иван с коня соскочил, тут и другие казаки подъехали, окружили хоперца, а тот рассказывает:

— Сам виноват. Я ему кричу: «Стой!», а он в бег ударился. Ну я и приложился.

— Эко ты, — укоризненно покачал головой один из казаков.

— Да коли бы я знал! Ипшо упредил: «Стой!» — кричу...

Солдат лежал, раскинув руки, шапка с головы свалилась, и ветер шевелил русые волосы...

— Вот и побег с фронту, а ведь толковали, приказ был.

— Чей он?

— Кто знает.

— Нашего корпуса. Смотрю, вроде знакомец.

— Надо вахмистра вызывать...

Возвратились казаки к костру, примолкли. Только и промолвил кто-то:

— Видать, совсем стало невтерпеж, раз на побег решился...

* * *

Два года прошло с тех пор, как Петр Николаевич в последний раз встречался с женой. Когда он хотел представить ее лицо, то оно расплывалось, и Лидия Федоровна виделась ему не очень ясно: лишь светлые волосы, выбившиеся из-под каракулевой шапочки.

А вот голос жены, ласковый, воркующий, Краснов помнил хорошо.

Он любил Лидию Федоровну, чувствовал себя с ней спокойно. Любил, когда он работал за письменным столом, а она подавала ему крепкий ароматный чай, бисквитное печенье в вазочке, целовала в голову и оставляла одного, не мешая творить.

В молодости Лидия Федоровна часто навещала своих родственников в Германии в Берлине, а когда вышла замуж, рассказывала мужу о порядках в ее фатерланде.

— О, орднунг! — повторяла она неоднократно. Такой же орднунг она установила и в своем доме.

Столкнувшись с германской военной машиной, Краснов мысленно соглашался с женой: да, пресловутый немецкий порядок не мог не сказаться на германской армии, ее солдатах, их дисциплине и послушании...

Позже, живя в эмиграции в Берлине, полностью отдаваясь литературе, Краснов писал о мужестве русского солдата, и в то же время он восхищался германскими порядками, считая, что именно этого не хватало русской армии. О том генерал Краснов напишет начальнику общецарского объединения в Германии Балабину в первые дни сурового 1941 года...

* * *

В начале нового 1917 года в штабах русской армии начала разрабатываться операция, суть которой сво-

...шла к тому, чтобы попытаться выбить Австро-Венгрию из коалиции с Германией.

Российская армия готовилась к решающим сражениям. На службу призывались резервисты, шло пополнение в полки, дивизии, корпуса. В арсеналах увеличивались запасы оружия. Особенно это наблюдалось в прифронтовых зонах на Украине...

А в Государственной думе редкое заседание обходилось без красноречивых выступлений лидеров оппозиций. Особенно усердствовали Родзянко, Гучков, Львов. Не отставали и представители социалистических партий Чернов, Церетели, Керенский и другие, требовавшие создать комитеты народного доверия, защищать демократию, отечество...

В столице зрели беспорядки, сократился подвоз зерна и муки. Закрылись многие булочные. Возле них сутками дежурили очереди. Хлеб стал предметом спекуляций, им торговали из-под полы. Грабежи и убийства терроризировали обывателя. Забастовки и стачки превратились в повсеместное явление. Хозяевами столицы стали налетчики, карманники, проститутки. Тщетно металась полиция и жандармы, пытаясь навести порядок. Газеты и журналы рисовали мрачные картины городской жизни. Появилась печать нелегальная и полунелегальная.

Расходы на войну возросли, хотя страна была не в состоянии даже погашать проценты по займам. Экономика России задыхалась.

А война, словно ненасытный зверь, требовала все новых и новых жертв. С востока на запад шли составы: ехали солдаты, везли лошадей, орудия, фураж. Дума хотела воевать до победного конца. Но в той же Думе среди фабрикантов и заводчиков, считавших себя политическими деятелями, вершителями судеб страны, уже назревал заговор против Николая Второго с целью взять всю полноту власти.

В эти тревожные дни Россия напоминала туго натя-

нутую струну: стоит сделать маленький поворот колка и — лопнет.

Однако на фронте это напряжение не слишком чувствовалось. Шла перестановка кадров, сменялись командующие армиями и фронтами. Командующий 8-й армией Лавр Георгиевич Корнилов был назначен командующим Юго-Западным фронтом. Краснов воспринял это как добрый знак: о Корнилове ходили слухи как об убежденном приверженце монархии и стороннике крутых мер.

* * *

У штаба корпуса офицер связи попросил дежурного доложить о нем комкору. Петр Николаевич принял фельдъегеря, вскрыл пакет, прочитал, что он, генерал Краснов, назначается членом Петроградской Георгиевской думы и его вызывают на заседание, которое назначено на 17 декабря.

Вместе с телеграммой прилагалось предписание и все необходимые документы для проезда по железной дороге.

Связавшись по телеграфу с командующим Юго-Западным фронтом Корниловым и получив от него добро, Краснов выехал в Петроград.

До станции Сарны он добирался на автомобиле. Было холодно, генерал поднял воротник шинели и прикрыл глаза. Мысленно он видел горящий камин в петроградской квартире, жену Лидию Федоровну. С каким наслаждением взял бы он сейчас чашку горячего чая из ее рук...

Вдали показались огни станции. Отпустив водителя, Петр Николаевич с полупустым баулом направился в станционный буфет. Вокзал был замусорен окурками, семечковой лузгой. На лавках сидели в ожидании поезда несколько пассажиров.

Краснов вошел в буфет, попросил чашку чая погорячее и, пока его подавали, брезгливо осмотрел ма-

ленькое грязноватое помещение. Все три столика пустовали: видимо, посетители редко заглядывали сюда.

Выпив чаю и согревшись, Краснов решил не покидать буфет, пока не подойдет поезд.

Дорога в Петроград была долгой. Езда в вагоне, переполненном пассажирами, Краснова порядком утомила. Он, привыкнув к «люксам», сейчас вынужден был тесниться в купе с двумя чиновниками из Варшавы и каким-то бородатым купцом.

Всю дорогу Краснов отмалчивался и вагон покинул с удовольствием. На Николаевском вокзале горели газовые фонари. Мягкий туман стоял над городом: в нем буквально тонули дома. Не было видно даже Адмиралтейства.

Наняв посыльного, генерал попросил его отнести баул и передать, что сам он явится часа через два. Хотелось посмотреть на Невский, на город, увидеть, как он изменился, и только потом оказаться в своей квартире.

Генерал медленно шел по Невскому, разглядывая витрины магазинов. Мрачные рассказы о Петрограде подтверждались. Булочные, очереди, люди греются у костров. Тумбы, обклеенные афишами, киоски, книги, газеты. Вот фруктовый магазин Соловьева, дальше рыбная торговля Баркова: торговля семгой, паюсной икрой, балыками...

Зеркальные витрины играли, дразнили разнообразием. Но Краснова поразили цены. Они были настолько высоки, что даже его генеральскому карману казались не всегда доступны.

Вдоль дороги по Невскому мерзли извозчики.

Краснову и эти извозчики и ночной проспект напомнили случай, о котором он никогда никому не рассказывал и вообще не любил вспоминать. Произошло это, когда он командовал полком в Джирекенте.

Тогда Краснов прибыл в Санкт-Петербург по вызову и, коротая день, зашел проведать дальнего товарища по учебе в Академии Генерального штаба...

Однако товарищ отбыл в командировку в Екатеринбург проверять наказного атамана.

Петр Николаевич засиделся с хозяйкой, прелестной полькой Ядвигой. Тогда у него зарождалась идея нового романа, и он с увлечением рассказывал хозяйке, как будут развиваться события в книге.

Обычно Петр Николаевич не любил делиться своими планами, а здесь его язык как развязало. Когда опомнился, было уже слишком поздно. Его оставили ночевать в отдельной комнате.

Уснул он быстро. Каково же было его удивление, когда, проснувшись, он увидел рядом спящую Ядвигу.

Краснов осторожно поднялся, оделся, стараясь не разбудить хозяйку, вышел на предрассветный Невский. Вот так же стояли извозчики.

— В «Асторию»!

С той поры Краснов никогда больше не бывал в гостях у этого товарища...

Генерал подошел к Казанскому собору. Увидев открытые двери, вошел. Кончалась ранняя обедня. Людей было совсем мало. Горели свечи, светилося несколько лампадок у иконостаса.

Петр Николаевич купил свечку, подошел к Казанской иконе Божией Матери, зажег, поставил, перекрестился. Подумал, как же давно он не был здесь, не чувствовал запаха ладана, не слышал церковного хора...

***

О серьезности положения в столице Краснов знал, но чтобы дошло до вмешательства казаков! Получив письменное предписание из ставки Юго-Западного фронта, Петр Николаевич задумался. Корнилов приказывал перебазировать 10-й Донской казачий полк к ближайшей узловой станции и подготовить его к отправке в Петроград.

Снять полк с фронта было несложно: последнюю не-

делю казаки несли караульную службу на заставах, перекрывая возможные пути дезертирам. Сложней было завезти продовольствие и новое обмундирование. Командующий фронтом требовал, чтобы казаки прибыли в столицу свежими, на сытых конях: предстояло навести в Петрограде порядок.

Вызвав командира полка, войскового старшину Балабанова, Краснов дал двое суток на исполнение приказа Корнилова. Балабанов почесал затылок:

— М-да, ваше превосходительство, выходит, наши казачки навроде новочеркасской пожарной команды.

— Исполняйте приказ, господин войсковой старшина. Немедленно перебазируйте полк на ближайшую железнодорожную станцию и там приведите людей в надлежащий вид. Поторопите интендантов, времени у вас в обрез.

— Да уж куда как мало, ваше превосходительство, но постараемся уложиться. Если Лавр Георгиевич дал такой срок, значит, дела в столице не терпят отлагательства...

Ивана Шандыбу, только накануне получившего чин урядника и принявшего взвод в сотне Гаражи, приказ о перебазировании полка удивил. Да еще та поспешность, с какой велели собираться. Но все пояснил сотник: полк готовят к отправке в Петроград. По прибытии на место разъяснят зачем.

Казаки по-своему истолковали приказ:

— Видать, студенты и всякая сволочь против государя взбаламутились.

— По всему так. В пятом году даже стреляли в нас, но мы им всыпали, враз присмирели.

— Нагайка, она дело знает.

Похвалялись казаки, а Шандыба отца Варькиного Кондрата вспомнил. В тот год он из Москвы часы-луковицу привез.

Полк уходил, разобравшись по сотням. Звенела медь оркестра, раздавались команды. Казаки повеселели, ехали как на праздник: чай, не в атаку ходить.

— Песенники! — подал голос Гаража.
 — И-эх! Давай нашу, чтоб Разиным атаманом отозвалась!
 — Заводи черкасскую!

Я роду не простого,
 Не простого —
 Воровского...

И сотня подхватила:

Воровского...

Сорок верст копыта казачьих коней протоптали в пять часов. В полдень уже вступили на станцию, разошлись по квартирам. Истопили бани.

Пока парились, обмундирование каптеры приготовили. Приоделись казаки, гимнастерки, брюки с лампасами, сапоги яловые. Даже шинели и фуражки донские выдали.

— Во, — веселились донцы, — теперь и в Питер можно!

— Урядник! — окликали они Шандыбу, — дозвошь в столице к бабам сходить?

А от полковых походных кухонь такой густой наваристый дух пошел по всему поселку, что казаки только ахали:

— Ну чем, братцы, не жизнь, грех помирать!

Войсковой старшина не раз спрашивал у дежурного по станции, когда прибудет состав, но тот только руки разводил:

— Сие не нашего ума.

На станции Шандыба полюбовался маневровым паровозом. По путям бегают, вагоны растаскивает. Машинист в окошко высунулся, сигналы подает, то короткие, то длинные.

Иван позавидовал машинисту, хорошая у него работа: сидит, катается, не надо коня кормить-чистить. Ему бы, Шандыбе, такую.

Когда генерал Корнилов отдал приказ Краснову готовить 10-й Донской казачий полк для отправки в Петроград, лидеры политического и финансового мира России переходили от слов к действию. Они собирались то у Гучкова, то у Шульгина, то у Родзянко и сообща выработывали план государственного переворота...

У всех у них было твердое убеждение: Россия должна стать буржуазной республикой.

— Старый мир, — говорил Родзянко, — сам по себе не отомрет, его надо хорошенько встряхнуть.

Совместно сочиняли проект текста отречения Николая Второго от трона, решили в последние часы поставить в известность командующих фронтов, дабы предупредить нежелательные демарши генералов.

Условились, что с манифестом об отречении в Ставку поедут Гучков и Шульгин, а Родзянко будет с князем Милюковым формировать Временное правительство.

* * *

В середине января 1917 года Краснов вернулся на позиции. Срочно расширяли корпусные склады, подвозили боеприпасы, вооружение. Фронт готовился к наступлению. Упорно поговаривали, что оно может начаться между двадцатыми числами февраля и первыми числами марта.

В штабе вынашивали план до весенней распутицы занять Ковель, Владимир-Волынский и Пинск, вступить во Львов. После чего, когда наступит распутица, устроить передышку, перегруппировать войска, а в марте—апреле начать новое наступление. Оно должно было привести к падению Бреста и Варшавы. В том, что наступление пройдет успешно, никто не сомневался.

26 февраля 1917 года Краснов получил по телефону сообщение: начало наступления 28 февраля.

Петр Николаевич готовил корпус основательно. В тылу построили тренировочные позиции, какие надлежало преодолеть ударным батальонам, выделили наиболее сложные участки.

Наступило 28 февраля.

В этот день генерала Краснова вызвали к аппарату. Телеграф отстучал приказ из штаба армии: наступление отложить. Краснов удивился, велел отбить, что все уже подготовлено.

Петр Николаевич ждал ответа недолго. Снова застучал телеграф: «...наступление остановлено по всему фронту...»

Стоявший за спиной командующего корпусом полковник Давыдов подхватил ленту, прочитав, воскликнул:

— Ваше превосходительство, это революция!

— «Это начало бунта бессмысленного и беспощадного», — как писал когда-то Пушкин. И если такое случилось, это крах России.

***

Германское командование, ожидавшее наступления русских войск по всему Восточному фронту, было немало удивлено. Гинденбург запросил данные разведки. Вскоре все прояснилось: в Петрограде антигосударственный мятеж. На улицах беспорядки, толпы народа требуют хлеба. Солдаты петроградского гарнизона поддерживают бунтовщиков. Император стал заложником думских заговорщиков: поезд Николая Второго не пропускают в Царское Село, он курсирует между Ставкой в Пскове и станцией Дно. Российский император пребывает в растерянности. К нему явились главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский с представителями Думы: от «правой» партии — Гучков, от «октябристов» редактор «Киевлянина» Шульгин. Они поставили Николая Второго в известность, что против него поднялась вся Россия, в том

числе и армия. Они потребовали отречения от престола в пользу наследника, малолетнего Алексея. Но Николай, предварительно проконсультировавшись с доктором, лечившим наследника, не согласился передавать трон больному сыну.

Гинденбург внимательно следил за событиями в Императорском поезде.

А они развивались следующим образом. На императора оказал давление генерал Рузский. Он заявил, что если царь откажется подписать манифест, то он, Рузский, повернет на Петроград весь Северный фронт.

И Николай Второй подписал отречение...

Гинденбург получил из Ставки Верховного командования русской армии подробности о происходящем: об аресте генерала Хабалова, о ликованиях в Думе, о том, что толпы народа в Петрограде поют «Марсельезу» и в России создается Временное правительство во главе с князем Львовым.

Фельдмаршал Гинденбург, назначенный начальником Генерального штаба всей германской армии, долго размышлял обо всех этих событиях в России. Они как никогда служили интересам Германии. Гинденбург склонился над картой Восточного фронта, и карандаш в его руке провел новые синие стрелы. Они были направлены на столицу России, и главное — на Украину. Гинденбург знал: там хлеб и уголь — то, в чем так нуждается великая Германия.

***

Государственный переворот, а Краснов его иначе и не называл, опрокинул все прежние представления о незыблемости вековых устоев Российского государства.

Петр Николаевич принял решение об уходе из армии и подал прошение об отставке.

Выполнив все необходимые формальности, Краснов стал ждать результатов. Вскоре из Ставки командующего Юго-Западным фронтом передали распоря-

жение: прошение Краснова об уходе из армии генерал Корнилов не утвердил и приказал готовить корпус к принятию присяги Временному правительству...

Краснов задумался: если Корнилов не одобрил его отставку, то, вероятно, у него есть к тому основания. Петр Николаевич понимал, что Николай Второй слаб. Страна нуждается в переменах. Может быть, произошло чудо, в России свершилась великая бескровная революция. Временное правительство приведет страну к Учредительному собранию, а Учредительное собрание обеспечит России конституционную монархию во главе с великим князем Михаилом Александровичем?..

Но прошло совсем немного времени, и Краснов понял: чуда не произошло. Свершалось страшное: разваливалась страна и разлагалась ее армия...

***

Итак, буржуазно-демократическая революция свергла монархию, власть перешла в руки Временного правительства. Буржуазные партии кадетов и октябристов воспользовались свержением самодержавия. Эти партии состояли из представителей того класса, который, по сути, уже правил страной экономически. После февральско-мартовских событий они стали править и политически.

Но в буржуазно-демократической революции прямое участие принял и народ. В столице прошли неорганизованные выступления рабочих, затем к ним примкнули солдаты как выразители интересов деревни. Народные массы сначала действовали стихийно. Но вскоре во главе их встали социал-демократы — вначале социалисты-революционеры (эсеры), отражавшие интересы крестьян, затем меньшевики.

Социал-демократы, опираясь на рабочих и солдат, создали Советы рабочих и солдатских депутатов сначала в Петрограде, а затем во многих других городах. Советы распространились и на армию, ускорив ее развал.

В начале революционных событий социал-демократов ленинского толка в рабочем движении было настолько мало, что они почти не проявляли себя. Только с возвращением Ленина и его сторонников из Швейцарии, когда их профинансировала Германия, не без основания полагавшая, что большевики своей политикой развалят Россию и ее армию, влияние большевиков на народные массы начало возрастать.

Как показала история, авторитет партии Ленина строился на обмане: декларации спекулятивных лозунгов, в первую очередь направленных против войны. Призыв к миру, к заключению мирного договора с Германией импонировал уставшим от войны солдатам. Второй лозунг — «Фабрики и заводы рабочим!» — отражал интересы пролетариата. И, наконец, лозунг о земле, украденный Лениным из эсеровской аграрной программы, полностью соответствовал чаяниям крестьян, в том числе и одетым в солдатские шинели.

В первое время падение самодержавия болезненно отразилось на настроении генерала Краснова, воспитанного в монархическом духе. Однако Петр Николаевич понимал: самодержавие изжило себя. Он стал возлагать некоторые надежды на Временное правительство. Но с той поры, когда в жизнь России стали вмешиваться социал-демократы, которых генерал Краснов всегда считал краснобаями, он стал настороженно относиться к Временному правительству. По твердому убеждению Краснова, нельзя было допускать проникновения в Россию большевиков. А уж создание солдатских комитетов и принятие манифеста «О правах солдат» было, по мнению генерала, преступлением против Российской армии.

***

Четвертые сутки полк ожидал прибытия состава. Днем казаки бродили по вокзалу, щелкали семечки; шелуха, словно снег, усыпала перрон и зал ожидания.

Донцы курили, переругивались, не обращая ни на кого внимания, кроя всех и вся отборным матом.

Вечерами станционные постройки тонули во мраке, и только вокзал и перрон тускло освещали керосиновые фонари.

Казачи расположились на постой в пристанционном поселке, заняли все жилые помещения, сеновалы, сараи, клуни.

Шандыба с пятью казаками занимал комнатку в доме старого путейца. Сумерки коротали при свете лампы-семилинейки, вспоминали Донщину, поругивали затянувшуюся войну и с интересом ждали, когда же их повезут в Петроград.

Состав подали в полдень. Платформы подтащили к высокому перрону для погрузки полковой батареи. Казаки, разобравшись по полувзводам, заводили по сходням в теплушку коней, грузили фураж и амуницию.

К концу дня полк уже закончил погрузку, но тут в планы войскового начальства вмешался ход истории. Вечером войскового старшину Балабанова позвали к телеграфу. Болезненный телеграфист озабоченно подал ему ленту. Командир полка недоумевая прочитал: полк отзывался в распоряжение командующего корпусом.

Войсковой старшина отложил ленту. Телеграфист испуганно зашептал:

— Господин офицер, по линии связи мне передали: в Петрограде бунт и государь отрекся от престола. Вся власть в России перешла в руки Временного комитета Государственной думы.

Поздним вечером текст манифеста был вручен войсковому старшине. Утром выгрузившийся полк был построен, и Балабанов как мог изложил суть дела казачкам.

— Станишники, волею народа государь император низложен. Власть перешла к Комитету Государственной думы. Сегодня Россия уже свободная страна, и народ русский должен сплотиться и быть твердым в за-

щите Отечества. Наш долг, казаки, стоять на страже государства от посягательств немцев... Вы видели, как они хотят захватить наши земли... Не позволим! Кхе, — закашлялся командир полка. — Станишники, не дадим на поругание отечество наше... А кто будет управлять Россией, пусть Дума и решает: Комитет или Учредительное собрание...

По сотням зашумели, послышались выкрики:

— На какой ляд нас на передовую отправляют?

— Донцы, подождем до решения Учредительного собрания!

— Молчать! — рявкнул войсковой старшина. — Не позволю бунтовать! Разговорчики!

Казачи замерли. Балабанов подал команду:

— Походной коленной — арш!

Постепенно под знаменем, под звуки оркестра двинулся обратно к фронту 10-й Донской казачий полк.

Застоявшиеся кони, согреваясь, перешли на рысь. Кованые копыта стучали по смерзшемуся насту, высекали блестящие на зимнем солнце льдинки.

Воронок заржал призывно. Шандыба похлопал его по холке, сказал:

— Аль причудилось чего? Так мне, брат, много чего чудится.

***

Из рапорта командира Донского полка Краснову стало известно, что отдельные казаки недовольны возвращением на фронт. Петр Николаевич был удивлен. Он не ожидал, что крикуны оказались именно в том полку, в котором он знал многих офицеров и казаков еще с Замостья. Казаки в большинстве были из станиц Вешенской, Медведовской, Хопра, где Краснов бывал еще в молодые годы перед поездкой в Забайкалье.

Генерал встретил полк верстах в десяти от передовой, велел построиться в каре и, приветствуя, объехал сотни. Услышав дружный ответ, зычно заговорил:

— Казаки, донцы! Вы помните, когда я командовал вами в Замостье, не со мной ли вы ходили в атаки в первые дни войны? Не вам ли я вручал Георгиевские кресты? И сегодня мне было стыдно, когда я узнал, что нашлись в полку такие, кому честь казака не дорога. Кто заколебался, служить Отечеству или нет? — Полк, замерев, слушал. — Не станем искать виновных, будем считать это заблуждением. Одно скажу: нет государя, но есть Россия, великая и неделимая. Россия, которую создавали своими военными походами ваши деды и прадеды. Да, вы направляетесь на передовую. Было ли у ваших предков хоть малое сомнение, когда они уходили на войну? Нет! Не должно быть его и у вас. Россия ведет войну с Германией. Цель одна: победить, исполнить древние чаяния наших государей, овладеть Босфором и Дарданеллами, поднять двуглавого орла над Константинополем. Я знаю, некоторые из вас хотели бы разойтись по куреням, но позвольте спросить, а хотят ли они, чтобы российские мужики сказали: если казаки не желают воевать за Россию, то мы ее защитим, а землю их заберем, нет у казаков на нее прав...

Краснов обвел взглядом сотни. Видел — слова его не оставляют равнодушными.

— Я слышал и такое: казакам Россия не нужна, им подавай Донскую республику, свою, казачью. Обойдется ли Дон без России? Нет, не обойдется. Донским казакам, да и кубанским, и прочим, за Россию-матушку надо держаться. Пока живет казачество, будет жить и Россия. А кто повинен в разложении армии? Социал-демократы! Они развращают солдат, создают всякие комитеты...

Слушал Шандыба генерала и во всем с ним соглашался. Правильно говорит, знает жизнь казачью, обычаи. Неспроста приезжал из Питера в Вешки. И про пришедших тоже верно заметил. Эвон их сколько на Дон является из краев воронежских, рязанских, курских да еще бог знает каких. Приходя на заработки, нани-

маются и на посевную, и на косовицу. Они сегодня приходят наниматься, а завтра, глядишь, и на землю казачью начнут зариться. Тогда что останется делать, как защищать свои наделы? Указать мужикам их место. На работу рядиться — приходите, пожалуйста, а коли на нашу землю руки протяните — отсечем... Ну, а что казаки заодно с Россией, так и тут генерал Краснов верно сказал. Где казаку сукна на мундир взять или керосина, лампу заправить?... По всему выходило, что воевать надо, защищать Россию.

* * *

Армия разлагалась. Краснову порой становилось страшно. Страшно от того, что он не мог, не в силах был остановить этот распад. Начиналось с неповиновения, с ухода из окопов, с дезертирства.

Временное правительство с его декретами окончательно губило армию. Ликвидация сословий, в том числе и казачьего, отмена приветствий, выборы в солдатские комитеты делали русскую армию просто небоеспособной.

Краснов вспомнил старую поговорку: рыба гниет с головы. Да, действительно, с головы. И такой гниющей головой в России оказалось Временное правительство. Там, в этом правительстве, все еще мечтают о войне до победного конца. Комиссары Временного правительства мечутся по фронтам, талдычат свои речи, но солдаты не слушают. Солдаты стали жить сами по себе и, того гляди, повернут оружие против собственных офицеров.

При встрече с генералом казаки по-прежнему вытягивались во фронт, но солдаты, когда Краснов шел по траншеям, будто не замечали его. Петр Николаевич быстро подавил первое желание наказывать их за непопочтительность, поняв, что это может вызвать нежелательные последствия. Сейчас солдатам дана воля, они как пороховая бочка — поднеси спичку, и последует

взрыв. Краснов убеждался: в России появился «новый» солдат, потерявший честь и достоинство, потерявший высокое чувство патриота. И Петра Николаевича страшил этот «новый» солдат.

На совещаниях полковых командиров Особой казачьей дивизии Краснов требовал держать дисциплину.

— Политика, — говорил он, — захлестнула армию. Обратите особое внимание на пункт декларации Временного правительства о ликвидации казачьего сословного звания. Сегодня упраздняется казачье сословие, а завтра — паевые казачьи земельные наделы. На Дон, на Кубань, на войсковые земли хлынут мужики со всей России, начнется передел земель.

Краснов знал, что для казака вопрос о земле самый болезненный. Противопоставить казаку солдата-мужика, солдата-крестьянина — вот чего хотел он добиться. Но не приведи господи, бунтарский дух просочится к казакам. И когда в корпусе начали создавать солдатские комитеты, Петр Николаевич попытался запретить их в казачьих полках...

Так хотел Краснов, но не так предлагала жизнь. В 10-м Донском казачьем полку из сотни Гаражи в комитет избрали самого есаула, взводного Шандыбу, хоперца Самохвалова и еще несколько человек из других сотен.

На первом заседании казаки спорили до хрипоты и наконец решили: сами фронт не покинут, но заставы выставлять не позволят. Как солдаты решат, так то и будет.

— У них свои полковые комитеты, свои офицеры, — подвел итог Шандыба. — А мы стреляться с солдатами не хотим...

На передовой установилось затишье. Изредка постреливали. Ночами в небо взлетали ракеты, рассыпались и гасли. Перекликались солдаты, австрийцы звали русских в гости, стрелки им отвечали, звали брататься. Такие призывы иногда заканчивались пулеметными очередями. Шандыба знал — это герман-

ские офицеры предупреждали австрийцев не идти с русскими на контакты.

Затишье на фронте Краснов рассматривал как временное. Он был убежден: германский Генеральный штаб непременно воспользуется деморализацией Российской армии и начнет наступление. Вот только где оно должно последовать?..

Глава 13

Пауль фон Гинденбург любил повторять: падает только созревший плод. Он был убежден, что совсем недалеко то время, когда германские вооруженные силы врежутся в Россию, как острый нож в масло. Нужно лишь немного выждать. Генерал-фельдмаршал знал о пополнении русской армии, не исключал, что могут еще последовать попытки наступательных действий, но все это лишь агония и не представляет угрозы для Германии. Разложение России продолжается и последует с новой силой после прибытия в Петроград Ленина и его сторонников. Эти, как они себя именуют — социал-демократы, большевики отработают деньги, что получили от германского государства.

Еще в начале войны Гинденбург обратил внимание на большевистскую фракцию как на сторонников развала России, когда их лидер Ленин высказывался за превращение империалистической войны в войну гражданскую и за поражение своего правительства.

У генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга имелись неоспоримые факты: русская армия выходит из-под контроля своих офицеров, а ее министры, эти говоруны Временного правительства Гучков и Керенский, не имеют никакого влияния в войсках.

Теперь уже ни Англия, ни Франция не уповали на новый государственный строй в России и, кажется, теряли надежду видеть в ней главного поставщика солдат на Восточный фронт. Россия спутала все карты Антанты.

Гинденбург усмехнулся: «Еще и не так спутает, когда в историю России вмешаются большевики...»

***

Между тем вконец измученная и обнищавшая Россия вступила в полосу новых кризисов и потрясений. И тому первопричиной была усталость народа от войны. Понапрасну Временное правительство пыталось пробудить патриотизм: заявления о том, что Россия должна соблюдать договор со странами Антанты и довести войну с Германией до победного конца, лишь вызывали гнев простого люда. Уже в апреле рабочие фабрик и заводов Петрограда вместе с солдатами гарнизона вышли на демонстрацию, что привело к частичной смене Временного правительства. В состав правительства вошли представители ряда социал-демократических партий. А член партии эсеров Керенский был включен в него как министр военных и морских дел. Позже он был назначен председателем Временного правительства, а затем и главкомверхом.

Назначение Керенского военным и морским министром вызвало у Краснова тягостное недоумение. Он считал Александра Федоровича и его военных комиссаров пустословами и краснобаями, от которых армии один вред.

Настанет время, и жизнь подтвердит мнение Краснова о Керенском. И только необходимость заставит генерала оказывать Керенскому помощь и поддержку.

Это случится через несколько месяцев после приезда Ленина и его сторонников в Петроград. Знал Гинденбург, знало германское правительство кого пропускать из Швейцарии через свои границы, знало кого финансировать. В лице большевиков Гинденбург и его правительство нашли своих союзников. Помогая им деньгами, приводя их к победе, к власти, Германия бескровно получала земли Украины и контрибуцию. И кто знает, не случись германской рево-

люции, сколько бы еще лет Украина была колонией Германии.

***

Замутило Россию. Царя скинули, появилось Временное правительство. Советы появились...

Эсер Керенский стал военным министром, а вскоре возглавил Временное правительство. С ним в правительстве появились социал-демократы...

Пошла чехарда и в армии. Главкомверхом стал генерал Алексеев. Ему в помощь — генерал Деникин. Как колоду карт тасовали генералов: вытащили Брусилова...

Генерал Деникин заявил о себе в Ставке, при Керенском произнес прекрасную речь о чести армии. Он говорил, что Россию надо сохранить под знаменем свободы... «...Дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под нашими старыми боевыми знаменами... Есть Родина... Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед... Вы втоптали наши знамена в грязь... Пришло время — поднимите их и преклонитесь перед ними...»

Керенский долго жал руку Деникину, однако, сместив Брусилова с поста главкомверха, назначил на эту должность генерала Корнилова, сторонника укрепления дисциплины армии. Деникина послали командовать Западным фронтом.

Так судьба свела генералов Корнилова и Деникина...

***

На фронте в полках и дивизиях частенько появлялись комиссары Временного правительства. Они расхаживали в защитных френчах английского покроя, в зеленых шинелях английского сукна, произносили патриотические слова. Речи их сводились к призывам вести войну до победного конца. Немцев комиссары

называли захватчиками, а Россию многострадальной и говорили, что только теперь война носит истинно справедливый характер, потому что власть перешла в руки Временного правительства.

Как правило, комиссаров не слушали, освистывали, оскорбляли. С одним из таких представителей Временного правительства Краснову довелось встретиться в корпусе. Комиссар приехал на автомобиле, важный: борода клинышком, сам — как шар, не ходит — перекатывается.

Пообедав с Красновым, комиссар потребовал собрать стрелковый полк на митинг. Петр Николаевич предложил для этого полк, находящийся во втором эшелоне.

Когда комкор с комиссаром подходили к расположению полка, издали был слышен гул голосов. Краснов сказал невесело:

— Не хотел бы я оказаться на вашем месте, уважаемый Самсон Викторович. Сейчас солдаты вроде потревоженного осинового гнезда. Может, отменим митинг?

— Не извольте беспокоиться, Петр Николаевич, я знаю, как говорить с солдатами.

— Прошу прощения, мое дело — предупредить.

Комиссар взобрался на помост, поднял руку, призывая к тишине. Когда толпа начала стихать, заговорил. Речь его была правильной, слова чеканные. Солдаты слушали до той поры, пока комиссар не сказал о войне до полной победы.

Толпа ожила, поднялся шум, свист.

— Воевать зовешь, шкура?

Члены солдатского полкового комитета сгрудились вокруг комиссара, прикрывая его от солдат. Толпа подступила к помосту.

— Воевать? Отчего ты сам не на фронте? Ступай на наше место, вшей покорми!

Один проворный солдат ловким прыжком очутился на помосте, к комиссару подскочил. Винтовку в руки ткнул:

— Иди, боров кормленный, повоюй с наше...

И под общий хохот, нахлобучив на голову комиссара замусоленную папаху, столкнул его с помоста.

Краснов понял: пора вмешаться. Подозвал членов комитета, приказал отвлечь толпу, а сам тем временем увел комиссара с митинга.

***

Что германская армия скоро начнет боевые действия, генерал Краснов понимал и готовил корпус к обороне. Он велел собрать разведанные по всей линии, занимаемой корпусом. Сведения были неутешительны: германское командование подтягивало резервы.

Как-то Краснов, проходя по ходам сообщений, обратил внимание на то, что русские окопы порой подходят очень близко к австрийским, что помогает солдатам общаться между собой. О том генерал Краснов сказал командирам дивизий на совещании, потребовал всячески пресекать «братание».

А брожение в стрелковых полках усиливалось. Все чаще звучали призывы расходиться по домам. Не помогали и заставы казаков. Солдаты покидали окопы обычно ночью, шли к железной дороге, собирались группами на вокзалах.

Попытался Краснов применить к беглецам дисциплинарные меры, но на их защиту встали солдатские комитеты.

Вскоре генерала Краснова ночью вызвали к телеграфу. Пришел приказ отвести части в тыл. К утру подошли дивизии, занявшие место корпуса на линии фронта.

***

В апреле побежали весенние ручьи. Они подмывали еще не растаявшие сугробы, подступали к лесу, что

стеной высился неподалеку от фольварка¹², где разместился Краснов.

Редкие дни генерал проводил дома. Его не привлекал письменный стол: картины прошлого блекли в сравнении с нынешним днем. Петр Николаевич задумывался: как могло случиться, что не стало той России, которую он знал, не стало государя?.. И что можно предпринять? Говорят о Временном правительстве. Разве он, Краснов, генерал русских войск, не хочет, чтобы это правительство обновило Россию? Но способно ли оно? Что делать? Извечный русский вопрос.

Иногда Краснов приказывал седлать коня и, сопровождаемый десятком казаков, выезжал в села, где стояли его пехотные дивизии. Он посещал солдатские митинги, но не выступал, знал: солдат не перекричать. У них одно желание: услышать об общей демократизации и разъехаться по домам.

Бывало, генерал заворачивал к казакам, слушал, о чем говорят те, с кем он прошел войну.

У казаков весь разговор сводился к земле, отберут ли ее пришлые мужики. Краснов вступал с казаками в разговор, пытался объяснить, что это их земли и за них они в ответе. Если будут защищать свои наделы, то никакая сила не посмеет лишить казака его земельного пая.

Вторая тема казачьих разговоров совпадала с солдатской: они тоже не хотели больше воевать и ждали роспуска по домам.

* * *

Взвод Шандыбы дневалил по конюшне. Иван обходил денники, осматривался: чисто ли убрано, есть ли сено в кормушках-яслях.

Кони были не те, что до войны: плохо ухожены, разной масти. За лошадой у Шандыбы болела душа, для казака конь — главное богатство. А кони ныне не чистены, как прежде, и похудели: вон у Воронка кострец

выпирает. И таких, как Воронок, немало. Иван не забыл наказы отца: коня корми и холи; сам не доешь, а Воронку сполна дай; за коня с тебя спрошу...

Тут Шандыбу позвали — письмо от отца пришло. Присел Иван, принялся разбирать каракули Захара Мироновича. На целой странице передавал отец поклонны от всей родни, по имени-отчеству каждого величал.

Писал Захар Миронович об отеле первогодки: бычка принесла, осенью мясо будет. Может, Иван поспеет к тому дню, если война закончится и домой отпустят? О корме беспокоился: что брат Мишка заготовил, к весне едва ли хватит. Шандыба вспомнил, как с Мишкой на покос ездили и как спали на молодой, духмяной траве...

Больше всего Ивана Шандыбу поразили сообщения о том, что сход хуторских избрал Степку Уса атаманом и что Степка женился на Варьке.

Шандыба не мог представить себе Степку атаманом, да еще женатым на Варьке. Хотя что удивляться: три года уже как Иван на службе. За эти три года Варька давно в невесты выкохалась... Ничего. Придет время, вернется Шандыба, и для него невеста сыщется, не на хуторе, так в Вешках...

И думы унесли Ивана в родной курень. С матерью поговорил, с отцом, с братом Мишкой. Вырос-то как, поди, и не узнает. Ванька домой воротится, а Мишке служить пора...

Ночью Шандыбе Степан Ус приснился, атаман хуторской: выходит важно из своего правления, ровно атаман станичный. И голос зычный, навроде у Гаражи. На груди, как у Ивана, три Георгия болтаются... Хотел бы Шандыба и Варьку повидать, да иное пошло...

Привиделось Ивану, как они с Мишкой, братом, траву косят на той стороне Дона, на лугу. Рослая трава налипает на лезвие, пахнет свежестью, вроде разрезанного огурца. Рубахи сняли, оголились до пояса.

Тут вечер настал, варят на костре кулеш, в Дону купаются. А девки хуторские, какие граблями траву скошенную подгребали, к костру подсели. И вроде с

ними Варька, а на Ивана внимания не обращает. Шандыбе так обидно стало, что он проснулся...

На другой день сотник нарядил полувзвод Ивана на закупку фуража. Четырьмя бричками тронулись. Медленно потянулся обоз. Шандыба сидел с передним ездовым. Разговаривали, Дон вспоминали. Давно миновали села, где на постое распределились стрелки. Дымилась походные кухни, щами тянуло. Повара в грязных халатах подкладывали в огонь поленья, на казачий обоз внимания не обращали...

Показались деревни, но везде, куда ни заезжали Иван с ездовым, ответ был один: нет ничего. И только в дальней глухой деревне, где, казалось, ничего не могло и быть, им вдруг продали зерна фуражного.

Загрузились ездовые, повернули в обратный путь. День уже заканчивался, когда обоз проезжал села со стрелками.

— Версты через две домой воротимся, — сказал Шандыбе передний ездовой. — В самый раз к ужину попадем.

Иван и ответить не успел, когда от леса внезапно хлопнул выстрел. Качнулся Шандыба, упал на мешки с зерном. Погнали казаки коней, скорей взводного до лазарета.

Глава 14

Санитарным поездом раненых везли до самого Питера: иные сидели, иные теснились в проходах. Тяжелораненые лежали на полках, стонали. На полке лежал и Иван.

Шандыба часто терял сознание. Он не помнил, как эшелон прибыл в Петроград, как санитары раненых на носилках выносили, а сестры милосердия им помогали.

По широкой мраморной лестнице петроградского госпиталя санитары внесли Шандыбу. Глаза его были закрыты, голова в бинтах.

Пожилой санитар, шагавший позади, тяжело дыша, попросил товарища:

— Передохнем маленько. Притомился я — с утра без передыха таскаем.

— Этого донесем и перекурим. Вишь, казачок Богу душу отдает.

Навстречу спускались санитары с пустыми носилками, торопились медицинские сестры.

— Много раненых поступает, говорят, наступают наши.

— Я слышал, захлебнулось наступление.

— Четвертый поезд с ранеными прибыл.

Санитары поднялись этажом выше:

— Третий год воюем. Муки народ терпит.

— Лезут проклятые. То германцы, то австрияки, и все на матушку Россию.

— Авось побьем.

— Своими ребрами. Вон как этого казака хлобыстнули.

— Казачка, видать по всему, здорово зацепило.

— Кабы зацепило. Не знаю, донесем ли.

Целый лестничный переход несли молча. Наконец пожилой санитар сказал:

— Слышал, Керенский грозился всех, кто на смуту люд подбивает, изничтожить.

— Круто берет. Этак он всю Россию изничтожит.

— Агафон, а Агафон, кажись, казачок наш того.

Агафон всмотрелся в заостренное, в бинтах лицо, покрытое недельной щетиной.

— Да нет, дышит.

— Тогда поспешаем.

На третьем этаже их поджидала сестра милосердия.

— Кладите на койку у окна.

Санитары ушли. Сестра теплой водой отерла лицо раненого. Сказала санитарке:

— Поддай чистый бинт.

И аккуратно принялась обрабатывать рану, приговаривая:

— Ишь как, милый, тебя ударило, еще бы чуть-чуть — и простился бы с жизнью.

Раненый открыл глаза, что-то прошептал. Сестра прислушалась, но ничего не разобрала. Подошел седой доктор в пенсне, поглядел:

— Давайте в операционную. Делать будем без наркоза. — Протер пенсне. — Рана, конечно, тяжелая, но казак молодой. Может, и выживет.

И уже отходя от раненого, сказал озабоченно:

— Перед операцией влейте ему грамм сто спирта.

Доктор, сутулясь, ушел в операционную походкой очень уставшего человека. Сестра милосердия знала, что он вторые сутки без сна, дома не появляется уже давно.

Склонившись над раненым, сестра вытщила формуляр с историей болезни, прочитала:

— Иван Шандыба, донской казак хутора Пригибского... Двадцать три года... Ранение пулевое...

Она осторожно выстригла волосы вокруг раны, протерла спиртом. Иван тихо стонал. Санитарки подтолкнули каталку и, стараясь не причинить раненому боли, повезли его в операционную.

Сунув формуляр в карман халата, сестра милосердия пошла следом.

* * *

Краснов написал новый рапорт об уходе из армии. И снова ему было отказано: Корнилов не подписал рапорт. Хотя Краснов знал, что просьбу генерала Каледина Корнилов удовлетворил. Теперь Алексей Максимович на Войсковом Круге в Новочеркасске избран атаманом Войска Донского.

В штабе армии Краснову передали письмо от жены из Петрограда. Лидия Федоровна жаловалась мужу на трудности, на невыносимую дороговизну, писала, что некоторые их знакомые уезжают за границу.

Петру Николаевичу последние строки письма не понравились: он не хотел бежать за рубеж. Да, в России стало трудно жить, но все это временно. Настанет день, когда правительство из Временного силой Учредительного собрания превратится в постоянное и наведет порядок в стране. Заработают фабрики и заводы, наладится транспорт, из деревень повезут в город хлеб и другие продукты.

Краснов подумал, что власть Николаю Второму не вернут, а Михаилу Романову дорога на престол заказана. Он с красным бантом по Питеру разгуливает и брата ругает...

А может, надо с немцами заключить перемирие? Армию русскую восстановить? Начать с дисциплины... Ликвидировать все эти солдатские комитеты, ввести в армии военные трибуналы. Это оказалось не по плечу главкомверху Брусилову. Краснов Брусилова уважал, но здесь нужна твердая рука. Вот Лавр Георгиевич Корнилов радеет за дисциплину в армии. Он человек железной воли: и из плена бежал, и в Петроградском военном округе себя показал. Да и на Юго-Западном фронте хорошо себя зарекомендовал. Если слухи о назначении Корнилова главкомверхом подтвердятся, то придется Керенскому заняться укреплением армии...

С такими мыслями Петр Николаевич возвращался в свой корпус, который он считал почти потерянным и который мечтал видеть возрожденным. Пехотные дивизии окончательно разложились, одна надежда на 2-ю Сводную казачью. Да и им Краснов не слишком доверял.

Генерал подозвал Любимова. Хорунжий перевел коня в рысь, поехал стремя в стремя. Краснов заговорил с горечью:

— Вот, Алексей, думал, на пенсию уйду, книги писать буду. А Лавр Георгиевич снова рапорт отклонил. А с кем служить? Что скажешь?

Хорунжий промолчал. Прав комкор, служить не с кем.

Генерал продолжил:

— Отцу отпиши: если судьба забросит меня на Дон, непременно в Константиновскую заверну. Приглянулась она мне. Письмо из дома когда было?

— Да уж давненько, ваше превосходительство.

— Значит, как там Каледин хозяйничает, тебе неведомо? Ну-ну... А в Петрограде жизнь, говорят, тяжелая. Возможно, Алексей, тебе в Петроград доведется поехать, с Лидией Федоровной повстречаться. Письмо ее меня настораживает.

Краснов тронул коня, перевел на широкий шаг. Издалека увидел церковь на холме, дома, постройки сельские, мызу. Казачий разъезд покидал село.

— Дневальным прикажи: коня пока не почистят, в денник не ставить.

* * *

После операции Шандыба очнулся на третий день. Было больно двинуть шеей, голова казалась чужой. Последние слова перед операцией запомнились. Врач в пенсне сказал ассистенту:

— Ну, Петя, с Богом!

И еще сестру милосердия запомнил Иван. Она, подложив под голову ладонь, дала выпить спирт из мензурки. Огненная жидкость опалила горло, перехватила дыхание.

Очнулся Иван: все как наяву представилось. Вспомнил тот час перед операцией. И еще вспомнилось, как отец напутствовал его, за коня беспокоился. Говорил: «Грудь в крестах, а голова в кустах»... Вот и боя не было, а едва Богу душу не отдал...

Иван припомнил тот вечер. Они возвращались с заготовки фуража. Из леса раздался выстрел, удар в голову, и все... Потом на двуколке на станцию привезли и эшелон в питерский госпиталь доставили.

Захар Миронович за коня беспокоился. А где же конь? Его должны односумы в курень на Дон привести. Ведь за Воронка отец пай земельный заложил...

Неожиданная мысль обожгла: ведь казаки во взводе и не знают, выжил он или смерть настигла по пути в госпиталь.

Попробовал Иван голову повернуть. Больно. И глазами двигать тоже больно. Только открыть... да и то ненадолго... Снова закрываются веки...

Он, Шандыба, ушел на службу неженатым. Мать все сокрушалась. Ей бы внуками заниматься да невесткой командовать... Ну да Варькой не покомандуешь... А чего он про Варьку вспомнил? Она ведь за Степкой Усом замужем... И войну Шандыба не вирил. Правда, иногда вспоминал того австрияка, которого на пику насадил. Жалко парня. Но австрийцы сами в тот день на засаду напоролись...

Еще припомнил Иван, как генерал Краснов ему крест вручал... Торжественно, перед сотней... Героем назвал...

Подошла сестра милосердия. Следом доктор, велел голову разбинтовать. Осмотрел рану, хмыкнул доволью:

— Заживает. На фронт не попадет, а казаковать доведется.

Шандыба доктору не ответил. Казак без коня не казак. Ему бы на фронт, хоть какую-нибудь лошадь у австрияков или немцев отбить.

Пока сестра милосердия Ивану рану обрабатывала, Иван про свое думал. Как он без коня домой воротится, если Воронка домой не приведут?

А сестра милосердия выговаривала:

— Доктору бы спасибо сказал, он тебя от смерти спас...

Ушел доктор, отошла сестра. А Иван опять хутор свой вспомнил, хату-мазанку, крытую донским мелким камышом, потемневшим от времени. А стены облупились местами и оттого напоминали полуочищенное сваренное вкрутую яйцо.

Мать вспомнилась. Ванька мальцом ранним утром на баз выйдет, когда мать корову доит, тугие струи

бьют по ведру, постоит, послушает. Потом с отцом конюшню почистят, выведут коней на водопой, сено им заложат. А оно даже зимой степью пахнет...

До выезда в степь, когда Шандыба всей семьей из хутора на паевую землю перебирался, Иван часто ставил на Дону верши. Сазаны попадались, щука, караси. Раки забредут, клешнистые, крупные. Шандыба варил их с укропом. Сушеный с лета укроп всегда большой связкой висел в сенях под стрехой...

Но больше всего Шандыба любил дни, когда перед Рождеством забивали кабана. Мясо раскладывали на лавках и на столе, крупной солью засыпали сало. В чугуне на печи варилось мясо-грудинка, начинались домашние колбасы. А после Рождества мать готовила холодец: огромная миска стояла в сенях на прикрытой бочке.

В первый день Рождества ходили в церковь к заутрене, после садились за стол. Отец, Захар Миронович, доставал из сундука засургученную бутылку, разливал по стопкам.

Третий год минул, как не сидел Иван за отчим столом, а дух, что поднимался от чугунок, и поныне помнил...

А в госпитале пахло кровью, невымытыми телами и всякими лекарствами, но Иван с этим смирился. Что раздражало, так это стоны и причитания раненых.

Правда, когда подходили сестры милосердия, Шандыба глаза прикрывал: пахло от них чем-то домашним. Ивану даже боязно было. Это еще с детства, был он парень хоть и не робкий, но девок стеснялся, краснел.

Мать сокрушалась:

— И в кого ты только уродился? Иных на узде не удержишь, а ты ровно девка.

На что отец, усмехаясь в усы, говаривал:

— Погодь, мать, настанет его пора. Со службы воротится, я тем часом невесту ему и засватаю. Вон их сколько, невест-то...

Пошевелился Шандыба, поморщился: как огнем опалило. Сидевший напротив моряк с забинтованной рукой спросил:

— Что, браток, больно?

Иван промолчал. Моряк был старше Шандыбы лет на пять, разговорчивый. Заговорил, посмеиваясь:

— Ты, я вижу, не слишком говорливый. Меня Матвеем Савостиным кличут, а служил я до ранения в Кронштадте. Тебя, от сестрички слышал, Иваном величают? А я вот, Иван, сейчас поскоблю тебя. Ты лежи спокойно.

Матвей принес горячей воды в банке, намылил Шандыбе щеки и, поправив бритву на ремне, принялся за бритье. Он орудовал ловко, умело справляясь со щетиной. Наконец вытер Ивану лицо и сказал:

— Теперь вижу: не дед. А то зарос, ровно старик... Где это тебя так хлобыстнуло? Говорить-то можешь?..

С того дня и повелись разговоры. Матвей рассказал Шандыбе, как плавал на эсминце — ходил в море, как он выражался. И как в пехоте морской служил, тоже рассказывал.

Иван Дон вспоминал, хвалился жизнью вольготной, казачьей. Моряк слушал да ужмылялся.

— Вольготно, сказываешь? А почто от жизни хорошей пай заложили? Чтобы коня на службу купить? Нет, братишка, жизнь — она и нашего и вашего брата крутит. Коли сытый, он завсегда сытый, коли в сапогах, он по снегу в опорках не ходит... Сам же говорил, у деда Хондошки на хуторе все есть, и кони, и бычки. Молотилку купил — и все ему кланяются. Погоди, сведу я тебя с моим батькой Савелием Антипычем, он на Путиловском тридцатый год токарем служит. С ним про жизнь потолкуешь...

Не стал Шандыба спорить, да и Матвей тему сменил — чего зря парня травить: Пусть сам своим умом пораскинет...

Минула неделя, выписался моряк. Стала заживать рана и у Ивана. Начал он по коридору прохаживаться, сначала медленно, от окна к окну.

Где-то через месяц сестра милосердия сказала:

— Пора тебя, Шандыба, выписывать, да вот беда — как ты до своего Дона доберешься? В дороге рана бы не открылась...

Однажды появился в госпитале Матвей Савостин. Увидел шагавшего по коридору Шандыбу и сказал:

— Я, Иван, за тобой приехал. Отец велел: веди своего казака к нам. Долечится, тогда и порешим, каким Макаром ему на Дон добираться. Так-то, братишка.

* * *

Краснов прибыл в штаб армии как раз вовремя. Накануне в его корпусе побывал проверяющий член кадетской партии князь Павел Долгоруков. Он посетил 16-й и 17-й Донские полки, послушал речи казаков. Урядник одного из полков заверил проверяющего, что казаки готовы вести войну до победного конца.

Князь прошелся по окопам, попробовал щей из полковой кухни и укатил в штаб армии, куда пригласили и Краснова.

Петр Николаевич приехал к самому началу совещания вслед за начальником штаба генералом Герагули, исполняющим обязанности командира 4-го корпуса.

Все слушали проверяющего. Долгоруков говорил, то и дело одергивая френч на большом животе:

— Господа, я видел Московский гарнизон, он ужасен. Нет дисциплины, солдаты открыто торгуют форменной одеждой, дезертируют. Армия вышла из повиновения. И это в то время, когда Временное правительство готовит созыв Учредительного собрания.

— Князь далек от жизни, — шепнул Герагули Краснову.

— Я доволен увиденными сегодня казачьими полками. Нам всем необходимы только наступление и победа, — закончил свою речь Долгоруков.

Командующий армией повернулся к Краснову:

— Петр Николаевич, как вы смотрите на переход в

наступление революционных войск во главе с существующими комитетами?

Краснов поднялся. В памяти его всплыли солдатские митинги, крики...

— Господа, — начал он, — как русский человек я очень хотел бы, чтобы наступление завершилось успехом. Но как военный человек, верящий в незыблемость военной науки, я с болью сознаю, что победы не будет. Вы, князь, говорите, что побывали в 16-м и 17-м Донских полках, и хотите сходу дать им оценку? Казаки разлагаются, столкнувшись с тылом. Они требуют разделить суммы в денежных ящиках. Казаки также просят выдать им в постоянную носку обмундирование первого срока. И они хотят, чтобы офицеры здоровались с рядовыми за руку.

Князь Долгоруков покраснел:

— Ваше превосходительство, прямо скажите, что вы не желаете наступления. Свои недоработки в казачьих полках вы хотите переложить на других.

Краснов лишь усмехнулся, но промолчал, не желая вступать в пустые пререкания...

* * *

Жили Савостины за Московским вокзалом в бревенчатом домике. Комната, в которой ютились Савелий Антипыч с Матвеем, была крохотная: одна койка, стол с тремя табуретками, печка да сундук, обитый полосовым железом, покойницы — матери Матвея. Савелий Антипыч оказался мужик крепкий, всю жизнь на заводе проработал. Сразу указал на сундук:

— Здесь, Иван, спать будешь. По батюшке величать тебя не буду — больно молод. Живи, залечивай раны да ко всему приглядывайся. Где что не так, Матвей надоумит. Живем мы, сам видишь, скудно, но дружно: уж суп-то всегда сварганим и тебя от стола не отсадим... А завод наш в последний год чахнет, военных заказов мало, рабочих сокращают. Матвей все больше

по митингам шастает, в прошлые годы за анархистов горло драл, ноне большевики ему приглянулись. Ленин понравился на вокзале, когда с броневика речь произносил. Мне многое рассказывал. А я вот что тебе, Иван, скажу: показалось мне, что-то много этот Ленин народу обещает. И землю крестьянам, и фабрики-заводы рабочим, и жизнь райскую. Каша маслена, ешь — не хочу. Ну ладно, я в крестьянской жизни не понимаю, но чтобы наш Путиловский без хозяина оставить, самим рабочим на нем командовать? Да какой из рабочего инженер? Этак любой Ванька шапку задерет и директора из себя возомнит... Вот что до войны, то с ней точно надо кончать. Эвона сколь людей перемололи, бабы рожать не успевают. Детишки по подворотням бегают, по помойкам рожутся. А правительство наше все кричит: «Война до победного конца!» У вас-то на Дону люд, поди, не голодает? Вот видишь, а в Питере нищие на каждом шагу, и все копейку просят. А где ее взять, ту копейку?..

Вечерами сумерничали при свече, но чаще при лунном свете, проникавшем в подвальную комнату. Шандыба рассказывал, что в эту пору уже обычно отсеивались, яровые всходили, а что до озимой, то она скоро уже в колос войдет. И рыба на плесах гуляет... И так захотелось в эти минуты Ваньке домой, что так бы и полетел, да жаль, крылья ему война обрубил...

Матвей приходил вечерами поздно с новостями. Брусилов-то генерал негодный. Керенский смещает его, Корнилова назначает.

Однажды Матвей сообщил, что в Питер подтягиваются войска: и юнкера, и казачьи отряды, и пулеметчики. Даже орудия поставили.

— И все против народа, — возмущался Матвей, — но народ не запугать. Комитет большевиков постановил поднимать люд, если чего не так.

Савелий Антипыч заметил:

— Не горячитесь, тесто еще не взопло, из кадки не полезло. Как бы народ под пули не подставить...

***

Краснов прибыл в расположение полка, получив срочное уведомление: 16-й Донской казачий полк вышел из повиновения. Разобрали из цейхгаузов обмундирование, переделались и, нацепив красные банты, бахвалятся:

— Мы сами себе офицеры, не хуже их можем командовать!

— Офицеры ноне поутихли, боятся!

И гуляют по селу...

Краснов с коня соскочил, бросил повод ординарцу. Урядник подбежал.

От походных кухонь шел густой запах наваристых щей.

— Где мясо взяли?

— Дак, ваше благородие, казачки расстарались. Кабанчика завалили.

— Построить полк! Где командир полка?

— Заарестован, ваше благородие.

С великим трудом собрали полк: иные обедали, иные гуляли.

— Казаки, — заговорил Краснов, когда шум немного улегся. — Вы нарушили дисциплину и воинский долг. Где командир полка?

— А мы его в трибунал отправили, — ответили нестройно. — И тебя можем сдать! Казака ноне не тронь, хоть ты и енерал!

Рассмеялись весело. Кто-то лихо свистнул.

— Прекратить безобразия!

Краснов побагровел от злости. Казаки притихли. Но тут в село дикой ордой ворвался пехотный полк. Солдаты влились в толпу казаков, закричали:

— Братцы, да он вас страшает!

— Мы ящик с патронами в Стыре утопили!

— Не желаем воевать!

— Казаки! Солдаты! — снова подал голос Краснов. — Вы нарушили присягу!

— А чего-то он рот-то раскрыл? День ноне велик! Пасха Христова!

Позже Краснову рассказали: солдаты пехотного полка накануне потребовали от своих офицеров разговения. Офицеры ездили по всем ближним деревням в поисках куличей и яиц, а когда не нашли, то солдаты едва не застрелили своего полковника. Седой командир полка перед всем строем стоял на коленях, вымаливая жизнь...

— Братцы, пуцай энтот енерал прощение у нас просит!

— Надо арестовать его и в трибунал отправить!

— Верна-а-а! Энтот енерал войны хочет до победного конца!

Несколько солдат с ружьями наперевес повели Краснова в Витиборгский комитет, позвав с собой одного из казаков.

— Эй, Воронков, айда с нами, обвинять будешь!..

Из Витиборгского комитета Краснова повезли в Минск на суд армейского трибунала. В комитете Петра Николаевичу было сказано просто:

— Что ты командующий, нам плевать...

С трудом удалось Краснову через начальника станции связаться с командующим Западным фронтом генералом Гурко. Тот велел немедленно освободить Петра Николаевича и отправить в дивизию...

Все это еще раз убедило Краснова, что армия окончательно разложилась. Он написал новый рапорт. Но в штабе Петра Николаевича не поддержали. В военном же министерстве, во главе которого стоял Керенский, заявление Краснова об отставке в очередной раз не утвердили и предложили принять 1-ю Кубанскую казачью дивизию.

Глава 15

День начался как обычно: Матвей, едва сполоснув лицо, отправился в свой комитет, Савелий Антипыч

затемно ушел на завод, а Иван, съев кусок хлеба с воблой и выпив вместо чая кружку горячей воды, зашагал в госпиталь на перевязку. В прошлый раз сестра милосердия сняла бинты и заметила:

— Совсем скоро рана затянется. Однако ни о каком фронте не думайте. А вот работать — еще немного, и мы вам позволим. Домой, на Дон — не те сейчас условия, чтобы добираться. Сами видите, что творится...

Шандыба брел, глядя по сторонам. Хотя утро было раннее, народ уже собирался небольшими группками. Особенно людно было у булочных. Повсюду сновали ораторы: слышалось одно: «Хлеба!»

Проехал отряд драгун. За спинами болтались винтовки, сабли в ножнах били о стремяна. Сытые кони шли легкой рысцой. Иван подумал: хорошо бы поговорить с ними. Может, кто с Дона, земляки.

До госпиталя было далековато. Шандыба шел, задумавшись. Сейчас бы в родной курень, то-то радости было бы. Отец, поди, и не знает о ранении сына, думает, погиб Иван. Мать все глаза выплакала. А может, и в поминальник его вписала. Хотя нет, не должна...

Чем ближе подходил Иван к госпиталю, тем становилось люднее. Вот braveйший прапорщик провел юнкеров. Покрикивал весело:

— Равнение! Равнение!

А юнкера и без того четко печатали шаг. Винтовки на ремне, граненые штыки покачиваются.

«С какой стати юнкеров на улицу вывели?» — подумал Шандыба.

В госпитале Иван задержался надолго. Медицинская сестра была занята в операционной. Врач, который делал операцию, еще не появлялся.

Время подбиралось к полудню, когда улицы неожиданно заполнили толпы народа: несли транспаранты и пели «Марсельезу». В окно Иван видел — демонстрация мирная. Но почему столько войск?

Офицер, рука на перевязи, быстро прошагал по коридору госпиталя, резко бросая:

— Предатели! Бунтовщики!

Кого он бранил, Шандыба не понял. Неожиданно раздались беспорядочные выстрелы. Народ побежал. Особенно частая слышалась стрельба ближе к Невскому. Зацокали копыта по мостовой, проскакала сотня казаков-уральцев. Где-то затрещал пулемет. Улица очистилась, бежали редкие прохожие. Вскоре стрельба начала стихать.

Появилась сестра милосердия и принялась перебинтовывать Ивана. Руки у нее дрожали. Шандыба спросил:

— Что случилось?

Сестра бросила в сердцах:

— Антиправительственная демонстрация. Смутьяны подбивают людей к неповиновению.

— Но кто стрелял?

Сестра отвечать не стала, закончила перевязку, после чего сказала:

— Ехал бы ты, казак, к себе на Дон, любыми путями. Смутные дни наступают...

На квартиру к Савостиным Иван добрался лишь к вечеру. Савелий Антипыч был уже дома, сидел у стола, обхватив голову руками. Рассказал коротко, зло:

— Народу собралось. Шли с требованием отставки правительства. Передачи власти в руки Советов. Довольно воевать, нет проку. В люд стреляли... Из пулеметов, из винтовок. Мирно ведь шли...

Вбежал Матвей, припав к кружке с водой. Пил долго, большими глотками. Отерся рукавом, вытащил табурет, сел.

— Коли они так, то и мы тем же ответим. А твоих земляков, Иван, повидал я в деле. Лихо орудуют нагайками...

Шандыба промолчал, за него Савелий Антипыч ответил:

— Ты Ивана не тронь. Те казачки в Питере с народом воюют, а он на фронте. Чуешь, Матвей, разницу...

***

Той ночью Иван долго не мог уснуть, слышал — и Савелий Антипыч ворочается с бока на бок. Наконец сел на койке и, свернув самокрутку, закурил. Едкий дым разошелся по комнатке.

Матвей ушел с вечера, даже не сказав куда. Такое с ним случалось часто.

Старший Савостин, видя, что квартирант не спит, сказал:

— Ты, Иван, на Матвея не серчай. Это в нем злость заиграла.

— Да я не злюсь. Казака послали усмирять, он приказ исполняет.

— А ведь он думать должен, что за приказ. Приказ приказу рознь. Казак тоже человек, головой соображать надо.

— Надо, — согласился Шандыба. — Да казаку понятия такого не дано. Он всю жизнь был слугой царю и отечеству.

— А кто правит в отечестве, казаку разве безразлично? Вот и тебе, Иван, не грех подумать...

Шандыба заснул перед утром. И приснилось ему, что сотня их прибыла в Петроград. Гаража людей ведет с песней. Но почему-то донцы поют «Марсельезу»? Это же песня революционная...

Тут из-за поворота на Литейном появилась толпа. Скомандовал Гаража, и казаки на народ поскакали, топчут конями, секут нагайками. И вдруг видит Иван Савелия Антипыча. Тот укоризненно качает головой и говорит:

— Теперь своими глазами погляди, Иван, на своих казаков в деле. Это твой взвод, ты его обучал.

А Шандыбе и ответить нечего. Правду говорит Савелий Антипыч — это его односумы.

Стыдно стало Ивану, направил коня в сторону. За ним хоперец выехал, остановил лошадь, голову опустил, молчит. Шандыба хотел время узнать, спросил у

хоперца. И увидел у него часы в руке. Ту самую луковицу, что принес в пятом году отец Варьки...

Проснулся Иван, голова тяжелая, как с похмелья. Матвей не появлялся, а Савелий Антипыч, судя по всему, на свой завод ушел...

Встал Шандыба, умылся. Солнце краем заглянуло в комнату. Уж не привиделся ли и вчерашний день как сон? Может, и расстрела никакого не было?

Иван отер лицо серым рушником, висевшим тут же, у умывальника. Нет, был и день, был и расстрел. И сон ночной был. Неспроста, пророческий сон. Дележиваться надо и домой, на Дон как-то добираться...

* * *

— Нет армии — нет победы, — не раз говорил генерал Краснов. И в правильности этих слов он еще раз убедился, когда принимал 1-ю Кубанскую казачью дивизию, что стояла под Мозырем. Уже первое знакомство оставляло желать лучшего: казаки оборваны, голодают, лошади от бескормицы истощены.

К счастью, полковые деньги оказались в целости. Краснов немедленно отправил представителей комитетов и хозяйственников в Киев, поручив им срочно заказать башлыки и черкески, а сам обратился к командующему Особой армией с просьбой выделить для дивизии обмундирование и продовольствие. Краснову не было отказано, и вскоре в цейхгаузы начали поступать сапоги и шаровары, рубахи и шинели.

Задымилась землянки-бани, закурились походные кухни.

Повеселели казаки.

— Кажись, хлопцы, над нами командир нашелся.

— Настоящий генерал, за дивизию болеет...

А генерал явился в Мозырскую земскую управу и обратился к земцам с просьбой оказать помощь в размещении дивизии и в кормах для лошадей.

И в этом Петр Николаевич получил у земцев поддержку.

Вскоре из Киева возвратились интенданты. Они привезли все, что заказывали. Кубанцы обрели прежний вид.

Генерал Краснов собрал совещание полковых командиров и потребовал проведения занятий, чтобы вернуть дивизии ее боевые качества.

Казаки от занятий не уставали. Особенно довольны были 2-й Успенский, 2-й Полтавский и 2-й Запорожский полки. Однако стоило Краснову заговорить об отправке на фронт, как в полках поднимался ропот. Казаки воевать не хотели. Одно в мыслях: скорей бы на Кубань, в станицы...

В августе генерала Краснова вызвали в Домбровичи в штаб армии. Дорога изрыта снарядами, ехать долго и утомительно.

Петр Николаевич дремал на заднем сиденье, открыв иногда глаза, посмотрит по сторонам. Он не задумывался, зачем его вызвали в штаб. Раз вызвали, значит зачем-то понадобился.

Краснов знал: Особой армией командует уже не генерал Балуев, ее временно принял генерал Эрдели. С ним то и предстояла встреча.

Домбровичи — городок небольшой, но чистый, не то что те села, где стояли казачьи полки. У штаба выставлены часовые, дежурят адъютанты. Но во всем видна какая-то нервозность, необычная суета.

Едва Краснов появился на пороге, как о нем немедленно доложили командующему. Эрдели тут же пригласил гостя к себе.

Разговор был недолгий: Петр Николаевич даже удивился, что по такому вопросу его вызывали в штаб. Достаточно было переговорить по аппарату. Эрдели сразу спросил:

— Генерал, можем ли я и штаб армии рассчитывать на помощь казаков?

Вопрос был прямой, и отвечать на него надо было прямо. Но Краснов не был к нему готов. Да и как мог он говорить за всю дивизию? Скорее всего казаки против

солдат не пойдут. В этом Краснов убедился, когда сам подвергся аресту. Тогда за него казаки не вступились...

Поэтому на вопрос генерала Эрдели Петр Николаевич ответил уклончиво. Если потребуется, он пошлет казаков на помощь штабу армии и его командующему, но в бой с солдатами казаки 1-й Кубанской дивизии ввязываться не станут...

С тем генерал Краснов и покинул Домбровичи.

* * *

Осунулся, замкнулся в своем горе Захар Миронович. Затих курень старого Шандыбы. Даже меньший сын Мишка не радовал: ведь и его будущим летом на службу отправляют. Мать уже давно сундучок к сборам подготовила: и рубахи, и белье, и три комплекта портянок на смену...

Привезли казаки из 10-го Донского полка Воронка, рассказали, как пуля в Ивана угодила, как его с ранеными в эшелон грузили, а он ничего не помнил, не разговаривал. Кабы живой был, давно бы весть подал. Значит, помер Иван...

Редко теперь и Сергей Минаевич кума навещал. Ему ныне не до друга. У него все как у людей: Степка в атаманах ходит, Варька по дому. По молодости к девке, бывало, и на козе не подъедешь, а ныне весь Усовский курень на ней держится.

Захар Миронович совсем сник. Жена — и та лучше. Мужа поддерживает:

— Жив, жив наш Ванька, не таков он, чтобы помирать. Ты бы лучше, Захар, ему невесту подыскивал. Чует мое сердце, воротится сынок.

Но Захар Миронович был уверен: с такой раной, как у Ивана, не выживают. Казаки, что Воронка привели, говорили: пуля полчерепа снесла. Может, конечно, преувеличивают, но голова — дело серьезное.

Захар Миронович все хозяйство на Мишку переложил. И на паевой земле он с матерью управляется, и

на жнивье. Встряхнуться бы старому, да сил нет. Временами сердце стал чувствовать. Сказал сам себе: кажись, пожил ты свое, Захар, пора и на покой...

И вдруг в конце июня пришел к Захару Мироновичу Степка Ус, сказал с порога:

— Дядька Захар, новостью с вами зашел поделиться. Ванька-то живой, его в Питере в госпитале лечат.

* * *

Они случайно встретились в Домбровичах накануне отъезда. Давыдов, получив звание генерала, возвращался из Ставки в Могилеве. Сейчас они с Красновым вместе добирались до Мозыря. Автомобиль Давыдова следовал сзади, а генералы, сидя на заднем сиденье, разговаривали. Речь шла об обстановке в Ставке и в Петрограде: все с нетерпением ожидают, когда придет новый главкомверх Корнилов, но тот задерживается на Юго-Западном фронте.

Краснов больше спрашивал, Давыдов отвечал.

— Вот вы, Петр Николаевич, меньшевиков упоминали, всяких там социалистов. Так они только начали разложение армии и страны, а заканчивают его Ленин и его сторонники, большевики. Ленин и его партия в основном состоит из евреев.

— Так ли, Владимир Андреевич?

— Да, Петр Николаевич, не извольте сомневаться. Что вы слышали о Троцком? А ведь его фамилия Бронштейн. А о Свердлове? У него папа был Израилевич, а мама Соломоновна. Каменев и Зиновьев тоже евреи, правят миром.

— Тут вы немного перегнули. Что не русские, согласен, но что миром правят, позвольте с вами не согласиться.

— Ничего, придет время, и вы меня вспомните. Мы с немцами и австрийцами деремся, а к чему? Чтобы явился Ленин с евреями и тыл, и армию развалили. Россия на краю гибели...

— И здесь вы неправы. Россия не погибнет, она выстоит, как не погибла в Смутную пору...

— Не о России речь, Петр Николаевич, о ее государственном устройстве. Вот что мы теряем.

— Если речь о государственном устройстве, то я остаюсь монархистом. Все остальное анархия.

— А если диктатура?

— Для этого нужна очень сильная личность.

— Да, Петр Николаевич, нужна личность. Думаю, Лавр Георгиевич ею является.

— Хорошо бы.

— Я разделяю его требование восстановить военно-полевые суды.

— С военно-полевыми судами мы опоздали. Временное правительство и провозглашенная ими демократия разложили солдат. Для них лучше Керенский, чем Корнилов. Помяните мое слово.

— В этом их спрашивать не будут.

— Но они сила, Владимир Андреевич.

Давыдов промолчал. Краснов, поправив воротник кителя, сказал задумчиво:

— Хотя знаю, и вы знаете, что начинать всегда надо с дисциплины...

На развилке генерал Давыдов пересел в свой автомобиль. На прощание крепко пожал Краснову руку.

— Рад буду, если вам, Петр Николаевич, кубанцы не доставят таких огорчений, какие причинили донцы...

Разъехались, а у Краснова на душе горький осадок. С Давыдовым год провели вместе, да какой год — фронтовой, а расстались почти как чужие. И ведь правду сказал — не радовали донцы. А как он, Краснов, Дон любил, писал о нем, жизнь казаков прославлял! Но с действительностью столкнулся, и все по-иному пошло...

— В штаб дивизии.

Приняв рапорт дежурного, Краснов велел вызвать командира 2-го Уманского полка. Хотелось выяснить, как отнесутся уманцы к тому, что им придется принять от солдат охрану штаба Особой армии.

Беседа затянулась. Краснов с командиром 2-го Уманского полка пообедал, выпил чаю и только потом заговорил о деле.

Войсковой старшина Агрызков был дальним родственником наказного атамана Бабича. Командовать полком начал со дня его формирования в Уманских лагерях, побывал в боях с австрийцами на Юго-Западном фронте, затем после переформирования месяц провел в окопах.

Из беседы с войсковым старшиной Краснов убедился, что его уклончивый ответ генералу Эрдели имел под собой основание. Войсковой старшина сказал: уманцы службу будут нести исправно, но против солдат, если те взбунтуются, не пойдут...

Штаб дивизии находился в глухой деревне вдали от железной дороги. Краснов снимал домик у самого леса, где деревья подступали к сеним. По утрам генерала будили певчие птицы. Денщик приносил из родника чистой воды, грел чай, на плите пек лепешки.

По окрестным домишкам жила охранная полусотня, и когда генерал выезжал в полки, казаки сопровождали его.

Краснов не хотел, чтобы казаки знали, что творилось в России. Чем меньше будут знать, тем лучше.

Он опасался, что рано или поздно дивизию пошлют на фронт. Знал, что казаки на передовую не пойдут, хотя им и был зачитан приказ Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, требующего полного восстановления дисциплины в армии. Отныне офицерам и урядникам предоставлялась прежняя власть. Более того, восстанавливались военно-полевые суды и вводилась смертная казнь за целый ряд армейских преступлений.

Приказ главнокомандующего читали во всех полках. Казаки взволновались:

— Это, значит, опять к старому режиму?

— Нас свободы лишают!
— Нам по станицам пора!
— Не бывать такому! Пуцдай этого Корнилов хочет, а мы не желаем!

— Довольно, навоевались!

Пошумели казаки и затихли. А Краснов думал: если уж казаки взроптали, то как то солдаты воспримут корниловский приказ?

* * *

Старая Матрена была крайне удивлена, когда, затемно выйдя на баз к скотине, увидела мужа, выводившего лошадей с конюшни. Захар, покашливая, нес на плече сбрую.

— Ты куда это спозаранку собрался?

— Куда, куда, на кудыкину гору.

И принялся закладывать коней в бричку, ворча:

— Бабу слушай, а свое исполняй...

После сказал:

— Вот чего, Матрена, собери еды дня на три. В Миллерово на станцию поеду. Чуется мне, Ванька должен приехать.

— Ты, старый, белены никак объелся. Откуда Ивану нашему в Миллерово взяться? Он, поди, из гошпиталя не вылазит.

— Из гошпиталя, из гошпиталя, — передразнил Захар Миронович жену. — Приснился мне Ванька, на Воронке будто приехал, я ему ворота открываю. Не иначе, воротится он нынче, потому и встречать надо в Миллерово на станции. А то приедет, как добираться? Думать надо, старая...

Захар Миронович выехал из хутора, когда солнце еще не поднялось. Разгоралась утренняя заря, и оттого Дон казался красно-красным. Но Захар Миронович на реку не глядел — за свою долгую жизнь насмотрелся.

Кони бежали весело, а он все продолжал думать свое. Вот Ивана встретит, потом косовица подоспеет. Овес сжать надо, а там и с пшеницей управиться...

Давно, очень давно — это Захар Миронович знал от деда, а тот от своего отца — пришли Шандыбы на Дон после Кондрата Булавина. Сначала жили близ станицы Кагальницкой, потом к Вешенской, на хутор переехали... Но это уже на памяти Захара случилось. Он тогда совсем мальцом был, коней гнал, а позади на бричке плужок лежал и борова зубьями прижалась к сошкам. Отец с матерью корову подгоняли, она к бричке была привязана.

Тогда, верно, и дед, и отец о хорошей доле мечтали... Оно и правда, на новом месте построились, мазанку слепили. Урожайные годы выдались, как на хуторе важили... Дед с Балканской Георгия принес, а вот Ванька аж три креста заработал. Слава богу, что хоть раненый, а живой... Как-то он до Миллерова добираться будет? Ноне все поезда забиты. Одни на Кавказ едут, другие в Москву попасть норовят... А у Ваньки рана особая, тяжелая, Захар Миронович даже и представить не может, как это полчерепа снесло, а жив остался.

И так старику захотелось сына увидеть, что он даже коней подстегнул, в рысь пустил. Захар Миронович еще ночью сказал себе: приедет Иван, непременно приедет. Оттого и на станцию торопился.

* * *

Эшелоны шли из Ростова через Миллерово на Москву. Составы следовали один за другим. В распахнутых дверях теплушек виднелись хмурые лица кавказцев и туркменов в засаленных халатах, в мохнатых шапках-тильпеках. В других вагонах — кони, прессованное сено и снова кавказцы.

Туркменская дивизия, личная охрана Верховного главнокомандующего генерала Корнилова двигалась в Ставку.

Захар Миронович выпряг коней, привязал их у брички и вышел на перрон. Мимо ползли эшелоны. Провожая их долгим взглядом, Захар Миронович при-

сел на лавку. На перрон вывалилась толпа цыган, потопталась и так же толпой удалилась.

А старый казак все сидел и смотрел туда, откуда должен был прибыть поезд из Москвы.

День клонился к вечеру. Вот и появился наконец московский поезд. Пробежали вагоны первого, второго, третьего класса, сплошь облепленные, как виноградные гроздья, солдатами: демобилизованные, дезертиры, но все при оружии.

Поезд постоял и снова отправился дальше на Ростов. Только немногие сошли в Миллерово. И никто не обратил внимания на Захара Мироновича, а он — ночь миновала и другой день наступил — все не покидал лавку.

Только с приходом нового дня, когда солнце взошло над станцией, Захар Миронович понял, каким наивным оказался его приезд в Миллерово. Он поднялся, медленно направился в станционный дворик, где его ожидали кони и бричка. Захар Миронович заложил лошадей, уселся на переднюю скамью и, теперь уже не понукая лошадей, медленно поехал на свой хутор.

***

24 августа Краснову передали по телефону, что полки пехотной дивизии, стоявшие у селения Духче, под влиянием агитаторов отказались выполнять приказ идти на позиции.

Со 2-м Уманским полком генерал Краснов выехал в селение Славитичи. Петр Николаевич встретился с членами солдатского комитета и после недолгих переговоров убедил их в том, что комитету необходимо повлиять на солдат. Но Краснов не учел: именно в этом полку было больше всего солдат, которые не повиновались командованию.

В Духче пехотный полк расположился на площади. Краснов велел уманцам незаметно окружить мятежников.

Подъехал начальник пехотной дивизии генерал Гиршфельдт:

— Из штаба сообщили, что с Северного фронта к нам едет комиссар Линде. Он должен убедить солдат.

Краснов пожал плечами. Гиршфельдт добавил:

— Это тот самый вольноопределяющийся, который еще 20 апреля вывел лейб-гвардии Финляндский полк из Мариинского дворца и потребовал отставки министра иностранных дел Милюкова.

Краснов поморщился:

— Но это еще не значит, что солдаты его послушаются.

— Говорят, он умеет выступать. Едет из города Луцка.

Посмотрев на часы, Краснов сказал:

— Тогда ждать недолго...

Комиссар Линде оказался латышом, самоуверенным, подтянутым, в ладно пригнанном френче, в зеленых галифе и коричневых ботинках с обмотками до колен. Краснов напомнил комиссару печальный результат выступления другого комиссара — князя Долгорукова. Линде иронически заметил, что он-то не князь, и потребовал не мешать ему разговаривать с солдатами.

Пехотный полк построили. Линде прошелся вдоль строя в сопровождении заместителя командира части.

Остановившись перед второй ротой, зачинщиками неповиновения, комиссар бросил резко:

— Вы не революционные солдаты... Вы сволочь, которую надо уничтожать... Я требую выдать агитаторов и зачинщиков...

Урядник, сопровождавший Краснова, шепнул генералу:

— Ваше превосходительство, этот комиссар еще больше распалит солдат. Быть беде.

Краснов и Гиршфельдт видели, как Линде шел вдоль строя, тыкая пальцем в солдат.

Подозвав ротного командира, он приказал:

— Этих подлецов забрать и при попытке к бегству расстрелять.

Рота двинулась на комиссара. Послышались выкрики:

— Не позволим!

Спешившаяся сотня казаков в свою очередь двинулась на роту. К Краснову подбежал командир пехотного полка:

— Ваше превосходительство, только что получено сообщение: с фронта снялся 443-й полк. Стрелки идут сюда.

Краснов тронул Линде за рукав френча.

— Господин комиссар, вам лучше уехать.

— Как уехать? Сейчас главное — разъяснить бунтовщикам их ошибки. Генерал, полк должен выступить и сражаться.

Краснов понимал, что в этой ситуации казаки не пойдут против солдат. Да и численность не позволяла им оказать сопротивление пехотинцам.

— Уезжайте. 443-й полк идет сюда с оружием.

— Но я должен поговорить с солдатами! Я должен вырвать из них заразу неповиновения. Вы слышали, солдаты обвиняют вас, командиров, в том, что вы продали позиции немцам за сорок тысяч. Это нелепая басня о генеральской измене...

В лесу раздались выстрелы. К Краснову подскакал казачий офицер:

— Ваше превосходительство, пехота наступает на нас. Я приказал открыть по ней пулеметный огонь, но казаки отказались.

Краснов взглянул на Линде.

— Господин комиссар, я повторяю, вам необходимо уехать. Вы слышали, что говорил казачий офицер.

— Не господин, а товарищ комиссар, — сердито оборвал Краснова Линде. — И то, что я услышал от казачьего офицера, это еще один бунт. Я поеду туда.

— Мой долг сопровождать вас, товарищ комиссар.

Краснов тронул коня, поехал рядом с автомобилем.

Увидел впереди: толпа солдат запрудила поляну. Ехать пришлось медленно. Вдруг послышалась команда:

— В ружье!

Толпа словно только этого и ждала, солдаты разбежались по сторонам и вновь собирались с винтовками. От леса застучал пулемет, поднялась ружейная пальба. Казаки стали поворачивать коней. Напрасно Краснов призывал их к порядку.

— Стреляют вверх! — кричал он.

Урядник перебил генерала:

— Сейчас вверх, а потом по нам!

Автомобиль с комиссаром резко развернулся и поехал обратно, за ним поскакали Краснов с сопровождавшими его штабными работниками. Линде вжался в сиденье. Пули щелкали о машину. Шофер затормозил, открыл дверцу и бросился в лес. За ним выпрыгнул из машины Линде, но почему-то побежал не к лесу, а в обратную сторону. Какой-то солдат ударил его прикладом. Комиссар упал, и сейчас же на него с дикими криками налетела толпа солдат.

Краснов со своими штабными работниками погналы коней, не дожидаясь, пока дойдет очередь и до них. За лесом они настигли скакавших казаков, остановили их. Краснов стал выговаривать:

— Как не стыдно, уманцы? Пехоты испугались? Ведь все целы, никого не тронули...

— Их сила, ваше превосходительство: почитай, наших полполка разбежалось...

За лесом нашли двуколку, усадили на нее генерала Гиршфельдта и с ним двух офицеров, велели им уезжать в штаб дивизии.

К Краснову подъехал урядник-вестовой, сказал сконфуженно:

— Мы думали, вас убили, ваше превосходительство.

— Дурень ты, братец, — только и ответил Краснов.

Вечером Петр Николаевич сообщил о случившемся командиру 4-го кавалерийского корпуса. Тот попросил приехать к нему с уманцами и 2-м Полтавским полком.

Когда Краснов прибыл в Пожары в штаб кавалерийского корпуса, там уже ходили слухи об уходе с фронта 3-й пехотной дивизии и что она идет на Пожары. Приезд Краснова в штаб корпуса всех успокоил: 3-я пехотная дивизия пока оставалась в Духче.

* * *

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Лукомский получил предписание срочно перебросить из резерва Румынского фронта 3-й конный корпус и «Туземную дивизию», сосредоточив их в районе Невеля—Н. Сокольники—Великие Луки.

Остановившись у занимавшей полстены карты, Лукомский, пощипывая седеющий клин бородки, задумался. Если Корнилов вознамерился оказать поддержку Северному фронту, то лучшее место расположения указанных сил — Псков. Однако дело, вероятно, не в Северном фронте. Отсюда, пожалуй, удобнее двинуть войска на Петроград или даже на Москву.

Лукомский направился к главкомверху. Корнилов за что-то отчитывал помощника комиссара при Ставке фон Визина.

— Я не желаю слышать об этом. Вернусь, тогда и поговорим, — говорил Корнилов.

Когда фон Визин вышел, Лукомский попытался выяснить причину столь неразумного, по его мнению, расположения 3-го конного корпуса и «Туземной дивизии».

Корнилов, невысокий сухощавый, с монгольским разрезом глаз, вперился в начальника штаба долгим взглядом. Сказал, смягчив тон:

— Ваша правда, Александр Сергеевич. Но обстановка заставляет меня видеть во Временном правительстве тех, кто заносит меч над Россией. И один из таких людей — господин Керенский. В его лице я вижу человека, для кого Россия не представляет ценности.

Лукомский одернул темно-зеленый френч.

— Лавр Георгиевич, я разделяю ваши взгляды, и я с вами до конца.

Корнилов подошел к окну, откинул штору.

— Обидно, Александр Сергеевич, что сегодня страшной правят не государственные деятели, а слизняки. Но эти слизняки могут доставить нам много неприятностей. Оттого и прошу вас не медлить с переброской указанных частей.

— Я уже послал телефонограммы.

— Проследите: пусть генерал Краснов начинает передислокацию незамедлительно.

Лукомский кивнул:

— Лавр Георгиевич, Краснов исполнит ваше предписание, но его действия могут вызвать негативную реакцию у Керенского.

— Меня это не интересует.

Когда Лукомский покидал кабинет Корнилова, он думал, что главкомверх правильно делает: на силу Керенского и Временного правительства надо ответить силой армии.

* * *

Александровский вокзал в Москве был запружен многочисленной толпой: дамочки с цветами, офицеры, казаки, важные господа. Здесь же находились члены Государственного совета, представители иностранных миссий.

На перроне в ожидании прибытия поезда выстроился почетный караул Александровского военного училища. Подошел, печатая шаг, женский батальон смерти, встал у виадукка.

Поезд пришел в три часа пополудни. Из сияющего блеском вагона вышел Лавр Георгиевич Корнилов, Верховный главнокомандующий.

Оркестр грянул «Боже, царя храни...», Корнилов замер, приложив ладонь к козырьку фуражки. Потом медленно обошел почетный караул, остановился на

короткое время у строя текинцев. Одетые в мохнатые шапки и красные шелковые халаты кавказцы не сводили глаз со своего кумира.

Затем Корнилов подошел к министрам, иностранным представителям, остановился, перебрислся словами. Но тут прорвавшаяся толпа подхватила его на руки и вынесла на площадь...

Августовскую патриархальную Москву огласил колокольный перезвон. Сорок сороков Москвы возвещали об окончании происходившего в Большом театре совещания.

Совещание было необычным. В Москву съехались члены Временного правительства с Керенским во главе, министры, банкиры, промышленники. У всех них были свои планы спасения России, вывода ее из кризиса. Но не эти люди были главными, а прибывший под усиленной охраной из Могилева из Ставки главкомверх генерал Корнилов.

Выступавший Керенский продолжал играть в российского Наполеона. Он считал, что только соблюдение преданности Временному правительству и созыв Учредительного собрания спасут русскую демократию.

Слова главы Временного правительства не могли не вызвать усмешек у большинства собравшихся. Они перешептывались, говорили о демагогии, которая правит страной.

Всех поразил своей речью главкомверх Корнилов. Он потребовал от совещания признать диктатуру.

— Только сильная власть, только дисциплинированная армия в состоянии вывести Россию из кризиса, — заявил Корнилов.

Верховный главнокомандующий закончил свою речь следующими словами:

— Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа, и я верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять

нельзя, что нельзя терять ни минуты. Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер.

Корнилов сошел с трибуны под бурные овации. Особенно неистовствовали присутствующие в зале офицеры. От группы промышленников отделился Родзянко, подошел к главкомверху:

— Мы с вами, Лавр Георгиевич. С вами разделяем пути спасения России. Нам претит позерство и пустословие. России необходима диктатура, и вы ее, Лавр Георгиевич, получите.

Корнилов, внимательно глядя на Родзянко своими узкими глазами, произнес:

— У нас одна родина. Я предлагаю путь, в котором Россия найдет выход из тупика...

Затем выступил атаман Войска Донского генерал Каледин. Он сказал слова, которые по сути совпадали со словами генерала Корнилова:

— Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен заслон в самом зародыше.

Скрестив на груди руки, Керенский наблюдал за Корниловым. Ему, главе Временного правительства, было неприятно столь повышенное внимание к главкомверху. Претили восторженно-влюбленные взгляды офицеров и их дамочек к этому потомку Чингизхана. Глава Временного правительства был убежден, что настала пора провозгласить себя Верховным главнокомандующим. Но как это сделать? Ведь Корнилов будет держаться за власть.

А главкомверх вел атамана Войска Донского по широкому коридору театра, у них шел свой разговор. Публика расступалась, приветствовала их, но ни Корнилов, ни Каледин никого не замечали.

Они шли не торопясь и разговор вели неторопливый:

— Вы утверждаете, Алексей Максимович, что Дон всегда готов нас принять?

— Лавр Георгиевич, казаки знают, за кем правда. Разве нам нужна блудливая демократия господина Керенского? Мы нуждаемся в крепкой руке и верим вам.

— Я полагаюсь на вас, Алексей Максимович, и на Войско Донское.

...Но августовское совещание в Большом театре не дало желаемых результатов. Общество осталось расколотым. А в жизнь России властно вмешалась ленинская партия...

Глава 16

Еще на VII съезде РСДРП большевики приняли установку на насильственный захват власти. Выросла за годы численность ленинской партии: из маленькой группы она превратилась в полумиллионную армию, одержимую утопическими идеями. Революция представлялась большевикам беспощадной борьбой с проклятым прошлым, когда будет покончено с буржуазией и помещиками, а жизнь станет прекрасной и счастливой: не будет богатых и бедных, воцарится дружба между народами.

Солдаты соглашались с этими идеями, к этому склонялись и казаки. Но казаков беспокоило, не наступят ли такие времена, когда у них отберут паевые земли и начнется передел между иногородними.

С этими вопросами казаки из дивизии Краснова не раз обращались к генералу, и тот пояснял: большевистские идеи — фантазии, досужий вымысел. Классовое общество всегда имеет имущих и неимущих.

Казаки не всегда понимали Краснова, но за свою землю они готовы были бороться. И Петр Николаевич был бессилен их убедить, что решение земельного вопроса — дело Учредительного собрания, а дело казаков и солдат — исполнять приказы Верховного командующего.

***

День для Краснова начался с посещения 2-го Полтавского полка, квартировавшего в соседнем селе. Построенные в каре казаки порадовали. Одетые в новое обмундирование, сытые и отдохнувшие, они были лучшими в дивизии и на маневрах, и в учебе...

Отведав обед из полковой кухни, Петр Николаевич остался им доволен и в хорошем расположении духа покинул село. Солнце клонилось к закату, край его жуть коснулся леса. Краснов не торопил коня: хотелось подышать чистым воздухом, побыть одному. Благо конвой приотстал.

Здесь, в российской глухомани, где стояла дивизия, Краснов понял, что в прежние годы ему именно этой тишины не хватало. Забытого Богом села, простой крестьянской жизни. Ему как человеку творческому надо было изучить ее давно...

Миновав заставу, Петр Николаевич подъехал к штабу дивизии. Тут ему вручили телеграмму от помощника походного атамана генерала Сазонова. Она была датирована 23-м августа, и в ней генералу Краснову предписывалось принять в командование Третий конный корпус.

Петр Николаевич удивился. Он знал, что корпусом командовал генерал Крымов, человек опытный и волевой. Почему его смещают, было загадкой. Тем более что корпус находился в резерве Румынского фронта, стоял в Херсонской губернии, в районе города Ананьева.

Генерал Краснов еще не знал, что Третий конный корпус был уже на пути в Петроград.

Петр Николаевич перечитывал телеграмму Сазонова и вспоминал, как, приехав в Замостье, принимал 10-й Донской казачий полк. С ним Краснова связывала походная жизнь четырнадцатого и пятнадцатого годов, первые победы над австрийцами под Баламутовкой, Ржавецами и Топорудей. Шесть тысяч пленных и богатые трофеи...

В этом полку у него осталось много знакомых офицеров и казаков. Теперь ему предстояло принять от Крымова корпус, в котором числился и его 10-й Донской казачий полк. Как-то встретят его донцы?

В последних числах августа 1917 года Петр Николаевич выехал в Ставку...

***

От Луцка до Сарн верст пятьдесят, а на автомобиле да в объезд и все семьдесят будет. А уж до Могилева, где размещалась Ставка главкомверха, считай, все триста. Дороги перегружены: войска, обозы, санитарные фуры. Автомобиль, часто уступая дороге встречным, ехал обочиной. Августовское солнце с полпути припекло, Краснов расстегнул гимнастерку и снял фуражку. Он в очередной раз вспомнил события в дивизии генерала Гиршфельдта, казаков 2-го Уманского полка. И в который раз он повторил сам себе: армия без дисциплины не армия, а сброд...

Краснов задумался: а когда же армия начала разлагаться? Ведь и в прошлые годы войны велись не в одно лето. Война с Японией неудачной была, и все же не было такого неповиновения. Неудачной была и Крымская кампания, и опять-таки стерпел русский солдат. А ныне?..

Снова генерал Краснов обвинил социал-демократов с их заигрыванием с солдатами, призывами к свободе. Сегодня солдаты не хотят воевать, завтра они потребуют земельного передела, а потом и власти...

В Могилев Краснов прибыл утром. В гостинице привел себя в порядок, побрился, поел в ресторане. На удивление еда оказалась вполне приличной, были даже блины с икрой и цейлонский чай.

На выходе столкнулся с офицерами. Поручик и ротмистр вели себя развязно и генералу козырнули небрежно. Но Петр Николаевич не стал делать замеча-

ния. Было понятно: они давно не были на фронте, тыловая жизнь подраспустила.

Город проснулся: открывались лавочки и мастерские, двери православного храма были распахнуты. Из церкви вышли несколько солдат ударного батальона с изображением на рукавах черепа с перекрещенными костями. Это, по мнению Краснова, выглядело слишком бутафорски.

О том, что город далек от мирной жизни, напоминало все: проехал, угрожающе поводя башней, броневик; проскакал взвод туркмен в неизменных мохнатых шапках; отбивая шаг, прошли солдаты. У бетонной тумбы, увешанной объявлениями и афишами, стояли извозчики. Гражданские лица, видимо, привыкшие к подобной обстановке, ни на что не обращали внимания. Однако Краснову, проводшему последние дни на фронте или в прифронтной зоне, мирная городская жизнь была непривычной. И торговцы газет, и лоточники, усиленно предлагавшие папиросы поштучно, и рынок, где шла бойкая торговля битой птицей и мясом, — все отвлекало генерала от обычного хорда мыслей.

На углу сапожник прибывал на туфли набойки, а хозяйка туфель, рыжая гимназистка, восседала на высоком стуле, дожидаясь выполнения заказа. Другой сапожник наводил блеск на сапоги юнкеру. Юнкер, видимо, ждал, когда освободится гимназистка, зорко поглядывал на нее.

Чем ближе подходил Краснов к губернаторскому особняку, где размещался штаб Верховного командующего, тем становилось многолюдней, все больше встречалось военных.

Краснов предъявил телеграмму, и его пропустили в особняк, который занимал генерал Корнилов. На втором этаже Краснова попросили подождать. Вскоре его принял начальник штаба генерал Лукомский.

По ковровой дорожке Краснов подошел к письменному столу, на котором скатанные трубками лежали карты фронтов, представился.

Лукомский радушно указал на кресло:

— Присаживайтесь, Петр Николаевич. Главком-верх сейчас занят, поэтому говорить с вами буду я. Вы уже встречались с кем-нибудь из штаба?

— Никак нет, ваше превосходительство, я прибыл в Могилев сегодня утром и сразу же явился по вызову.

— Обстановка складывается серьезная. Председатель правительства Керенский объявил главкомверха изменником и намерен сместить его с этого поста, а сам хочет занять место Верховного главнокомандующего. Но возникает вопрос: а хотят ли этого офицеры, хочет ли армия? Ведь недостаточно одного желания, надо иметь военные знания и опыт.

Краснов согласно кивнул. Лукомский повторил задумчиво:

— Да, знания и опыт. Вы, Петр Николаевич, понимаете, что вас вызвали по важному вопросу. Вам надлежит принять в командование Третий конный корпус. Генерала Крымова, кажется, с неделю назад арестовал Керенский, а нам необходимо, чтобы корпусом руководил опытный, боевой генерал, способный занять Петроград и заключить под стражу этих болтливых сорок, называющихся Временным правительством. И отстранить от власти Керенского, который отрицательно влияет на солдат и матросов. Только после этого мы сможем укрепить армию и флот, продолжить войну с Германией и победить...

Далее Лукомский сказал, что Третий конный корпус Корнилов уже двинул на Петроград, а Кавказская дивизия разворачивается в «Туземный корпус» и ей придаются Первый Осетинский и Первый Дагестанский полки.

Видя, что Лукомский закончил, Краснов поднялся:

— Ваше превосходительство, где я могу догнать корпус?

Начальник штаба посмотрел на карту, сказал не очень уверенно:

— Корпус находится в движении. С его эшелонами

мы пока связи не имеем. Поэтому конкретно я, Петр Николаевич, на ваш вопрос пока ответить не смогу. Скорее всего вы найдете корпус или на станции Дно, или же на пути на Петроград...

Ответ Краснова не удовлетворил. Он понял: растерянность начальника не может не отразиться на работе всего штаба. Значит, надо надеяться только на собственные силы. Прежде всего следует начать поиск эшелонов. И еще Петр Николаевич понял: Временное правительство и его глава Керенский добровольно власть Корнилову не уступят и Третьему конному корпусу и «Туземной дивизии» придется брать город штурмом.

Внезапно дверь открылась, и вошел Корнилов. Маленький, аккуратно подстриженный, с нависшими на верхнюю губу усами, он внимательно посмотрел на Краснова. Смуглое лицо, узкий разрез быстрых глаз. Все выдавало в нем волевого человека.

Краснов подтянулся, представился.

Корнилов пожал ему руку, спросил:

— С кем вы, генерал — с нами или против нас?

Петр Николаевич не ожидал такого вопроса, однако ответил твердо:

— Я солдат, ваше превосходительство, и любое приказание исполню в точности.

— Ну вот и отлично. Поезжайте в Псков, разыщите Крымова. Если его там нет, оставайтесь пока в Пскове. Я не знаю, как поведет себя генерал Клембовский. Он — главный в городе. Во всяком случае, зайдите к нему. Да поможет вам Господь...

Покинув корниловский особняк, Краснов направился в штаб походного атамана. Ему хотелось увидеть своих старых знакомых генералов Смагина и Сазонова, полковников Власова и Грекова. Пусть прояснят ситуацию, сложившуюся между Корниловым и Керенским.

В одном Петр Николаевич был убежден — Лукомский на сегодня этой ситуацией не владеет. И где искать Крымова и его корпус — неясно...

В штабе походного атамана кроме генерала Сазонова повидать никого не удалось. Все были в отъезде.

Сазонов встретил Краснова с легким укором.

— Что же ты, братец, пошел сразу к Лукомскому, — сказал он, обнимая старого знакомого. — Тебе надо было прежде со мной встретиться.

Петр Николаевич заметил, как Сазонов постарел, обрюзг, под глазами — мешки.

— Я же звонил, велел твоим штабистам, чтобы ты у меня обязательно побывал, когда в Могилеве окажешься. Теперь поступай, как главнокомверх приказал...

Помощник походного атамана рассказал Краснову; что между Корниловым и Керенским пробежала черная кошка. Хотя она, пожалуй, появилась между ними уже давно, с первых дней назначения Корнилова главнокомандующим.

— Лавры нашего Лавра не дают покоя Керенскому, — скаламбурил Сазонов.

— Я считаю, — сказал помощник походного атамана, — Россию спасет только диктатура. Если Корнилов возьмет власть, он будет держать ее до созыва Учредительного собрания.

— Поживем — увидим, — вздохнул Краснов. — А что слышно о нашем Доне?

— Не все ладно и у нас на Дону. На Дону объявились сторонники Ленина-Ульянова, большевики, и пытаются вести агитацию среди казаков...

— Казаков особо не сагилируешь, — улыбнулся Краснов. — Ну а что ты знаешь о Третьем конном корпусе? Где мне искать Крымова?

— Пути корпуса неисповедимы. С ним не встречался Корнилов, да и под Могилевым он не объявлялся. Следует прямо на Петроград. Я бы сказал точнее — не следует, а ползет. Солдаты устали, кони застоялись. И что хуже всего, на станциях солдаты слушают агитаторов. А ты, Петр Николаевич, знаешь, какие они речи произносят. В общем, думаю, тебе доведется

хлебнуть с ними лиха. Ну, ты мужик тертый, генерал, солдатами щипанный, справишься...

Уже выходя от Сазонова, Краснов столкнулся с полковником Власовым. Он только что вернулся из корпуса Крымова. Не порадовал: Третий конный корпус по-прежнему в эшелонах, и его боеспособность на данный момент сведена к нулю. Сам Крымов еще не арестован, но такая угроза есть...

Власов, как и Сазонов, считал, что Корнилов — единственный на сегодня, кто может спасти положение. А оно критическое.

— Вам надо, Петр Николаевич, поторопиться. Как поступать, увидите на месте.

Краснову ничего не оставалось, как только откланяться. Надежды на старых знакомых оказались тщетными. Надо было все решать самому.

***

Хотя этого давно ожидали, но тем не менее телеграмма Керенского вызвала в Ставке переполох. В телеграмме сообщалось, что генерал Корнилов отстраняется от должности Верховного главнокомандующего. Главнокомверхом Керенский объявлял себя.

Прочитав телеграмму и связавшись с генералом Алексеевым, Лавр Георгиевич закрылся в своем кабинете, приказав его не беспокоить. Он сел за письменный стол и долго смотрел на карту фронта, висевшую на стене. Затем начал писать обращение к русскому народу:

«Я, Верховный главнокомандующий Корнилов, перед лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самоотверженность гражданина свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти тяжелые минуты бытия Отечества не подчиниться приказанию Временного правительства и оставить за собой Верховное командование армией и флотом. Поддерживаемый в этом решении всеми главноко-

мандующими фронтами, я заявляю всему русскому народу, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного главнокомандующего...»

Это обращение случайно попало в руки Краснова, когда он находился в поисках Третьего конного корпуса.

* * *

На станцию Дно Краснов прибыл после того, как узнал, что генерал Клембовский, возможно, отозван в Ставку и вскоре сменит главкомверха. Клембовского Краснов не знал, и сумеет ли тот по своим качествам сравниться с Корниловым, судить не мог.

Узнав, что между Вырицей и Павловском пути разобраны солдатами Петроградского гарнизона и что между ними и «туземцами» идет перестрелка, Краснов решил встретиться с командиром «Туземной дивизии» князем Багратионом.

В прицепном вагоне, в котором Багратион ехал до станции Дно, командира дивизии не оказалось. Краснов выяснил, что князь остановился в одном из дворянских имений верстах в семи от станции.

В имение Петр Николаевич решил добираться вместе с командиром Ингушского полка, полковником Мергуле. А пока сотник Генералов, сопровождавший Краснова еще с Могилева, предложил выпить по чашке чая.

Переступая через «туземцев», которые, разбросав бурки, спали на полу, на лавках и деревянных диванах вокзала, офицеры пробрались в буфет. У столиков стояли и сидели офицеры дивизии. Дымили папиросы, чадила из кухни, пар из самовара висел под потолком.

— Кажется, ваше превосходительство, нас здесь не ждут, — сказал сотник, подавая Краснову чашку.

— Возможно, но у нас есть приказ, и мы должны его исполнить...

Полковник Мергуле, типичный ингуш, подтянутый, черноволосый красавец с аккуратно подстриженными усиками, разыскал Краснова в буфете.

— Ваше превосходительство, автомобиль ожидает.

На станции Дно все пути были забиты эшелонами. Пристанционный базар давно не торговал, его разграбили «туземцы», и Краснов со страхом подумал: что будет, когда сюда придут полки дагестанцев и осетин? А что они должны влиться в состав «Туземного корпуса», Петр Николаевич слышал еще от помощника походного атамана генерала Сазонова.

Водитель распахнул дверцу, и Краснов сел рядом с Мергуле. Машина бежала по хорошему шоссе мимо мокрых ивовых кустарников, болотистых лугов, осенних золотистых берез. Часто встречались всадники в папах и черкесках на горских поджарых лошадях.

Полковник Мергуле сказал:

— То, что нас задержали, меня не удивляет. О «туземцах» в Питере ходят дурные слухи.

Краснов промолчал. Питерцы действительно опасались появления в городе горцев, но говорить об этом с полковником Петром Николаевичем не стал. Мергуле мог обидеться на слова Краснова. Однако чуть погодя генерал высказал свои соображения о дальнейшей судьбе «Туземного корпуса».

— Необходимо выселить людей из вагонов, накормить и помыть. Корпус должен обрести воинский вид. Только после этого мы сможем вести речь о наступлении на Петроград.

— Ваше превосходительство, еще в более печальном положении вы застанете Третий конный корпус. — В голосе Мергуле прозвучала ирония.

— Это и заставляет меня быстрее отыскать генерала Крымова.

— Для этого вам необходимо попасть в Псков.

— Да, я знаю.

— Вы, ваше превосходительство, насколько я слышал, донской казак.

— Казак, однако родился и провел юность в Петрограде, тогдашнем Санкт-Петербурге.

— А у меня многие годы жизни связаны с Назранью. Мой отец ингуш, а мать чеченка. Одним словом, вайнахи. Горы и наш народ я люблю сильнее всего. Вы знаете, что Россия покоряла нас не одно десятилетие? Мы сопротивлялись. Когда наш великий Шамиль завещал жить под крылом России, мы это запомнили. Но я, ваше превосходительство, не могу понять, почему русские друг против друга кинжалы точат? Отчего многим царь оказался негодным? Отчего теперь Корнилов поднялся на Керенского, а Керенский на Корнилова?

— Вы, полковник, спрашиваете о том, о чем и я думаю постоянно. Игра в демократию породила анархию в государстве. Демократы, которые сами хотели бы управлять, решили, что это легко и каждому доступно. Ан нет, вот и получили страну неуправляемую.

— Ваше превосходительство, как говорят у вас, русских, о человеке, лишенном разума? Без царя в голове...

Вдалеке показалось имение: высокий кирпичный дом с колоннами.

Автомобиль остановился у подъезда, где Краснова и Мергуле уже ожидал адъютант князя. Он провел генерала и полковника в дом, где их встретил сам командир «туземцев» князь Багратион. Петр Николаевич удивился его разительному сходству с великим предком.

Багратион провел гостей в кабинет хозяина, показал пакет от Крымова с подробной диспозицией для «Туземной дивизии» после овладения Петроградом: где какому полку разместиться, какими силами взять под контроль узлы связи, банки, электростанции. Предусматривалось организовать патрулирование улиц, выставить караулы.

К этой диспозиции прилагался целый перечень мер, которые должны последовать после овладения Петроградом. Однако ни слова не говорилось о действиях в случае сопротивления войск городского гарнизона.

Краснов заметил:

— Генерал Крымов распisał все так обстоятельно, как будто дивизия будет встречена под звуки победного марша. Если бы так. Но ведь придется в Петрограде и воевать.

— Гладко на бумаге, да забыли про овраги, — кивнул Багратион.

— Я сейчас еду на станцию, свяжусь с Вырицей. Попрошу князя Гагарина узнать, что происходит в Пскове.

Командир третьей бригады черкесов и ингушей князь Гагарин рассказал, что третья бригада, шедшая во главе «Туземной дивизии», у станции Вырица натолкнулась на разобранный путь. От станции кавказцы двинулись походным порядком, но за Павловском на подходе к Царскому Селу их встретили солдаты Петроградского гарнизона, и бригада остановилась. Князь Гагарин не рискнул продвигаться дальше, опасаясь оказаться в окружении. Требовалось дожидаться всю дивизию и узнать, что предпринимает генерал Крымов, а затем уже выступить на Лугу и Гатчину.

Где находится Третий конный корпус, князь Гагарин не мог сказать...

Покинув князя Багратиона и полковника Мергуле, Краснов в сопровождении сотника Генералова попытался выяснить, когда должен быть ближайший поезд на Псков. С трудом удалось узнать, что поезд ожидается в два часа пополудни.

Тем временем на станции Дно остановились два эшелона Приморского драгунского полка. Из вагонов посыпались солдаты и тут же начали митинговать. Одни ратовали за Корнилова, другие за Керенского. Шум и гвалт, крик и ругань висели над станцией. Полки «туземцев» сохраняли спокойствие, ожидая приказаний от князя Багратиона.

Из толпы драгун выбрался солдат и резким голосом закричал:

— Солдаты, братки, куда мы едем? Снова нас под пули зовут. Мы ведь люди, человеки. Это ведь только

безголосая тварь, как кутенок слепой, бредет. И вы, «туземная» братия, куда собрались? Вас обманом за- таскивают...

В ответ офицер из «Туземной дивизии» вытащил наган и не целясь разрядил обойму в солдата.

Драгуны схватились за винтовки, но кто-то закричал: — Братцы, нельзя, нас всех абреки перестреляют! Отхлынули драгуны...

Краснов стоял около штабного вагона, когда к нему подбежал встревоженный полковник командир Приморцев.

— Ваше превосходительство, мне известно, что вы направлены Лавром Георгиевичем взять под командование Третий конный корпус и сменить генерала Крымова. Прошу вас, помогите унять моих разбушевавшихся драгун.

Когда Краснов вышел за станционные пути, его тотчас же окружили драгуны. Они были явно из резерва, хорошо одеты и обуты.

Пока Петр Николаевич разглядывал солдат, те в свою очередь смотрели на генерала. Крики и разговоры смолкли.

— Драгуны, — заговорил Краснов. — Я назначен глакомверхом сменить генерала Крымова, командующего Третьим конным корпусом. Я знаю ваш полк по Русской-японской войне, когда был с вами на охране побережья у Кайджао и видел вас в бою под Дашигао.

— Но Корнилов изменник! — раздались голоса.

— Мы с вами солдаты и как солдаты обязаны выполнить приказ Верховного главнокомандующего без рассуждений. А русский народ в Учредительном собрании рассудит, кто изменник — Корнилов или Керенский. Мы же сегодня должны повиноваться.

Вперед вышел прапорщик с двумя Георгиевскими крестами. Краснов насторожился. Сейчас от этого прапорщика зависело поведение всего драгунского полка.

— Ваше превосходительство, мы вам верим, потому как вы были на войне с японцами. Мы не отказываем-

ся исполнить приказ. И наш солдатский комитет и полковник наш к тому же призывают. Только вот какая загвоздка есть. Нам дорогою сказывали, что Корнилов в Ставке уже арестован, а вы нас убеждаете за Корнилова. Нет, мы на такое не пойдем и вас подводить не хотим. Останемся здесь, пусть наши представители отправятся и узнают, где правда. Когда они вернутся да расскажут нам, тогда мы и поддержим вас, ваше превосходительство.

Краснов понял, что спорить бесполезно. Драгуны поступят так, как сказал прапорщик.

— Хорошо, — согласился Петр Николаевич, — ваш полк проследует через Псков, туда же еду и я. В Пскове сейчас находится командующий Северным фронтом. Пусть он и подтвердит приказ генерала Корнилова. И если такой приказ последует, мы обязаны его выполнить.

— Правильно, — раздались голоса солдат. — Пусть командующий фронтом приказывает...

— По вагонам! — раздалась команда, и драгуны поспешили занимать места.

Вскоре эшелоны потянулись на Псков.

К Краснову подбежал сотник Генералов.

— Ваше превосходительство, дежурный по станции сообщил, что прибывает псковский поезд. Нам с вами обещано купе первого класса.

***

Ночь Краснов провел беспокойно. Вагон постукивал на стыках рельс, вздрагивал и качался. Иногда поезд, пропуская встречные составы, подолгу стоял. На одной из станций догнали эшелон Приморского полка, встали рядом. Краснов вышел из вагона, посмотрел на поезд драгун. Двери теплушек распахнуты. Солдаты сидели на нарах, спустив ноги, переговаривались, иные лежали. В вагонах с лошадьми дневальные дремали, курили, о чем-то беседовали.

Речи были все об одном: война, дом. До Краснова долетали слова: Корнилов... Керенский... Измена... Ленин...

Петр Николаевич знал, что в голове поезда идет вагон со штабом полка, но не пошел к нему. Незачем. Драгуны вели себя мирно. Там, в Пскове, какую линию займет генерал Клембовский, такую и драгуны. А у Краснова было твердое убеждение, что Клембовский сторонник Корнилова.

Больше всего Петр Николаевич опасался, как бы не появились агитаторы из ленинской партии, эти пресловутые большевики со своими обещаниями.

Проходя мимо теплушек, Краснов думал: солдатам бы сейчас скинуть гимнастерки да взять в руки косу-литовку либо соху, увидеть перевернутый пласт земли, а вечером обнять жену...

Мысли снова повернули на Керенского и Корнилова. Конечно, Корнилов больше импонирует офицерам, он стоит за укрепление дисциплины в армии. А что Керенский? Что Временное правительство? Временное правительство уже первым своим указом распустило солдат. Все попытки Корнилова восстановить порядок противоречат желаниям солдат. Он для них означает продолжение войны, а вот что для них Керенский? Сам Петр Николаевич давно уже убедился, что Керенский на самом деле тоже за войну. Большевики этим пользуются. Рано или поздно эти ленинские социал-демократы окончательно распропагандируют солдат...

Петр Николаевич вернулся в свое купе, прилег на диван. Мысли все о том же назойливо лезли в голову... Только те из солдат, которым война сулит либо производство в офицеры, либо близкие награды, соглашались воевать дальше... А казаки? Большинство казачьих войск с веками устоявшимися традициями верны армейской службе, но появились и среди казаков такие, кто не желал войны. Они и в своих станицах бьются подбивать на смуту. Но их пока меньшинство. Ка-

заки составляют опору Корнилову. Равно как и горские полки, еще не разложившиеся. На них пока все и держится...

Поезд засвистел, тронулся. И снова колеса застучали, вагон затрясло. Остались позади эшелоны с приморцами. Краснов подумал, что в Пскове ему предстоит новая встреча с драгунами. Знать бы еще, где находится Крымов со своим корпусом...

* * *

Пока Краснов находился в пути к Пскову, положение в Ставке изменилось не в пользу Корнилова. Агитация комиссаров Керенского сделала свое дело. Многие офицеры были арестованы, солдаты и казаки избирали своих представителей, посылали их в Петроград к Керенскому за дальнейшими указаниями.

Все это происходило в то самое время, когда Временное правительство пребывало в полной растерянности и даже готовилось сдать Петроград горцам из «Туземной дивизии».

Постепенно становилось ясно, что затея Корнилова рухнула. Керенский обласкал делегатов и потребовал арестов тех, кто еще продолжал выступать за Корнилова.

Объявив себя главнокомандующим, Керенский вызвал к себе генерала Крымова. Тот не посмел ослушаться приказа и выехал вместе с представителем 9-го Донского казачьего полка. Таким образом Крымов, как и многие вчерашние сторонники Корнилова, предал его.

А что же Третий конный корпус? А Третий конный корпус, погруженный в эшелоны, оказался настолько разбросанным по многим железным дорогам, что даже командиры полков не знали, где находятся их сотни и эскадроны. Эшелоны застряли на восьми железных дорогах, их можно было встретить на станциях и разъездах Новгорода и Пскова, Чудова и Дно, Луги и Гат-

чины, Гдова и Ямбурга, Нарвы и Везенберга. Эшелоны стояли на промежуточных станциях, куда их забросила царившая всюду неразбериха...

Отсутствие управления полками и дивизиями корпуса привело к тому, что руководство взяли на себя полковые комитеты. Были произведены аресты многих офицеров. Когда начальник 1-й Донской казачьей дивизии генерал Греков попытался собрать свои части под Лугой и двинуться на Петроград, члены комитета потребовали от генерала явиться к Керенскому. Что Греков и сделал. К Керенскому отправился и начальник Уссурийской конной дивизии генерал Губин...

Предал Корнилова и генерал Клембовский. Он созвонился с Керенским и, оставив в Пскове вместо себя начальником гарнизона Бонч-Бруевича, сам укатил в Петроград...

Глава 17

Этими и другими не менее печальными известиями встретил Краснова Псков, куда генерал приехал в полночь 30 августа.

Было объявлено, что путь разобран и поезд дальше не пойдет.

Краснов отправился в станционный буфет, но там, как и на станции Дно, все было занято солдатами, в основном Псковского гарнизона.

Едва Петр Николаевич прошел к стойке через спящих солдат, как навстречу ему из-за крайнего столика поднялся полковник Вяземский, которого Краснов знал еще по службе в атаманском полку.

— Петр Николаевич, голубчик, какими судьбами?

Краснов подсел к столику, рассказал Вяземскому свою одиссею, спросил о генерале Крымове.

— Утром прошлого дня Крымов уехал в Лугу, а где сейчас, Бог его знает. Может, в Петроград подался.

Выпив с Вяземским стопку водки, Краснов не стал

больше задерживаться и отправился на розыски коменданта станции. Измученный и усталый, тот все выслушал, но на продолжение движения ответил категоричным отказом, сославшись при этом на указание штаба фронта. Краснов потребовал телефон генерала Клембовского. Комендант покачал головой:

— Генерал Клембовский уехал в Петроград. Вероятно, он будет назначен Верховным главнокомандующим.

Ответ озадачил Краснова.

— А Корнилов?

— Не знаю. Ходят слухи, что он арестован. Вы читали приказ Керенского, объявляющий его изменником?

— Читал.

Краснов потребовал соединить его со штабом фронта.

Когда Петра Николаевича соединили, он услышал:

— С вами говорит временный командующий Северным фронтом генерал Бонч-Бруевич.

Краснов представился, извинившись за беспокойство в столь поздний час.

Бонч-Бруевич сказал:

— Я прошу вас сейчас приехать ко мне. Мне нужно с вами переговорить. Посылаю автомобиль.

Часы показывали полтретьего ночи, когда Бонч-Бруевич принял Краснова. В комнате находился еще один человек, который представился комиссаром Савицким. Едва Краснов сказал, что имеет приказание явиться к генералу Крымову, как Бонч-Бруевич загадочно улыбнулся:

— Генерал Крымов уже покинул Лугу и находится на пути в Петроград.

— Но я должен принять от него корпус, чтобы заняться его устройством. Я знаю, корпус находится в беспорядке. Солдаты голодают, а это грозит грабежами.

— Я с вами согласен, но об этом мы подробно поговорим утром. А сейчас не предпринимайте никаких действий, отдохните с дороги...

Утром следующего дня Бонч-Бруевич снова принял Краснова.

— Петр Николаевич, продолжать поиски генерала Крымова вам не нужно. Он уже у Верховного главнокомандующего Керенского. Что касается вашего нового назначения, то о нем вы узнаете в самое ближайшее время. Оставайтесь в городе...

Поздно вечером Краснова поднял наряд из юнкеров школы прапорщиков, который объяснил, что генерала вызывают на допрос к комиссару Северного фронта.

* * *

В помещении комиссариата генерала встретил комиссар Северного фронта поручик Станкевич. На допросе присутствовало еще несколько представителей Керенского, в том числе и комиссар Савицкий, которого Краснов видел при встрече с Бонч-Бруевичем.

Допрос вел Станкевич. Он спросил, каким образом Краснов оказался в Пскове и не имел ли каких-либо поручений от Корнилова. Петр Николаевич ответил, что ему было лишь поручено принять Третий конный корпус.

Ответ Краснова, казалось, удовлетворил Станкевича, он задал еще несколько вопросов и наконец сказал, что Корнилов арестован, а Верховным главнокомандующим является Керенский. Начальником штаба утвержден генерал Алексеев.

После окончания допроса Краснова отпустили под подписку о невыезде из Пскова.

В тот же день Петра Николаевича вызвали к исполняющему обязанности командующего Северным фронтом Бонч-Бруевичу. Ему было сказано, что генерал Крымов покончил жизнь самоубийством, а он, генерал Краснов, по приказу Алексеева вступает в должность командира Третьим конным корпусом.

Перед Петром Николаевичем встала задача собрать разбросанный по железным дорогам корпус, разместить его по квартирам в районе Пскова и, обеспечив всем необходимым, снова сделать боевой единицей русской армии...

* * *

Хотя Краснов и узнал об аресте генерала Корнилова, но все подробности стали ему известны позже.

А события разворачивались следующим образом. Когда Керенский провозгласил себя Верховным главнокомандующим, генерал Алексеев был утвержден им начальником штаба. Корнилов, несколько раз связавшись с Алексеевым по телефону, пригласил к себе генералов Лукомского и Романовского, переговорил с ними, после чего отказался от поста главкомверха.

На следующий день приехавший в Могилев Алексеев встретился с Корниловым «с глазу на глаз». Затем он арестовал генералов Корнилова, Лукомского и Романовского и отправил их в гостиницу «Метрополь» под охрану текинцев личного полка Корнилова.

В Бердичеве в Ставке Юго-Западного фронта были арестованы командующий этим фронтом генерал Деникин, а также генералы Марков, Вахновский и Эрдели...

Забегая несколько вперед, следует сказать, что заключенных из «Метрополя» перевели для содержания в город Быхов в преобразованную под тюрьму женскую гимназию. Керенский намеревался устроить «суд» над изменниками-генералами, но не успел...

Минуло полтора месяца, жизнь арестованных генералов вошла в свое русло. По утрам они прогуливались, разбирали почту, принимали родственников.

За это время генерал Корнилов направил письмо на Дон к атаману Войска Донского генералу Каледину с просьбой оказать помощь верному ему Текинскому полку. С Дона приплы несколько вагонов с хлебом, а башкиры Москвы и Петрограда перевели большую сумму денег на имя Лавра Георгиевича.

Неоднократно Корнилов запрашивал Каледина, как отнесутся казаки к его приезду на Дон. Каледин отвечал, что Дон ждет и его, и остальных генералов...

Октябрьский переворот резко ускорил события. Генерал Духонин объявил себя главнокомандующим.

Каледин попросил выдать Корнилова на поруки, но ответа не было. Тогда «быховские» заключенные приняли решение уходить на Дон. Они ушли, ушел за своим кумиром Корниловым и полк текинцев...

***

Но все это будет позже. А сейчас генерал Краснов принял Третий конный корпус. Положение дел оказалось хуже, чем Петр Николаевич мог себе представить. Многие офицеры были арестованы солдатами. После смерти Крымова его начальник штаба генерал Солнышкин запыл. Командир Уссурийской конной дивизии генерал Губин впал в полную прострацию. Драгуны арестовали своего командира полка Шипунова. Все руководство по дивизиям и полкам взяли на себя солдатские комитеты. Появились в корпусе комиссары Станкевич, Савицкий и другие.

Генерал Краснов обратился к комиссарам с просьбой в первую очередь освободить арестованных офицеров, чтобы наладить элементарную дисциплину.

С помощью комитетов комиссарам удалось эту задачу выполнить. В своей работе по руководству корпусом Краснов тоже опирался на комитеты. Ему удалось выгрузить из эшелонов Приморский драгунский и Уссурийский казачий полки и расселить их по деревням.

Но едва стала налаживаться обстановка в корпусе, как Петра Николаевича вызвали в штаб фронта и вручили предписание Керенского: 1-ю Донскую дивизию сосредоточить в районе Павловск—Царское, штаб — в Царском, Уссурийскую дивизию сосредоточить в районе Гатчина—Петергоф, штаб — в Петергофе.

Этот приказ объяснялся якобы предполагаемыми попытками финнов и немцев высадиться в данном районе. Однако и Краснову и его штабу было ясно: это не что иное, как боязнь Третьего конного корпуса. Было решено ослабить его боевые качества, дабы корпус не мог пойти на Петроград.

Получив приказ, Краснов с помощью комиссаров и комитетов выполнил его. Дивизии корпуса заняли предписанные им районы.

Затем Краснов выехал в Петроград к главнокомандующему Петроградским военным округом, находившемуся в Царском Селе.

В прежние годы в округе царил торжественная обстановка, стояли строгие часовые, важный швейцар сидел в гардеробе. Теперь же Краснов в который раз убедился: нет армии, нет дисциплины.

У подъезда вместо часовых топтались два юнкера, одетых в мешковатые шинели с погонами Павловского училища. Нестриженные, растрепанные, они о чем-то разговаривали между собой.

Прежний швейцар встретил Краснова, однако теперь он был какой-то растерянный. Швейцар сидел у вешалки рядом с грудой шинелей и пальто. Узнав Краснова, махнул безнадежно. По грязным лестницам спускали солдаты, группы гражданских, на дверях многих кабинетов виднелись надписи от руки «Политический комиссар».

На Краснова смотрели с удивлением. Генерал был одет строго по форме, подтянут, выбрит.

Петра Николаевича встретил генерал Теплов, старый знакомый по лейб-гвардии Измайловскому полку. Он сразу же оговорился:

— Какие указания я вам могу дать? Я калиф на час. Может быть, завтра меня здесь уже не будет. Скажу одно — идет борьба за власть. С одной стороны — Керенский, который все-таки хочет добра России и намерен с честью вывести ее из тяжелого положения, с другой — Совет солдатских и рабочих депутатов: большевики во главе с Лениным, который становится все более популярным... Вы, Петр Николаевич, вызваны для борьбы с Петроградским гарнизоном, распропагандированным большевиками. Что и как делать, не скажу. Сам не знаю...

***

Поездка в Петроград убедила Краснова в том, что большевики становятся все сильнее. Петр Николаевич направил на имя генерала Алексеева докладную записку, характеризующую обстановку в Третьем конном корпусе. Краснов предложил убрать как малонадежную Уссурийскую дивизию подальше от Петрограда, влить в корпус гвардейскую и 2-ю Свободную казачью дивизии. Одновременно он предложил 1-й, 4-й и 14-й казачьи полки отправить на Дон, где они окажутся под влиянием казачьих традиций и быстро «перевоспитаются»...

От командующего Петроградским гарнизоном Краснов узнал, что Третий конный корпус планируется отправить в район города Острова, где корпус войдет в состав 5-й армии и будет в резерве командующего.

И еще Краснов узнал, что Совет солдатских и рабочих депутатов Петрограда выразил недовольство руководством Третьего конного корпуса и в этом получил поддержку командующего Северным фронтом Черемисова.

Корпус был переброшен в район города Острова и размещен по окрестным деревням. Вскоре поручик Матушевский прибыл к генералу Краснову от имени Совета солдатских и рабочих депутатов. Он заявил, что его задача — примирить офицеров штаба корпуса с солдатами. Для этого он должен побеседовать с личным составом. Однако беседы не получилось. Состоялся митинг, где выступавшие солдаты обвиняли офицеров в измене. Матушевский от имени Совета выступил в защиту офицеров. Конфликт с трудом удалось ликвидировать...

У Матушевского и Краснова за ужином состоялся разговор. Член Совета убеждал генерала в правоте взглядов Ленина и Троцкого...

— За ними не посмеют не пойти, — говорил Матушевский. — Когда будет нужно, Троцкий поставит гильотину на Александровской площади и будет ру-

бить головы всем непокорным... Вы ведь помните уроки Французской революции? На эшафот поднимались представители всех классов. Гильотина рубила головы и контрреволюционерам, и ортодоксам.

Краснов усмехнулся:

— Но я помню и другое. История не прощает бессмысленного кровопролития. Спустя некоторое время палачи сами взойшли на эшафот

Матушевский внимательно посмотрел на Краснова:

— В вашем лице, генерал, большевики будут иметь серьезного противника...

***

Шандыба заканчивал последние процедуры. Голова заживала, рана постепенно затягивалась. Молодой организм побеждал болезнь. Но в последнее время Иван постоянно спрашивал себя — а не окажется ли он дома в тягость родителям?

Шандыба прогонял эту мучительную мысль. Нет, когда он доберется домой, то окончательно выздоровеет. Непременно станет пахать землю, убирать хлеб, косить траву...

Ночами Иван пробовал пальцами затянувшуюся рану и успокаивал себя словами матери, которая часто говорила: ничего, до свадьбы заживет...

Шандыба понимал, что в семье Савостиных он лишний рот. Хотя ни Савелий Антипыч, ни Матвей ему о том ни разу и словом не обмолвились.

Доходили слухи, что на Питер движутся казачьи части, что вот-вот ворвутся «дикая» дивизия и дивизия генерала Крымова. Что между Керенским и Корниловым идет борьба за власть. Потом пошли разговоры, что Керенский одолел Корнилова, что командующий Третьим конным корпусом генерал Крымов застрелился, а корпус принял генерал Краснов.

Для Шандыбы это известие было неожиданным. Неужели это тот самый Краснов, который командовал

полком, где служил он, Шандыба? И которого он, еще мальцом вез из Вешек в Миллерово?

Иван рассказал о том Савелию Антипычу и Матвею. Помянул и то, что свой первый Георгиевский крест получил из рук полковника Краснова. В ответ Матвей ехидно заметил:

— Крестный твой себя еще покажет...

Однажды Матвей воротился домой поздним вечером и, умываясь, сказал Ивану:

— Все, Ванька, хватит тебе отлеживаться. Завтра идем, буду знакомить тебя с моими товарищами.

***

Что корпус растаскивают по частям, Краснову стало ясно давно. И от этого ему, человеку, много лет прошедшему в армии, было страшно. Пособником же растаскивания являлся командующий Северным фронтом генерал Черемисов.

6 октября он потребовал от Краснова выделить две сотни казаков и два орудия в Старую Руссу, две сотни и два орудия в Торопец и две сотни и два орудия в Осташков.

Краснов попытался противостоять тому, но успеха не имел.

Расчленение корпуса продолжалось. 8 октября от Краснова потребовали отправить два полка в Ревель. Это делалось под предлогом опасности наступления немцев.

Не успел Краснов исполнить этот приказ, выделив 13-й и 15-й полки, как потребовалось послать еще один полк при двух орудиях в Витебск. Туда выступили приморские драгуны. Накануне исполком их солдатского комитета заявил, что в роли жандарма полк выступать отказывается, но не будет пособничать германцам и не допустит ни братаний, ни дезертирства. Полк будет всячески охранять граждан города от грабежей и насилия.

21 октября шесть сотен и четыре орудия ушли в Боровичи, где солдаты убили начальника гарнизона и командира полка и устроили настоящий мятеж. Краснов выделил на подавление этого мятежа Уссурийский дивизион и часть амурцев.

В результате в корпусе остались шесть сотен 9-го Донского полка, а от Уссурийской конной дивизии шесть сотен Нерчинского полка и две сотни 1-го Амурского полка.

Не лучше обстояло дело с артиллерией. Из двадцати четырех орудий оставалось двенадцать, да еще четыре орудия 1-й Амурской казачьей батареи.

Итак, грозная сила в пятьдесят казачьих сотен, угрожавшая Петрограду, сведена была к минимуму: восемнадцать сотен из разных полков.

Приказы же следовали один за другим и часто противоречили друг другу. 23 октября предписывалось передвигаться в район Старого Пебальга и Вендетты в распоряжение командующего армии. Не успел генерал Краснов начать передислокацию, как 24 октября за подписью Керенского была получена телеграмма срочно направить в Петроград Донскую дивизию на подавление готовящегося большевистского переворота.

Краснов отдал распоряжение вернуть в Лугу тех донцов, которые ранее были отправлены в Ревель и Новгород. Сосредоточив в Луге всю Донскую дивизию, он решил двинуться на Петроград походным порядком, не связывая себя железнодорожным путем.

Но не успела Донская дивизия приготовиться, как Краснову стало известно: Временное правительство низвергнуто, большевики Ленина и Троцкого взяли власть.

Тут перед Петром Николаевичем встал вопрос: как быть? Приказ принять Третий конный корпус у Крыжова он получил еще от Корнилова. Приказ он выполнил. Но главкомверхом стал Керенский. Краснов подчинился Керенскому: на него он возлагал надежды по восстановлению дисциплины в армии, наведению в

ней порядка. В большевиков, в ленинскую демагогию Краснов никогда не верил. Петр Николаевич убедился, что обещание мира, земли лишь разлагает солдат, делает их пацифистами, готовыми бросить оружие и разойтись по домам. Это в первую очередь и заставило генерала Краснова изначально сделаться ярким противником большевизма.

В глубине души Петр Николаевич еще продолжал верить обещаниям Керенского в созыв Учредительного собрания, в то, что этому органу предстоит решить дальнейшую судьбу России...

Глава 18

Донская дивизия готовилась выступить на большевистский Петроград. 9-й полк уже погрузился в вагоны, ожидая отправки. Остальные полки ожидали приказа.

Генерал Краснов вместе с начальником штаба Поповым снова выехал в Псков. Здесь они должны были встретиться с командующим Северным фронтом генералом Черемисовым.

Но командующий пребывал в полной растерянности: фронт рухнул. Внятного разъяснения Краснову Черемисов не дал, и тогда Петр Николаевич вместе с Поповым отправился к комиссару Войтинскому, который замещал комиссара Савицкого.

Приходу офицеров Войтинский не обрадовался:

— Керенский здесь. Ему удалось тайно выехать из Петрограда. Сейчас я вас проведу к нему. Он приехал на автомобиле с американским флагом, хочет собирать войска для подавления большевистского заговора...

Войтинский выглядел усталым. Бессонные ночи, частые заседания сделали его лицо бледным и изможденным. Он шел впереди Краснова, говоря отрывисто:

— Главкомверх вызвал к себе командующего Северным фронтом, но Черемисов сказался больным. Хитрит, не знает, кому служить...

У одной из дверей Войтинский остановился:

— Пришли.

Краснов глянул на обшарпанную дверь.

— Здесь?

Войтинский кивнул, открыл дверь. Керенский стоял у затемненного окна. Повернулся круто. Да, это был он.

Краснов впервые встречался с этим человеком, но часто видел его портреты в газетах. Петру Николаевичу всегда претила самоуверенность Керенского, его игра в Наполеона. Человек сугубо гражданский брался управлять военным ведомством. Ничего не понимая в военном искусстве, он решил, что может осуществлять верховное командование. Дилетант без знания стратегии и тактики, адвокат и красnobай, поставивший Россию перед катастрофой.

Керенский быстро шагнул навстречу.

— Где ваш корпус, генерал? Я надеялся встретить его в Луге.

Краснов смотрел в чуть заросшее щетиной лицо с опухшими, воспаленными глазами. Одет во френч и галффе, с резкими манерами, с привычкой повелевать.

Генерал доложил: части разбросаны, и их надо собирать, а двигаться на Петроград малыми силами — это безумие.

Керенский прервал Краснова:

— Вы говорите непродуманно. Ваша армия пойдет за мной. Я поведу ее против этих негодяев, за мной пойдут все. В Петрограде никто большевикам не сочувствует. Здесь присутствует Барановский, — Керенский кивнул на сидевшего за столом генерала. — Скажите, что вам требуется, чтобы немедленно собрать корпус?

Краснов сказал, где какие части находятся, что необходимо сделать.

Барановский записал, отложил карандаш.

— Вы получите все ваши части, а также Уссурийскую дивизию. Кроме того, вам будут приданы 37-я

пехотная дивизия, 1-я кавалерийская и весь 16-й армейский корпус...

Керенский перебил Барановского:

— Вы довольны, генерал?

Краснов, не веря в реальность того, что слышал, ответил:

— Да. Если все эти части соберутся вместе, Петроград будет освобожден от большевистской заразы.

— Не сомневайтесь. Считайте: все эти части уже под вашим командованием.

Это было сказано с такой уверенностью, что Краснов заколебался.

Но невольно напрашивалась простая мысль: если бы армия была за Керенского, разве бежал бы он из Петрограда, отсиживался бы в Пскове? Разве кто-то посмел бы задерживать войска в Острове?

Краснов высказал свои сомнения. Бывший главнокомандующий выразил удивление: он был уверен в обратном. Керенский считал, что названные генералом Барановским части по-прежнему верны Временному правительству.

Увидев, что Краснов собрался уходить, Керенский спросил:

— Вы куда, генерал?

Краснов удивился:

— В Остров, ваше превосходительство. Я обязан закрепить за собой Гатчину.

— Я еду с вами.

Керенский велел подать автомобиль.

— Скажите, когда мы прибудем в Остров?

— Думаю, через час с четвертью.

— В Острове соберите к одиннадцати часам дивизионные и другие комитеты, я хочу поговорить с ними.

Петр Николаевич поморщился, однако не стал возражать. Ведь верила же Керенскому Россия, овациями принимала. А вдруг ему сейчас поверят солдаты?

Когда автомобили выехали из Пскова, город еще спал.

***

До Острова Савостин с Шандыбой добрались засветло. Под сильными руками Матвея маленькая ручная дрезина бежала резво.

— Ты только, братишка, о знакомстве с матросами своим казачкам помалкивай. Но знай, им на Питер идти не резон. Все одно — остановим. Весь флот двинем. И вообще казакам с Керенским не по дороге...

Дрезина миновала будку обходчика, проехала еще версту и остановилась. Савостин закурил, попыхивая махоркой, сказал:

— Теперь еще раз слушай. Ты, Иван, пойдешь вдоль эшелона в одну сторону, я в другую. Но не сейчас, а как стемнеет.

Смеркалось быстро. Матвей отбросил очередную самкрутку и сплюнул.

— Ну, Иван, пора...

Ночь была глухая, морозная, над станцией нависли низкие тучи. Небо грозило первым снежком. Шандыба не спеша брел вдоль эшелона. Двери вагонов были полураспахнуты, и в тусклом свете фонарей Иван видел дремлющих дневальных.

Кони фыркали, перебирали копытами. Шандыба вспомнил Воронка. Отвели ли его на Дон, к отцу?

В вагонах стоял густой запах мочевины, он перемешивался с запахом сена, седельной кожи и сбруи. Все до боли знакомое.

У одного из вагонов Иван остановился, прислушался. Хотел понять, о чем казаки переговариваются. Однако ничего не разобрал.

Один из проходивших мимо казаков взглянул на Шандыбу.

— Ну-ка, посвети, браток, — раздался хриплый голос.

Ивана осветили фонарем. Рванулся Шандыба, но крепкие руки удержали.

— Да ты, кажется, еще и сопротивляешься? Ну-ка, давай в вагон, там разберемся.

Шандыбу втащили в вагон, усадили на туюк стена. Державший Ивана казак велел дневальному:

— Зови дежурного по эшелону.

Вскоре явился хорунжий. Иван узнал... Любимова. Тот от удивления открыл рот:

— Шандыба? Какими судьбами? Ты ведь был в госпитале? Казачки, да это же Шандыба, взводный. Земляк наш.

Окружившие Ивана казаки зашумели. Кто-то сунул ему самокрутку, хорунжий велел принести из походной кухни каши. Иван ел не торопясь, рассказывал. Начал с того дня, как очутился в госпитале. Про знакомство с Матвеем Савостиным Шандыба умолчал.

Разговор закончил Любимов:

— Ты, Шандыба, теперь среди своих. Спи, а утром порешим, как с тобой поступить. Думаю, тебе сподручней оставаться в 9-м полку. С ним и службу продолжишь, и на Дон, домой, возвратишься.

* * *

Утром казаки сказали Шандыбе, что на станцию Остров приехал сам Керенский и будет выступать перед казачьими комитетами. Иван поначалу даже не поверил. Донцы позвали его с собой: как-никак бывший взводный, три Георгия имеет.

День выдался морозный, ветреный. Комитетчикам пришлось пробираться в здание через толпу казаков и солдат артиллерийского дивизиона.

Прошагал генерал Краснов в темно-синей бекеше и папаче, из-под которой виднелись седеющие виски.

Иван, увидев Краснова, сразу вспомнил, как мальцом вез полковника из Вешенской в Миллерово, как потом служил под его началом...

Зал заполнили в основном казаки-донцы, особняком держались уссурийцы во главе с урядником-амурцем. Все ждали Керенского, переговаривались:

— В кои лета сподобился повидать самого главком-верха.

— Аж не верится.

— А ты, Емеля, и верь всякой брехне.

— Брехал бы твой кобель и ты с ним.

— Но-но, погодь, я тебе язык укорочу.

— Да тише вы, вона Керенский появился.

Шандыба вытянул шею. Ну, каков он, Керенский? И был страшно удивлен. Этот лопухий, неказистый мужичок и есть главкомверх? А тот, нервно потирая руки, начал говорить. Казаки-донцы притихли, слушали, опасаясь что-либо пропустить. Керенский говорил усталым голосом о том, что революционные завоевания в опасности: революция свершилась без крови, но вот безумцы-большевики хотят залить Россию кровью...

— Брешешь! — раздался выкрик из задних рядов.

Керенский поморщился, но продолжал:

— ...если мы откроем немцам фронт, это будет предательство наших союзников...

Среди уссурийцев послышались голоса:

— Станичники, не слушайте его, он опять нас в окопы гонит.

Донцы зашумели.

— Заткните глотку амурцу, — кричали одни.

— Нет, пусть он скажет, — требовали другие.

Неожиданно Керенский замолчал и как-то боком вышел из зала. На его месте — Шандыба даже ахнул — вдруг появился Матвей Савостин. Он взмахнул бескомпромиссной, будто саблей рубанул:

— Братья-казаки! Керенский зовет вас воевать Питер, но вы не верьте ему. Мы, большевики, призываем: возвращайтесь в свои станицы, где вас давно ждут. Не верьте генералам, правда за сторонниками Ленина...

— Правильно говорит, — снова послышался голос амурца. — Вон у вас генерал Краснов! Хотите, чтобы он снова сел на казачью шею?

— Да вы, желтолампасники, большевикам продались, — кричали донцы.

Шандыба понял, что скоро пойдут разборки донцов с уссурийцами.

Он выбрался из помещения, искал глазами Матвея и, не найдя, отправился к себе в вагон.

* * *

Керенский был недоволен своим выступлением. У него сильно болела голова: видно, сказались хроническое недосыпание и общая усталость. Он ожидал, что казаки встретят его восторженно и поддержат его призыв двинуться на большевистский Петроград. Но этого не произошло. Керенский сидел, опустив голову на руки.

Вошел генерал Краснов, негромко кашлянул. Главкомверх поднял голову.

— Генерал, вы связались со станцией?

— Да. Вам подадут вагон. А для сопровождения вашего автомобиля выделен взвод 9-го Донского полка.

— Хорошо. Вам я поручаю начать поход на Петроград.

— Ваше превосходительство, — Краснов нахмурился, — я ожидаю прибытия обещанных генералом Барановским войск, но их пока нет.

— В этой ситуации, генерал, я надеюсь только на казаков.

— Но вы, ваше превосходительство, сами заметили: часть казаков распропагандирована большевиками.

— Зараза большевизма дает свои ядовитые всходы. Генерал, надо с корнем их вырвать. Казаки — наша опора...

Автомобиль с Керенским и Красновым отъехал от штаба корпуса в сопровождении взвода конных казаков и вскоре остановился у станции, где уже выстроился почетный караул. Керенский прошел вдоль строя. На приветствие сотня дружно рявкнула:

— Здра... жела... господин Верховный главкомандующий!

Керенский полуобернулся к Краснову:

— И вы, генерал, еще сомневались? Нет, там на окраине были не казаки. Там был сброд, паршивые ов-

цы, которые портят все стадо. Настоящие казаки — вот они.

Он поднялся в вагон. Следом вошел и Петр Николаевич. По путям сновал, посвистывая, маневровый паровоз, бродили солдаты.

Прибежал, запыхавшись, начальник станции, сказал испуганно:

— Машинисты не желают исполнять приказ. Опасаются расправы большевиков.

Краснов вызвал командира Енисейской сотни есаула Коршунова.

— Вы, есаул, кажется, служили когда-то машинистом?

— Помощником машиниста, ваше превосходительство.

— Настроение солдат вам известно, думаю, о том, что в этом вагоне поедет Керенский, знают и псковичи. Приказываю вести поезд, нигде не останавливаясь. Псков-Пассажирский и Псков-Товарный проскочите полным ходом...

Наконец состав тронулся. Поезд набрал скорость, первую остановку сделал на станции Чарской. В вагон поднялся начальник военных сообщений генерал Кондратьев. Краснов стоял в проходе. Кондратьев сказал:

— Ваше превосходительство, я прошу пропустить меня в главкомверху.

— Он отдыхает.

В это время дверь в купе распахнулась, и Керенский, увидев Кондратьева, спросил резко, срываясь на крик:

— Почему медлят эшелоны с войсками?! Вы обязаны в первую очередь пропустить те части, какие противостоят большевикам!..

И снова поезд набрал ход, миновал Псков, где Керенского ожидали возмущенные солдаты. Толпа двигалась на вагон, но состав пролетел без остановки. Крики возмущения, стрельба остались позади.

Краснов перекрестился:

— Слава Тебе, Господи.

Сгустились октябрьские сумерки. На каком-то попутанке поезд сделал короткую остановку, чтобы пропустить встречный. С ним прибыли офицеры из Петрограда. Они вскочили почти на ходу в вагоны, где разместились казаки-енисейцы, сотник Карташов подробно докладывал обстановку в столице.

— Ваше превосходительство, мы не знаем, чью сторону держать. Гарнизон колеблется...

В эту минуту в купе в Краснову вошел Керенский. Сотник вскочил. Керенский протянул ему руку. Но Карташов не принял ее.

— Виноват, господин Верховный главнокомандующий, я сторонник генерала Корнилова и вам руки не дам.

Лицо Керенского залилось краской. Он покинул купе, бросив на ходу:

— С этого офицера, генерал, взъщтите...

За окном был мрак холодной ночи. Поезд прошел Лугу не останавливаясь. Краснов задремал. Сон его нарушили вошедшие Керенский и политический комиссар капитан Кузьмин. Петр Николаевич застегнул воротник кителя, поднялся. Керенский торжественно заговорил:

— Генерал, я назначаю вас командующим армией, идущей на Петроград. Поздравляю вас, генерал!..

И уже обычным голосом, без всякой торжественности, добавил:

— Дайте мне полевую сумку, я напишу приказ.

Он вышел из купе, усталый, осунувшийся. Ушел и комиссар. Краснов пожал плечами, сказал сам себе:

— Командующий армией... Армия: шесть сотен 9-го полка да четыре сотни 10-го... Не густо.

В Гатчину пришел серый осенний рассвет, пробирался через оконце вагона. Поезд миновал станционные постройки, лязгнули буфера и сцепления. Состав нехотя остановился. Начальник штаба доложил:

— Гатчина-Товарная...

* * *

Рано утром, когда все еще спали, казаки заняли станцию и узел связи. Гатчина оказалась в руках красновцев.

Уже в эмиграции Краснов вспоминал, как из Гатчины начался его поход на большевистский Петроград. Поход командующего без армии. Разве можно было считать серьезной военной силой десять сотен?

И тем не менее Гатчина явилась исходной точкой потому, что здесь произошло разоружение роты солдат лейб-гвардии Измайловского полка.

Едва рота прибыла из Петрограда и построилась на перроне, как ее окружили енисейские казаки-пластуны. На роту навели снятую с платформы пушку. Сотник Коршунов велел солдатам сдать оружие, те не сопротивлялись.

Здесь Краснова ожидали прибывшие из Новгорода две сотни казаков при двух орудиях.

Не успел генерал принять рапорты от сотников, как его вызвал расположившийся в Гатчинском замке Керенский. Когда Краснов явился, тот сидел за столом с двумя девицами и адъютантом. Пригласив Краснова в другую комнату, Керенский сказал:

— Генерал, вы должны немедленно начать наступление.

Краснов удивленно поднял брови:

— Господин Верховный главнокомандующий, с какими силами? Я должен дожидаться других частей.

Керенский заложил большой палец за борт френча, презрительно скривил губы.

— Вы боитесь? Но вам никто не окажет сопротивления. Исполняйте приказ!

Возвратившись, Краснов связался по телефону с женой, жившей у знакомых в Царском Селе. Лидия Федоровна сообщила: здесь все спокойно, никаких большевиков нет.

Срочно были посланы в разведку две роты. Одна отправилась в Красное, другая в Царское Село.

Из Петрограда офицеры-перебежчики доносили, что там идет борьба между большевиками и сторонниками Временного правительства. Большевиков поддерживают вооруженные рабочие и матросы. В Питере по сути правительства нет, а есть какой-то «Комитет спасения Родины и Революции». Краснову удалось выяснить, что Комитет — активный противник большевиков, создал новое правительство без Керенского, которое ведет агитацию в частях Петроградского гарнизона. Однако солдаты растеряны, держатся пассивно. Что касается Преображенского и Волынского полков, то были слухи: солдаты готовы поддержать красновцев. То же говорили о казаках 1-го, 4-го и 14-го Донских полков. Однако все эти сведения требовали проверки. В одном Краснов был убежден — Петроградский гарнизон находится в нерешительности. Об этом можно было судить хотя бы по Гатчинской школе прапорщиков. Начальство этой школы самое большее, что сделало, — это выставило заставы на дорогах и наблюдало за порядком в городе.

Вскоре в Гатчину прибыли еще две сотни 9-го Донского полка и пулеметная команда и полсотни Амурского полка, нерчинцы где-то задерживались.

На вопрос Краснова, что с нерчинцами, генерал Хрепятицкий ответил: главкомсев Черемисов оставил их в Пскове для охраны штаба фронта.

По сообщениям из Ревеля, 13-й и 15-й Донские полки погрузились в эшелоны, но их не выпустили до «выяснения обстоятельств». Стоявший в Витебске Приморский полк вообще отказался выполнять распоряжение Краснова. И только 1-й Осадный полк численностью в восемьсот солдат выехал из Луги в помощь Керенскому да броневой дивизион из Режицы был готов присоединиться.

Таким образом, «армия» Краснова к 27 октября насчитывала около шестнадцати тысяч человек, из них четыреста восемьдесят казаков. Тем не менее Краснов принял решение наступать на Петроград.

Наступление начали ночью. Объехав резервный казачий полк и растянувшиеся по улицам Гатчины батареи, Краснов дал команду трогаться.

Закопали копыта. Громяхая по булыжникам, положили орудия. Отряд выбрался из Гатчины и двинулся по дороге на Царское Село. В восьми верстах колонна остановилась. Из авангарда доложили: путь преградила застава из роты стрелков. На переговоры с ними Краснов отправил дивизионный комитет. Вскоре застава сложила оружие и разошлась. Колонна снова продолжила движение...

Наступило раннее утро, рассеялся туман, и вдали показалось Царское Село. Отряд снова остановился. Послышались хлопки выстрелов. Краснов поднял к глазам бинокль, увидел поле, изрытое свежими окопами. Линия обороны преградила дорогу. По выстрелам Петр Николаевич определил: не менее батальона солдат. Если затеять бой, из Петрограда может явиться помощь. Краснов принял решение начать переговоры. Вместе с тем он выдвинул на позиции три батареи и две головные сотни. Казаки спешивались, остальная колонна их прикрывала.

Выстрелы участились, но вскоре стали реже. Краснов приказал открыть артиллерийский огонь. Орудия били прицельно, командиры батарей знали, что в доме недалеко от казарм живет жена Краснова.

Хорошо было видно толпящихся у ворот Царского парка митингующих стрелков.

Краснов с членами комитета направился к ним. Шум улегся. Перед толпой Петр Николаевич остановил коня, поднялся в стременах.

— Солдаты, мы идем на Петроград, чтобы восстановить законное правительство...

Толпа молчала.

— Солдаты, добром просим, — подали голоса комитетчики. — К чему кровь проливать...

Из толпы раздалось:

— Братцы, а и то, пусть идут!

— Нет, не пропустим!

Солдаты разделились: одни кричали: «Пусть идут!», другие: «Не пропустим!»

Подъехал адъютант:

— Ваше превосходительство, там Савинков, он направился к солдатам.

Краснов повернулся к адъютанту:

— Велите казакам приготовиться. Если не пропустят, начнем бой.

Из-за поворота показался автомобиль Керенского, остановился перед толпой. Опираясь на переднюю дверь, Керенский вылез.

— Стрелки, солдаты, вы опора России, на вас надежда Временного правительства... Не служите контрреволюции. Сдайте оружие...

В это время казаки силой начали разоружать солдат, те направлялись в казармы.

Автомобиль с Керенским укатил, отряд Краснова вступил в Царское Село. Часть разоруженных солдат направилась к железной дороге.

Заняв Царское Село, красновцы установили посты на станции, радиоузле и телефоне.

В Царском к Краснову явился эсер Савинков с предложением арестовать Керенского и самому стать во главе правительства. Но Петр Николаевич отклонил это предложение. Савинков, заручившись поддержкой офицеров-корниловцев, настаивал...

В это время приехали комиссары Станкевич и Войтинский. Они принялись совещаться с Савинковым, Краснов тем временем занялся реформированием войск.

Сложные отношения сложились у него с пулеметной командой 14-го Донского казачьего полка, зараженной идеями большевизма. Казаки говорили, что они заодно с Лениным, поскольку Ленин против войны и за мир.

Напрасно Краснов убеждал, что Дон — казачья родина и они призваны служить Дону. Переговоры оказались бесплодными, пришлось прибегнуть к силе. Конфликт на время удалось пригасить.

Оценив свои силы, генерал принял решение продолжать наступление. К этому его побуждало давление со стороны Керенского и комиссаров Станкевича и Войтинского. По их сведениям, в Петрограде вовсю шла борьба с большевиками. Они утверждали, что казаков ждут, хотя сам Краснов имел другую информацию.

Между тем многие казаки заявляли, что они отказываются идти на Петроград без пехоты. Раз стрелки не хотят выступать, значит, они за большевиков. Но если 1-й, 4-й и 14-й Донские полки выйдут из Петрограда и двинутся навстречу красновцам и за ними последуют преображенцы и волынцы, тогда иное дело.

Краснов убеждал казаков, что прежде чем наступать на город, он выяснит силы противника и настроение петроградцев. Если обстановка будет складываться в пользу наступавших — одно решение, если против — другое...

Утром 30 октября Краснов получил из Петрограда записку, в которой председатель совета Союза казачьих войск Михеев и секретарь Соколов сообщили, что положение в городе критическое. Юнкеров и офицеров убивают. Пехота колеблется, выжидает, когда Краснов начнет наступление. Промедление грозит крахом всего.

Краснов прочитал записку казакам, и они дали согласие наступать...

***

Эшелон, в котором ехал Шандыба, днем прибыл в Царское Село. Иван лежал на тюках сена, укрывшись видавшей виды шинелью: сильно болела голова. Было зябко, хотелось чего-нибудь горячего. Дневальный принес краюху хлеба и котелок с кипятком.

Шандыба, густо посолив горбушку, медленно жевал, запивая водой. Издалека слышалась стрельба.

— Кто одолевает?

Казак-дневальный пожал плечами:

— А кто ж его знает...

Так прошел день. Ночью паровоз засвистал и медленно потащил состав из Царского в сторону Пулкова. Пройдет эшелон метров триста, станет. Постоит, лязнет сцеплениями, немного продвинется и снова станет.

Шандыба дремал, но стоило поезду дернуться, как Иван пробуждался от боли. Стонал, сцепив зубы.

— Терпи, казак, — приговаривал дневальный.

Он сбегал в прицепной пассажирский вагон, привел фельдшера. Тот протер рану, смазал, сделал перевязку:

— Живуч ты, казак. Другой бы уже Богу душу отдал, а ты тянешь. Да Господу-то видней кого прибирать. По хорошему, тебе бы опять в госпиталь, да вишь, не пускают нас питерцы...

Фельдшер ушел в свой вагон. Боль в голове чуть унялась. Иван прикрыл глаза, стараясь уснуть. Задумался: с кем он — с казаками, или с Матвеем и его друзьями. Попробуй разберись...

Забылся Шандыба в дреме, а перед глазами опять родная степь. Дон воды катит медленно, тихо. До сердечной боли потянуло Ивана домой, в свой курень...

* * *

Шел дождь со снегом, когда Краснов, оставив пехоту в Царском, выступил на Пулково с 9-м и 13-м Донскими казачьими полками и частью енисейцев. Генерал чувствовал: под Пулковом быть бою. Подозвав сопровождавших его членов Временного правительства Савинкова, Гоца и Дана, сказал им:

— Господа, не лучше было бы вам остаться в Селе?

Те промолчали. Генерал понял: хочется вступить в Петроград под охраной казачьих сабель.

От влажных конских круп поднялся легкий пар. Краснов приподнялся в седле, навел бинокль. Стали видны линия обороны, окопы, брустверы.

Затем Краснов увидел густые цепи наступающего противника. Определил: в центре рабочие-красногвардейцы, а по флангам матросы. Матросов было много, больше, чем солдат. Из дальнобойной пушки со стороны Пулкова раздался выстрел. Снаряд разорвался где-то сзади.

— Орудия снять с передков, развернуть на прямую наводку!

Командиры батарей приказ генерала выполнили. От Пулкова выползли три броневика, но по ним ударили пушки. Снаряды взрыхлили землю вокруг бронемашин. Одна загорелась, две другие задом начали отползать.

Цепи противника приближались. Краснов подзывал ординарца:

— Командиров сотен ко мне.

Те явились незамедлительно.

— Второй сотне 13-го полка на Красное Село. Четвертой сотне 9-го полка на деревню Сузи. Первый взвод 9-го полка на Большие Кузьмины, второму взводу на Славянку и Колпино в обход Пулково...

Командиры разбежались.

Краснов снова припал к окулярам бинокля, следя за происходящим. Вот опять ударили казачьи батареи. Шрапнель разорвалась среди красногвардейцев. Те дрогнули, после второго залпа побежали. Однако матросы короткими перебежками настойчиво шли вперед. Спешились и казаки, рассыпались цепью.

Оглянувшись, Краснов не увидел ни Дана, ни Гоца. Когда и куда те исчезли, генерал не заметил. Савинков остался.

Ударили казачьи пулеметы, и матросы залегли. Краснов с горечью подумал, что прорваться к Петрограду через Пулково сил вряд ли хватит, одна надежда, что бой привлечет внимание Петроградского гарнизо-

на и казачьих частей, дислоцирующихся в городе. Может, поднимут восстание против большевиков?..

Внезапно прискакал связной с донесением, что большая колонна солдат численностью до нескольких тысяч движется от Московского шоссе к Варшавскому.

Отдав распоряжение бронепоезду выйти навстречу колонне, Краснов выжидал, как развернутся события. С бронепоезда ударили пушки, и этого оказалось достаточным, чтобы солдаты разбежались. Как позже выяснилось, это был лейб-гвардии Измайловский полк.

Такой поворот событий поднял Краснову настроение. Из Гатчины в помощь прибыло две сотни 9-го полка. Спешившись, они вступили в бой.

Тут из Царского Села с удручающим известием возвратились посланные за снарядами и патронами интенданты. На их пути встала вооруженная команда, которая категорически отказалась выдать боеприпасы, заявив, что соблюдает нейтралитет.

К исходу дня солдаты стихийно стали собираться на митинги. В криках и спорах родилось решение: от казаков потребовали прекратить бой, заявив, что ударят с тыла...

Угроза подействовала. Бой начал стихать, но тут оживились матросы. Они постепенно накапливались на обоих флангах, заняв Большое Кузьмино, вышли на Варшавскую железную дорогу и приблизились к Царскому Селу. Затем обстреляли деревню Редкое Кузьмино и оказались в тылу красновских войск.

Опустившаяся ночь прекратила боевые действия...

Глава 19

О том, как разворачивались дальнейшие события, генерал Краснов часто впоследствии вспоминал.

Ночью, отойдя от Пулково, на чьей-то покинутой даче он написал свой последний приказ по Третьему

конному корпусу: «Усиленная рекогносцировка, произведенная сегодня, выяснила то, что... для овладения Петроградом... наших сил недостаточно... Царское Село постепенно окружают матросы и красногвардейцы... Необходимость ждать подхода обещанных сил вынуждает меня отойти к Гатчине и занять оборонительное положение...»

На самом деле Краснов уже не верил в обещанную генералом Барановским помощь. Командующий Третьим конным корпусом рассчитывал, укрепив мосты, отсидеться в Гатчине за реками Прудостью и Ижорой, в крайнем же случае с боями отходить на Дон.

Петр Николаевич срочно собрал командиров полков, батарей, сотен. Перед ним предстали удрученные, растерянные офицеры...

Закончив совещание, Краснов поехал в Царское, куда стекались полки. Отсюда, из штабной квартиры, он отправил автомобиль за женой. Затем, вопреки советам Савинкова, Петр Николаевич принял решение начать переговоры с большевиками. Для этого в Петроград отбыл комиссар Временного правительства Станкевич. За помощью к полякам уехал рассерженный Савинков, а комиссар Войтинский направился в Ставку просить подкрепление.

Пока Краснов совещался с офицерами корпуса, казачьи комитеты провели свое совещание, на которое явились матросы-парламентеры. Матросы пообещали казакам немедленно отправить их на Дон, заключив мир без генералов.

После этого казаки-комитетчики пришли к Краснову, и он под их давлением составил текст договора с матросами, суть которого сводилась к следующему:

«Большевики прекращают бои в Петрограде и объявляют полную амнистию всем офицерам и юнкерам.

Краснов отводит свои войска, тем самым пригороды Лигово и Пулково становятся нейтральными. Кавалерия Третьего корпуса занимает исключительно в целях охраны Царское Село, Павловск и Петергоф.

Ни та, ни другая сторона до окончания переговоров между правительствами не переходит указанной линии».

Вечером из Ставки в Гатчину прибыл французский генерал Ниссель. В разговоре с ним Петр Николаевич сказал:

— Если я получу иностранную поддержку, то силой заставлю Царскосельский и Петроградский гарнизоны подчиниться Временному правительству.

Однако никакой поддержки Краснов не получил. А ночью пришли тревожные телеграммы о боях и казнях офицеров и юнкеров во многих городах России...

* * *

О последующих событиях, находясь в эмиграции, генерал Краснов писал:

«...Ночь сливалась с днем, и день сменял ночь не только без отдыха, но даже без еды, потому что некогда было есть.

Разговоры с Керенским, совещания с комитетами, переговоры с офицерами воздухоплавательной школы и с юнкерами школы прапорщиков, членами городского управления, городской думы, писания прокламаций, воззваний, приказов и пр. и пр. Все волнуются, все требуют сказать, что будет, и имеют право волноваться, потому что вопрос идет о жизни и смерти. Все ищут совета и указаний, а что посоветуешь, когда кругом стоит непроглядная осенняя ночь, кругом режут, бьют, расстреливают и вопиют диким голосом: «Че, мало кровушки нашей попили?!»

В Гатчинском дворце все офицеры собрались в одну комнату, спать укладывались на полу, не раздеваясь. Казаки сидели в коридорах, не расставаясь с оружием. Никто не верил друг другу. Казаки видели в офицерах свое спасение. Офицеры же, ненавидя Керенского, надеялись на Краснова...

Наступило морозное ноябрьское утро. Стуча сапогами и ботинками, к генералу ввалилась группа казаков и матросов-переговорщиков во главе с громадного роста красавцем-матросом с вьющимися черными кудрями, черными усами и небольшой бородкой. Матрос сказал, будто старому знакомому:

— Я Дыбенко. — И заразительно засмеялся, сверкая белыми зубами. В нем чувствовалась сила. — Давайте нам Керенского, — усмехался Дыбенко. — Мы вам Ленина представим. Хотите, ухо на ухо променяем?

Казаки требовали согласиться обменять Керенского на Ленина.

Петр Николаевич сказал резко:

— Пускай доставят сюда Ленина, тогда и будем говорить...

Узнав обо всем этом, Керенский попросил заменить казачий караул караулом юнкеров.

— Ваши казаки меня предадут.

— Не раньше, чем меня, — ответил Краснов. Но казачьи посты от дверей Керенского приказал убрать...

В три часа дня к Краснову пришел комитет 9-го Донского полка во главе с войсковым старшиной Лаврухиным. Казаки хотели немедленной выдачи Керенского, обещая под своей охраной отправить его в Смольный.

— Ничего ему не будет. Волоса на его голове не тронут, — говорил Лаврухин.

Краснов нахмурился, заговорил спокойно:

— Как не стыдно, станичники. На Руси предателями казаки никогда не были. Вспомните, как ваши деды отвечали царям московским: «С Дона выдачи нет!»... Каков бы ни был Керенский — судить его будет наш русский суд, а не большевики...

— Керенский сам большевик! — выкрикнул один из казаков.

— Это его дело, — сказал Краснов. — Но предавать

человека, доверившегося нам, нельзя, и вы этого не делаете.

— Мы приставим свой караул к нему, чтобы он не убежал. Выберем верных людей, которым доверяем.

— Хорошо, ставьте.

Казачи ушли. Краснов прошел к Керенскому. Его он застал в дальней комнате.

— Александр Федорович, настало время, когда вам надо уйти.

— Но двор полон матросов и казаков, — побледнел Керенский.

— Часовые стоят только у парадного входа. Как ни велика ваша вина перед Россией, но мы не вправе судить вас...

Выйдя от Керенского, Краснов через надежных казаков намеренно затянул сбор караула. Когда же караул явился и пошел осматривать помещение, главнокомверха уже не было...

Казачи страшно возбудились. Раздавались голоса об аресте Краснова, о том, что он предал их, дав возможность бежать Керенскому...

Но тут произошло событие, которое переменяло в корне обстановку. К Гатчинскому дворцу в походном порядке подошла колонна солдат. Она двигалась по дороге, идущей от Петрограда. Это оказался лейб-гвардии Финляндский полк.

В комнату к Краснову вошло несколько вооруженных «финландцев».

— Господин генерал, — сказал один из них. — Финляндский полк требует, чтобы вы вышли к нему на площадь.

— Как смеете вы, — возмущился Краснов, — чего-то требовать от меня, корпусного командира!..

Возникла тревожная пауза, но тут появился офицер с погонами капитана.

— Господин генерал, честь имею представиться: командир лейб-гвардии Финляндского полка. Где прикажете стать полку на ночлег?

— Становитесь в Кирасирских казармах... — Краснов не понимал, что происходит. За Финляндским полком показались матросы, за матросами красная гвардия. В их массе совершенно растворились казаки.

«Таково большевистское перемирие», — подумал Краснов.

В дверь постучали. Вошел Лаврухин и сказал, что 9-й полк просит Краснова выйти и объяснить, как бежал Керенский.

Казачи были построены в шеренги. Их окружила густая толпа солдат, матросов, красногвардейцев и любопытных жителей Гатчины.

Генерал, подойдя к полку, крикнул, как кричал обычно:

— Здорово, молодцы станичники!

Привычка взяла свое. Громовой ответ:

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие! — раздалось из рядов.

Положение было спасено.

Краснов стал перед строем.

— Да, — заговорил он, — Керенский бежал. И это на наше счастье. Как мы охраняли бы его теперь, когда окружены врагами?

— Мы бы его выдали, — пронеслось по рядам.

— А Ленина вы бы получили? Вы бы выдали Керенского, чтобы позором покрыть свое имя, чтобы про вас говорили: казаки — предатели.

Ряды молчали...

— Казачи, — сказал Краснов. — Бог с ним, с Керенским. Не нам его судить. Я вас привел сюда, я вас отсюда и выведу. Верьте мне, и вы не пропадете, а вернетесь на Дон...

Во дворце царил суета. Матросы, красногвардейцы, солдаты шатались по комнатам, тащили ковры, подушки, матрацы... Начальник Уссурийской дивизии под шумок со своим штабом и комитетом уехал из Гатчины.

Становилось ясно, что красновцы были по существу в плену у большевиков. Правда, эксцессов почти не

было. Кое-где матросы цеплялись к офицерам, но сейчас же являлся Дыбенко и наводил порядок.

Краснов присматривался к «новым войскам»: старая разбойничья вольница, смешанная с современным разнузданным хулиганством.

Петр Николаевич ждал решения своей участи. Вопрос был исчерпан, когда пришел Дыбенко и подпоручик одного из гвардейских полков Тарасов.

— Господин генерал, мы просим вас завтра приехать в Смольный для переговоров. Надо решить, что делать с казаками.

— Это арест? — поднял брови Краснов.

— Даю вам честное слово, что нет, — сказал Тарасов.

— Я ручаюсь вам, генерал, — вмешался Дыбенко, — что вас никто не тронет. В 10 часов вы будете в Смольном, а в 11 вернетесь обратно.

— В противном случае придется арестовать и разоружить весь ваш отряд. Так не лучше ли вам отправиться с нами для переговоров?

Начальник штаба полковник Попов подал голос:

— Я поеду с вами.

— Хорошо, — согласился Краснов. — Но позвольте взять с собой моего адъютанта Чеботарева, он знает, где находится моя жена, и уведомит ее, если со мной что-либо случится...

А во дворце продолжались стихийные митинги. Слышались голоса:

— В России только и есть войск, что матросы да казаки, остальное одна дрянь!

— Соединимся, товарищи, вместе — и Россия наша.

— За Ленина пойдём!

— А хоть бы и за Ленина. Он войну обещает кончить и по домам всех отправить...

***

Перед рассветом выпал снег и тонкою пеленою pokrыл замерзшую грязь дорог, поля и сучья деревьев. Пахло морозом и зимой.

Автомобиль должны были подать к восьми часам, но подали лишь к десяти. Тарасов злился и нервничал. Он то и дело просил Краснова выйти, подождать в коридоре. Матросы собрались на внутреннем дворцовом двореке. Один из них, став на телегу, что-то говорил. У дворца скопилась громадная толпа солдат. Наконец все уселись в машину: впереди Попов и Чеботарев, сзади Краснов и Тарасов. Автомобиль тихо выехал из дворцовых ворот.

Какой-то солдат у ворот схватил винтовку на изготовку и закричал:

— Стрелять всех генералов надо, а не на автомобилях катать!

Тарасов побледнел, но Краснов сказал:

— Этот не выстрелит. Тот, кто выстрелит, кричать не будет.

— Скорее! Скорее! — торопил Тарасов шоферов, но те и сами понимали, что медлить нельзя.

Автомобиль промчался мимо статуи Павла I, засыпанной белым чистым снегом, вывернул на шоссе...

Под Пулковым машину обстреляли.

— Скорее! — командовал Тарасов.

По обочине дороги были видны окопы, лежали трупы лошадей, убитые казаки-оренбуржцы: их Краснов определил по обмундированию...

За Пулковом Тарасов стал спокойнее. Он принялся рассказывать Краснову, сколько всего дадут русскому народу большевики.

— У каждого будет свой угол, свой дом, свой кусок земли.

— Позвольте, — прервал его Краснов, — но как же это у меня будет свой дом и своя земля? Разве большевики признают частную собственность?

Наступила пауза.

— Вы меня не так поняли. Все вокруг принадлежит государству, но оно как бы ваше. Не все ли вам равно: вы живете, наслаждаетесь жизнью, никто у вас не может ничего отнять, но собственность это действительно государственная.

— Значит, государство будет?

— О! Да еще какое сильное!..

Машина въехала в Триумфальные ворота. Когда-то их построили для российской победоносной гвардии.

Краснов спросил:

— Я увижу Ленина?

Тарасов покачал головой:

— Думаю, что нет. Он никому не показывается. Очень занят.

В Смольном на каждой площадке лестницы стоял пропускной пост: столик, барышня, подле нее два-три красногвардейца. Проверка «мандатов». Все вооружены до зубов: пулеметные ленты, часто без патронов, крест-накрест перекрученные поверх потрепанных пиджаков и пальто, винтовки, пашки, кинжалы. Но, несмотря на оружие, толпа выглядела довольно мирно.

Краснов невольно сравнил всю эту толпу с тараканами, вылезшими из щелей. Вооруженные люди бежали вниз и вверх по лестницам, требовали удостоверения. Им отвечали:

— Член следственной комиссии Тарасов, генерал Краснов, его адъютант, его начальник штаба...

В ответ:

— Проходите, товарищи!

Дальше снова спрашивали:

— Вы куда?

— К товарищу Антонову...

Так с рук на руки и передавали Тарасова, Краснова, Чеботарева и Попова. Наконец их провели в комнату, у дверей которой стояли два часовых матроса.

Комната была полна народа. Краснов узнал капитана Свистунова, коменданта Гатчинского дворца, и одного из адъютантов Керенского.

— Но ведь это что, арест? — спросил Краснов.

— Это временно, — быстро ответил Тарасов. Нужно выяснить, кто может вас принять. Я скоро вернусь...

В два часа принесли обед. Суп с мясом и лапшой, большие куски черного хлеба, чай в кружках. Попов ухмыльнулся:

— Неплохо кормятся большевики...

Краснов поел и, положив под голову шинель, прилег на мраморном полу, обдумывая свое положение. Было очевидно, что Тарасов обманул: заманил в западню.

Ближе к вечеру пришел Тарасов и с ним матрос.

— Вот, — сказал Тарасов, — товарищ с вас допрос снимет.

— Позвольте, — заметил Краснов, — вы обещали мне, что через час отпустите, а держите меня в этой свиной обстановке целый день. Где же ваше слово?

— Простите, генерал, — ускользая в дверь, проговорил Тарасов. — Но хорошее помещение, где есть кровать, занято великим князем Павлом Александровичем; если его сегодня отпустят, мы переведем вас в его комнату. Там будет лучше...

У матроса был усталый вид. Он дал бумагу, чернила и перо и попросил написать, по чьему приказу выступали казаки и как бежал Керенский.

Вдвоем с Поповым Краснов быстро составил безличный отчет и подал матросу.

— Теперь мы свободны? — спросил Попов.

Матрос посмотрел на него, ничего не ответил и ушел.

Сгущались сумерки, над Невою загорались огни на набережной и на мосту Петра Великого. Скоро темная ночь опустилась за окном. В комнате тускло горела одна электрическая лампочка. Иногда кого-то вызывали. Вызвали Свистунова, пронесся слух, что он получает какое-то крупное назначение у большевиков, потом адъютанта Керенского, троих отпустили. Всего осталось человек восемь.

Неожиданно в комнату шумно, в сопровождении Дыбенко, ввалились казаки-комитетчики 1-й Донской дивизии. Их возглавлял поручик Ажогин.

— Ваше превосходительство, — закричал он, — слава богу! Вы живы! Сейчас мы все устроим. Эти каналы хотели разоружить казаков и взять пушки вопреки договору. Мы им покажем! Вы говорите, это зависит от

Крыленко, — обратился Ажогин к Дыбенко, — ведите ко мне этого Крыленко. Я с ним поговорю как следует.

Он негодовал, и его волнением заражались другие члены комитета: сотник Карташев, не подавший руки Керенскому, фельдшер Ярцев... Все были при пашках, в шинелях, возбужденные быстрой ходьбой и морозным воздухом.

Внешне Дыбенко был на их стороне. Казалось, он не прочь пристать к этой казачьей вольнице.

Вскоре Краснова вызвали в другую комнату. Он пошел вместе с Поповым и Чеботаревым. У дверей стояли два мальчика лет по пятнадцати, одетые в матросскую форму, с винтовками.

— Видно, у большевиков солдат не стало, что они детей в матросы записывают, — сказал Попов.

— Мы не дети, — ответил матрос и неуверенно улыбнулся.

В комнате сидел невзрачный человек в помятом кителе с погонами прапорщика, темным прокуренным лицом.

— Прапорщик Крыленко, — представился он. — Ваше превосходительство, у нас несогласие с вашим комитетом. Мы договорились отпустить казаков на Дон с оружием, но пушки должны забрать. Они нужны на фронте, и я прошу вас приказать артиллеристам сдать пушки.

— Это невозможно, — сказал Краснов. — Артиллеристы никогда своих пушек не отдадут.

— Но посудите сами, здесь комитет 5-й армии, и он требует эти пушки, — сказал Крыленко. — Каково наше положение? Мы должны исполнить требование комитета. Товарищи, пожалуйста, сюда.

В комнату вошли солдаты и с ними комитет 1-й Донской дивизии.

Начался долгий спор. В конце концов решили, что пушки останутся за казаками.

— Скажите, ваше превосходительство, — обратился к Краснову Крыленко, — вы не имеете сведений о генерале Каледине? Говорят, он под Москвой?

«Вот оно что! — подумал Краснов. — Вы еще не сильны, а мы пока не побеждены. Значит, поборемся».

— Не знаю, — ответил он. — Каледин мой старый друг. Но я не думаю, чтобы у него были причины находиться здесь. Имейте в виду, прапорщик, меня обещали отпустить через час, а держат целые сутки.

— Отпустить мы вас не можем... но и держать вас здесь негде. Вы не могли бы где-то поселиться, пока прояснится суть дела?

— У меня есть здесь квартира на Офицерской улице.

— Очень хорошо. Мы отправим вас на квартиру, но раньше я поговорю с вашим начальником штаба.

Крыленко ушел с Поповым, а Краснов отправил Чеботарева с автомобилем в Гатчину сказать жене, чтобы она собиралась переезжать в Петроград. Вскоре вернулся Попов. Он широко улыбался.

— Вы знаете, зачем меня позвали?

— Нет, конечно.

— Меня спрашивали, как отнеслись бы вы к тому, если правительство, то есть большевики, предложили бы вам какой-либо высокий пост?

— И что вы ответили?

— Я сказал: «Предлагайте, генерал вам в морду даст...» — Вы знаете, ваше превосходительство, — продолжил Попов уже серьезно, — мне кажется, что дело еще не совсем проиграно. По всему тому, что мне говорили, они вас боятся. Они не уверены в победе. Эх! Если бы наши казаки вели себя иначе...

Поздно вечером пришел Тарасов.

— Пойдемте, господа.

В Смольном была прежняя суматоха. Бегали по лестницам вооруженные люди, стучали приклады, сапоги...

У выхода толпились матросы:

— Куда идете?

Тарасов объяснил:

— По приказу...

— Плевать нам на приказ, — раздались голоса. — Кончать надо эту канитель, а не освобождать.

— Товарищи, стойте... Это самосуд.

— Ну да, своим-то судом правильнее и скорее.

Перебранка разгоралась. Матросы не хотели выпускать своей добычи. Вдруг чья-то могучая широкая спина ловко притиснула генерала к двери и открыла ее. Краснов с Поповым и великаном в бушлате гвардейского экипажа оказались в маленькой швейцарской.

Краснов присмотрелся. Великан-боцман был типичным представителем старого гвардейского экипажа морского судна. Такие «гренадеры» обычно были на императорских яхтах.

— Простите, ваше превосходительство, — сказал боцман, обращаясь к Краснову, — но так оно спокойнее будет. Я не сильно толкнул вас? Ребята чего — пошумят и разойдутся. А то как бы чего нехорошего не вышло. Темного народа много.

Действительно, шум и брань за дверьми стали стихать.

— Вас куда доставить? — спросил боцман.

Краснов назвал адрес.

— Я отправлю вас на автомобиле «скорой помощи», так лучше. А людей дам надежных.

Краснова вывели матросы гвардейского экипажа. Долго бродили по грязному двору, заставленному автомобилями, слыша переключку между шоферами.

— Товарища Ленина машину подавайте! — кричал кто-то из сырого сумрака.

— Сейчас, — отзывался сиплый голос.

— Товарища Троцкого!..

В это смутное время стойчески несли службу, оставаясь на своих постах, железнодорожники и шоферы. Сегодня — эшелоны Корнилова, завтра — Керенского, потом Крыленко, после еще чьи-нибудь. Сегодня машина Керенского, завтра Ленина...

Громадный автомобиль Красного Креста, в который влезли Краснов, Попов, Тарасов и шесть гвардейских матросов, тяжело покатило к воротам. Возле

ворот у костра грелись красногвардейцы. При виде матросов они пропустили автомобиль, даже не заглядывая внутрь.

В городе было темно. Фонари горели редко, прохожих не было видно.

Через четверть часа Краснов был дома. Вскоре подъехала жена с Чеботаревым и командиром Енисейской сотни, есаулом Коршуновым.

* * *

Когда в штабе походного атамана Краснову говорили, что на Дону не все в порядке, Петр Николаевич и не предполагал, чем завершится судьба генерала Каледина и какие события ожидают Донщину.

Подобно магниту Новочеркасск притягивал все контрреволюционные силы России. Противники новой власти пробирались на Дон, ехали под своими и вымышленными именами в теплушках, на крышах вагонов.

Уже 2 ноября в Новочеркасск прибыл генерал Алексеев. С вокзала он сразу же отправился в особняк атамана Войска Донского к генералу Каледину.

Одетый в солдатскую шинель и не признанный охраной Алексеев долго добивался, чтобы пропустили.

Всю ночь длилась его беседа с Калединым. Никто не знал, о чем говорили генералы. Однако на вторые сутки в Быхов к Корнилову пошла телефонограмма: казачий Дон обещал дать мятежному генералу приют. С Дона выдачи нет: как говорили в старину, так и сейчас заверили Корнилова и других арестованных генералов. Заручившись согласием Каледина, быховские заключенные покинули гимназию-тюрьму и разными путями подались на Дон. Из всех только один генерал Корнилов отправился под собственным именем, сопровождаемый Текинским конвойным полком.

Генерал Корнилов ехал на юг, вынашивая большие планы. Донской край, казачья область должны, как считал Корнилов, стать не только его прибежищем, но

и послужить основой для будущего похода на Москву и Петроград.

***

Слухи о свержении Временного правительства быстро распространились среди казаков. Хорунжий Любимов в кругу собравшихся разглагольствовал:

— Коли Керенский дерьмо, то и Ленин не лучше. Кто такой этот Ленин? Сказывают, его германцы подкупили и в Питер заслали.

— Не говори так, хорунжий. Керенский права дал, казак вон как живет ныне, хочешь — честь офицеру отдавай, хонь — пошли его подале. Нет, Керенский нам по душе.

Казачок из хоперцев чубом тряхнул:

— Ты вот, товарищ дорогой, в офицеры выбился, в хорунжий. Не на наших ли глазах? Генералу Красно-ву сапоги лизал. А нам ленинская правда глаза помогла открыть. Ведь кто, как не Ленин, снял нас с фронта, сказал, что хватит воевать... А? То-то!

Толпа одобрительно загудела:

— В окопах вдосталь поморили. Не, ребята, с нас довольно. Эвон нашего брата под Пулковым как потрепали.

— В науку... Пуцай Краснов за нас ответ даст...

— И даст, за какой надобностью его в Смольный повезли? Не иначе с самим Лениным разговаривать будет.

Алексей Любимов плюнул сквозь зубы. Сказал с пренебрежением:

— Темный вы народ, казаки. Поживете — поймете. — И покинул толпу...

***

Казаки возвращались с фронта. Потрепанные войной, окопной жизнью. Многие были заражены большевистской агитацией. Возвращались десятками,

сотнями, полками, с винтовками, пулеметами, батареями. Разъезжались по станицам и хуторам, сохраняя свои полковые хоругви.

Захар Мироныч допытывался о своем Ваньке: может, видали, встречали. Однако никто вразумительного ответа не давал.

Совсем спил Захар Мироныч. Жена убеждала: погоди, не все еще вернулись, бог даст, зайвится и наш Иван.

Первый снег прикрыл землю и озимые всходы, затянул мороз ледком Дон по краям, оставив темнеть воды на стремнине.

По базам ревели скотина, и ветер гулял по хуторским улицам, выдувая тепло из куреней. Утром дым вставал над крышами, и по хутору пахло князиками — извечной казачьей топкой.

Вечерами при свете каганца¹³, Захар Мироныч шорничал, чинил сбрую или сапожничал, тачал сапоги либо шил для лета чиряки¹⁴. Мишка, пристроившись на лавке у стола, ладил силки: скоро по снегу пойдет заяц озоровать, сады портить.

Иногда перейдет Захар Мироныч через дорогу, заглянет к куму. Посидит, помолчит и домой воротится. А что ему у Уса делать? Чужому счастьем завидовать? Так Шандыба не из тех.

Совсем поседел Захар Мироныч. Ноги быстро уставать стали, и только голова ясной оставалась. Часто вспоминал, как на хутор перебирались, впервые землю пахали. Помнил запах перевернутого сошкой пласта... Рождение Ваньки, первенца, не забылось. И как тот на коня сел, за гриву держался...

Сына бы повидать, тогда и смерть не страшна. Хоть, однако, пожить еще хочется. Эвон как жизнь ныне по-чудному заворачивает, дедовские заветы рупит. К старикам у молодых почтения нету. Степка Ус, едва в атаманы выбился, как говорить начал свысока. Да и Мишка порой отцу перечит.

На той неделе в Вешки человек десять атаманцев воротились. Уходили ягнятами, а пришли волками.

Норов показывают, горлопанят. Управы на них нет. В прежние лета стариков побаивались, а теперь ни Бога, ни черта не признают. Да еще права свои норовят доказать, каких-то большаков поминают, те, мол, за справедливость стоят. Мало им, сукиным детям, видишь ли, воли поболее захотелось...

Пробуждался Захар Мироныч затемно. Поворочается, поохает по-стариковски, к подслеповатому концу пришкандыбает, к стеклу припадет.

В то раннее утро глянул он в окно и ахнул: от первого снега земля побелела. Снег Захар Мироныч любил — к урожаю, а с другой стороны — езда на санях-дровнях в радость. Особенно по морозу: тишина, только полоз поскрипывает...

Накинув кожушок на плечи и обув ноги в растоптанные валенки, Захар Мироныч вышел из сеней. Ветер распушил седую бороденку, залез под полы. Но Захар Мироныч холода не ощутил: стоял, смотрел вокруг.

В курене через дорогу загорелся у Усова огонь. Видно, работник, какого Сергей Минаевич нанял, на базу управляет. А может, Варька стряпает?

О Варьке подумал Захар Мироныч, и на душе осадок горький появился. Раньше думал — Иван вернется, Варьку в невестки возьмут. Ан Степан опередил.

Постояв еще во дворе, старый казак медленно отправился в хату...

Глава 20

Ростовский вокзал, деливший город на две части — рабочую окраину и центр, несколько раз переходил из рук в руки. То его занимали отряды Красной гвардии, то в атаку переходили калединыцы.

Шесть дней длились бои за Ростов, до тех пор пока атаман Каледин не прибегнул к помощи добровольцев генерала Алексеева. Тогда только очистили город от большевистских отрядов.

На ростовский вокзал приходили поезда с беженцами из Москвы, Питера, Харькова, Киева. Вчерашние банкиры, купцы, офицеры, юнкера наполняли город.

Из Новочеркасска прибыли генералы Деникин, Лукомский, Эрдели, Марков. Явился и Корнилов, взял в свои руки руководство по дальнейшему формированию Добровольческой армии.

Войсковой атаман Каледин слал телеграммы на австро-германский и румынский фронты, требовал отослать на Дон казачьи полки. Им было предписано встать по железной дороге Новочеркасск — Чертково — Ростов — Тихорецкая. Казачьи полки, зараженные большевистскими идеями, решено было расформировать.

2 декабря Добровольческая армия генерала Корнилова полностью овладела Ростовом.

В Новочеркасске в атаманском штабе на заседании правительства было решено: часть казачьих полков выступит к Царицыну, к границе Саратовской губернии. Одновременно началось формирование новых частей.

В условиях, когда к Донской войсковой области подходили красногвардейские отряды, на эти части Каледин возлагал большие надежды.

***

Из окна особняка войскового атамана был хорошо виден новочеркасский собор. По праздникам сюда стекался люд со всего города. Казаки собирались у памятника Ермаку Тимофеевичу, обсуждали новости, судили войсковое правительство, перемывали кости Керенскому, Ленину, Корнилову... Многие требовали защищать город от приближавшихся красноармейских частей.

Африкан Богаевский, прищурившись, смотрел в окно, говорил со злостью:

— Всех этих болтунов собрать воедино, добрый батальон был бы. Они дождутся, пока их красные за ж... возьмут.

Каледин соглашался, кивал. Богаевский продолжал:
— А что, Алексей Максимович, может, надо силой забирать?

— Каледин усмехнулся:

— Силой не воюют. До первого выстрела. Вот когда жареный петух клюнет и большевички земли их начнут делить, тогда враз поумнеют.

— Большевики к Черткову подошли. Может быть, навстречу им двинуть юнкеров генерала Попова?

— Добровольцы Попова фронта не нюхали, дальше стен своего училища не бывали. Да и сам Попов хоть и носит погоны генерала, а в боевых операциях участия не принимал. Остановить красногвардейцев, Африкан Петрович, сумеют только казачьи части, а у меня к ним уже большой веры нет. Я получил известие, что в Каменской собираются казаки, сочувствующие большевикам. Хотят в противовес войсковому правительству свою власть избрать.

— Пресечь такое на корню!..

— Я об этом, Африкан Петрович, думаю. Только надо повременить, пусть выговорятся. Поглядим, что решат. В случае чего дадим указание 10-му Донскому полку...

***

г

В Каменской казаки до хрипоты спорили, аж пот многих прошиб.

Жарко в зале. Явились представители от многих станиц и хуторов. На сцене за длинным столом председательствовал Федор Подтелков: сам хоть и не большевик, но линию занимал большевистскую. Говорил — словно дрова рубил:

— Несправедливость на Дону... Казака мироеды гнут... Где казаку правды искать? В Питере или Москве? От кого? Я не большевик, но в Ленина веру держу...

Рядом с Подтелковым казак Кривошлыков из ста-

ницы Еланской, хутора Горбатова, длинный как жердь.

Дальше сидели посланный от армии Щаденко и букановский казак Лагутин, первый председатель казачьего отдела при ВЦИКе.

Казаки в одном сходились: на фронт не ходить и на Дон московских солдат и иногородних не пускать. Когда их помощь потребуется, тогда и призовем.

От посланников некоторых полков раздавались голоса:

— Пошлем делегацию к Каледину в Новочеркасск, пусть передаст власть съезду!

— Арестовать Каледина и войсковое правительство!..

Неожиданно встал Кривошлыков, перегнулся через стол, выкрикнул в зал:

— Изберем Военно-революционный комитет?

— Верно!

— Кого?

— Подтелкова в председатели!

— Подойдет! А в секретари Кривошлыкова?

— Тоже подойдет.

— Кого желаем видеть членами комитета?

— Кудинова, Лагутина, Минаева...

Посыпались фамилии под крики одобрения. У двери какой-то казачок негромко обронил:

— Ну, жди гостей из Новочеркаска...

***

В карательных целях в Каменскую прибыл 10-й Донской полк. Выгрузившись на станции, казаки тотчас оказались в окружении митингующей толпы. Ни арестовать зачинщиков, ни разоружить их прибывшие оказались не в состоянии. Тогда в помощь им прибыла делегация от Войскового Круга. Председатель Агеев, члены Светозаров, Уланов, Кареев, Бажелов и войсковой старшина Кушнарев. Их сопровождали казаки лейб-гвардии Атаманского полка. Под его охра-

ной делегация явилась в здание почтово-телеграфной конторы, где проходило заседание Военно-революционного комитета.

С обвинением выступил Агеев. Он утверждал: съезд — это измена Дону, сговор с большевиками: И требовал: делегатам съезда прибыть в Новочеркасск...

Подтелков сначала не согласился, однако на следующий день они с Кривошлыковым все-таки решили поехать.

Добирались в стылом прокуренном вагоне. Переговаривались короткими фразами:

— Не столкнемся. Напрасно едем.

— Потребуем от Каледина передать власть...

Поезд в Новочеркасск прибыл в полдень. Низкие тяжелые облака плыли над городом. На перроне толпились казаки. Делегацию сразу окружил конвой. Ругались, выкрикивали:

— Что, большевикам продались!..

Толпа напирала. Конвой взял ружья наизготовку.

— Сопровождают ровно заключенных.

— Не дивись, от черкесни иного не ждали...

В зал войскового правления набилось много народа. Подтелков осмотрелся:

— Вот сборище, будто на концерт собрались.

Делегаты от Военно-революционного комитета в первых рядах. Прошел на свое место, сутулясь, Каледин, следом Богаевский. Усевшись, Каледин снял фуражку, положил перед собой.

— Начнем, господа, не будем время терять.

Он посмотрел на членов комитета.

— Что нам скажет господин Подтелков? Или, может, вас лучше величать товарищем?

— Можно и товарищем. — Подтелков коротко изложил цель приезда в Новочеркасск.

Кривошлыков передал Каледину лист с ультиматумом.

Тот лист вернул, проговорил:

— Читайте.

В тишине зала раздался звонкий голос Кривошлыкова:

«Вся власть в области Войска Донского... переходит от войскового атамана к Донскому военно-революционному комитету...»

Все отряды, какие действуют против революционных войск, отзываются 15 января сего года и разоружаются, равно как и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков. Все участники этих организаций высылаются из пределов Донской области в места их жительства...

... Члены Войскового Круга объявляются неправомочными... Немедленной передачи власти областному казачьему Военно-революционному комитету, впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения...»

Каледин криво усмехнулся:

— Какие казачьи части вас уполномочили?

Подтелков поднялся, откашлялся. Перечислял полки и батареи, ему подсказывал Кривошлыков.

Каледин, не переставая усмехаться, спросил с подковыркой:

— Вы власть Ленина и Совета народных комиссаров признаете?

Подтелков ответил невнятно. За него сказал Кривошлыков:

— Мы казаки, и управление у нас должно быть казачье. И если народ доверяет Советам, то и мы подчиняемся.

Подтелков добавил резко:

— Мы намерены ввести у себя казачье самоуправление.

Тут голос подал Богаевский:

— Значит, вы не признаете Войсковой Круг?

— Смотря в чем.

— Кто же нас рассудит?

— Народ! — Подтелков окинул глазами зал. — Народ!

После короткого совещания членов войскового правительства Каледин заявил:

— Наше правительство избрано всем населением Дона и не может сложить своих полномочий без общего решения. Вот соберется Большой Войсковой Круг — ему и решать. А я за власть не держусь...

Богаевский сказал веско:

— Только Большой Круг вправе сменить правительство.

— А кто на Круге командовать будет? Ежели вы, так мы его решения не примем, — возразил Подтелков. — Нас трудовые казаки и фронтовики поддерживают.

Один из членов войскового правительства заметил:

— Красногвардейцы на Дон рвутся, чтобы казачество уничтожить. Они и Россию уничтожили...

Подтелков рукой как саблей взмахнул:

— Передайте власть в руки Ревкома, и Красная гвардия прекратит наступление.

В зале громко прозвучал голос кавалера четырех Георгиев подьесаула Шеина:

— За вами, Подтелков, народ не пойдет. Дон изменников не любит...

Итог подвел Каледин:

— Сегодня мы вам, господа делегаты, не ответим. Обсудим, тогда и выслушаете наше решение...

Ответ Подтелков и Кривошлыков получили на другое утро. Войсковое правительство категорически отказалось выполнить волю Военно-революционного комитета. Только Круг, законный орган власти, представляющий казачье население области, имеет право сместить войсковое правительство и избрать новое...

— Значит, не столковались, теперь нас сила рассудит, — пожал плечами Подтелков.

Новочеркасск покидали, недовольные поездкой.

***

О том, как складывалась жизнь Краснова после того как автомобиль привез его из Смольного на петро-

градскую квартиру, он рассказал в своих воспоминаниях:

«...Я жил дома, пользуясь полной свободой. Ко мне приходили гости, жена моя уходила в город и приходила, мы говорили по телефону. В прихожей неотлучно находились два матроса, но это были не часовые, а скорее генеральские ординарцы. Они помогали гостям одеваться...

А Донской комитет, непрерывно сообщаясь со мной и советуясь у меня, делал свое дело. 4 ноября он добился отправки эшелонов в район Великих Лук, куда стягивался весь корпус. 6 ноября комитет явился ко мне с подьесаулом Петровым, назвавшимся кем-то вроде комиссара нового правительства. Мне показалось, что он играет двойную роль. Хочет служить большевикам и в то же время на всякий случай подслуживается ко мне. Таких людей в ту пору было много. Я решил использовать его. В Кронштадте сидели трое офицеров 13-го Донского полка, захваченные матросами, когда они ехали ко мне из Ревеля, и есаул Коршунов, арестованный в Петрограде. Я дал задачу освободить их.

Петров добился их освобождения.

Наконец вечером 6 ноября члены комитета, сотник Карташев и подхорунжий Кривцов привезли мне пропуск на выезд из Петрограда. Я не знаю, насколько этот пропуск был настоящий. Мы об этом тогда не говорили, но мне рекомендовали его не очень давать разглядывать. Это был клочок серой бумаги с печатью Военного Исполнительного Комитета С. С. и Р. Д. с подписью товарища Антонова, кажется, того самого матроса, который снимал с меня показания. В сумерки 7 ноября я, моя жена, полковник Попов и подхорунжий Кривцов, забравши кое-что из платья и белья, сели на сильную машину штаба корпуса и поехали за город. Мы все были в форме, я с погонами с шифровкой 3-го корпуса, при оружии.

В наступившей темноте мы промчались через заставу, где что-то махал руками растерявшийся крас-

ногвардеец, и понеслись, минуя Царское Село, по Новгородскому шоссе. В 10 часов вечера мы были в Новгороде, где остановились для того, чтобы добыть бензин.

А в это время на петроградскую мою квартиру явился от Троцкого наряд Красной гвардии, чтобы окончательно меня арестовать.

На другое утро мы были в Старой Руссе, где среди толпы солдат сели на поезд и поехали в Великие Луки.

9 ноября я был в Великих Луках и здесь испытал серьезное огорчение. В Великих Луках стояли эшелоны 10-го Донского казачьего полка, моего полка. Казаки этого полка были мною воспитаны, они со мною вместе были в боях, мы жили тесною, дружескою жизнью. Кому-то из моих адъютантов пришлось в голову, что самое безопасное будет, если я поеду с ними на Дон, и он пошел в полк переговорить об этом.

Казаки отказались взять меня, потому что это было для них опасно.

Не то огорчило меня, что они не взяли меня. Я бы все равно не поехал, потому что долг мой перед корпусом не был выполнен — мне надо было его собрать и отправить к Каледину, а огорчил мотив отказа — трусость.

Яд большевизма вошел в сердца людей моего полка, который я считал лучшим, наиболее мне верным. Чего же я мог ожидать от остальных?

Я поселился в Великих Луках.

Я считался командиром 3-го кавалерийского корпуса, со мною был громадный штаб, и при мне было казначейство с двумя миллионами рублей денег, но все дни мои проходили в разговорах с казаками. Все неудержимо хлынули на Дон. Не к Каледину, чтобы сражаться против большевиков, отстаивая свободу Дона, а домой, в свои станицы, чтобы ничего не делать и отдыхать, не чувствуя и не понимая страшного позора нации...»

Казаки хотели какой угодно ценой ехать по домам. Приходилось часами уговаривать, чтобы они ехали честно, с оружием и знаменами.

Это было по сути то же дезертирство, которое в свое время охватило пехоту, но пехота бежала беспорядочно, толпами, а это было дезертирство организованное: люди ехали сотнями, в полном порядке, со своими офицерами, но все равно — они ехали с фронта, покидая позиции... Краснов говорил им, они слушали, соглашались как будто, однако после долгих разговоров наступало молчание, лица становились упрямыми, и кто-нибудь непременно спрашивал:

— Когда же, господин генерал, будет нам отправка?

Одна мечта была у них — дом. Эти люди были безнадежно потеряны для какой бы то ни было борьбы. Краснов написал свои соображения атаману Каледину по этому поводу...

12 ноября 1-я Донская дивизия стала грузиться в эшелоны для отправки на Дон. В свою очередь начала волноваться Уссурийская дивизия, требуя отправки на Дальний Восток. Краснов хотел отправить уссурийцев тоже на Дон, где дивизия могла быть полезной. Но комитет дивизии сам поехал в Ставку к Крыленко и добился от него пропуска на восток.

6 декабря началась отправка эшелонов Уссурийской конной дивизии.

К середине декабря в Великих Луках, заполненных большевистскими пехотными полками, оставался только 3-й Уральский казачий полк и команды штаба корпуса. Уральские казаки небольшими группами уходили по домам, и полк таял с каждым днем.

Большевики же хитро определили свое отношение к казакам и казачеству. Казаки были как бы государству в государстве: их пока не трогали, с ними заигрывали. Так, 6 декабря начальник пехотного гарнизона полковник Патрикеев отдал приказ о снятии погон и знаков отличия, но сейчас же добавил, что это не касается казачьих частей, которые имеют право продолжать носить погоны.

С местным комиссаром Пучковым Краснов жил дружно. Пучков хотя и называл себя большевиком,

но в душе оказался ярким монархистом; офицеры штаба корпуса часто бывали у него, дело обычно заканчивалось выпивкой и воспоминаниями небольшевистского характера. Краснов решил использовать Пучкова и добиться пропуска остаткам корпуса в Пятигорск для расформирования. Петр Николаевич хотел оставить эшелон в Великокняжеской и передать все имущество корпуса Каледину. Имущество было немалое. Оставалось полмиллиона денег, было более тысячи комплектов прекрасного обмундирования, вагон чая, вагон сахара, несколько автомобилей, радиостанция. Генерала Солнышкина Краснов командировал в Ставку, и благодаря личному знакомству с Бонч-Бруевичем, бывшим начальником штаба у Крыленко, тот добился назначения эшелона в Пятигорск и пропусков.

Дело шло медленно, положение красновцев в Великих Луках становилось все более тяжелым. Носить погоны стало невыносимо: солдаты охотились за офицерами. Но снимать погоны офицеры считали оскорбительным, и потому 21 декабря переоделись в штатское. Однако это не улучшило положения. Офицеров знали в лицо и готовились расправиться с ними.

Может быть, думал Краснов, настало время бежать? Но как бежать? За ним следили команды штаба, писаря, денщик и вестовой. Генерал мог выехать на прогулку верхом и не вернуться, но тогда пришлось бы бросить жену и офицеров штаба, которые верили в него.

Между тем, несмотря на все обещания об отправке в Пятигорск, эшелонов не давали. 11 января 1918 года пришло требование сдать все деньги корпусного казначейства в Великолукское уездное казначейство. Протестовать было бесполезно, да и законного права не было: корпус был расформирован.

Наконец 16 января дали поезд на Пятигорск. Благополучно погрузились офицеры корпуса и остатки команд, загрузили имущество, автомобили, лошадей.

Все шло гладко. Краснов решил воспользоваться случаем и поехать с женой к ее сестре в Москву с тем, чтобы потом догнать эшелон в пути.

В Москве Краснов узнал, что атаман Каледин объявлен изменником, что где-то у станции Чертково идут бои между большевиками и донскими казаками. Струдом, в товарном вагоне, переполненном солдатами, ругавшими Корнилова, Каледина и самого Краснова, генерал с женой 28 января добрался до Царицына. Надо было искать поезд.

На станции Петр Николаевич увидел одного из офицеров своего штаба, ротмистра фон Кюгельгена, который сообщил, что накануне в Царицыне их эшелон остановили, отобрали все имущество, лошадей, повсюду искали Краснова, заявляли, что он приговорен к смертной казни. Портреты Краснова разосланы по всем станциям от Царицына до Пятигорска. По городу ходят красногвардейцы, разыскивая генерала, так как имеются сведения, что он в Царицыне.

Настало время бежать...

***

Первые удары калединцев по революционным казачьим частям побудили Военно-революционный комитет перебраться в Миллерово.

Сложность ситуации заключалась в том, что калединцы действовали в данном случае сообща с украинскими контрреволюционными силами, создавшими свою националистическую Раду.

Военно-революционный комитет послал в Петроград телефонограмму о признании советского правительства и Совета народных комиссаров, а в Донской области создал свое краевое правительство.

Совет народных комиссаров направил в помощь Донскому ревкому красногвардейские полки. Они нанесли решительные удары по калединцам, разгромили карательный отряд Чернецова.

В свою очередь рабочие Таганрога и Ростова подняли восстание и ожидали подхода красногвардейцев...

В этой обстановке генералы Корнилов и Алексеев, сколотив полторатысячную Добровольческую армию, дали в Новочеркасск атаману Каледину телеграмму, что они уведут добровольцев на Кубань. Начался широко известный в истории «ледовый поход» корниловских добровольцев.

Получив телеграмму Корнилова, Каледин враз осунулся и постарел. Он созвал экстренное совещание.

В 9 часов утра в атаманском дворце собрались члены войскового правительства. Сам Каледин явился позже всех. Он медленно прошел на свое место, сел, обвел тяжелым взглядом присутствующих.

— Господа, — хрипло произнес он, — я получил телеграмму от генерала Корнилова. Он покидает со своей армией Дон. Для защиты области у нас не осталось сил. Помощи нам ждать неоткуда. Донщину раздрают противоречия. — Каледин налил из графина воды: рука, державшая стакан, дрожала. — Население к нам настроено в основном враждебно. Господа, мы не допустим кровопролития. Я предлагаю передать наши полномочия другому правительству.

Богаевский насупился:

— Я тоже слагаю с себя полномочия, если от своих полномочий отказался Алексей Максимович.

В зале наступила мертвая тишина, лишь был слышен за окном цокот копыт.

Снова голос Богаевского:

— Надо составить акт о передаче власти городской думе.

— Это само собой разумеется.

— Соберемся часов после четырех, — раздался голоса.

Поднявшись, Каледин ушел в свой кабинет. Члены правительства проводили его глазами.

— Он плохо выглядит, господа, — заметил кто-то. Богаевский встал:

— Господа, мы должны обсудить порядок передачи дел...

Неожиданно на лестнице раздался шум. В дверь без стука ворвался, рыдая, адъютант Каледина.

— Алексей Максимович застрелился!

Члены войскового правительства толпой вбежали в кабинет Каледина.

Атаман, вытянувшись, лежал на походной офицерской койке. На полу валялся наган, на стуле рядом тускло блестела крышка именных часов...

Глава 21

После самоубийства генерала Каледина войсковым атаманом избрали походного атамана генерала Назарова. Круг был малолюдным. Съехались в основном представители низовых черкасских станиц.

Поскольку Круг оказался незначительным, его наименовали Малым Кругом.

Казачи неохотно проголосовали за призыв возрастов от восемнадцати до пятидесяти лет. Мобилизация проходила с большими трудностями: под всякими предлогами казаки старались избежать призыва.

В первые же дни работы Круга произошли чрезвычайные события. С Румынского фронта с боями пришел 6-й Донской казачий полк под командованием войскового старшины Тацина. Полк прорвал большевистское окружение, выдержал ряд боев и почти без потерь явился в Новочеркасск. Ему устроили торжественную встречу, отслужили молебен и вскоре послали на фронт под станцию Сулин. Но под влиянием большевистской агитации полк самовольно покинул позиции и отказался защищать войсковое правительство.

Некогда волевой, смелый генерал Назаров сник, сделался вялым, потерял инициативу. И было от чего. Шли бои под Тихорецкой. От Царицына к Ростову продвигался красный командир-хорунжий Автономов...

***

Корнилов решил отходить на Кубань через станицу Ольгинскую. Под редким обстрелом рабочих из Темерника тянулись добровольческие отряды. Шли генералы и полковники, капитаны и поручики, юнкера и студенты. Взводами командовали полковник Кутепов и капитан Неженцев... Добровольцы шли, перебрасываясь короткими репликами. Шли, готовые ко всему.

Сутулясь в седле, сидел генерал Корнилов. Скуластое, словно высеченное из камня лицо, узкие, с прищуром глаза впивались в проходивших добровольцев.

Корнилов смотрел на свою армию, видел ее малочисленность и думал: как то примет их кубанское казачество?

***

Еще в Ольгинской Корнилов пригласил на совещание генерала Попова. Присутствовали Алексеев, Деникин и другие высшие офицеры.

— Напрасно вы, генерал, не желаете участвовать с нами в походе на Кубань, — заговорил Корнилов. — Я уверен, что атаман Назаров не отобьется отседающих на Дон красногвардейцев.

— А мы, Лавр Георгиевич, отсидимся на казачьих заимках в сальских степях.

Корнилов с Алексеевым переглянулись. Деникин о чем-то говорил с Романовским и Лукомским. Вошел Марков, поздоровался, сел у окна.

— Скажите, генерал, вы серьезно считаете, что в сальских степях вас ждут? — спросил неожиданно Деникин, прервав разговор.

— Антон Иванович, мы предварительно переговорили о своем размещении. Поддержка обещана.

— Ну-ну...

— А какой численностью вы располагаете? — спросил Корнилов у Попова.

Тот пригладил усы:

— Полторы тысячи сабель, батарея и сорок пулеметов.

— Силы, конечно, не очень значительные, но если вы присоединитесь, для Добровольной армии это будет хорошим подспорьем. Мы планируем поход на Кубань следующим образом. — Карандаш в руке Корнилова заскользил по карте.

— Лавр Георгиевич, — прервал Корнилова Попов, — я глубоко благодарен вам за доверие. Но я обещал своему отряду не покидать донскую землю. Когда вы начнете свой поход на Москву, а я в него верю, мы к вам присоединимся.

— Смотрите, как бы не было поздно, — вмешался в разговор Алексеев.

— Думаю, что не опоздаю, — поднялся Попов. — А сегодня нам сподручней оставаться в зимовниках. Здесь мы получим коней и фураж, сюда будут стекаться все недовольные новой властью. А может, лучше было бы и вам, Лавр Георгиевич, уйти с добровольцами в Задонье?

Корнилов покачал головой:

— Нет, у нас путь другой.

Он пожал руку Попову:

— Счастливо оставаться. Я желаю вам удачи...

***

Отродясь не испытывал войсковой атаман Назаров такого позора, какой он претерпел от бывшего офицера Голубова, примкнувшего к большевикам.

Накануне Назаров из-за натиска красногвардейцев принял решение переехать с Малым Войсковым Кругом в станицу Константиновскую. Из Новочеркасска походный атаман Попов вывез войсковые ценности, вывел полки. Оставалось эвакуироваться членам правительства Круга.

Неожиданно стало известно, что от Шахт через ближайшие станицы к Новочеркасску подходит с отрядом Голубов, сторонник большевиков.

Для переговоров с ним Назаров от имени Круга послал есаула Сиволобова. Напутствуя его, он велел передать, что город сдается без боя: чтоб не чинили жителям карательных мер.

Но Голубов опередил Сиволобова. В тот же день его отряд занял город, а сам Голубов с охраной ворвался в атаманский особняк.

— Вста-ать!

Вскочили члены Круга, сидеть остался только войсковой атаман Назаров. Подняв глаза, сказал:

— Как вы смеете прерывать работу Круга!

— Молчать! — Голубов побагровел. Подскочив, сорвал с плеча Назарова погон. — Золотопогонник! Взять его!

Охранники потащили к дверям войскового атамана. За ним вывели председателя Круга Волошина и еще нескольких человек.

Голубов бегал по залу:

— Расходитесь все к едрене фене! Чтоб и духа вашего здесь не было!

Подошел адъютант, доложил:

— Северс взял Ростов.

— Быстро телеграмму в Ростов. Северсу: Поздравляю с победой, рабочий Ростов и Аксай в руках революции...

Голубов кивнул адъютанту:

— Давай в ресторан, пускай стол накрывают, победу отметить надо. Девочек не забудь.

Вспомнил:

— Назаров пусть в тюрьме поостынет. Ишь, разатаманился. А то ведь и в распыл его можно.

***

Пауль фон Гинденбург удовлетворенно смотрел на карту России. Большая страна, а что от нее осталось? Он, Гинденбург, давно предвидел этот распад, неспособность русской армии к сопротивлению организованным германским войскам.

К переговорам в Брест-Литовске генерал-фельдмаршал относился спокойно. Большевики с Троцким и Чичериним занимались пустозвонством, а Ленин был готов отдать пол-России, лишь бы удержаться у власти.

Гинденбург улыбнулся. Германская армия уже хозяйничала в Белоруссии, в Прибалтике, а главное — на Украине. Украинский гетман Скоропадский считал, что он правит на Украине. Но настоящие хозяева на украинской земле — немцы. Они будут продавать оружие, менять его на зерно и сало, в чем так нуждается фатерланд.

Русская же армия настолько разложилась, что процесс этот коснулся элиты вооруженных сил — казачества. Посланный на Петербург генерал Краснов сдался в плен большевикам...

***

Советская власть была на Дону неустойчивой. Сменились царские флаги на красные, а стабильности не появилось. Казаки затаились, приглядываются к новой жизни. С Украины под давлением германцев покатились через Дон к Царицыну украинские социалисты. Пограбят, поозоруют и дальше двигаются.

Из советского центра стали наезжать продовольственные отряды из рабочих и красноармейцев. Разъезжаются по станицам и хуторам, загрузят подводы хлебом, позубоскалят: «Вона как живете, ровно у Христа за пазухой. Погодите, весной землю вашу переделаем».

Уедут продотряды, а казаки сабли и винтовки изпод сена достанут и по коням. Настигнут — редко кто из продотрядцев жив останется...

Один из продотрядов заехал на хутор Пригубский, встал на постой. У Захара Мироныча два красногвардейца, у соседей — три.

Утром один из красногвардейцев земли из-под снега набрал на ладонь, растер и заметил:

— Ровно масло. Нам бы такую.

Захар Мироныч нахмурился, промолчал. А продотрядцы тем временем насыпали пять мешков зерна, на подводу навалили. Какую-то бумажку дали. У Усовых две подводы зерном наполнили... Когда уехали, Степка-атаман коня из конюшни вывел, подседлал, винтовку в руки. С ним четыре человека хуторских за продотрядом поскакали. К утру вернулись, развезли зерно по куреням. А отрядцы в буреке под снегом лежать остались...

От всех этих дел взволновались казаки. Тогда из буйного Новочеркасска решено было советскую власть в Ростов перевести под охрану ростовского пролетариата.

И кто знает, чем бы все закончилось, прекрати Советы у казаков хлеб забирать, переделом земельным страдать.

Однако такого не произошло.

Первыми подняли бунт в станице Кривянской. Разоружили красноармейцев и двинулись на Новочеркасск.

Столицу Дона взяли приступом. Ударили в колокола столичного собора, стали готовиться отразить войска, двинутые из Ростова.

Не одни сутки красноармейцы ходили на приступ, улицу за улицей с боем брали.

Кривянцы отходили огрызаясь. На лодках переправились на острова у станицы Заплавской. На сходе в станице Заплавской решили создать свою армию и попросили генерала Полякова стать во главе ее. Штабную работу возложили на полковника Денисова, того самого Святослава Варламовича Денисова, который у генерала Краснова был начальником штаба во 2-й Сводной казачьей дивизии.

Попытались красногвардейские отряды из Ростова и Новочеркасска высадить десант, но его сбросили в Дон. Укрепились казаки, выжидали.

Тем временем до Ростова докатились слухи, что под Екатеринодаром Добровольческая армия генерала

Корнилова была разбита, а сам Лавр Георгиевич погиб от шального снаряда. Армию приняли генералы Деникин и Алексеев, и пошли они снова на Дон.

Эти вести всколыхнули донских казаков. Советская власть в Ростове стала готовиться к эвакуации.

* * *

Будто лемехом плуга перепахали Дон. Собираются казаки, курят, о новой власти спорят. Те, у кого продотрядцы похозяйничали, большевиков на дух не приемлют. Эти — только клинки — враз за оружие возьмутся. Благо, сабля, винтовка у каждого в курене. С фронта никто без этого добра не возвращался. Иные и пулеметы прихватили. В Вешенскую полк явился по сотням, как и надлежало, даже батарею доставил, не опозорил чести казачьей.

На сходе станичный атаман полк построил, с коня не слезая, речь сказал. Поблагодарил за службу, напомнил, что ежели час настанет, каждый казак в сотне место свое занять должен.

Захар Миронович к куму Сергею Минаевичу зашел, Степку увидел, спросил:

— Не воротятся ль, чтоб хлебец наш сызнава выгresti?

Ус, атаман хуторской, усмехнулся:

— Эти, Захар Миронович, точно не воротятся. Скоро мы всем большевичкам укажем от ворот поворот. Я вчера был на полковом строю: вешенцы в грязь не ударили. Да и черкесня готова против краснопузых выступить. Только команды ждут. Ну, да недолго ее ждать осталось.

* * *

Приняв решение бежать, генерал Краснов целые сутки отсиживался в Царицыне. Здесь ему изготовили фальшивые документы, и они с женой в заби-

том пассажирами поезде двинулись в путь на Тихорецкую.

В начале пути в вагон явился патруль. Матрос проверил документы переодетого к гражданское платье Краснова, не стал смотреть паспорт жены и ушел.

О дальнейшем Краснов вспоминал так:

«Был смотр вещей. У меня в чемодане лежало военное платье, погоны, послужной список, дневники. Но красногвардейцам надоела проверка, пассажиров было много, начальник станции ворчал, что поезд слишком задерживают, и до нашего вагона осмотр не дошел.

Поздно ночью мы тронулись.

На другое утро мы переехали границу Войска Донского. Станция Котельниково. Я спокойно выхожу из вагона. Спасен... Свои!

На дверях дамской комнаты большой плакат: «Канцелярия Котельниковского Совета солдатских, рабочих, крестьянских и казачьих депутатов».

И тут уже была Советская власть.

Поспешно иду в вагон.

Три казака и солдат останавливают меня у самого вагона.

— Товарищ, вы кто такие будете? — спрашивают они меня.

— А вам какое дело? — кидаю я и сажусь в вагон.

На счастье, поезд трогается.

В 5 часов дня в Великокняжеской. Здесь еще держится атаманская власть. Мои дорогие члены Донского Комитета Ажогин, Карташев в штабе дивизии. Но уже все кончено. Все казаки штаба разошлись. Офицеры сами чистят лошадей. Дивизии давно нет. Завтра или послезавтра здесь будет признана советская власть. О Каледине ничего не знают. Бои идут под Новочеркасском, но, кажется, Новочеркасск еще не занят большевиками.

Все-таки надо ехать туда. Коннозаводчик Михалюков дает мне лошадей, и 30 января под проливным дождем мы едем в открытом шарабане.

Два дня я ехал по родной донской степи. Менял лошадей, обедал и ночевал на зимовниках у коннозаводчиков. Тишина и безмолвие кругом. Поют жаворонки, солнце пригревает, голубое марево играет на горизонте.

На зимовнике Бонифатия Яковлевича Королькова комитет из двух казаков, двух солдат и двух германских военнопленных. Он взял опеку над именем, чтобы «народное хозяйство» не расхищалось. Узнали о моем приезде, пришли ко мне.

— Вы что за человек? — хмуро и сердито спрашивает казак, и вдруг лицо его расплывается в широкой улыбке, — а вы не генерал Краснов будете?

— Если знаете, так чего же спрашиваете? — говорю я.

— А я у вас в дивизии в конно-саперной команде служил. Помните, Акимцев, казак, — радостно говорит «член комитета». — Вам лошадей? Сейчас подам.

Едва отъехали от зимовников Королькова, как на встречу показалась бричка. Казак коней остановил, закричал радостно:

— Ваше превосходительство, господин генерал! Боже мой, думал ли, гадал!

Краснов узнал хорунжего Алексея Любимова.

— Какими судьбами вы здесь, хорунжий?

— Вот уже с полмесяца, как полк по куреням разъехался. А вы, ваше превосходительство, куда направляетесь?

— В Новочеркасск, буду там приюта искать.

— Какой Новочеркасск — к нам, в Константиновку поворачивайте. Там вам и Лидии Федоровне рады будут. А советской власти у нас нет...»

В Константиновской, в доме хорунжего Любимова нашлось место, где мог отсидеться генерал Петр Николаевич Краснов. Здесь он сделал первые наброски к будущему трехтомному роману «От двуглавого орла к красному знамени», которому суждено будет появиться в эмиграции.

* * *

Иван Шандыба доехал эшелон до станции Миллерово с казаками 2-го Донского полка. Вокруг еще лежал снег, поезд плелся медленно, подолгу стоял. В открытую дверную щель виднелись редкие станционные огни.

В Миллерово эшелон стал под разгрузку. По склонам выводили застоявшихся лошадей, с платформ снимали орудия.

В Вешенскую собралась группа человек пятьдесят при двух орудиях. Шандыба попросился в товарищи.

До самой станицы ехал на зарядном ящичке, а уж от Вешек к хутору было рукой подать. Закинул Иван походный мешок за плечо, саблю поправил и пошел знакомой дорогой.

У ворот родного куреня остановился, постоял. На глаза слеза навернулась. Вытер и вошел во двор.

Первым увидел брата Мишку. Обнялись. Тут и отец с матерью выбежали, давай сына целовать да плакать.

В хате, когда фуражку снял, увидели шрам, ахнули. Мать руками всплеснула, сказала со слезами:

— Вот, Ванька, говорила: не сносить тебе головы.

Захар Миронович оборвал:

— Хватит причитать, старая. Тот не казак, что пули не пробовал. До свадьбы заживет.

Услышав о приезде Ивана, пришли Сергей Минаевич со Степкой, распечатали белоголовую. Первую чарку выпили за его возвращение, вторую за казаков, с войны не вернувшихся.

В разговорах перебрали хуторские и станичные новости. Поругали новую власть. Степан Ус сказал:

— Ничего, скоро свою, донскую власть установим...

Разошлись поздно. Мать постелила сыну под божницей. Лег Иван и как провалился — отвык от перины.

Ночью сон увидел, будто сестра милосердия рану перевязывает. Застонал, пробудился.

Мать при каганце ставила тесто. Увидела, что сын не спит, промолвила ласково:

— Спи, Ванюша, отдыхай.

Давно такого не слышал Иван. Так могла говорить только мать.

Утром вышел на баз. Вывел Воронка и Чалого, почистил, на водопой сводил. Вскоре Захар Миронович появился.

— Вот, сын, ждал, когда вместе хозяйство поднимать будем. Слава тебе, Господи, дождался.

* * *

Перемешалось все на Дону: то красногвардейцы за казаками гоняются, то казаки за красными, а то и сами казаки меж собой сойдутся в кровавой разборке.

Из Ростова по станицам отправился агитировать за советскую власть отряд Подтелкова и Кривошлыкова. Пока по Донецкой области ехали, встречали по-доброму, слушали, что Подтелков либо Кривошлыков рассказывали, на постой принимали охотно. Но стоило границу Войска Донского переехать, как отряд встречали глухим молчанием. Не слишком доверяли станичники большевистской агитации: памятливы были продовольственные отряды, отбиравшие зерно. Не по пути казакам с Советами.

В хутор Калашников вступили ночью. Разошлись по хатам, выставили дозорных. Кривошлыков Подтелкову пожаловался:

— Подустали наши, в дозор идти не желают.

— Ничего, воротимся, судом товарищеским с нами разберемся.

— А ты, Федор, не обратил внимания: за нами след в след казачки едут, частенько съезжаются, о чем-то совет держат.

— Видать, мы им ежа за шкуру запустили...

Утро выдалось хмурое, недоброе. Из дозорных один прибежал:

— Там казаки в кучу сбились, пулеметы готовят. Требуют на переговоры явиться.

— Надобно, Федор, отряд поднимать, занимать оборону, — сказал Кривошлыков.

— Там их много. Может, договоримся...

А с бугра в хутор уже направлялись сотни две казаков и с ними подъесаул Спиридонов, бывший сослуживец Подтелкова.

— Ну что, односум, встреча, кажись, нежеланная? Вы никак на Пасху собрались, так оружие вам к чему?.. Отходи в сторону, складывай сабли, винтовки. Миром порешим, какая нам власть нужна.

От хутора метнулся красноармеец-пулеметчик с замком от пулемета. За ним кинулось несколько казаков, догнали, зарубили.

Подъесаул усмехнулся:

— Недалеко улег.

Подтелковцев толпа местных казаков окружила, с кольями, вилами. Избивать принялись.

Красноармейцы закричали:

— Что же вы над безоружными издеваетесь? Коли казнить вздумали — казните.

Согнали всех пленных в сарай, замок навесили и караул выставили. А в соседней хате военно-полевой суд собрали, стариков позвали. Все приняли участие в суде над подтелковцами, и у всех одно мнение — расстрелять изменников Дона. А что касается главарей, Подтелкова с Кривошлыковым, то этих в назидание потомкам повесить.

После суда составили список приговоренных поименно. Наутро свершили казнь. Последними повесили Подтелкова и Кривошлыкова.

* * *

Краснов открыл окно веранды, и первый запах сирени потянулся по дому. Дон, тихий Дон, как называл его еще покойный дед Краснова, распался, развалился. Вернее, разделился на сочувствующих большевикам и их противников.

И пошли казаки стенка на стенку. Хоперцы и большая часть усть-медведицких были за красногвардейцев, а жители Низа, славившегося своими рыбными угодьями, виноградниками, лучшими урожайными землями, стояли за старое.

Краснов знал, что рано или поздно так произойдет. Не поступятся казаки своими привилегиями, будут отстаивать их, и польется кровь. Так все и случилось.

Доходили до генерала известия о смерти Каледина, о судьбе атамана Назарова, но он старался уйти от всего. Смута есть смута, и ее пережить надо. Потом пошел слух: Добровольческая армия под Екатеринодаром наткнулась на упорное сопротивление превосходящих сил красных. Генерал Корнилов погиб. Добармия отходит обратно на Дон. Ведут ее Алексеев и Деникин.

В Новочеркасске красные поняли, что справиться с подхитившей армией они не в силах. Ко всему из станицы Заплавской, где расположилась армия повстанцев генерала Полякова, лодками и баркасами началась переправа через Дон. Казаки высаживались на берегу и шли к Новочеркаску.

В городе ждали подмоги из Ростова. Из штаба красногвардейцев слышались обещания, но и только.

В помощь новочеркасцам вышел бронепоезд, но вскоре наткнулся на разобранный путь. Пока его чинили, впереди снова взорвали рельсы...

А повстанцы уже ворвались в предместье города. Вскоре к Новочеркаску подоспело еще несколько сотен низовских казаков. В конной атаке они заняли город. И вот уже торжественно и величаво зазвонили колокола войскового собора.

Красногвардейцы отходили из Новочеркасска без паники, отстреливаясь. Краснов понимал: организованный отход был их единственным спасением. Но он не представлял, как они смогут пробиться через мятежные станицы.

Еще генерал знал: Гражданская война на Дону далеко не закончилась. Казакам придется отбиваться от революционных войск.

* * *

Краснов был сыт войной по горло. Хотелось тихой мирной жизни. И он ее обрел здесь, в Константиновской.

Рано утром Петр Николаевич садился к письменному столу. Но прожитые бурные дни, месяцы и годы не давали покоя.

Закроет генерал глаза, а перед ним конная атака, разрывы снарядов, умирающие люди.

Ему хотелось проснуться юнкером Павловского корпуса, увидеть знакомых профессоров, послушать их лекции... Начать жизнь заново.

Но жизнь надо было вести ту, которая состоялась.

Многое в ней его разочаровало. Бывшие товарищи стали пресмыкаться перед новой властью. Другие не приняли ее и теперь с оружием в руках гибнут, как и подобает солдатам. Но он, Краснов, навоевался достаточно. Сегодня ему хочется прожить оставшуюся жизнь тихо и спокойно здесь, в станице Константиновской.

* * *

Петр Николаевич начинал утро с легкой зарядки, после чего наступало время завтрака. Он съедал яйцо всмятку, кусок хлеба с маслом и за чаем просматривал газеты. Местные отбрасывал, в них кроме брани в адрес Советов или похвалыбы ничего не было, а вот московские прочитывал. Особенно то, что касалось переговоров России с Германией в Брест-Литовске.

Переговоры затягивались. Видно, Ленин и его делегация рассчитывали, что Германия умерит свой аппетит.

Но не таковы немцы, думал Краснов. Чем дольше тянется процесс подписания мирного договора, тем глубже продвигается германская армия.

Германия ставит перед Россией кабальные условия. Прибалтика и Белоруссия отошли к ней, на Украине националисты провозгласили самостоятельную Раду и тоже послали в Брест-Литовск свою делегацию. Рада игнорирует Советы и уже подписала свой договор с Германией.

Что касается Советской России, то она полностью зависит от Германии. Краснов верил, что Ленин и его партия жили на германские деньги. Германия подкупила их, когда Ленин провозгласил поражение своего правительства в империалистической войне. Он был убежден, что Советская Россия вынуждена будет подписать такой договор, какой выгоден Германии...

Из Москвы вернулся отец Алексея Любимова урядник Михаил Алексеевич. Он рассказал генералу, на каких условиях Рада подписала договор с Германией. Первое, что поразило Краснова, — это полная оккупация немецкой армией Украины. Второе — размер контрибуции.

— Лидочка, ты только послушай, что рассказывает Михаил Алексеевич. Твой фатерланд начисто обобрал Украину: Германия вывезет 60 миллионов пудов зерна, 3 миллиона пудов живого веса рогатого скота и 400 тысяч штук яиц. А от России немцы требуют флот, территорию и неизвестно еще что... Пусть плохой была власть царя, но до такого позора не доходило. Да и воли такой хохлы себе не позволяли со времен Богдана Хмельницкого...

А затем украинские националисты, опираясь на германские штыки, собрались на свой «съезд хлеборобов» и избрали гетманом Украинской державы Павла Петровича Скоропадского.

Краснов немного знал Скоропадского, когда тот пребывал в звании генерал-лейтенанта русской армии. Слышал, что в октябре семнадцатого года на

съезде «вольного казачества» в Чигирине Скоропадский был назначен главой военных формирований Центральной рады.

Какой из него глава украинского правительства, Краснов не мог себе представить. Но помогать немцам выкачивать сельхозпродукты и вывозить их в Германию Скоропадский был способен...

— Пропала Россия, пропала, — с горечью проговорил старый Любимов.

— Нет, Михаил Алексеевич, ошибаетесь. Россия переживала и более трудные дни своей истории: Смуту времен перехода от Рюриковичей к Романовым. Вернется она к былому могуществу, дайте срок. Я думаю, восстановление России начнется с казачества.

***

Неровный выдался в том году апрель на Дону. Днем вовсю пригревало солнце, почки лопались, а ночами морозило. Лед на Дону сошел, и плавненские казаки забрасывали сети, помногу брали тарани и судака, рыба и шемаи.

В апрельские дни в Новочеркасске собралось общее собрание войскового правительства. На нем в подавляющем большинстве присутствовали представители от воинских частей, изгнавших из своих станиц красные отряды.

На собрании казаки долго обсуждали вопрос, как относиться к самостоятельности Украины и к германцам, какие хозяйничают на украинской земле. Спорили до хрипоты. Казаки не хотели признавать немцев, но волею судьбы те уже были на Украине и Рада их поддерживала. Да и сами казаки признавали, что не будь германской угрозы, давно бы красные войска пришли в донские станицы.

После долгого обсуждения было решено Украинскую державу пока не признавать, а командировать в

Киев посольство, чтобы выяснить отношение Украины к Дону.

А еще собрание приняло решение избрать хозяина донской земли атамана Войска Донского.

***

Минул месяц, как воротился Иван Шандыба домой в родной курень. Помотало его по жизни, покружило, покалечило. К большевикам попал, вроде бы к ним стал прибиваться, да Дон властно позвал к себе...

В домашних заботах отдыхал, в дела по хозяйству втягивался: борону починил, в кузницу съездил, плуг свез, лемех отковал. После плетень поднял, колья подправил, за ворота принялся, перевесил.

На Варьку, жену Уса, старался внимания не обращать. Видел: красавица стала. Однако помнил — на чужой каравай...

Но однажды судьба свела его с Варькой. Случилось это утром. Иван на почту ходил, а Варька от заутрени возвращалась. Столкнулись, поздоровались. Шандыба спросил:

— Как живешь, Варвара?

Та на вопрос не ответила, сама спросила:

— Тебя, сказывают, германская пуля не миновала?

— Германская или иная какая, а настигла... А ты еще красивше стала.

— Только вот жалко, не для тебя.

Неожиданным был ответ. Смutilся Шандыба.

— Как ты живешь со Степаном? — спросил и пожалел об этом.

Подняла она глаза, а в них слезы...

С той поры Варька перед очами стояла и думы только о ней. Захар Миронович все примечал, не раз говаривал:

— Оженить бы тебя надобно, сын.

А у Ивана ответ один:

— Рано еще, батя, погодим.

От матери, сказавшей как-то, что хорошо бы невестку в дом ввести, отмахнулся.

— Управляйся пока одна, мать.

Иногда Ивана, чего греха таить, дума черная посещала: прибрал бы Господь Степку, развязал Варьке руки...

Отныне Иван Степку избегал, в хуторское правление не ходил.

А судьба снова свела с Варькой. Запрягал как-то Иван Воронка с Чалым, на базар собрался купить отцу кожи на сапоги, а матери спичек да соли.

От калитки Варька окликнула:

— Ты на базар?

Иван кивнул.

— Подвези меня, керосину купить надо.

Екнуло у Ивана сердце, однако вида не подал.

Кони взяли в легкую рысь, телегу мотало из стороны в сторону. Всю дорогу молчал Иван, молчала и Варька. А на обратном пути ее прорвало:

— Не могу я так жить, Ваня. От Степки одни побои и матерщина, чувствует: не люблю я его... Свекровь на каждом шагу шпыняет, все ей не так. Ваня, давай убежим. Мир большой: укроемся. Неужели не сыщем мы нашего счастья?

Осмелел Иван, Варьку приобнял, а у самого слезы навернулись:

— Куда же мы, милая, убежим? В Россию — так она вон как вздыбилась, мечется, ровно баба беременная. Радость ты моя, потерпи, может, нас еще лучшая доля ждет. Погоди маленько.

Телега у ворот остановилась. Варька больше слова не промолвила, бутылку схватила и к своей калитке подалась...

* * *

По станицам и хуторам рыскали казачьи отряды. Очищалась донская земля от красных. Только хопер-

ны да часть усть-медведевцев последовала за большевиками.

— Это же надо, — ворчали старики, — на агитацию краснозрых поддались.

— Воротятся, куда им деваться. На станичном сходке штаны спустим, высечем. Повинятся Дону-батюшке. Не таким рога обламывали.

Топчут конские копыта донскую степь, гуляют по раздолью конники. Свистят пули, блистают сабли. Наскочат красные на казаков, какие против большевиков, не падят, рубят, как, бывало, председатель ревкома Подтелков рубил офицеров. Налетят станичники, никого не милуют. Красные флаги на станичных и хуторских правлениях собьют, старую казачью власть восстановят. Старики кивают:

— Не быть православному Дону большевистским, не владеть землей нашей антихристам...

* * *

Под Екатеринодаром Добровольческая армия оказалась изрядно потрепанной, потеряла генерала Корнилова и вынуждена была отходить.

На посту командующих этой армией оказались опытные военные организаторы, генералы Деникин и Алексеев.

Они приняли решение: вопреки предложению уходить в горы, возвращаться на Дон.

Собрав старших офицеров на совет, Деникин произнес следующую речь:

— Уйти в горы мы не сможем. Мы не получили поддержки ни горцев, ни ставропольских мужиков. На Кубани мы увидели полуанархическую силу армии большевиков, которой командовали Автономов и Сорокин. А господа кубанские казаки нас не слишком поддержали. ... Мы возвращаемся на Дон, и в этом есть своя необходимость. На Ростов насаждают немцы и гайдамаки. Пролетариат Ростова и казачество их не

сдержат. Мы им поможем. С другой стороны, Африкан Петрович, — Деникин посмотрел на генерала Богаевского, — вы знаете, сейчас Дон стоит перед необходимостью избрать на Круге нового атамана, и нам бы хотелось в его лице видеть вас, генерала, хлебнувшего с нами лиха. В вашем лице Дон получит мудрого атамана, а мы — надежного союзника. В соединении с донскими казаками Добровольческая армия обретет ту силу, которую мы двинем со временем на Москву.

Все молчали, и только Кутепов заметил:

— Если атаман Войска Донского проведет мобилизацию, уверен: мы восстановим Российское государство.

Генерал Алексеев надрывно закаплялся. Все сочувственно смотрели на него, знали: Михаил Васильевич безнадежно болен.

Алексеев вытер слезящиеся глаза и сказал:

— Мы имеем точные данные: с румынского фронта идет к нам генерал Дроздовский. Его полк полностью поддерживает наши позиции.

— А каким путем мы двинемся на Дон? — спросил Марков.

Деникин карандашом указал маршрут:

— Прорвемся через Мечетинскую. Здесь мы меньше всего встретим сопротивление. К тому же нас поддержит генерал Попов.

Кутепов усмехнулся:

— Это тот партизан, который в Зимовниках отсиживался? Ну и что он там высидел?

Генерал Лукомский, в свое время предлагавший и Корнилову отсидеться в Зимовниках, поморщился:

— Сегодня, господа, мы не должны гнущаться никакой поддержкой. Тем более у генерала Попова свежие силы. А я, если помните, отговаривал Лавра Георгиевича от Кубанского похода. Я предупредил, что нам дважды предстоит переходить железную дорогу у Кагальницкой и у Сосыки.

— Господа, — вмешался Деникин, — давайте обсудим предстоящий путь.

* * *

Из Константиновской Краснов имел возможность спокойно анализировать сложившуюся в последнее время обстановку и на Дону, и в России.

Приезд генерала Алексеева в Новочеркасск, начало формирования им Добровольческой армии заинтересовало Краснова. Казалось, Добровольческая армия должна была бы численно возрастать, особенно с появлением Корнилова и других опытных генералов, но этого не случилось.

Значит, атаман Каледин был не слишком заинтересован в создании такой армии. Армия росла незначительно за счет бежавших на Дон офицеров и юнкеров. Многие же предпочитали отсиживаться, выжидали. Все устали от войны.

Каледин не провел мобилизацию казачества, да он и не хотел этого. Боялся потерять власть над Доном. И сам в конце концов погиб. На Дон наступали красногвардейцы и рабочие отряды Ростова, немцы и гайдамаки.

Достав случайно сохранившуюся карту юга России, Краснов проследил путь Добровольческой армии. Он высоко ценил Корнилова и в том, что генерал избрал поход на Кубань, полностью с ним согласился. Корнилов прекрасно понял, что надежды на донских казаков мало и добром их не поднимешь, необходима мобилизация.

Краснов мог представить, каким трудным был корниловский поход. Непогода и малочисленность армии и полное отсутствие тыловых служб... Он не понимал одного: ведь Корнилов должен был представлять, с какой огромной армией красногвардейцев придется столкнуться добровольцам. А добровольцы совсем не имели резервов. Воевать, не имея резервов, — безумство.

Теперь Добровольческая армия возвращается на Дон. Какие же у нее дальнейшие планы? В первую очередь, думал Краснов, Деникин попытается остано-

вить наступление немцев и гайдамаков. Заручится поддержкой ростовского пролетариата и тех офицеров, которые укрываются на Дону. А казаки? Казаки дальше своих куреней не пойдут. Преданность престолу исчезла у них с падением самодержавия.

В те годы, когда сам Краснов начинал военную службу в Атаманском полку, казаки служили не за страх, а за совесть. Для них царь был богом: он наделил их землей, дал особенные права на Дону, право чувствовать себя людьми высшей категории. Но это враз рухнуло. Теперь новая власть грозит казакам потерей земельных паев, уравнием их в правах с иногородними...

Да, пожалуй, страх потерять землю и сравняться с пришлыми — вот на чем может сыграть новый атаман Войска Донского. Но кого изберет Круг?

Петр Николаевич перебрал тех, кого можно было бы назвать войсковым атаманом. И как ни напрягал память, не находил достойной кандидатуры. Разве что Богаевский? Он служил с Калединым, ушел с Корниловым в Добровольческую армию... Да, пожалуй, одна из наиболее вероятных кандидатур — генерал Богаевский...

Глава 22

Спустя несколько дней вечером Петр Николаевич, сев за письменный стол, аккуратно вывел на обложке толстой тетради название будущего романа: «Цареубийцы». Об этом романе, о его главных действующих лицах он думал давно. Думал о том, почему царь Александр Второй, царь-Освободитель, стал предметом бешеной травли всех этих народовольцев? Этот император хотел влить в старый бурдюк новое вино; ликвидировал позор русской действительности — крепостное право; пересмотрел судебное право и придал ему современный вид — суд присяжных, наконец по-

ставил земское дело на пользу России. А царя-Освободителя травлили как волка и таки убили...

Кто они, эти убийцы? Об этом Краснов думал даже тогда, когда отводил дивизии из окопов в тыл, когда наступал на Петроград в Царском и в Пулкове, когда сидел под арестом в Смольном...

И вот теперь пришел тот час, когда можно спокойно взяться за перо.

Но какой роман быстрее «созреет» — «Цареубийцы» или «От двуглавого орла к красному знамени»? Этого Краснов пока и сам не знал.

* * *

Немцы заняли Ростов, и их битюги, впряженные в высокие подводы с ручными тормозами, топали по привокзальной площади.

Резкие, отрывистые команды разносились по улицам рабочего Темерника, слышались на станции и в пристанционных переулках.

На немцев косились, а над украинскими сичевиками явно издевались. Одетые в нелепые голубые свитки, такие же шаровары, заправленные в сапоги с напуском, и голубые шутовские колпаки, они были предметом ядовитых насмешек ростовчан. Приговаривали:

— Эко вырядились хохлацкие морды, прямо пугала огородные.

На станцию свозили зерно в мешках, грузили в вагоны. Под охраной солдат в серо-зеленых мундирах эшелоны следовали до станции Донецк, где к ним цепляли платформы с антрацитом, и поезда уходили в Германию.

Ночами немцы выставляли на вокзале и на станции усиленные караулы, по улицам прохаживались, стуча коваными сапогами, патрули.

Но однажды среди немцев и украинских националистов поднялась небывалая суета. Было ясно: ожида-

ется наступление на город. И действительно, на рассвете началась стрельба, раздались крики «Ура!», и в город ворвались казаки Дроздовского полка, подошедшего с румынского фронта.

Казаки заняли Ростов, но ненадолго. Свежие отряды немцев выбили их из города. И только на второй день, когда полк дроздовцев подошел к Ростову, а со стороны Новочеркасска подступили заплавские казаки генерала Полякова, Ростов полностью очистили от пришельцев.

* * *

Дон волновался, не утихал. Бои вспыхивали то в одном месте, то в другом.

В Мечетинскую вошла Добровольческая армия генерала Деникина. Здесь армию постигло большое горе: умер прославленный командир полка генерал Марков. Здесь, в станице Мечетинской его и похоронили.

Двигаясь на Ростов, Деникин внимательно следил за разворачивающимися событиями. По пути добровольцев встречали приветливо: давали приют, снабжали фуражом и довольствием, меняли лошадей.

Из Ростова Деникин получил важное и приятное известие: Дроздовский полк овладел городом. Далее сообщалось, что генерал Дроздовский ждет генерала Деникина и его армию, чтобы влиться в ее состав.

Было еще одно не менее приятное сообщение: из сальских степей в сторону Ростова и Новочеркасска двинулся партизанский отряд Попова.

Начались массовые выступления казаков на Донце, в Хоперском округе и ряде других станиц и хуторов. Это было следствием грабительской политики появившихся здесь новых продотрядов.

В станицу Константиновскую приехал хорунжий Алексей Любимов. Он рассказал Краснову о всех новостях, но, к удивлению Любимова, генерал встретил его сообщения равнодушно. Когда же хорунжий упо-

мянул о восстаниях в станицах и хуторах и что такое восстание готовят казаки в самой Константиновской, Краснов стукнул кулаком по столу и резко сказал:

— Я с этой сволочью, которая меня в Пулкове предала, от суда солдатского не защитила, за Советами потянулась, дела иметь не желаю.

После чего генерал заперся и никого не принимал, даже посланца генерала Попова, командированного с Зимовников.

* * *

Ночь. Краснову не спалось. Звезды высокие, крупные виднелись в окне. Бледным полукружьем светила луна. Генерал лежал с открытыми глазами, слушал, как малым дитем плачет сыч. Хотелось достать наган, выпустить из барабана всю обойму в проклятую птицу.

— Петя, — вдруг заговорила жена, — давай уедем с этого проклятого Дона. Страшно мне здесь.

Краснов промолчал.

Лидия Федоровна снова заговорила:

— Уедем в Аджарию, в Батум, к брату твоему. Может, там покой обретем.

— Вся жизнь перевернулась, Лида. Всю Россию переломало. Видно, век для нее такой настал. Вся надежда на Германию, на родину твою. Я ведь, Лидочка, Бога молю: «Не введи нас во искушение...» Германия Россию одолела, Беларусь под себя подгрестила, Прибалтику, Украину вотчиной своей сделала. А все почему? Дисциплиной и порядком берет. По мне, если придется Россию покинуть, то не в Аджарию, а в Германию. На твою родину, Лидочка. Может, из Германии восстановление России придет.

— А помнишь, Петенька, как славно жизнь наша начиналась? Служба твоя, ордена, чины...

— Не об этом надо вспоминать сегодня, то все в прошлом. О другом думаю: почему народ наш русский так легко обманулся, идеями бредовыми заразился? Будто

дитю малому погремушку дали, он и рад. Мужикую землю пообещали, он винтовку за плечо и домой, в деревню; рабочему сказали: гони заводчика и инженера в шею, в твоих руках завод. Он и давай командовать, проволоку руками гнуть. Бабу-кухарку за стол усадили, она и решила, что государством может управлять... А снять бы штаны, юбки задрать да всыпать им от всех щедрот, вогнать ума через задние ворота... Да поздно уже, государство развалилось, развалилась армия... Вся держава с недоузтков сорвалась...

Генерал замолчал. Лидия Федоровна согласно кивнула.

— Хорошо, Петя, повременим маленько, да может, и подадимся в края моих предков.

Краснов долго молчал. Наконец сказал:

— Я вот тут всех генералов из донских казаков перебрал, и получается, что почти никто в войсковые атаманы не годится... Так что Лида, об отъезде, может, говорить еще рано...

***

Под гром литавр, под звуки музыки мимо дома купца Парамонова, где прежде находился штаб генерала Корнилова, проходила строем вернувшаяся Добровольческая армия.

Под радостные возгласы толпы, стоявшей на обочине, забрасываемые цветами чеканили шаг прославленные корниловцы, марковцы, нежинцы, дроздовцы, цокая копытами по ростовской мостовой, прошла на рысях конница Эрдели, протарахтели упряжки батарей.

С тачанки приветствовал полки Антон Иванович Деникин, усталый, чуть обрюзгший. Редкие слезинки выдавали его волнение. Поблизости стояли генералы Кутепов, Дроздовский и другие командиры. Чуть поодаль, не стыдясь слез, плакал тучный и болезненный генерал Алексеев. Он, создатель этой армии, знал в лицо и пофамильно каждого офицера и юнкера.

Но вот прошла Добровольческая армия, на стыке Ростова и Нахичевани построилась в каре. Священники отслужили благодарственный молебен, генерал Деникин произнес речь, поблагодарив всех за совершенные подвиги, сказал, что Россия ничего не забудет. После чего все были отпущены в увольнение, а Деникин пригласил ближайших сподвижников к себе на обед.

***

Генерал Поляков от своего имени и от имени начальника штаба полковника Денисова дал телефонограмму генералу Деникину. В ней выражалась просьба не направлять части Добровольческой армии в казачью столицу Новочеркасск. Поддержание порядка в ней возлагалось на самих казаков.

Прочитал Деникин телефонограмму, хмыкнул:

— Поляков забыл опыт Каледина: когда казаки не справлялись, они обращались к генералу Алексееву. Ну да бог с ними...

Провожая гостей, Деникин попросил Алексеева держаться.

— Михаил Васильевич, мы хоть и привели добровольцев в Ростов и слова им красивые говорили, но хочу сказать то, что вы и сами без меня знаете. Армия наша сейчас без денег. Нам надо добиться от ростовских банкиров финансирования. Получить хотя бы кредит. Армия без средств на одном энтузиазме долго не продержится.

— Вы правы, Антон Иванович. Этим вопросом я займусь немедленно. Буду просить наших банкиров, обращусь к английским и французским.

Алексеев рассмеялся:

— А помните, Антон Иванович, когда мы двигались на Кубань, в моем тарантасе лежал чемодан и в нем вся наша армейская казна в шесть миллионов рублей?

— Тогда, любезный Михаил Васильевич, меня везли в последней повозке в конце обоза с тяжелейшим приступом.

— Да и я себя не лучше чувствовал. Проклятая уремья одолевала...

Попрощались у входной двери. Адъютант Деникина помог Алексееву надеть шинель.

— Спокойной ночи, Михаил Васильевич. Дай нам Бог удачи в задуманном.

* * *

В Пулково Краснов обещал казакам, что возвратит их домой. И свое слово сдержал. Он осаждал начальников станций, давил своим авторитетом на военных комендантов, уговаривал членов правительства, пока не добился составов. В первом эшелоне отправились донцы, во втором — уссурийцы.

Оказавшись в станице Константиновской, Краснов жил здесь под фамилией жены — Гринеizen. Однако казаки знали, кто скрывается под этим именем. Как Краснов ни хотел, но скрыться ему не удалось.

Про Петра Николаевича вспомнили, когда пошла речь об избрании атамана Войска Донского.

В Ставке генерала Деникина упорно говорили, что Антон Иванович хотел бы видеть на этом большом посту командира казачьей дивизии Африкана Петровича Богаевского, брата деникинского генерала Митрофана Богаевского. Деникин считал, что Богаевский сможет призвать донское казачество под знамена Добровольческой армии. Узнав, что избрания Африкана Богаевского не хочет глава Временного донского правительства Янов, генерал рассердился:

— Этот демагог хочет иметь атаманом человека, который будет плясать под его дудку.

На казачьем совете отрицательно говорили и о генерале Попове: человек нерешительный, генерал не боевой, дальше начальника училища не продвинулся. Генерала Полякова отвергли по тем же причинам, что и Попова.

Тогда было принято решение вызвать на Совет полковника Денисова. Он и казак боевой, и фронта изведать вдалеке. Хорошо бы послушать его слово...

По станицам поскакали нарочные с уведомлением: посылать на Большой Круг казачьих делегатов для избрания атамана Войска Донского. На 28 апреля 1918 года в Новочеркасске назначили сбор членов Временного донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей.

* * *

Сход в Вешках прошел мирно, без криков и ругани. Съехались все больше старики да служивые казаки, которые пороха вдалеке нанюхались. У этих настрой был решительный:

— Нам такой атаман надобен, какой бы на войну не посылал, а хозяином Дону был.

— Иного не хотим.

От хуторских делегатами на Большой Круг избрали Сергея Минаевича и Захара Мироновича.

Старики выехали по апрельской грязи. В бричку впрягли тройку: двух коней усовских и Чалого шандыбинского. На бричку подмостили сена, в торбы насыпали овса для коней, а для себя всего, чем богаты: сало, рыба вяленая да несколько грудок сахара.

Весна выдалась студеная, особенно по утрам, до солнца. Старики все больше в бричке на сене отлеживались, чтоб холод меньше доставал. Разговор вели о делах на Дону, о власти, которую предстояло выбрать, о германце, что под Ростовом и в Новочеркасске стал, а в Миллерово как в доме своем хозяйничает.

В Новочеркасск дорога через Миллерово пролежала. Ехали — опасались: ну как германец на коней посягнет, либо еще чего выкинет?

На станции заночевали у знакомых. Вечером хозяйка чаю согрела, старики поели и снова в бричку улеглись. Попонкой прикрылись, все теплей, да и пона-

дежней, никто коней не уведет. Сергей Минаевич в очередной раз спросил:

— Кого же, кум, в атаманы изберем?

— Да уж не дурака. Наш Дон головастыми всегда славился. Возьми покойного Каледина: генерал был казак толковый.

— Нам бы такого, как Платов, герой. Сколь о нем баек ходило!

— Да уж где таких сейчас найдешь...

Утром, заложив коней, выбрались из Миллерово. За всю дорогу только одного верхового немца и повстречали.

В Новочеркасске делегатов расселили в общежитии. С утра и допоздна по комнатам бродили какие-то личности. Уговаривали: то одного называли в кандидаты, то другого.

В общежитии пахло соленой рыбой, луком, чесноком, перегаром. Агитаторы нашептывали:

— Хотите толкового атамана иметь — голосуйте за Африкана Богаевского.

— Нашли дураков, Африкан с Деникиным не разлей вода. Нам Полякова подай.

— Да ваш Поляков в Заплавской яйца высиживал...

— Сказывают, полковник Денисов генерала Краснова уломал. Вот это генерал так генерал!

— Поглядим!

— Это тот Краснов, что нас в окопы загонял? На колючку посылал?

— Хотя бы и он. Тебя, мигулинский, не то что на колючку — голым задом на ежика сажать надо, чтобы честь казачью не срамил. Чуть не продали Дон большевикам...

Расселись в прокуренном зале судебных установлений. Захару Мироновичу и Сергею Минаевичу места чуть не в самом конце достались. Однако слышимость хорошая. Казаки-делегаты в мозолистые ладони захлопали, закричали:

— Генерала Краснова просим!

— Просим, просим!

... Ох как упрямылся Петр Николаевич, когда к нему в Константиновскую полковник Денисов приехал. Тот просил, уговаривал, к чести мундира взывал, о Доне, о казачестве, которое тот воспевал, напомнил. Лидия Федоровна поддержала... Уговорили, в общем...

Едва Краснов поднялся на сцену, блистая золотом погоном, орденов и медалей, зал взорвался овацией.

— Вот это генерал настоящий, — в ухо Захару Мироновичу прокричал Сергей Минаевич.

— Аж дух захватило, — в ответ прохрипел Захар Миронович. — Кубыть не знал кто, помыслил бы — самого царя-батюшку увидел.

— Энтот порядок наведет.

Из передних рядов зашумели:

— Расскажи, Петр Николаевич, про жизнь нашу на Дону.

Зал затих, готовясь слушать.

Краснов заговорил четко, по-военному, будто готовился к выступлению загодя. Он начал с того, что с потерей царя Россия потеряла стержень жизни. Временное правительство оказалось ненадежным и погибло от неумеренной болтовни. Затем появились Ленин и Троцкий со своей партией. Они обманули народ обещаниями и еще больше запутали людей. Политика пряника превратилась в политику кнута. Казаки сами на себе ее испытали. Пришли Советы и продотряды, которые ограбили крестьян и попытались ограбить казака. Жизнь на Дону требует не только военного таланта, но и политической изворотливости...

Зал взорвался рукоплесканиями. Краснов выждал, когда все успокоились:

— Я считаю, что Дон имеет опасного врага: это Добровольческая армия. Хотя она не служит Советам, Добровольческая армия Деникина может расколоть казачество. Другой, не менее опасной силой являются иностранцы, наши союзники. Они обещают помощь, но дальше посулов не идут... Ну и конечно же боль-

шую опасность Дону я вижу от Советов. Боюсь, что часть казаков может поддаться большевикам и потянуться за ними...

— Таким смерть! — закричали из зала.

— Не смерть, — возразил Краснов. — Это заблудившиеся, и им надо разъяснить, что казак есть казак... И еще я считаю, что Дон нуждается в реформах. Что я имею в виду? Бюджет, создание своей армии, взаимоотношения с соседями и конечно же свое донское правительство. Подумайте, кто должен войти в него. Во главе правительства я хотел бы видеть Африкана Петровича Богаевского.

Зал снова зааплодировал.

Бывший глава Временного донского правительства Янов спросил:

— Ваше превосходительство, вы собираетесь изменить какие-то законы Дона?

Краснов откашлялся:

— Собираюсь.

— Какие?

— В первую очередь — флаг, герб и гимн. Вы можете предложить любой флаг, кроме красного; любой герб, кроме еврейской звезды или иного масонского значка, и любой гимн, кроме Интернационала...

Два часа продолжалось выступление Краснова, и два часа зал слушал его. Его ответы стали программой деятельности Круга. Краснов заявил, что казачество должно стать вне всяких партий:

— ...Мы обязаны собрать все силы, дабы восстановить на Дону старину, патриархальные отношения вольных степей. Мы должны возвести в честь участие казачества в освобождении русского народа от большевизма.

Генерал Попов удивлялся:

— Вы имеете в виду поход на Москву?

Краснов понял, что неверный ответ может вызвать недовольство у делегатов и посеять рознь. Он уточнил:

— Нет, я имею в виду выход на рубежи Царицын—Поворино—Лиски. Ведь это исконно казачьи земли.

И еще: все антисоветские силы надо рассматривать как наших союзников.

— А как же быть с Деникиным?

— Антон Иванович и Добровольческая армия, естественно, союзники, но мы против раскола в казачестве.

— А германцы?

— В данный момент это антибольшевистская сила, и значит, они тоже союзники. С немцами войны быть не может, но казачество — свободно.

Налив из графина воды, Краснов выпил. Кто-то съерничал:

— Донская вода самая сладкая.

Краснов отставил стакан, вытер усы.

— Сладкая, но мы должны смотреть, чтобы она не стала горькая. Мы должны помнить, что восстановленная Россия обязана восстановить казачество во всех правах. Большая самостоятельность Дона в будущем в автономии: из этого надо исходить. И атаман Войска Донского будет непосредственно подчиняться лицу, возглавляющему центральную власть, ибо донцы не самостийники...

Захар Миронович толкнул соседа в бок:

— Что еще за «автономия»?

— Значит, царю али еще кому, кто у власти станет, подчиняться.

— Тогда иное дело...

— Я бы хотел, чтобы Донское правительство возглавил крепкий казак, уважающий Дон. Я уже высказывался об Африкане Петровиче Богаевском. А о составе правительства подумайте, господа делегаты, сами. Большие дела стоят перед Кругом, гарантом же воплощения в жизнь его идей, я думаю, должна быть постоянная казачья армия. Надеюсь, вы меня поддержите, если во главе ее станет полковник Святослав Варламович Денисов, достойный носить звание казачьего генерала. Мы с ним воевали во 2-й Сводной казачьей дивизии, а вы его знаете как штабного работника в повстанческой армии.

Председательствующий на Круге Африкан Богаевский поднялся:

— Мы избираем атамана на время до Большого Войскового Круга, когда весь Дон будет освобожден от большевиков и весь донской люд примет участие в выборах... А пока, ваше превосходительство, поскольку вы становитесь атаманом, то просим принять атаманский пернач.

Краснов низко поклонился.

— Господа делегаты, атаманский пернач я смогу принять, если Круг примет заранее подготовленные мною законы.

— Говори, ты наш войсковой атаман. И если мы с законами согласимся, быть по сему, — раздались голоса.

Краснов громко начал:

— Главное — это закон об атаманской власти.

— Против такого не перечим, — хором прокричал Круг.

— Атаман утверждает законы.

— И это так, — согласились делегаты.

— Атаман назначает министров правительства, становится высшим руководителем всех внешних сношений, верховным вождем Донской армии...

— Правь по разуму, — поддержал зал. — Власть должна быть в надежных руках. Будь полноправным правителем Дона.

— Первейшим законом нашим будет закон о вере. Хотя иноверцы пользуются правом свободного отправления их веры и богослужения, первенствующей верой на Дону считается православие.

— Вера дедов наших и отцов. Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Аминь...

— Все права и обязанности Дона подтверждаем...

16 мая 1918 года Краснов был избран атаманом Войска Донского. В заключение он объявил:

— Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое Войско Донское укрепляется на твердых основах Свода законов Российской империи, за

исключением тех статей, которые настоящими основными законами отменяются.

Отменялись же все законы Временного правительства и все декреты Совета народных комиссаров. Армия возвращалась к уставам, изданным до 23 февраля 1917 года. В законах оговаривалось создание нового правительства «Совета управляющих», создание отдела финансов и войскового суда. Предлагались донские флаг, герб и гимн. Флаг: три продольные полосы синего, желтого и алого цветов, символизирующие три народности, издревле живущие на донской земле: казаков, калмыков и русских. Герб изображал нагого казака в папахе, при пашке, ружье и амуниции, сидящего верхом на бочке. Гимном становилась казачья песня: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...»

— Вот это по-нашенски, по-казачьи. Не то что «Вставай, проклятьем заклеяменный», — произнес Захар Миронович. — Придумали же — «проклятьем заклеященный», — и сплюнул на пол зала...

А Краснов говорил:

— Вы хозяева земли Донской, я ваш управляющий. Все дело в доверии. Если вы мне доверяете, вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред Войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править Войском не могу.

— Доверяем! — хором ответили делегаты. — Законы принимаем.

На этом Круг свою работу завершил...

Глава 23

Перед тем как разъехаться, делегаты прослушали в войсковом соборе молебен в присутствии именитых гостей: самого атамана и членов правительства. Захар

Миронович с Сергеем Минаевичем выстояли службу у самого выхода из собора.

Сергей Минаевич обиделся:

— У алтаря, вишь ты, нам не по чести стоять.

— Да не обижайся, кум, там места лучшие, а мы кто, хуторяне навозные. Да оно и хорошо, скорей выйдем.

Из Новочеркаска выехали в полдень. Сергей Минаевич фуражку новую купил, с козырьком лаковым, а Захар Миронович уздечку наборную для Воронка.

— Мишке скоро на службу итить, звона на Круге речь вели о войске казацьем.

Ехали по майской степи, уже освободившейся от снега, в первом цвету шелковистой зелени. Кричали перепела, выскакивали из-под колес, убегали испуганно.

Дорога потянулась по-над Доном. Захар Миронович думал: «Озимые уродились добрые, поднимаются, ишшо бы дождичек майский, совсем хорошо было бы...»

— А что, кум, — спросил вдруг Сергей Минаевич, — удачного мы хозяина Дону выбрали?

— Кажись, толкового.

— Под началом его и мой Степка служил и твой Ванька. Правда, чует мое сердце, не всем он ко двору. Особенно новочеркасским енералам.

— Им угодить невоготу, каждый хотел бы в атамамы выбиться, да не у всякого ума хватит.

— Ничего, он им хвосты понакрутит.

— А вот знаешь, кум, — сказал Захар Миронович, — я все думаю, к чему это мы за Расеей тянулись? У нас одна жизнь, у них другая.

— Это верно. Надо бы Дону помене за Расеей плестись, как тому жеребенку за кобылицей.

— Оно так и есть. А вот Африкана Богаевского в председатели правительства — стоит. Он казак правильный, не чета брату его, Митрофану. Тот за Корнилова держался, теперь за Деникина уцепился.

Старики подъехали к Вешенской, когда солнце садилось краем за высокие тополя.

* * *

А что же генерал Краснов? Так ли сильно он придерживался германской ориентации? Атаман Войска Донского в данном случае исходил из конкретной обстановки. Слухи о его тесных связях с немцами стали распускаться сторонниками генерала Деникина, как только стало ясно: Войско Донское не сольется с Добровольческой армией.

В своих выступлениях Краснов утверждал, что спасут Россию не союзники и не немцы, а сами русские. Однако жизнь диктовала свои условия. Немцы хозяйничали на Украине, вели переговоры с советской Россией. Германия способствовала созданию Украинской державы. Да и донское правительство всегда чувствовало поддержку немецких штыков. Дон покупал оружие из украинских арсеналов, которыми ведала Германия. Краснов стремился к тому, чтобы Дон встал на ноги, имел все свое, чтобы вести борьбу с советской властью.

Едва только город Таганрог вошел в состав Войска Донского, как Русско-Балтийский завод начал выпуск оружия, снарядов и патронов. Генерал Краснов гордился тем, что Донская армия одета во все свое, имеет лошадей донской породы и казаки вооружены своим оружием.

Когда Краснов просил у Вильгельма машины для фабрик, он думал со временем освободиться от иностранной зависимости. Но, естественно, те, кто упрекал Краснова в немецкой ориентации, не хотели признавать, что ориентация Деникина на союзников погубила Добровольческую армию.

* * *

Перед заседанием Круга у Петра Николаевича состоялся разговор с тогдашним главой правительства Яновым. Тот проинформировал генерала, что 5 мая

было предложено владельцам крупных предприятий Дона выделить заем в сумме 42 миллиона рублей, однако владельцы заводов и фабрик заем задерживают, хотя и настроены антибольшевистски.

Краснов попросил собрать предпринимателей на заседание временного правительства Дона и спросил каждого, какую власть они хотят иметь. Ответ был один: только не большевиков.

— Вы считаете себя врагами большевизма, я тоже хочу видеть Дон свободным от Советов. Поэтому прошу вас выделить нужные кредиты в двухдневный срок.

После избрания Краснова атаманом Войска Донского он сказал председателю правительства генералу Африкану Богаевскому:

— В дальнейшем за подобные действия мы будем наказывать донских предпринимателей, а особо сопротивляющихся судить вплоть до расстрела. Мы не можем осуществлять мероприятия по управлению Доном, опираясь только на слова. Мы должны быть людьми дела и помнить, что Круг поверил нам...

Разъехались делегаты Круга по своим куреням, по войсковым соединениям, а Краснов остался в Новочеркасске, вступив в управление. Первое, к чему он приступил, — было знакомство с обстановкой на Дону, с теми землями, которые еще находились под влиянием Советов.

Краснов издал указ переизбрать настроенных побольшевистски атаманов, чтобы укрепить власть преданными Кругу казаками.

Вместе с главой правительства Африканом Богаевским он отдал распоряжение станичным атаманам: исходя из наличного состава, начать формирование боевых подразделений полков, сотен, взводов, о проведенных мероприятиях докладывать постоянно атаману Войска Донского.

— Дон должен иметь свою боеспособную армию, далекую от большевистской идеологии, — говорил Краснов.

— Я согласен с вами, Петр Николаевич, — кивал Богаевский, — но не забывайте: на Дону живет много инородного населения и большинство из них против казачьей власти.

Краснов оторвал глаза от карты.

— Я это знаю, Африкан Петрович, но если мы с вами не будем держать в узде эти слои населения, они превратятся в орудие большевиков. Однако я думаю о другом. Антибольшевистское восстание направлено против земельной политики социалистов и действий продотрядов. Казачий гнев, охвативший округа, не выйдет за рамки Дона. Изгнав Советы и их сторонников, казаки останутся на своих границах...

Краснов отложил очки, потер переносицу.

— Но как говаривал великий Наполеон, ввяжемся, а там посмотрим. Сегодня Дон выходит из берегов...

Через неделю Краснов навестил Денисова, расположившегося в штабе походного атамана. Произведенный из полковников в генералы, он встретил Краснова радушно. Денисов как раз просматривал рапорты станичных атаманов, знакомился с делами войсковых соединений.

— Что хорошего скажете, Святослав Варламович? Как движется дело с созданием армии?

— Судя по отчетам, работа, как мне кажется, проводится довольно успешно. Особенно там, где во фронтовых частях сохранился порядок и казаки не разложились под влиянием большевистской агитации.

— Святослав Варламович, вы не забыли, как эта зараза в свое время проникала в души казаков?

— Помню, Петр Николаевич, но помню и другое: как казаки брались за оружие против Советов. Явившись в родные курени, они убедились в сущности земельной политики новой власти.

— Это хорошо, что казаки поднимаются за свои устои. Значит, нет худа без добра. Когда мы соберем сотысячную казачью армию и вы поведете ее на полное очищение Дона, эта армия будет непобедима.

— А вы, Петр Николаевич, еще не получали никаких предложений от Добровольческой армии?

— Нет, — категорично ответил Краснов. — Я считаю, что у Деникина свои цели и свои задачи. У казаков первая — очистить Дон от всякой нечисти, навести порядок у себя в доме. А уж следующая, дальняя задача — перейти границы и обнажить сабли на Москву...

* * *

Пока гетман Скоропадский и украинские националисты находились под влиянием германского духа, а Украина под властью немцев, Краснов мог только мечтать, что донские казаки со временем обнажат сабли на Москву. Немцы держали на Украине трехсоттысячную армию и подумывали о бакинской нефти.

На восточном рубеже германская армия встала на границах Донской области по линии железной дороги Ростов—Миллерово—Чертково. При этом у немцев под контролем находилась часть земель Донской области, угольные районы Донбасса и заводы Таганрога. Немцы ссылались на заявления украинского правительства, что это-де земля не Дона, а Украины...

Отметив на карте спорные районы, Краснов сел за письмо императору Вильгельму.

Накануне они долго разговаривали с Богаевским, выпили не один стакан чая. Лидия Федоровна, переехавшая на жительство в Новочеркасск, угощала по-хозяйски. Генералы чувствовали себя во всех вопросах единомышленниками и соглашались, что с немцами начинать войну нельзя. Хотя, слов нет, действуют они нахально. О какой Украине идет речь, когда немцы расположились в станице Каменской, а их орудия и пулеметы держат саму столицу казачества Новочеркасск под прицелом. Лишь начни казаки боевые действия, огонь обрушится на город.

Краснов понимал, что немцы побаиваются казаков, но доводить дело до войны не решался. Более того, ге-

нерал Краснов потребовал в первом же приказе, «...чтобы все воздержались от каких бы то ни было выходов по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части».

Допив третий стакан крепкого чая, Богаевский сказал:

— То, что вы Петр Николаевич, собрались писать письмо Вильгельму, считаю правильным. Надо поставить все точки над «и». Сегодня они пока грабят Таганрогский и Донецкий округа, а дальше примутся и за остальную донскую территорию. Пишите, Петр Николаевич, и пусть ваше письмо императору будет твердым. Казаки не побоятся с оружием в руках пойти на немцев...

* * *

Краснов написал императору Германии, что на Круге он, генерал Краснов, избран атаманом Войска Донского, что, уважая германский народ, он отдает должное его вооруженным силам, но просит прекратить их вторжение на войсковые земли Дона.

«Мы просим императора Германии соблюдать неприкосновенность наших границ, — писал Петр Николаевич, — заключить с нами торговые отношения. Дон крайне нуждается в вооружении, а в обмен мы обязуемся поставлять в Германию продовольствие...»

Напутствуя делегацию, Краснов говорил:

— Нам необходимо оружие и сохранение неприкосновенности наших границ. И мир с немцами...

Германское правительство ждать ответа не заставило. Немецкое командование заявило, что германцы завоевательных действий не осуществляют и как только убедятся, что на Дону установлен полный порядок, то уйдут. Что касается Таганрогского округа, то немцы ввели в него войска, потому как украинцы заявили: этот район принадлежит Украине. Немецкое командование предложило Донскому правительству

решать этот спорный пограничный вопрос с гетманом Скоропадским.

Относительно отдельных станиц, в частности Каменской, немцы сказали, что их войска находятся здесь для того, чтобы помочь населению избавиться от большевиков...

Получив ответ, Краснов зачитал его членам Донского правительства. На вопрос Богаевского и Денисова, как действовать далее, Краснов ответил:

— Будем немедленно закупать оружие из арсеналов русской армии. Я думаю, мы получим на это согласие Скоропадского.

Вскоре с Украины с бывших российских арсеналов стало поступать на Дон оружие: винтовки, пулеметы, орудия по весьма низким ценам. Этот договор устраивал и генерала Краснова, и Германию.

* * *

Иван Шандыба никак не думал, что придется ему снова идти служить. Считал, что ранение у него серьезное и никакая медицинская комиссия не посчитает его годным для строевой.

Но когда предложили приписать его в обоз, Иван заявил:

— Я три Георгия имею и никогда в обозных не числился.

Врач в комиссии улыбнулся:

— С твоими Георгиями, казак, иного ответа от тебя и не ждал. Не заслужил ты пыль обозную стряхивать.

При распределении направили Шандыбу взводным первой сотни 10-го Донского полка, где сотенным был зачислен хуторской атаман Степка Ус.

Этому полку после надлежащего формирования предстояло служить при штабе походного генерала Денисова.

Захар Миронович расстроился:

— Мыслил, Мишка служить пойдет, а снова твой черед, Иван. По всему, новую уздечку на Воронка тебе

взнуздывать. Ты, Ванька, служи честно, но помни: не нужен нам твой четвертый Георгий, и трех хватит. Нам ты живой нужен.

Шли последние дни, завершалось формирование полка и пополнялись сотни, а полковая батарея получала боезапас. Иван Шандыба знал, что скоро выступать. И так его потянуло к Варьке! Ежедневно думал повидать ее, сказать, что душа болит, но никак не удавалось повстречаться. Как ни выведет коня за ворота, а Степка уже дожидается. Поздороваются и скажут конь о конь.

Но однажды вывел Воронка, а Степка уже ускакал, не стал ждать. Глянул Иван: Варька у своих ворот стоит. Поздоровались. Иван повод на Воронка накинул, смотрит — Варька к нему направилась. Испугался Иван, куда вся решимость подевалась. Ногу в стремя поставил, в сторону глядит. Только и посмел сказать:

— Ты, Варька, помни: одна ты у меня. Буду жив — к тебе вернусь.

И уже в седле сидя, повторил:

— К тебе, только к тебе вернусь. Никого мне боле не надо...

* * *

Автомобиль генерала Деникина проехал, поднимая пыль, по улицам Новочеркаска, миновал большой войсковой собор и остановился у подъезда атаманского особняка.

Сопровождающий Деникина конный конвой из гвардейских офицеров осадил лошадей, адъютант выскочил из машины, помог генералу выйти.

Перекрестившись на собор, Деникин не торопясь начал подниматься по ступенькам.

В последние годы генерал чувствовал, что начал полнеть, появилась одышка. Шел медленно. Казаки, несшие охрану дворца, вытянулись. Навстречу Деникину заторопился красновский адъютант в аксельбантах на мундире, в хромовых, сияющих лаком сапогах.

Позванивая шпорами, приветствовал командующего Добровольческой армии.

Уже извещенный о приезде Деникина Краснов шел ему навстречу. По православному обычаю генералы трижды поцеловались, затем уединились в дальней комнате. Здесь уже был готов стол на два прибора: легкое вино, из закусок донская сельдь, капуста и огурцы, горячий пирог с осетриной, а к чаю пирожные, испеченные Лидией Федоровной. Она сама вышла к именитому гостю, который галантно поцеловал ей руку, после чего она откланялась и генералы продолжили беседу уже за столом.

— Смутное время наступило для России, — начал Деникин.

Краснов согласно кивнул.

Деникин продолжил:

— Добровольческая армия нуждается в оружии.

— Мы начали его закупку и поможем вам, Антон Иванович.

— Спасибо, Петр Николаевич. У нас с вами одна цель — Россия. Освободить ее от большевистской заразы...

Краснов разлил по рюмкам красное донское вино. Генералы выпили. Деникин, взяв кусочек сельди, сказал:

— Я получил из Москвы весьма неприятное сообщение. Троцкий, командующий всей Красной Армией, изменил тактику. Он понял, что пока ему не удастся заполучить к себе на службу старший офицерский корпус, побед ему не видать. Все эти урядники, вахмистры и прапорщики не способны создать настоящую армию. Троцкий принялся призывать старших офицеров, суля хорошее питание, денежное довольствие, а главное — пайки для семей...

— Я думаю, что Антон Иванович как настоящий русский офицер не пойдет на службу в Красную Армию.

— А я, Петр Николаевич, думаю иначе. Вот посидит этаким генерал в лагере, семья его поголодает, он и скло-

нит голову перед Львом Давидовичем. На четвереньках поползет. Когда за формирование Красной Армии возьмутся настоящие специалисты, нам придется трудно.

— Бог даст, Антон Иванович, этого не случится...

— Я слышал, Петр Николаевич, вы начали формировать казачьи части?

— Точнее, восстанавливать, наводить в них порядок. К моменту моего избрания Войско Донское состояло из шести пеших и двух конных полков при семи орудиях и одиннадцати пулеметах. Да еще один конный полк в Ростове и несколько отрядов, разбросанных по всему Дону. Наша задача: создать стотысячную казачью армию.

— Отмечу, что в Добровольческой армии хотя и есть офицеры из донских казаков, массового притока личного состава не отмечено.

— Казачество, Антон Иванович, считает, что Добровольческая армия служит интересам, которые чужды казакам. Я бы предложил вам выдвинуться в район Царицына. Добровольческая армия оказалась бы в Поволжье, где чехи уже образовали фронт против Советов.

Деникин вытер салфеткой губы, поднялся. Встал и Краснов.

— Петр Николаевич, поблагодарите Лидию Федоровну за замечательное угощение. А что касается Добровольческой армии, позвольте нам самим строить свои планы. Однако мы свято чтим наших союзников, с какими Россия имела ранее взаимоотношения: я имею в виду Англию и Францию. Ни на какие союзы с Германией мы не пойдем. Честь имею. — Деникин поднес руку к фуражке и пошел к выходу.

Глава 24

В разговоре с Богаевским Краснов передал содержание беседы с командующим Добровольческой армии, посетовал на несговорчивость Антона Ивановича.

— Деникин обвиняет нас в связях с немцами. Но однако это не мешает Добровольческой армии приобретать оружие, которое мы покупаем у Германии. Я предложил ему следующий план действий: выдвигаться в район Царицына. Там Добровольческая армия пополнилась бы, установила связи с чехословацким корпусом и повела бы совместное наступление на Москву. Весь Юг оказался бы отрезанным от большевистского центра.

— Я с вами согласен, Петр Николаевич, но не забывайте, что Деникин — это Деникин и свои планы он будет скрывать до последнего.

— Что ж, Африкан Петрович, у него свои планы, у нас — свои.

* * *

Отношения между Донским правительством и Германией были действительно взаимовыгодными. Прибрав к рукам гетмана Скоропадского, немцы полностью распоряжались складами русского оружия на Украине. Они сбывали его Краснову на Дон: за одну винтовку брали пуд ржи или пшеницы.

Что же касается отношений между Доном и Украиной, то они не складывались. Между атаманом Войска Донского и гетманом был постоянный спор. Немцы же явно поддерживали Скоропадского. Германская армия ввела свои войска в Таганрогский и Ростовский округа, заявив, что здесь проживают почти семьдесят процентов украинского населения. И напрасно Краснов и Донское правительство доказывало, что украинцев здесь только двадцать семь процентов.

Естественно, Донское правительство не хотело терять эти области: они приносили Дону основную добычу угля, в этих округах располагалось большое количество заводов, фабрик и иных предприятий. Но ввести в Таганрогский округ казачьи войска Краснов не мог. И не потому, что опасался гайдамаков. Краснов

знал: это может закончиться боевыми действиями с регулярной германской армией, а она насчитывала на Украине до трехсот тысяч солдат.

Презрительно назвав Украинскую державу «неудачным экспериментом на живом народном организме», Краснов скрепя сердце мирился с присутствием немцев в Таганрогском округе.

* * *

Пройдя маршем по степным просторам, 10-й Донской казачий полк вступил в Новочеркасск.

Построившись в каре перед штабом походного атамана, полк приготовился рапортовать генералу Денисову. Многие из казаков хорошо знали Денисова. Одни служили под его началом, другие помнили его по повстанческой бригаде генерала Полякова. Поздоровавшись и приняв рапорт, Денисов распустил полк на отдых.

Иван Шандыба видел Новочеркасск еще во время своего первого призыва, но то было поверхностное знакомство, и сейчас он решил походить по городу, посмотреть его достопримечательности. Ведь это была столица его родного края.

Обойдя вокруг памятника Ермаку Тимофеевичу и послушав службу в войсковом соборе, Шандыба осмотрел здание юнкерского училища, гимназию, магазины и купеческие лавки. Все было сделано из кирпича, добротное.

По мощеному спуску Иван сошел к Дону. Здесь широкая в разливе река подточила берега, тополя, ивняк. Иван подумал, что эти воды протекают и мимо его хутора. Может, и Варька сейчас вышла к воде и вспоминает его, Шандыбу...

Взглянул Шандыба на солнце: давно за полдень перевалило. Поднялся вверх к булыжной мостовой. У самого особняка донского атамана со ступеней его окликнули. Иван глянул и узнал Алексея Любимова. Поздоро-

вались как старые знакомые. Хорунжий уважал Шандыбу: как-никак на гимнастерке три Георгия.

Поговорили о службе, о жизни. Потом Любимов вдруг сказал:

— Знаешь, Шандыба, несподручно тебе саблей махать и в штыковую ходить. Пойдем-ка со мной.

И повел Ивана прямо в дом атамана. Миновали окрану, просторную гостиную. Справа остался зал заседаний Круга.

У закрытой двери Любимов остановился и постучал. Услышав негромкий голос, вошел.

Иван осмотрелся. Подумал с недоумением: зачем его привел сюда хорунжий? Не успел додумать, как вышел Алексей, позвал за собой. Шандыба порог переступил и мысленно ахнул. Навстречу ему поднялся сам атаман Краснов.

Он был все такой же, как тогда в Миллерово, как во время службы в полку. Иван вспомнил, как генерал первого Георгия ему вручал и как скакал под развернутым знаменем...

— Ну что, герой Иван Шандыба, отныне будешь служить у меня вместе с хорунжим Любимовым. Мне такие казаки, верные Дону, нужны. Жалую тебя чином урядника. О твоих обязанностях тебе расскажет хорунжий.

Кивнув, Краснов сел за стол, принялся за чтение каких-то бумаг. А Шандыба вышел вслед за Алексеем Любимовым.

Хорунжий весело сказал:

— Теперь, урядник Шандыба, ты, как и я, адъютант при атамане. Будешь выполнять поручения, какие прикажут.

Иван удивился:

— Я ведь рядовой казак, а в адъютантах вон офицеры ходят.

Любимов посмотрел на него, головой покачал:

— Ты урядник, и грудь в крестах, а те офицеры дальше паркета не бывали.

* * *

В мае состоялась еще одна встреча с Красновым. Деникин не решался повернуть добровольцев на Царицын. Конечно, соблазнительно было заручиться поддержкой Чехословацкого корпуса и пополнить свои войска за счет крестьян Поволжья, но чтобы провести такую операцию, необходимо было иметь не две тысячи добровольцев.

Явившись к Краснову, Деникин предложил свой план: он займет силами добровольцев железную дорогу Великокняжеская—Тихорецк, освободит от большевиков Задонье и после этого двинется во второй кубанский поход.

Но Деникин прямо сказал Краснову: Добровольческая армия нуждается в оружии. Атаман должен выпросить у гетмана Скоропадского и у немцев оружие с русских складов на Украине и плюс 6 миллионов рублей на содержание армии.

Скоропадский и германское командование на просьбу Краснова согласились...

У генерала Краснова было твердое убеждение, что немцы неспроста рвутся на Кавказ: им нужна бакинская нефть. Попытка высадить десанты на Тамани и в Сухуми подтверждала это.

Германское командование приняло решение овладеть железнодорожным узлом — станцией Батайской — и развивать от нее последующее наступление.

Боевые действия начались в конце мая. В районе Батайска еще находились красногвардейские части. Немцы при поддержке казаков двинулись в наступление. Общее руководство осуществлял немецкий генерал фон Кнерцер, командующий донскими частями генерал Греков ему подчинялся. К совместной операции с немцами генерал Краснов привлек отряд полковника Глазенапа, состоявший из донских казаков и входивший в состав Добровольческой армии.

Четыре дня с 30 мая по 2 июня шли упорные бои за Батайск, но успеха не принесли...

Между тем война на Дону не прекращалась. Восстание против советской власти охватило все округа. Формирование казачьих соединений проходило везде довольно успешно, хотя многие полки не имели полного состава, батареи недосчитывали комплекта орудий. Однако полковник Денисов, получивший звание генерала, был доволен. Докладывая войсковому атаману, он заверял, что уже к осени у него будет сто тысяч сабель.

По мере того как Дон освобождался от большевиков, Краснов приказывал командирам частей давать отпуска казакам на проведение сельхозработ. Одновременно по указанию атамана Войска Донского караульную службу в станицах несли старики, женщины и дети.

По станицам шли постоянные призывы. Вскоре казачья армия насчитывала почти сто тысяч человек. Это была грозная сила.

Но не на все казачьи фронтовые полки была надежда у Краснова; он знал — агитация большевиков не прошла бесследно. Атаман Войска Донского принял решение сформировать из молодежи двенадцать новых полков. Краснов надеялся, что не зараженные большевистской агитацией новые части, если потребуются, перейдут войсковую границу и пойдут на Москву.

Михаил Шандыба попал во вторую сотню Вешенского полка. Пришлось Захару Мироновичу заложить Мишкин земельный пай в хуторском правлении, чтобы купить коня: Чалый для строя уже не годился. Михаил с однолетками из Вешек отбыл в учебные лагеря под Новочеркасск. Писал оттуда редко, и Захар Миронович, однажды, рассердившись, сказал жене:

— Поеду Мишку проведу, а заодно и к Ивану загляну. Зазнался, чай, у войскового атамана в адъютантах ходит.

***

10-й Донской казачий полк из Новочеркаска в походном порядке шел через хутора и станицы Усть-Медведицкого округа. Красные отступали вдоль линии железной дороги.

Среди казаков ходили разговоры, что скоро Дон полностью очистят от красных и войне конец.

К вечеру заночевали в большом хуторе. Ус вместе с десятком казаков, выставив охранение, расположился в хате. Хозяйка с казаками была несловоохотлива, а на вопрос Степки, где ее мужик, ответила:

— Там же, где вас черт носит.

Поужинав яичницей на сале, казаки расположились на ночлег. Степка, усмотрев, где легла хозяйка, попробовал было сунуться к ней под бок, но получив отпор, улегся на полу.

Утро выдалось беспокойное. Едва казаки поднялись, как вдали раздались выстрелы. Ус выбежал на улицу. Сотня уже седлала коней, строилась.

За садами трещал пулемет, вскоре показались цепи красноармейцев. Ус быстро вывел казаков за последние хаты хутора и, оказавшись в тылу наступавших, развернул сотню в лаву. Крикнув привычное: «Сабли!», пустил коня в намет.

Ощерившись в едином крике, казачья лава погнала красногвардейцев. Не прошло и получаса, как весь отряд оказался порублен и только с десятков красногвардейцев, сгрудившись в кучу, ждали решения своей участи.

Степан, не остывший от боя, крикнул:

— А чего смотреть, руби и этих! Пришли на нашу землю — пусть и лягут в нее!

С гиком наскочили казаки на пленных, началась кровавая расправа...

Узнав о сражении в Усть-Медведицком округе, Краснов сказал:

— Что в бою противника одолели, похвально, но вот с пленными так не поступают. Передайте сотнику Усу впредь такого не допускать.

* * *

По распоряжению генерала Краснова была проведена мобилизация крестьян Донской области. Из них сформировали стрелковую бригаду, проходившую курс обучения под Новочеркасском. Призывали в эту бригаду только зажиточных крестьян, которые в свое время выражали недовольство продразверсткой.

Краснов подумывал эту стрелковую бригаду вместе с молодыми казачьими полками и двинуть на Москву...

Из новочеркасских лагерей, где проходили обучение молодые казаки, Захар Миронович выбрался в обед. Ехал быстро, то и дело подгоняя Чалого, с одобрением думал, что затея атамана Краснова с формированием молодых донских полков — дело стоящее.

«Вот это, кум, аж на удивление. Одно слово — гвардия. С такими воинами нам и Расея не страшна. У казаков, хоть и молодые, что выправка, что рубка, а уж в седле сидят как влитые...» — так Захар Миронович собирался сказать Сергею Минаевичу, а пока мысленно переживал встречу с Ванькой.

Думал, возгордился сын, когда в урядники произвели и сделали адъютантом при войсковом атамане, ан нет. Матери подарок передал, сатин на кофту, отцу сапоги яловые купил.

Одно удивило Захара Мироновича: Ваньку не новости хуторские интересовали, а расспрашивал все, как там Варька. Давно бы забыть о ней: Варька-то жена мужняя.

За Новочеркасском настроение Захара Мироновича испортилось: увидел немцев. Их отряд ехал вдоль железной дороги. Баварские кони, ширококрупные, куце-хвостые, поблескивая сытыми холками, уверенно топтали донскую землю. Солдаты громко переговарива-

лись по-своему, смеялись весело. Захару Мироновичу стало противно. Достав из глубины телеги кнут, хлестнул Чалого. Тот из рыси взял в намет...

Глава 25

В августе Донская область была полностью очищена от красногвардейцев и повстанцы вступили на территорию Воронежской губернии. Было решено назвать Большой Войсковой Круг. На нем Краснов отчитался за три месяца проделанной работы.

Успехи были очевидны и в финансовой деятельности, и в экономике, и в торговле. Краснов рассказал о формировании Донских вооруженных сил. К тому времени Донская армия стала грозной силой, и германское командование должно было с этим считаться. Дону немцы давали оружие и деньги. Оружие Дон оплачивал, но платил самую малую сумму; что касается займов, то за них Донское правительство рассчитывалось продовольствием.

На Круге многим стало понятно, что Краснов удачно шантажирует германское командование, поддерживая постоянный контакт с Добровольческой армией Деникина.

Шантаж Краснова особенно проявился, когда между немецким и советским правительством пошла речь о разграничительной (демаркационной) линии. Краснов выступил с настойчивым требованием, чтобы разграничительная линия проходила по Волге от Камышина, по Азовскому и Черному морям. Он заявил немцам, что если такой демаркационной линии не будет, ему не удастся поставлять Германии требуемое продовольствие.

Подобный шантаж Краснова мог бы сыграть свою роль. Но немцы знали: установить эту разграничительную линию — значит открыть военные действия против большевиков. Советское правительство такую

территорию не отдаст. Кроме того, германское командование понимало, что пойти на эти требования Краснова значит признать самостоятельность Дона как независимого государства.

Об этом и шла речь в Ставке кайзера Вильгельма. «Стремление донских казаков к самостоятельности не следует поощрять» — было записано в резолюции германского командования.

Вместе с тем немцы по-прежнему считали необходимым привлекать на свою сторону донских казаков, снабжая их деньгами и оружием...

В один из июньских дней на прием к атаману Краснову пришел эсер Чернов, бежавший из Москвы.

Краснов принял Чернова весьма нелюбезно, не предложил даже сесть. Он и сам разговаривал стоя.

— Какие у вас имеются вопросы к Донскому правительству?

Чернов попытался напомнить атаману о революционности своей партии. Краснов поморщился:

— Я видел вашего коллегу в бою под Пулковом, я имею в виду господина Савинкова. Он обладает личной смелостью, в отличие от господина Дана и других, которые при первых выстрелах разбежались как крысы. Я думаю, господин Чернов, вы были бы не прочь войти в состав Донского правительства, но казачество вас не примет. Вы представляете партию, которая ратовала за передел крестьянской земли, в том числе и казачьей. Поэтому позвольте считать нашу аудиенцию законченной...

Выпроводив Чернова, Краснов вызвал Любимова и Шандыбу.

— Прошу вас впредь не пускать ко мне подобных господ.

Выйдя, Любимов и Шандыба переглянулись.

— Крут.

— Знает с кем как говорить. Вот с немцем по-иному себя вел и с генералом Деникиным, — согласился Любимов.

Однако как ни запрещал Краснов пускать в особняк представителей всяких партий, перед кадетами не устоял. Генерал даже попытался привлечь их к тесному союзу, предложив их донскому лидеру миллионеру Парамонову войти в состав правительства. Однако Парамонов отказался, мотивируя тем, что в правительстве находятся одиозные контрреволюционеры. Он предложил их вывести из состава, на что Краснов не согласился.

И тогда Парамонов с единомышленниками создал свою правую оппозицию.

***

Член Донского правительства Янов как-то упрекнул Краснова в лояльности к различным общественным организациям.

— Вы имеете в виду эсеров, меньшевиков и прочих сброд? — спросил генерал.

— Да, ваше превосходительство.

— Я их терплю до той поры, пока они не вмешиваются в дела Дона. Но как только они суют свой нос куда не следует — осаживаю. Вспомните, когда неизвестно откуда объявившиеся монархисты вздумали поучать меня, я их выставил из Ростова и Новочеркасска как жуликов и вымогателей.

— Согласен с вами, ваше превосходительство. Но не слишком ли круто вы поступили с бывшим председателем Государственной думы Родзянко?

— Своей болтовней он развалил Россию. И я не желаю слушать его поучения. Пусть скажет спасибо, что я просто выслал его с земель Войска Донского. Пускай катится в обоз генерала Деникина...

Однажды на совете Круга генерал Попов при поддержке нескольких человек заявил Краснову:

— Ваше превосходительство, как атаману Войска Донского вам следовало бы поддерживать тесную связь с генералом Деникиным. Мы считаем, что Добровольческая армия имеет хорошее будущее.

— Господин генерал, — резко заметил Краснов, — с вашими взглядами вам надлежит служить в Добровольческой армии. Честь имею.

Это было равносильно отставке.

Африкан Богаевский, попытавшийся вставить слово в защиту Попова, услышал от Краснова:

— Африкан Петрович, не на таких генералов, как Попов, у меня надежда. Низовое казачество — вот наша сила. Хотя, откровенно говоря, я боюсь, что казаки прогонят большевиков с Дона и скажут: а нам боле ничего не надобно. Нам только бы казачьи устои удержать...

Слухи об успехах Деникина на Кубани, поддержка Добровольческой армии кубанскими казаками во главе с генералом Шкуро вызывали у Краснова двойное чувство. С одной стороны, он мечтал о широком походе на Москву всех антибольшевистских сил, а с другой — подспудно ревновал, что не Дону будет принадлежать главенствующая роль в борьбе с Советами в России.

Впоследствии Краснов вспоминал, что у него не было возможности заставить казаков пойти за пределы Дона, хотя он и говорил, что для мира казаки должны занять российские города вне пределов Дона — Царицын, Камышин, Поворино. Естественно, взятие этих городов заставило бы казаков повести войну против Советской России...

***

Надо отдать должное атаману Войска Донского: он был хорошим хозяйственником. Жизнь в Донской области наладилась. От управляющих отделами финансов, промышленности, транспорта Краснов потребовал создать «стройную систему налогового обложения». Печатались свои ассигнации: деньги Временного правительства считались недействительными.

На Дону развивалась свободная торговля. Конкуренция, направленная на снижение цен, оживила кооперативы.

Генерал Краснов стремился освободить Дон от опеки иностранцев, развивать новые отрасли на базе современного технического оборудования. Были поставлены задачи разработать проекты Волго-Донского и Донецко-Днепровского каналов.

Придавая значение Дону как хлебному краю, как житнице, Краснов принимал меры к решению земельного вопроса и получению высоких урожаев.

Было решено изъять земли у тех казаков, которые ушли с большевиками, и засеять земли помещиков. Обработка этих земель возлагалась на пленных красногвардейцев. Урожай предполагалось сдать в казну.

Генерал Краснов был строг и требователен. Он умел работать сам, умел заставить работать других. Результаты сказались очень быстро. На Дону открылось восемь новых гимназий и множество начальных школ. Наладилась работа железных дорог: по воспоминаниям очевидцев, поезда ходили строго по расписанию. Извозчики не ломили цены, а брали как до революции.

Жизнь на Дону стала напоминать дореволюционную...

***

И во время атаманства, и позже Краснова часто упрекали за связь с немцами. Обвинения эти слышались и от тех, кто придерживался старой ориентации России и был за союз с Англией и Францией против Германии, и от командования Добровольческой армии.

Однако за полтора месяца немцы передали Дону, кубанцам и Добровольческой армии 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 104 артиллерийских снаряда и без счета ружейных патронов.

В эти дни Краснову стало известно, что между германским командованием и советским правительством заключается соглашение, по которому прекращается наступление на восток.

Такое решение в некоторой степени удивило Краснова, но вместе с Богаевским они пришли к общему мнению, что немцы готовят во Франции новое наступление и копят силы.

В свою очередь генерал Деникин сообщил, что его армия покидает Дон и уходит во второй кубанский поход. К добровольцам присоединяется отряд дроздовцев.

Действия генерала Деникина встревожили германское командование, которое вынашивало план объединения Украины с Кубанью. С таким предложением украинские националисты не раз обращались к немцам.

Уход добровольцев заставил немцев задать Краснову вопрос: как он объясняет поступок Деникина?

Войсковой атаман был вынужден ответить, что Добровольческая армия без согласования с донским командованием ушла в неизвестном направлении.

Краснову было сказано, что по данным немецкой разведки Деникин увел свою армию на Кубань. Атаман Войска Донского успокоил германское командование: с Деникиным ушли небольшие силы, всего двадцать тысяч человек, из них полторы тысячи дроздовцев. Краснов умолчал, что давно передал в подчинение Деникину отряд генерала Быкодорова в три с половиной тысячи сабель, который постепенно вырос до двенадцати тысяч.

Уход добровольцев на Кубань означал конец тренирам двух генералов, претендующих на главенствующую роль в борьбе с советской властью, — Краснова и Деникина...

***

Но боевой генерал, командовавший войсками на фронтах, Петр Николаевич Краснов оказался малоискушенным в политических делах. Он совершил ошибку, заявив, что Дон полностью следует законам Российской империи.

Такое заявление донская интеллигенция восприняла как отказ атамана от демократических свобод, объявленных Временным правительством.

Генерала Краснова стали называть монархистом.

Тогда атаман Войска Донского срочно издал приказ, в котором объявил: отменяя законы Временного правительства, донская власть не посягает на свободы граждан. Отмена законов Временного правительства — это мера временная... «Все законы Временного правительства, укрепляющие русскую государственность и способствующие укреплению и процветанию Донского края, лягут в основу жизни Всевеликого Войска Донского».

***

Генерал фон Кнерцер, сухощавый сорокалетний пруссак, в сером мундире с серебряными витыми погонами и в фуражке с высокой тульей, медленно, шагом победителя поднимался по ступеням особняка донского атамана. Генерал шел к Краснову, имея важное поручение от своего командования.

Но сейчас фон Кнерцер думал о другом. На прошлой неделе, когда провалилась операция по взятию Батайска, генерал побывал в районе города Азова, и ему чрезвычайно понравились те места: море, богатое рыбой, пляж, виноградники. Фон Кнерцер для себя твердо решил: если на Украине будут выделять земли германским офицерам и солдатам, он непременно попросит надел именно в этом благодатном краю.

Хорунжий, адъютант генерала Краснова, лихо козырнув, проводил немецкого генерала до кабинета войскового атамана.

Краснов стоя встретил фон Кнерцера, указал на кресло, сам сел напротив. Предложил сигары.

Фон Кнерцер закурил, пустив дым, похвалил:

— О, гаванские.

— Да, господин генерал, их привезли с Кубы.

— Командование германской армии огорчено нашим неудачным наступлением под Батайском. Сейчас нам предстоит овладеть Царицыном.

— Скажите, нам или вам предстоит взять Царицын? — с легкой усмешкой спросил Краснов.

Немец поднял брови.

— Естественно, вашим донским казакам. На Дону будет создано буферное государство, которое прикроет наше наступление на Кавказ. Разумеется, господин Краснов, германское командование отблагодарит казаков оружием и деньгами. Скажем, шестимиллионный заем. Таким образом германские войска сделают рывок на Баку. Думаю, подобные действия выгодны и для Дона, и для великой Германии.

Краснов кивнул.

— Я должен согласовать этот вопрос с войсковым правительством.

— Мы знаем, что атаман Войска Донского обладает неограниченной властью. Германское командование считает, что генерал Краснов вправе поступать по своему соображению.

Фон Кнерцер поднялся, приложил пальцы к козырьку фуражки.

— Решайте, господин Краснов.

* * *

Всю первую половину июня Краснов прорабатывал вопрос о подготовке наступления на Царицын. А тем временем от немцев с Украины шли оружие и боеприпасы, большая часть которых переправлялась Добровольческой армии.

На заседании Донского правительства перед Большим Кругом генерал Краснов говорил, что Таганрогский и Ростовский округа — это сухопутные мосты с Украины на Кубань. И не приведи бог, если Дон окажется между молотом и наковальней. Ведь всем известно — на Кубани казаки не без основания считают себя потомками запорожцев...

После того заседания генерал Краснов, оставшись один на один с Богаевским, сказал:

— Думаю, Африкан Петрович, близится время писать новое письмо императору Вильгельму...

* * *

На Дону стали распространяться слухи, что чехи намерены занять Ростов, Царицын, Астрахань и что они планируют создать новый фронт для наступления на германцев.

Кто был инициатором таких разговоров, неизвестно. Однако во многом в них был заинтересован генерал Краснов.

Петр Николаевич понимал: если эти слухи станут известны немцам, реакция не заставит себя долго ждать. Так и случилось. Германское командование срочно послало в Новочеркасск своих представителей. К Краснову прибыли майоры фон Коненхаузен, фон Шлейнц и фон Стефани. Переговоры проходили в доме войскового атамана в присутствии генерала Богаевского.

Разговор начали представители германского командования. Они напомнили предварительно, какую помощь Дону оказала Германия. Затем немцы прямо спросили, как отнесется генерал Краснов и его правительство к тому, что чехи начнут боевые действия против немцев.

Переглянувшись с Богаевским, Краснов сказал, что Дон не станет ареной боевых действий между чехословаками и германцами.

Такой ответ немцев удовлетворил. Майор фон Стефани заметил, что заявление генерала Краснова желательно было бы увидеть в письменной форме.

На этом аудиенция закончилась. На следующий день атаман Войска Донского сел за новое письмо императору Вильгельму.

***

Накануне генерал Краснов предпринял попытку договориться с украинскими националистами. Он переговорил по телефону лично с гетманом Скоропадским.

Павел Петрович Скоропадский, окончивший Пажеский корпус и дослужившийся до генерал-лейтенанта русской армии, в разговоре с Красновым никак не хотел переходить на русский язык, отдавая предпочтение украинской мове.

Едва Краснов завел речь о Таганрогском, Ростовском и Донецком округах, как Скоропадский немедленно заявил, что это украинские территории и никаких уступок Дону не будет.

Телефонные переговоры Краснова со Скоропадским происходили в присутствии Богаевского. Африкан Петрович усмехнулся:

— По всему видать, этого хохлача мало били в Пажеском корпусе товарищи. Быстро он забыл русский язык.

— Национализм, Африкан Петрович, на Украине стоек. Они готовы и Россию-матушку позабыть. А не грех помнить, что боярская Русь в годы царя Алексея Михайловича Типайшего спасла хохлов от ополчания.

— Благодеяние, Петр Николаевич, всегда наказуемо. Вот и немцы намекают нам, что Дон должен помнить ту помощь, которую они нам оказали.

— Их помощь окупилась сторицей. Эшелоны зерна, сала, мяса и других продуктов ушли с Дона в Германию. Но скажу вам, Африкан Петрович: у немцев нам стоит поучиться порядку и дисциплине. Русские издавна привыкли к безалаберности и разгильдяйству...

***

Поздно вечером, когда затихла столица Войска Донского, ее войсковой атаман генерал Краснов писал пись-

мо к императору Германии Вильгельму Второму. Писал уверенно, не занижая цены ни себе, ни казачеству:

«Ваше Императорское и Королевское Величество! Податель сего письма, атаман Зимовой станицы (посланник) Всевеликого войска Донского при дворе Вашего Императорского Величества и его товарищи уполномочены мною, Донским Атаманом, приветствовать Ваше Императорское Величество, могущественного монарха великой Германии, и передать нижеследующее:

Два месяца борьбы доблестных донских казаков, которую они ведут за свободу своей родины с таким мужеством, с каким в недавнее время вели против англичан родственные германскому народу буры, увенчались на всех фронтах нашего государства полной победой, и ныне земля Всевеликого Войска Донского на 9/10 освобождена от диких красногвардейских банд. Государственный порядок внутри страны окреп, и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войск Вашего Императорского Величества сошлась тишина на юге Войска, и мною приготовлен корпус казаков для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствования натиску врагов извне. Молодому государственному организму, каковым в настоящее время является Донское Войско, трудно существовать одному, и поэтому оно заключило тесный союз с главами Астраханского и Кубанского Войска, полковником князем Тундутовым и полковником Филимоновым, с тем чтобы по очищении земли Астраханской и Кубанской области от большевиков составить прочное государственное образование на началах федерации из Всевеликого Войска Донского, Астраханского войска с калмыками Ставропольской губ., Кубанского Войска, а также народов Северного Кавказа. Согласие всех этих держав имеется, и вновь образуемое государство в полном согласии со Всевеликим Войском Донским решило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной кровавых столкновений, и обя-

залось держать нейтралитет. Атаман Зимовой станицы нашей при дворе Вашего Императорского Величества уполномочен мною:

Просить Ваше Императорское Величество признать права Всевеликого Войска Донского на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского союза.

Просить признать Ваше Императорское Величество границы Всевеликого Войска Донского в прежних географических и этнографических его размерах помочь разрешению спора между Украиной и Войском Донским из-за Таганрога и его округа в пользу Войска Донского, которое владеет Таганрогским округом более 500 лет и для которого Таганрогский округ является частью Тмутаракани, от которой и стало Войско Донское.

Просить Ваше Величество содействовать в присоединении к Войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына, Саратовской губернии и городов Воронежа и станций Лиски и Поворино и провести границу Войска Донского, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице.

Просить Ваше Величество оказать давление на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого Войска Донского и других держав, имеющих право войти в Доно-Кавказский союз, от разбойничьих отрядов Красной Армии и дать возможность восстановить нормальные, мирные отношения между Москвой и Войском Донским. Все убытки населения Войска Донского, торговли и промышленности, происшедшие от нашествия большевиков, должны быть возмещены Советской Россией.

Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и, если признаете это выгодным, устроить в пределах Войска Донского орудийный, оружейный, снарядный и патронный заводы.

Всевеликое войско Донское и прочие государства Доно-Кавказского союза не забудут дружеские услуги германского народа, с которыми казаки бились плечом к плечу еще во время Тридцатилетней войны, когда донские полки находились в рядах армии Валленштейна, а в 1807-1813 годах донские казаки со своим атаманом графом Платовым боролись за свободу Германии, и теперь почти за три с половиной года кровавой войны на полях Пруссии, Галиции, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своих войск, и ныне, протянув друг другу руки, как два благородных бойца, борются вместе за свободу родного Дона.

Всевеликое Войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие и атаман Астраханского Войска князь Тундутов, и кубанское правительство, а по присоединении — и остальные части Доно-Кавказского союза.

Всевеликое Войско Донское предоставляет Германской империи права преимущественного вывоза избытков... хлеба — зерном и мукой, кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных товаров и изделий, скота и лошадей, вина виноградного и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование для изготовления государственных бумаг с соответственным запасом материалов, оборудование суконных, хлопчатобумажных, кожевенных, химических, сахарных и других заводов и электротехнические принадлежности.

Кроме того, правительство Всевеликого Войска Донского предоставит германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в донские

предприятия промышленности и торговли, в частности, по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей.

Тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами.

К Вашему Императорскому Величеству обращается с этим письмом не дипломат и тонкий знаток международного права, но солдат, привыкший в честном бою уважать силу германского оружия, а поэтому прошу простить прямоту моего тона, чуждую всяких ухищрений, и прошу верить в искренность моих чувств.

Уважающий вас Петр Краснов, Донской Атаман, генерал-майор».

Глава 26

Письмо перепечатали и дали ознакомиться с ним членам совета управляющих. Оно было встречено по-разному. Одни считали его слишком прогерманским, другие — отвечающим интересам Дона.

Что касается председателя правительства Африкана Богаевского, то он заявил, что так пишут подданные германского императора.

Но несмотря ни на что Краснов вручил письмо атаману Зимовой станицы, он отправился в Киев, где и передал письмо генералу Черячукину, с которым тот выехал в Германию.

Копии письма Богаевский переправил своим единомышленникам с комментариями. И о Краснове вскоре заговорили как о предателе Дона. Нашлись явные противники его и в войсковых частях. В вину Краснову ставились монархизм и немецкая ориентация. Оппозиция планировала произвести на Круге переизбрание Краснова и прочила на его место Богаевского. На Круг были посланы не только простые казаки и боевые офи-

церы, но и интеллигенция. Во главе Круга стал вождь донских кадетов Харламов, бывший член Государственной думы.

Однако многие не хотели переизбрания Краснова. За него говорили факты: на Дону успешно развивалась экономика и торговля. Украина все же не хотела вступать с донским казачеством в конфликты, и между Скоропадским и Красновым начались переговоры.

В результате Украина признала Таганрогский и Ростовский округа за властью Дона. Что же касается Донецкого угольного бассейна, то он был признан под совместным протекторатом Украины и Дона.

На Круге, видя настрой собравшихся, Краснов попросил снять с него полномочия и избрать нового атамана.

Понимая, что обстановка все же складывается в пользу генерала Краснова, оппозиция оттягивала переборы и проводила бесконечные дискуссии.

На Круге раздавались голоса в защиту Добровольческой армии и генерала Деникина, который остался верен российским союзникам — Англии и Франции. Приводились в пример успехи добровольцев: они-де вот-вот войдут в Екатеринодар. Упоминалось, что кубанские казаки поддерживают Деникина.

Дело доходило до оскорблений. Ни от кого на Круге не было секретом, что многие из раненых добровольцев долечивались в новочеркасском госпитале, а полученное от немцев оружие и боеприпасы генерал Краснов переправлял армии генерала Деникина. Когда раздались обвинения в адрес войскового атамана и его назвали проституткой, зарабатывающей в немецкой постели, встал генерал Денисов, командующий Донской армией:

— Если добровольцы обвиняют нас и нашего атамана в том, что мы проститутки в немецкой постели, то кем являются они, живя на нашем содержании?

Слово взял и генерал Краснов:

— Да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. А я, донской атаман, своими грязными

руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!..

Сергей Минаевич и Захар Миронович, опоздав на открытие Круга, едва пробрались через плотно забитые проходы зала. С трудом понимая, о чем говорит Харламов, пригибские делегаты уловили одно: Краснова обвиняют в пособничестве немцам. Захар Миронович на аплодисменты Харламову не поспешил, вспомнив тех немцев, что ехали на куцехвостых баварских лошадях.

Но тут взял слово Краснов. Он говорил уверенно, и Захар Миронович изменил свое мнение:

— Войсковой атаман наш башковитый. И никому германцу он не служит. Брехня это, досужие вымыслы.

— Верно гутаришь, кум, — согласился Сергей Миронович.

Прения накалялись. Старики то и дело меняли мнения. То им казалось, что правы Харламов с товарищами, то Денисов и Краснов.

Войсковой атаман, уловив перелом в настроении Круга в свою пользу, встал и заговорил. Речь его была обращена не к оппозиции, а к простым казакам:

— Казачий Круг! И пусть казачьим он и останется. Дон для донцов! Мы завоевали эту землю и полили ее своей кровью, и мы, только мы одни хозяева этой земли. Казаки! Не верьте чужакам... Не верьте волкам в овечьей шкуре. Они зарятся на ваши земли и жадными руками тянутся к ним. Пусть свободно и вольно живут на Дону гостями, но хозяева здесь только мы одни... Казаки!..

Зал взревел, загремел овацией. А Краснов продолжал свою речь. Он говорил, что не верит в иностранную помощь, что немцы враги казакам, что три с половиной года войны с германцами не забываются. Что они пришли на Дон за зерном и мясом.

— Я не верю, — говорил Краснов, — и англичанам с французами... Помните слова нашей старинной казачьей песни: кто был казаку товарищ — это конь вороной, я сам молодой да сабля вострая в руках!..

— Да, вот это правильные слова, — говорил Сергей Минаевич, когда старики, протиснувшись через толпу, вышли к памятнику Ермаку, где стояли их привязанные кони. — Что, кум, может, перекусим да в обратный путь двинемся?

— Погоди, Минаевич. Охота поглядеть, как наши молодые казаки на параде себя покажут. Сказывают, и твой Степка прибудет. Ему, вроде, второй Георгий вышел.

* * *

Молодые казаки двенадцати полков, созданных атаманом Красновым, все как на подбор, обмундированные с иголочки, прибыли в Новочеркасск из лагерей. Кони незаморенные, шли словно пританцовывая.

Построились в широкое каре под своими полковыми штандартами, ждали начала парада.

На трибуну поднялись Краснов, Денисов, Богаевский, еще несколько генералов и полковников. Вокруг гости именитые, дамочки с букетами.

— Вот это казачки, аж слезу вышибает, — промолвил Захар Миронович. — Мишку мово ты, кум, не приметил?

— Да вон же он, во второй сотне с вешенцами. Узришь на скачках.

— Что-то глаза запорошило. — Захар Миронович протер лицо грязным платком. — А Степки не вижу.

— Дак ему не до парадов. Он от большевиков фронт держит. А ты старшего, Ваньку, видал? Урядник!..

— Вчерась видел. Говорит, дюже много дел у него. Обещал разыскать меня, гостинцев матери передать.

— Хорошо твой Ванька устроился.

— Да уж ему при его ранении и Георгиях иначе и нельзя...

В это время заиграли трубы, раздались зычные голоса и полки пошли в церемониальном марше.

На трибуне генералы и офицеры подтянулись, дамочки восторженно захлопали, под ноги коням цветы бросать стали.

— Ах, язвы их, красиво идут, — радовался Захар Миронович. — Будет о чем бабке рассказать.

Потом начались скачки, рубка лозы и другие соревнования.

— А что, не перевелись на славном Дону казаки. С такими молодцами никакие Советы не страшны, — переговаривались старики.

Когда закончился смотр, Захар Миронович с Сергеем Минаевичем, завалившись в бричку, погнали на хутор.

***

За утренним чаем Краснов как-то сказал жене:

— Лида, наступает серьезный момент. Германия, возможно, проиграет войну Франции и Англии. Я думаю, рано или поздно немцы покинут Украину. Тогда гетман Скоропадский потеряет свою власть, которая держится на штыках германской армии. Да и Москва признала независимость Украины только под давлением Брестского мира. Кто сменит Скоропадского, пока утверждать не берусь. Однако знаю, что хохлы готовы вцепиться в чуприны друг другу. Скорей всего на смену Скоропадскому придет Петлюра...

Если немцы войну проиграют и начнут выводить свои войска, Москва тут же разорвет все условия Брестского мира и станет поднимать украинского мужика за советскую власть. И лозунг прежний — землю крестьянам. Независимость Украины будет ликвидирована. Отсюда, Лида, задача нашего правительства — укреплять Дон. Казачество наша опора...

***

С конца августа на границе Войска Донского на Хопре и Северном Донце начали группироваться отряды красноармейцев. Один из отрядов пересек рубеж Донецкой земли и занял хутор Кулики. Сотня Степки Уса попыталась с налета освободить хутор, но встретила ожесточенное сопротивление. Ус велел сотне спешиться. Коноводы отвели коней в укрытие, а казаки стали окапываться.

Подошла батарея. Орудия сняли с передка и установили против позиций красных.

Прискакал связной, доложил Усу, что в поддержку красным движется еще один отряд. Тогда Степан подал команду перейти в наступление. Спешенные казаки рассыпались цепью, пошли вперед. С флангов ударили пулеметы красных, раздались винтовочные залпы. Казаки остановились, залегли. Не успели окопаться как следует, как красные перешли в контратаку.

К Усу подъехал другой связной, передал приказ: отходить в расположение полка. Коноводы подвели коней, и казаки поскакали к соседнему хутору, где уже собрался весь 10-й Донской полк.

Обогнав сотню, протарахтела батарея. Вскоре Ус увидел полковника. Тот приказал:

— Хорунжий, ваша сотня прикрывает наш отход. Полку предстоит занять новую позицию.

***

Побывав на передовой, генерал Денисов доложил Краснову о скоплении частей красных по всей северной оконечности Донского края.

— Петр Николаевич, если мы не перейдем наши рубежи и не нанесем упредительного удара, быть беде. Надо переломить настрой донцов. Троцкий взялся за создание красных бригад.

— Святослав Варламович, у меня надежда на молодежь, кто еще не разложился заразой большевизма. Настрой казаков-фронтовиков постоянно дает о себе знать. Рассказывают, что в некоторых станицах казачки удерживают своих мужей дома, приезжают за ними на подводах. Кстати, думаю, мне потребуется еще не одно выступление на Круге, чтобы убедить: мы не связаны с немцами. В такой же степени можно обвинить и Деникина, что он связан с англо-французами.

— Эти крикуны, Петр Николаевич, не понимают или не хотят понять, что у нас одни задачи: поднять Россию с колен, на которые поставили ее Советы. Я сегодня выезжаю в части и на Круге не буду, так уж вы, Петр Николаевич, выдайте этим болтунам и от меня тоже.

Денисов поднялся. Краснов остановил его:

— Прошу вас, Святослав Варламович, отобедать у нас. Лидия Федоровна обидится, если вы уедете, с ней не повидавшись...

Генералы перешли в гостиную и, пока горничная накрывала на стол, продолжали беседовать. Лидия Федоровна посетовала на жизнь, спросила о семье Денисова, которая находилась под Царицыным.

День был постный, и горничная подала салат, уху из сомятины и жареного осетра. После чая Денисов посидел с Красновым еще немного и заторопился.

— А на Круге, Петр Николаевич, уймите пустобрехов, а то ведь привыкли гавкать из подворотни...

* * *

10-й Донской полк под прикрытием сотни Степана Уса отошел километров на семь от приграничных позиций. За мелким кустарником отрыли окопы, ближе к лесу стала батарея.

Там, где осталась сотня Уса, слышались беспорядочные выстрелы. Казаки переговаривались:

— Ус отбивается.

— Сейчас ему не позавидуешь.

— Ниче, они на конях, уйдут.

Подъехала походная кухня, казаки потянулись с котелками.

— Да, братцы, война не война, а брюхо жрать просит.

— Мне бы не жрать — мне бы молодку хучь какую. Соскучился я по бабе, братцы, второй месяц как из дому.

— А ты завяжи до полного освобождения Дона.

— С какой стороны?

— С корня.

К вечеру полк получил новый приказ перейти в наступление и отбить хутор.

Казаки ворчали:

— Как малые дети, в бабки играем. То отходим, то наступаем.

— А офицерью что делать, приказы отдавать?

— Усу хорошо, он и не уходил с хутора.

— Это в старину было, братцы: офицер приказал — и казаки поперли. Ноне пусть сами офицеры впереди цепей идут.

Проехала батарея. Заиграли трубачи, казаки поскакали сотня за сотней.

Под утро полк окружил хутор. Командир полка с адъютантом изучали карту.

— Вот выйдем красных с нашей земли, и по домам, — заметил адъютант.

— Ты, Авдей, рассуждаешь, как наши казачки, — отозвался войсковой старшина.

— Да боюсь, откажутся они дальше идти.

— Значит, станем на границе. А дальше пусть начальство решает, что делать...

Глава 27

Вооруженные отряды метались по всему Дону. Будто слоеный пирог, перемешались части 8-го и 9-го красноармейских полков с частями казаков. Бились, не жалея сил, каждый воевал за свою правду.

Станицы и хутора выставляли охрану. По железнодорожным веткам катились красные бронепоезда. Их подрывали, разбирая путь; высадившихся матросов и красноармейцев косили из пулеметов и винтовок.

Пошли упорные слухи, что красные бросили в бой личный состав Рязанских и Тамбовских курсов красных командиров, начали формировать новые добровольческие батальоны. Но что могли поделать сравнительно малочисленные отряды красноармейцев, когда против них поднялся весь Дон? Не было им покоя ни днем, ни ночью. Не падали их казаки, люто бились за свою землю.

А в Новочеркасске в эти дни атаман Краснов говорил на Круге:

— Россию не спасут ни немцы, ни англичане, ни японцы, ни американцы — они только разорят ее и зальют кровью. Спасет Россию сама Россия. Спасут Россию казаки! Добровольческая армия и вольные отряды донских, кубанских, терских, оренбургских, сибирских, уральских, астраханских казаков спасут Россию... И тогда, как встарь, широко разовьется над нашим Доном бело-сине-красный русский флаг единой и неделимой России...

Краснов с трибуны Круга подтвердил, что и у добровольцев и донцов цель одна — единая и неделимая Россия. Разве только пути к этой цели у атамана Войска Донского и у Деникина разные.

Петр Николаевич считал свой путь более гибким, а Деникина слишком прямолинейным.

На заседании донского правительства Африкан Богаевский повторил вслед за Деникиным: если бы Москва пообещала Краснову Донскую республику, он бы пошел на союз с красными. Однако Советское правительство не хотело объединения с Красновым. Такое заявление Деникина и Богаевского было очередным «компроматом» в адрес Краснова...

Старики сошлись с вечера. Сначала помолчали, повздыхали. Зажгли лампу, зачадили самокрутками. Покурили, вроде и на душе полегчало.

К полночи надымили так, что и дыхнуть было нечем.

— А что, Минаевич, как мыслишь, дойдут сюда красные? Эвона как взялись!

— То как сказать. Помнишь, кум, как Фомин полк казачий к большевикам привел?

— Это какой Фомин? Который перебежал то к красным, то к белым?

— Он самый...

— Да вроде бы не должны большевики заявиться. Наши стойко держатся.

— Слух был, вроде красные вциковских комиссаров на Дон послали.

— Степка хучь бы заехал, порассказал... Он ведь как-никак офицер, хорунжий.

— Сдается, кум, плохи наши дела...

— С одной стороны — плохи, а с другой — и не очень. Вона как атаман на Круге держится. Орел, истый орел.

— Да и на Кубани генерал Деникин с добровольцами лихо двинули. Столицу кубанскую Екатеринодар в бою одолели.

— Говорят, он к англичанам и французам клонится, от них помощи ждет. С ними на Совдепию наваливается. Может, и не дойдут сюда большевики... Сказывают, атаман на последнем Круге говорил: только казаки Россию поднимут...

— А вот скажи, кум, ежели возьмут Москву, кого в царя сажать?

— Бог его ведает. Одно думаю: России без царя не жить. Ты вот ответь, может ли уважающий себя человек без царя в голове существовать?..

Замолчали, свернули по новой самокрутке.

— Хороший табачок у тебя, кум.

— Деручий. Эвон как начадили. Ты в Новочеркасск не собираешься поехать?

— Да надо бы. Говорят, германец уголек донецкий грузит.

— Уголек не знаю, а вот зерно наше в вагоны засыпают. Хлеб из него в Германии пекут. Хлебушек-то наш дюже пахучий, а они там ерзац едят...

Разошлись с первыми петухами, когда небо уже рассвет тронул...

* * *

Оказавшись за границей Хоперского округа, Донская армия приостановила свое наступление. Стремительное преследование отступавшего противника казаки прекратили и на все приказы не реагировали. Ответ был один: на кой ляд чужая земля нужна.

Денисов не успевал пересаживаться с коня на автомобиль и снова с автомобиля на коня. По фронту метался, от совещаний устал. Командиры дивизий во всем с ним соглашались, спускали соответствующие приказы по полкам, но казаков в наступление силой нельзя было погнать. Казак — он человек, ему интерес надобен. Когда затронули большевики чувства собственников, стали отбирать зерно, пошли разговоры о разделе земли, казаки разом поднялись, весь Дон за оружие взялся, целые армии повстанческие собрались. А подошли к границам, и враз исчез у казаков интерес — стали за Хопром...

* * *

Из Вешенской, из станичного правления на Хутор прискакал нарочный с известием членам Круга немедленно прибыть в Новочеркасск...

Лето на осень перевалило, ночами стало холодать. Старики из сундуков кожанки достали.

— Духом нафталиновым прет, — поморщился Сергей Минаевич, застегиваясь.

332

— За дорогу выветрится, — ответил Захар Мионович.

Намостили сена в телегу и отправились.

Днем солнце пригревало, кожанки снимали, к вечеру опять надевали. Кровь стариковская не дюже-то согревает.

Ехали Захар Мионович с Сергеем Минаевичем, переговаривались. Все больше молодые годы на ум приходили.

К ужину коней выпрягут, на морды их торбы с зерном оденут. Сами бутылку первача из сумки извлекут, затычку кочерыжную вынут, по глотку сделают, и сразу жизнь повеселеет. Закусят салом с луком, яйцами вкрутую. А там, глядишь, на песню потянет, голоса, правда, не те, что в молодые годы, с хрипотцой.

Песни поют, какие еще с давних лет знали:

— Конь боевой с походным вьюком... — начнет один, второй подхватит...

И по донской степи далеко слышно, как старые казаки поют.

У Семикаракорской через Северный Донец переправились, в Кривенской умылись с дороги, в порядок себя привели, чтобы бравыми казаками в Новочеркасск заявиться.

— Ты, кум, — попросил Захар Мионович, — коней определи, а я тем часом к Ваньке наведаюсь, может, чего прознаю. Да и мать сала увязала, пирогов напекла...

Охрана Захара Мионовича признала:

— Не иначе к сыну. Нет его, урядник заутреню в соборе слушает.

Захар Мионович Ваньку в храме отыскал, обнял:

— Это хорошо, что от Бога не отворачиваешься. Мать вот узелок навязала, сказала, отыщи Ивана непременно... А мы с соседом снова заседать на Круге призваны. — Захар Мионович при этих словах даже крякнул с удовольствием. — Послушаем, что еще атаман гутарить будет.

333

По брусчатке Новочеркасска бегали вездесущие мальчишки-газетчики, призывно орал:

— Газета «Донской край»! Газета «Донской край»!
Хоть умирай, хоть оживай!

— Приказ генерала Краснова отслужить панихиду по убиенному императору!.. Казнь семьи Николая Второго! Глумление большевиков!

— Читайте «Донской край», восстановление монархии в России!

Либеральная оппозиция рвалась в драку.

— Убрать редактора «Донского края» Родионова!
Прочь монархиста от редакторского кресла! Долой покрывающего его Краснова!

На Круг либералы завалились толпой, шумели, топали, кричали во всю глотку: «К прошлому нет возврата!», «Мы против монархии!», «Краснов, ваши помощники — ваши враги, уберите их!»

Круг заходился в восторге, аплодировал. Богаевский усмехался, говорил председателю Круга Харламову:

— Кажется, дни нашего атамана сочтены.

Краснов неподвижно сидел за столом президиума, сцепив пальцы рук. И только чуть заметно билась, пульсировала жилка на виске.

Сергей Минаевич склонился к Захару Мироновичу:

— Не пойму, кум, чем он им не угодил?

— А черт их знает. Богаевский вроде доволен. А сам правительство возглавляет. Уж об позиционерах этих и говорить не след. Им доверь власть, они ее враз проговорят. Словоблуды и пакостники. Навроде тех котов, какие верхушки сметаны слизывают и не краснеют, когда их ругают, только уши прижимают.

— Неужто доведется нового атамана Донского избирать?

— К тому дело клонится.

— Нонче бы главкомверха сюда, Денисова.

— На фронте он.

— Поглядим, что завтра атаман скажет.

— А эти мухоморы по комнатам общежитий шляться будут, за своих агитировать против Краснова.

— Послушаем, а выбирать станем своим умом. Чай, мы не бычки, чтоб нас на веревке водили...

Утром Захар Миронович проснулся с тяжелой головой, умывался долго. Вошедшему Сергею Минаевичу пожаловался:

— Всю ночь такое снилось! Вроде я на хуторе, а не узнать. Курень свой, а на базу поросята бегают, визжат, ажник навроде ценят, поскуливают. Бабка моя в корыто им корм засыпает, а поросята вдруг в позионеров обратились и ко мне: «Выбирай, Захар Миронович, в атаманы Богаевского!»

— А я, кум, как возвратился с Круга, полбутылки в себя и так спал — ничего не видал. Насилу утром пробудился.

— Я вчера Ваньку своего повидал, он говорил: «Вы там, батя, с Сергеем Минаевичем долго не размышляйте, Дону атаман Краснов нужен...»

Заседание Круга началось с гимна. Играл атаманский оркестр, и делегаты нестройно, но во весь голос подпевали: «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон...»

Когда спели, уселись, Захар Миронович промолвил:

— Славно, аж слезу вышибает...

Затем принесли из Донского музея войсковой пернач, знак атаманской власти. Краснов взял его, приподнял и в тишине заговорил:

— Я принял пернач в годину трудную, когда не стало войскового атамана Алексея Максимовича Каледина, а Дон разрывала смута. Тогда многие не стали слушать атамана Каледина, его предупреждений, что придут Совдепы и коммунисты на хлеб ваш, на землю вашу позарятся... Изведали, взяли за оружие. Под-

нялся Дон... Меня в атаманы выбрали, хоть я и видел: нелегкий хомут надеваю. Всем миром Дон восстанавливали. Жизнь получилась, сами видите. Но вам сегодня будто шоры на глаза надели: принялись расшатывать власть, подрывать веру людей в нее...

Краснов медленным взглядом окинул сидевших в зале. Кто-то из дальнего угла выкрикнул:

— Трудно — передай власть другому!

На него зашикали. Краснов продолжил:

— Вы, казаки, хозяева земли Донской. А я ваш управляющий. Но когда управляющий видит, что хозяин недоволен его работой, да мало того, что недоволен, а разрушает сделанное управляющим, он уходит... Это его долг! Ухожу и я, но считаю своим долгом предупредить вас, что атаманский пернач тяжел. Не советую вам вручать его в слабые руки!

И, положив пернач на стол, при гробовом молчании Краснов покинул зал.

Слышно было, как под его грузными шагами поскрипывают половицы. Он уходил набычившись, увешанный множеством орденов, сияя золотом погон. И когда за ним закрылась тяжелая двухстворчатая дверь, зал взорвался криками:

— Вернуть атамана! Вернуть!..

Была избрана особая делегация, которую обязали просить атамана остаться у власти до очередных выборов.

К обеду делегация вернулась с согласием Краснова и его просьбой ускорить выборы. Они были назначены на начало сентября, но дату выборов вскоре перенесли под давлением сторонников Деникина, желавших видеть атаманом Войска Донского Африкана Петровича Богаевского...

В это время о себе дали знать немцы. Круг получил решительный протест рейхстага: «Донские казаки деловым образом разрешили вопросы, поставленные нами; равно и мы деловым образом разрешили вопросы, поставленные ими...»

Перед выборами на закрытом заседании правительства Богаевский прочел телеграмму майора Коненгаузена, который от имени германского командования требовал вновь избрать атаманом Петра Николаевича Краснова. В противном случае Германия отказывалась от доброжелательной позиции к Дону.

* * *

Ничего не понимая в закулисной борьбе Круга, Захар Миронович и Сергей Минаевич очень устали. Им хотелось домой на хутор. Тело чесалось и горело, просило бани. Да и харчи на исходе: не стоять же на перти собора...

А накануне вечером в новочеркасском ресторане в отдельном кабинете сидели генералы Лукомский и Богаевский.

На Круге Лукомский представлял Добровольческую армию. Посылая его, Деникин сказал:

— Для нас приемлемым атаманом Войска Донского был бы не Краснов, а наш сторонник Богаевский.

Сейчас Лукомский не без сожаления говорил:

— Я вижу, Африкан Петрович, Круг озабочен давлением. Сомневаюсь, чтобы у него хватило смелости противостоят Германии.

— Вполне с вами согласен, Александр Сергеевич. Как бы ни хотела Добровольческая армия видеть в донском атамане своего сторонника и союзника, но Круг опять изберет Краснова.

Генералы выпили по стопке анисовой водки, закусили осетровой икрой.

Богаевский вытер салфеткой губы:

— Александр Сергеевич, тем не менее хочу сказать вам, что у генерала Краснова сегодня нет выбора. Один путь, как и у генерала Деникина — на Москву. И Краснов от этого пути не отказывается. Различие в том, что генералы доят разных коров: Краснов — германских, Деникин — англо-французских. — Богаевский рассмеялся.

— Разница — в жирности молока.

— Думаю, что нынче англо-французские коровы дают молоко меньшей жирности.

— Но германские коровы требуют лучших кормов.

Лукомский побарабанил пальцами по столу.

— Да, придется мне огорчить Антона Ивановича.

Богаевский развел руками:

— То, чего хочет человек, не всегда совпадает с желаниями Господа...

Той же ночью Лукомский телеграфировал Деникину:

«Я глубоко убежден, что донской атаман генерал Краснов, входя в соглашение с немцами, вел двойную игру и, страхуя Дон от всяких случайностей, лишь временно «по стратегическим (как он выразился) соображениям» хотел присоединить к Дону части соседних губерний... Но все же чувствовалось, что он в конце концов не отделяет Дон от России и на борьбу с советским правительством пойдет до конца и поведет за собой Дон».

Эта телефонограмма не успокоила Деникина, однако он понял: сменить Краснова не удастся. Теперь оставалось одно: сохранить войскового атамана своим союзником, чтобы он хоть как-то поддерживал Добровольческую армию в походе на Москву...

Утром выборы состоялись. За Краснова подали 234 голоса, за Богаевского — 70, пустыми были 33 бюллетеня.

***

Иван Шандыба очень часто думал о Варьке. Даже во сне виделась она ему. Молодая, красивая, глаза большие, серые с голубинкой, коса тяжелая, до колен.

Теперь, когда Иван сам признался ей в любви, он об одном мечтал: пусть пуля укараулит Степку, либо сабля срубит его. Иначе Варьку им не поделить...

А Степана мотало: то на Северном Донце, то на Хопре. То он красных бил, то они его. Не вылезал Ус из боев, но смерть обходила его стороной.

Иван подумывал: что будет, когда они со Степкой на хутор вернутся? Ответ приходил один: убьет он Уса. Но не подло убьет: на саблях рубиться будут. И будь что будет, либо его возьмет, либо Степкина.

Но тут же иная мысль приходила. Если убьет он Уса, так ведь посадят его, Ивана. А Варька, захочет ли она ждать Шандыбу-каторжанина? Да и станет ли она жить с таким?

В прошлый раз передал Иван с отцом на хутор для Варьки полушалок. Красивый, кашемировый. Упросил отца: возьми, отдай, таясь, чтобы ни мать, ни Сергей Миронович того не знали.

Не хотел Захар Миронович, но глянул в Ванькины глаза, увидел тоску глубокую и лишь сказал:

— Выбросил бы ты, Иван, блажь из головы. Не твоя она, Варька. Другую встретишь: эвон на Дону сколько красавиц...

А полушалок все-таки взял, припрятал:

— Сделаю, Иван, но в последний раз. Возьму грех на душу. Отмолю. И ты молись, чтобы Бог не оставил тебя...

Однажды Иван почту заносил и зашел в кабинет атамана. Увидел, как хорунжий Любимов карту Дона разглядывает. Сказал он Шандыбе:

— Бьют наших, Иван, считай, вся Россия на нас ополчилась. Божось, спихнут нас красные, и придется нашему генералу за границу бежать. А мне что делать?.. Тебе ведь тоже с большевиками не жить? Видно, все мы одной веревочкой повязаны...

***

После доклада императору Пауль фон Гинденбург, начальник штаба германских вооруженных сил, позволил себе расслабиться и решил заночевать дома в пригороде Берлина.

В этот год фон Гинденбург впервые почувствовал: германская армия начала терять свою былую мощь.

Это проявлялось в снабжении армии, в нехватке хороших солдат, в их подготовке...

У Германии, конечно, еще есть резервы, но они на Востоке. Там, где в свое время Пауль фон Гинденбург одерживал значительные победы. Взять оттуда триста тысяч солдат и бросить их на франко-английский фронт можно, но это значит, что Германия потеряет Украину и Дон, откуда в фатерланд поступают продовольствие и уголь.

Украина надежно занята Германией, гетман Павел Скоропадский ее верный слуга, а его гайдамаки — крепкий барьер от совдеповской России.

На Дону пока войсковой атаман Краснов, а значит, Германия здесь тоже может чувствовать себя спокойно. Но в последнее время Пауль фон Гинденбург заметил: у Краснова существует оппозиция, которая может повернуть Дон в объятия англо-французов, а те поддерживают Добровольческую армию генерала Деникина. Если Деникин почувствует свою силу, он обязательно постарается подчинить себе Краснова, чтобы действовать по единому плану против советской власти.

Пока генерал-фельдмаршал не видел опасности для Германии со стороны Советов. Германская армия стоит на Украине, ее штыки упираются в Таганрог, Донецк, Ростов и Новочеркасск.

На вчерашнем совещании у императора Вильгельма фон Гинденбург добился очередной мобилизации: Западный фронт требовал новых солдат. Император согласился с начальником Генерального штаба, но сказал, что это чревато недовольством и что зараза социализма уже стучится в двери Германии.

Это больше всего страшит генерала-фельдмаршала, хотя пока он этого не замечает среди германских солдат. Особенно на Востоке, где солдаты хорошо питаются за счет оккупированной Украины.

«Сытый солдат — хороший солдат, — думает Гинденбург, — революционные идеи не полезут в его голову. Надо приказать интендантам улучшить снабжение

на Западном фронте за счет поставок продовольствия с Востока...»

***

Председатель Круга Харламов считал грубейшей ошибкой переизбрание Краснова войсковым атаманом.

— Краснов не боевой генерал, — говорил он в беседах со своими сторонниками. — Ну назовите мне хотя бы одно сражение, хотя бы одну победу, какую он одерживал. Литератор? Мнит себя писателем? Пустая трата времени. Россия богата писателями: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, читайте их, и тогда вас от Краснова воротить будет...

Эти разговоры доходили до войскового атамана. Он негодовал, но что поделаешь, не морду же бить председателю Круга.

В такие минуты Петр Николаевич говорил жене:

— Лидочка, мне кажется, что пора нам подумать об отъезде в твой фатерланд...

Поостыв, он ворчал:

— Эти крысы разбегаются при первых выстрелах, а при виде большевика залезают в свои норы. Но плодятся с поразительной быстротой.

Эти слова генерал умышленно повторил как-то бывшему председателю донского правительства Янову, полагая, что тот передаст их Харламову.

С той поры борьба оппозиции против Краснова еще более усилилась...

Иногда с фронта в Новочеркасск наведывался командующий всеми донскими войсками генерал Денисов. В свое время он проделал значительную работу по реорганизации Повстанческой армии, перестроил ее по принципу регулярных войск в дивизии, бригады, полки...

Но добившись первых успехов, казачьи части не смогли преодолеть, как говорил Денисов, местного патриотизма: дальше Дона земли не существовало.

Краснов и Денисов объясняли это усталостью от войны, от фронтовой жизни.

Но оба понимали: рано или поздно, но боевые действия необходимо перенести за рубежи Дона. Отсидеться в своих куренях большевики не дадут...

* * *

Уводя Добровольческую армию на Кубань, генералы Деникин и Алексеев преследовали разные цели. В первую очередь конечно же пополниться за счет кубанского казачества.

И Алексеев, и Деникин понимали: придется преодолеть сопротивление Кубанского правительства и Рады, стоявших за признание самостоятельности Кубани.

С этой задачей Добровольческая армия справилась. Выбив большевиков с Кубани и тесня их к Каспийскому морю, хорошо организованная Добровольческая армия одерживала новые победы над разобщенными, часто вступающими друг с другом в конфликты красными отрядами.

Это было время строительства Троцким и его военспецами регулярной Красной Армии.

Пополнившись кубанскими казаками и проведя мобилизацию крестьян в Ставропольской губернии, Добровольческая армия хотя и уступала по численности Донской армии, но превосходила ее в моральном духе, была сильна своим офицерским корпусом, идеями единой неделимой России, похода на Москву, «долгом перед Родиной».

В конце 1918 года генерал Деникин из главнокомандующего армией превратился после смерти генерала Алексеева и гибели генерала Корнилова в настоящего вождя добровольцев, получая поддержку и моральную и финансовую от стран Атлантиды. Но придерживаясь идеи единой и неделимой России, Деникин постоянно заявлял, что он сторонник автономии Дона, Крыма, Терека, Армении, Оренбурга, Украины...

Таким образом генерал Деникин добился того, что его армия распространила свое влияние на многие регионы России, в частности, на украинских националистов, оказавших денежную поддержку добровольцам...

Англия и Франция же, заявив Деникину о своей поддержке, на самом деле хотели бы видеть Россию не единой и неделимой, а ослабленной, разделенной на части.

По настоянию Франции 13 ноября 1918 года было подтверждено соглашение о разделе России на «сферы интересов». Французы взяли себе Украину и Крым, а также Донецкий бассейн, куда еще до революции они вложили много средств, а англичане приобрели нефтяные районы Кавказа. После чего к Деникину прибыли военные миссии Англии и Франции, пошло вооружение и боеприпасы. Деникин стал готовиться к походу на Москву.

* * *

Когда говорят о неприязни Деникина к Краснову и Краснова к Деникину и о стремлении Краснова удалить с Дона Добровольческую армию, часто забывают, что между Красновым и Алексеевым были нормальные деловые соглашения. Алексеев и Краснов постоянно переписывались. Краснов не раз высказывался, что готов признать главенство Алексева, если и Донская, и Добровольческая армии будут ему равно подчинены.

Но к великому огорчению и добровольцев, и донцов 8 октября 1918 года генерал Алексеев скончался. Всю полноту власти взял на себя генерал Деникин.

Тогда генерал Краснов обратил внимание на гетмана Украины Скоропадского как наиболее территориально близкого к Дону сторонника борьбы с большевиками. Краснов встретился со Скоропадским, чтобы заручившись его поддержкой, начать наступление на Советскую Россию. Этому потребовали немцы: герман-

ское правительство задумало свалить большевистское правительство и обеспечить поддержку России на будущей мирной конференции.

О чем же шла речь между Красновым и гетманом Скоропадским, которого Петр Николаевич знал еще по совместной службе в гвардии? Гетман говорил атаману Войска Донского с полной откровенностью:

— Вы, конечно, понимаете, что я, флигель-адъютант и генерал свиты его величества, не могу быть щирым украинцем и говорить о свободной Украине. В то же время благодаря своей близости к государю хочу сказать, что он сам погубил империю. Не может теперь быть и речи о возвращении к империи и восстановлении монархической власти. Здесь, на Украине, мне пришлось выбирать: самостоятельность или большевизм. Я выбрал самостоятельность. И в этом ничего худого нет. Предоставьте народу возможность жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить — это невозможно... Какую надо иметь силу для этого? Этой силы никто теперь не имеет. Да и хорошо ли это? Ей-богу, народ устроит все не хуже нас с вами...

Слушая Скоропадского, Краснов думал, что в его словах есть доля истины. Также и он, атаман Войска Донского, мечтал видеть объединенное казаческое государство. Какая сила устояла бы против него? Казачество от Дона к Кубани, Оренбуржья и Терека, Астрахани и Амура...

Скоропадский заговорил о союзе Дона, Кубани, Украины, Грузии, Крыма и Добровольческой армии в борьбе против большевизма.

— Мы все русские, и нам надо спасти Россию. Спасти ее мы можем только сами. Поверьте, никакие немцы, англичане или французы нам не помогут...

Краснов со Скоропадским расстались, условившись, что атаман Войска Донского выступит посредником между Деникиным и гетманом Украины и попробует договориться о военном союзе.

О своей встрече с гетманом Скоропадским Краснов поставил в известность Богаевского. Тот пожал плечами:

— Я, Петр Николаевич, не могу отвечать за Деникина, но боюсь, он захочет многого.

Тем не менее Краснов счел необходимым написать заместителю Деникина генералу Лукомскому о встрече со Скоропадским. Краснов сообщил: гетман хочет обратиться к Добровольческой армии, Дону, Кубани, Тереку, Грузии и Крыму с предложением провести съезд, чтобы выработать общий план борьбы с большевиками. Но Деникин отказался. Он резко высказался против участия в съезде Грузии и Крыма; что касается казачьей автономии, то, по мнению Деникина, она должна была быть значительно урезана.

Узнав об этом, свое несогласие с Деникиным выразил Краснов. Однако от идеи общего похода на Москву атаман Войска Донского не отказался...

В середине 1918 года на Дону появилось значительное количество воинских соединений, которые возглавляли монархически настроенные офицеры. Так, в пределах Донской области и прилегающих к ней возникла Южная армия. Ее руководителем стал генерал Иванов Николай Иудович, живший в Новочеркасске в крайней бедности, душевнобольной человек: Двдцатитысячной армией в сущности руководил генерал Краснов.

Что касается Русской Народной армии, то ее в основном составили антисоветски настроенные саратовские крестьяне. Армия исчислялась одной пехотной бригадой, и ею командовал полковник Маканин.

И уж совсем малочисленной и слабой в боевом отношении была Астраханская армия. Она составляла три тысячи пехотинцев и одну тысячу конников. Армией руководил калмыцкий князь Тундутов.

Эти армии и молодые казачьи дивизии генерала Денисова и решил двинуть на Москву генерал Крас-

нов. Об этом он заявил в начале ноября восемнадцатого года.

Чем объяснялась такая поспешность? Видя неопределенность немцев, Краснов попытался перехватить инициативу у Добровольческой армии в борьбе с советской властью.

Если бы Краснов, начав наступление на Москву, добился успеха, он в глазах союзников становился бы первым лицом в антибольшевистской коалиции.

Но результаты красновского наступления показали несостоятельность планов. Все три армии, и Южная, и Русская, и Астраханская, не получили поддержки у крестьян тех губерний, в которые они вступили. Донская же армия отказывалась переходить границы, и если переходила, то казаки занимались в основном грабежами.

* * *

За Воронежем дивизия молодых казаков, гордость Войска Донского, попала в окружение тамбовских и рязанских курсантов и двух стрелковых бригад.

Казачья дивизия двигалась беспечно, даже конную разведку выслали с опозданием. Полк Мишки Шандыбы шел в голове колонны и первым попал в приготовленный красными «мешок».

Сначала по дивизии ударили орудия. Полки начали перестраиваться, но было поздно. Пехота красных начала наступление.

Вел дивизию сам генерал Денисов. Когда разрабатывался план марша, по данным разведки в районе сил противника не предвиделось...

При первых орудийных залпах Денисов враз понял, что красным удалось скрытно собрать здесь мощный кулак. Генерал немедленно отдал приказ по дивизии отходить, чтобы не быть полностью окруженным и уничтоженным...

Полк Мишки Шандыбы сдерживал неприятеля, по-

ка дивизия не вырвалась из ловко подготовленного «мешка».

Проведя отход частей под губительным огнем красных стрелков и их артиллерии, генерал Денисов понял: эта операция советских частей была разработана не какими-то унтер-офицерами или вахмистрами, а опытными штабными работниками из числа бывших царских офицеров, привлеченных Троцким на службу в Красную Армию.

Только отойдя верст на тридцать, дивизия, потеряв почти четверть своего состава, остановилась...

* * *

За селом Поворино войсковой старшина, командовавший Донским полком, остановил свою часть на ночевку.

Село большое, по-над речкой и леском. Сотня Уса разместилась по хатам, а сам Степка присмотрел, куда хозяйка молодая, ядреная подалась, и полез к ней на сеновал...

Сено духмяное, вроде как на лугах, на той стороне Дона кошеное.

Степан прилег к хозяйке под бок, обнял, задышал жарко, спросил:

— Зовут-то тебя как?

— Дарьей.

— Божий дар, значит. Хорошо кормленая ты, Дарья. Вон какие телеса.

— Какие есть, все мои.

— А муж-то твой где, Дарья?

— Черт его знает. Вас теперь, мужиков, дома не сыщешь. Мотаются, кто в красных, кто в белых. А ночью все одно к бабе льнете...

— Вот и я к тебе тоже.

— Так получай и убирайся, — со злостью ответила Дарья.

Степан нащупал на ее груди монисто, потянул.

— Вот этого не тронь, не тобой дарено, не тебе снимать.

— Тебе, Даш, твой мужик еще добудет.

— Может, и добудет, а ты не хватай. А то я тебя вниз спущу...

Внезапно вблизи затарахтел пулемет. Степка кубарем скатился с сеновала. Потом он часто жалел, что так Дарьей и не попользовался. А горячая была, что печка домашняя, на которой в детстве Степка спал...

Войсковой старшина, собрав сотников в крайней хате, при свете свечи на карте-десятиверстке отдавал приказания.

— Получено донесение: в нашем направлении движутся два батальона красных стрелков. Парамонову и Гараже открыть окопы, занять оборону. Пулеметным расчетам держать дорогу под обстрелом. Тебе, Ус, с сотней быть готовым от речки атаковать красных, как только они пойдут в наступление.

Разошлись. Сотня Уса выехала на указанное место. Издалека доносились голоса, скрежет лопат о каменную землю...

Бой начался на рассвете, когда жаворонок запел в небе.

— Красиво выводит, — заметил кто-то, — поостереглись бы стрелять, мешать птахе.

Степан услышал, как матерно заругался Парамонов. Сотник поднимал своих казаков в атаку. Однако те, будто их не касается, редко постреливали и жались к земле.

А вот красные батальоны, растянувшись цепью, поднялись и с пением пошли вперед.

— Что это они? Никак молятся? — раздались голоса. — Каких-то паразитов поминают?

— Поют, что они землей владеть имеют право...

А паразиты, это мы значит, никогда...

— Вот че! А красиво идут. И смерти не боятся...

— Смерть, она, брат, всегда страшна...

Тут до Уса голос Гаражи донесся:

— ...Вашу душу... иль совдеповцев испугались, в порты наложили? А ну в штыковую!

Степана как толкнуло. Птицей взлетел в седло, саблю выхватил. И услышал за собой топот копыт и крик «Урра!». Припал Ус к гриве, рот ощерил, над головой саблю занес:

— Руби их, в такую мать!

Остановилась цепь, штыки выставила. Да казаки в зверя лютого превратились: летят с гиканьем.

Дрогнула цепь, побежала. Казаки настигают, рубят.

Тут и спешенные подоспели, погнали отступавших красноармейцев.

В бой вмешались пулеметчики. Под их прикрытием отошли красные стрелки...

Глава 29

Германия находилась в преддверии краха. Капитуляция ее стала реальным фактом. Предчувствуя это событие, Ленин говорил на Совете народных комиссаров, что «мы признаем самостоятельность Украинского государства до той поры, пока там стоит германская армия. Как только в Германии поднимется рабочий класс, мы сейчас же поведем работу по освобождению Украины от всех этих самостийников, гетмана, национал-социалистов, петлюровцев...»

Краснов знал, что Германия проиграет войну на Западе. Но он надеялся, что на Востоке немцы удержатся. По его мнению, у Германии было достаточно солдат, чтобы поддерживать порядок на Украине.

В телефонном разговоре со Скоропадским войсковой атаман предупреждал гетмана, что видит со стороны петлюровцев и махновцев растущую опасность для Украины. Петлюра со своей национал-социалистической партией и анархисты Махно подрывают власть Рады и гетмана.

Известие о революции в Германии 9 ноября 1918 года потрясло Краснова. Но он не думал, что это событие отразится на армии, что немцы срочно станут выводить свои войска. Но немцы уходили. Уходили организованно: эшелонами, сохраняя себя как войсковые единицы, с оружием, знаменами, кассой. Краснов говорил жене:

— Лидочка, обрати внимание. В дни таких потрясений немецкие солдаты не побежали, как наши русские, на поезда, повисая на подножках, усаживаясь на крыши товарняков. Как крысы с тонущего корабля...

Немцы ушли, и на Украине загуляли петлюровцы и махновцы.

Гетман Скоропадский, понимая свою слабость, обратился к атаману Краснову с просьбой о помощи. Была достигнута договоренность, что донские войска займут Луганск, Дебальцево, Юзовку, Мариуполь и Беловодск.

Казаки вступили в эти районы. В них назначались донские генерал-губернаторы, чтобы пресечь недовольство местного населения и возмущенные голоса на Украине, заявлялось, что мера эта временная, пока не появится прочная и всеми признанная народная власть.

В занятых районах казачьи войска начали вступать в конфликты с петлюровцами и махновцами...

Уход германских войск и начало боевых действий с украинскими националистами привели к резкому падению боевого духа красновцев. Появились признаки разложения: пьянки, драки, случаи дезертирства не только рядовых казаков, но и офицеров.

Донская армия разваливалась. Из ее рядов с октября 1918 года выбыло сорок процентов рядовых и семьдесят процентов офицеров. И на глазах Краснова гибла его гордость, его «молодая армия». Из трех ее дивизий одна сражалась под Царицыном, другая, после боев на севере области, была переброшена на Украину, последняя стояла в резерве в Новочеркасске, Таганроге и Ростове.

***

Уход немцев с Украины, потеря надежды на Германию, ее армию и финансовую поддержку сделали Краснова беззащитным от нападков оппозиции.

В Новочеркасске подняли головы все враги войскового атамана. Собрались съезды кадетов и монархистов, которые в один голос критиковали Краснова за связь с немцами. Оппозиция искала себе новых хозяев. Она видит их в Англии и Франции. Поскольку Деникин опирался на страны Антанты, то на Кубань под защиту Добровольческой армии устремились все противники Краснова.

Одним из первых в административном аппарате Деникина оказался видный кадетский деятель Дона Парамонов. Перебежал туда же и министр донского правительства Лебедев.

Надо отдать должное Краснову: пытаясь спасти положение, он через барона Майделя начал переговоры с англо-французским командованием. Однако англо-французы на развитие переговоров не пошли. Союзники считали Войско Донское зависимым от немцев и в значительной мере пробольшевистским.

Краснов же самоуверенно считал, что поскольку он владеет угольным Донецким бассейном, то с ним должны считаться. Краснов наивно полагал, что если он, войсковой атаман, заявит о неприятии на донской земле иноземной силы, то англичане и французы будут вынуждены начать торговаться.

Краснов предложил всем государственным образованиям на территории бывшей Российской империи провести мирную конференцию из представителей Украины, Дона, Кубани, Польши, Добровольческой армии, Белоруссии и Сибири, чтобы решить, будет Россия монархией или республикой, из каких частей она будет состоять, каковы будут ее границы.

Предложение по созыву конференции было послано Деникину. В ответ Деникин в письме к Краснову пред-

ложил провести конференцию в Яссах, а поскольку представителей от всех территорий собрать вряд ли удастся, то в первую очередь пригласить союзников и самых известных людей России.

Кроме того, Деникин писал, что первым шагом к «собираанию земли русской» будет решение вопроса об общем командовании.

К союзникам донская и добровольческая делегации поехали порознь. Помимо этого приехали еще несколько делегаций, которые предлагали англо-французам в ответ на признание и военную помощь свою поддержку.

Любопытно, что Краснов, глава своей делегации, требовал: пока нет единой России, считать Войско Донское самостоятельной демократической республикой.

Донцы в Яссы опоздали. Признать их требования французский генерал Бертелло отказался — таких полномочий он не имел. Однако донцы получили пять с половиной тысяч винтовок, сорок семь пулеметов и два миллиона патронов.

Но в Яссах донская делегация убедилась, что Франция вопреки Англии не хочет дробления России. Французы заинтересованы в единой и неделимой России, способной противостоять будущей Германии и могущей оплачивать российские долги.

Именно такую Россию Франция видела в лице Деникина. Он выступал от имени всей России, а не от каких-то ее отдельных территорий. Это стало решающим фактором. Глава англо-французской миссии генерал Пуль направился на встречу к Деникину, а Краснову пришлось довольствоваться встречами с офицерами с миноносцев, вошедших в Азовское море.

***

Холодный ветер с колючей порошей заставлял ежиться, закрывать лица.

Ноябрьский ветер дул с Дона, гнал по брусчатке за-

сохшую листву, тархтел железом по крышам, рвал ставни с петель. Давно уже Новочеркасск не видел такой непогоды...

Ждали зимы. По бульжным мостовым ездили ломовые извозчики, зазывно выкрикивали:

— Угля! Кому угля! Антра-ацит!

В один из ноябрьских дней по Новочеркасску прошел слух о прибытии в Азовское море эскадры англо-французских миноносцев и что вскоре надо ожидать в столице Войска Донского союзническую делегацию.

Краснов был огорчен. Он ожидал, что к нему придет сам глава миссии генерал Пуль, но тот отправился к Деникину, тем самым подтвердив, что Добровольческой армии отдается приоритет.

Однако и тем представителям, которые должны были появиться в Новочеркасске, следовало уделить должное внимание...

А по городу загуляли новые слухи: в Новороссийске началась высадка союзнического десанта, который совместно с Добровольческой армией и Войском Донским вот-вот начнет общее наступление на Москву.

Вскоре стало известно, что в Таганрог отправлен почетный караул из лейб-гвардии Атаманского полка. Все двести казаков были специально одеты в новенькую форму.

Хорунжий Любимов велел Шандыбе нацепить на гимнастерку Георгиев.

— Тебе, Иван, предстоит иногда появляться перед послами, так пусть видят, какие наши донцы герои.

Шандыба спросил ненароком:

— А стариков из Круга вызывают?

Любимов расхохотался:

— Ну, Иван, придумал. Чтоб союзники увидели нашу донскую дремучесть? Как деды бородами трясут да от глухоты ладони к волосатым ушам подносят?..

Богаевский спросил Краснова:

— Если генерал Пуль поехал к Деникину, то чего ради эти сюда едут?

— Я думаю, их цель — политическая рекогносцировка. Воочию ознакомиться с положением дел на Дону...

Из Таганрога сообщили: в Новочеркасск придут англичане: капитан Бонд, лейтенанты Блумфельд и Монро и французы капитан Ошен и лейтенанты Дюпре и Фор.

Узнав состав миссии, Краснов расстроился: слишком уж непредставительная делегация. Богаевскому он сказал:

— Что поделаешь, Африкан Петрович, на безрыбье и рак за рыбу сойдет...

Именитых гостей у атаманского особняка встречали сам Краснов с войсковым правительством и архиепископ собора Гермоген со священниками. Стоял почетный караул, было огромное стечение новочеркасского люда. Под донской гимн, сыгранный войсковым оркестром, гостей провели в дом.

Когда гости разделись, Шандыба с удивлением увидел множество наград на их мундирах.

«За какие же подвиги они награждены? Может, ходили в конные атаки или бились с противником в штыковой? А может, за долгое сидение и кормление вшей в окопах?» — думал Иван.

И не мог не заметить простой казак из донского степного хутора, сколько спеси было у заграничных офицеров, как высокомерно они разговаривали с донскими генералами. В сопровождении именитых новочеркасцев союзники прошли в зал, где от обилия донских вин, рыбных и мясных блюд ломились столы. Пел хор певчих, играла музыка. В зале сразу забывалось, что где-то существует Советская Россия; казалось, есть только Войско Донское и ему процветать многие лета.

Во главе стола поднялся генерал Краснов:

— Господа союзники, вы находитесь в зале, со стен которого на вас смотрят герои той войны, когда жители Парижа приветствовали своих освободителей, донских казаков. Это герои войны 1812 года Платов, Ило-

вайский, Денисов... Сегодня уже донские казаки взирают на вас с великой надеждой. Мы вручаем вам судьбу Дона и нашу судьбу... В эти суровые дни, когда мы испытываем угрозу большевизма, мы все надеемся на английский и французский народы, на ваши армии. Мы молимся, чтобы Бог вразумил русский народ и он с вашей помощью восстановил единую и неделимую Россию...

Речь Краснова была длинной. Он с пристрастием описал ужасы большевизма, в конце выступления еще раз подчеркнув, что сделала Россия и ее император Александр Первый для Франции.

В ответном слове капитан Бонд от себя и от капитана Ошена заверил донское правительство, что они, Бонд и Ошен, являются официальными представителями держав Согласия и что им приятно видеть порядок на Дону, что Англия и Франция — союзники России в войне с Германией и Россию они видят только единой и неделимой...

В заключение капитан Бонд сказал, что он поднимает бокал за великую Россию и хотел бы услышать ее старый прекрасный гимн.

Генерал Краснов, повернувшись к гостям, громко повторил:

— За великую, единую и неделимую Россию!

Зазвенел хрусталь. Оркестр заиграл «Боже, царя храни...»

* * *

После того как Добровольческая армия закрепилась на Кубани и отряды красногвардейцев были вытеснены к Каспийскому морю, Деникин провел мобилизацию в армию крестьян и казаков. Армию добровольцев пополнили войска Покровского и Шкуро. Но в лагере Деникина наметился раскол.

Стремление Добровольческой армии очистить Кубань от большевизма вызвало одобрение у казачества.

Но впоследствии, когда стало ясно, что Деникин старается о восстановлении старого режима, среди кубанского казачества пошли разговоры о самостоятельности, о сближении с Украиной. Подобные настроения были и у правительства Кубанской рады.

Именно в те дни генерал Краснов заявил, что он отказывается признавать Особое совещание при Деникине, поскольку Особое совещание властью не является. Тем паче что и на Дону и на Кубани существуют свои правительства.

Генерал Краснов высказал предложение, чтобы в будущем все переговоры велись «единым казачьим фронтом: все казаки — союзники друг другу».

Краснов определился и в отношении Украины: Дон не вмешивается в ее дела, донские казаки лишь защищают свои западные границы.

Побывав на Дону, кубанская делегация осталась очень довольна порядками, наведенными здешним правительством. Положением дел на Дону и в Донском угольном бассейне остались довольны и Англия с Францией, отдав должное генералу Краснову. Но вместе с тем и генерал Пуль высказал пожелание, чтобы атаман Войска Донского все-таки подчинялся генералу Деникину.

***

После посещения союзнической миссии авторитет Краснова несколько укрепился, хотя оппозиция по-прежнему отрицательно относилась к атаману Войска Донского за его бывшую лояльность к немцам.

Многие простые казаки наивно считали, что в скором времени союзники заставят казачество и большевиков пойти на мировую.

Краснов понимал несбыточность этих надежд и постоянно повторял, что главная задача донских и кубанских казаков — это совместный поход на Москву. Атаман Войска Донского при этом «нажимал» на со-

юзников, утверждая, что Дон может пойти и на мировую с большевиками, дескать, казаки уже выполнили свою задачу, освободили Дон от коммунистов. В одном из посланий генералу Пулю Краснов писал, что «для дальнейшей борьбы с большевиками Дон не может нести тяготы в прежнем стопроцентном масштабе и может уделить на эту борьбу во всяком случае не больше двадцатипроцентной силы, а семьдесят пять процентов работоспособных казаков нужно обратить на восстановление разрушенного хозяйства. С этим должны считаться и союзники, и Добровольческая армия».

***

Из окна вагона Иван Шандыба видел станционные постройки Ростова, еще не закованный льдом Дон, городские улицы. С правой стороны остался рабочий Темерник. Потом заросли камыша, водяные блюдца, батайские плавни.

Поезд шел и шел вначале по донской земле, миновал станцию Степную — кордон Дона и Кубани. Потянулось степное кубанское раздолье. Здесь стали чаще встречаться курганы, сторожевые и могильные.

Снег покрыл озимые поля. Сюда по весне придут хозяева, бросят в землю яровые, подсолнечник, бахчевые.

Шандыба увидел, как заяц, уже сменивший шубку, поднялся на задних лапах и скачками пошел петлять, пока не скрылся в мелком терновнике. Заяц напомнил Ивану те времена, когда он на хуторе ставил силки...

Поезд миновал будку обходчика и, не останавливаясь, направился на станцию Кущевская.

В поезде было всего три вагона. В среднем ехал Краснов, атаман Войска Донского. Шандыба знал: генерал отправляется на встречу с главой союзнической миссии генералом Пулем.

«К чему атаману потребовалось встретиться с англичанином? Да еще в такую пору?» — размышлял Шандыба...

Поезд остановился на втором пути. На первом, что рядом с Куцевским вокзалом, стоял поезд англичанина.

Из заднего вагона красновского поезда высыпали казаки лейб-гвардии Атаманского полка, построились в почетном карауле. Шандыба помог Краснову сойти на перрон. Атаман миновал караул, поднялся в вагон-салон генерала Пуля.

О чем говорили генералы, Шандыба, естественно, не знал, хотя их разговор для неискушенных людей показался бы обычным: виды на урожай, торговля на Дону, валюта. Пуль высоко оценил хозяйственные и военные способности генерала Краснова, отметил, что Дон не только освободился от большевиков, но и успешно отражает попытки реставрации союда.

Когда Пуль заговорил о боевых качествах донских и кубанских казаков, Краснов понял, о чем англичанин поведет речь дальше: казакам совместно с добровольцами надо очистить всю Россию от Советов.

Выслушав англичанина, Краснов сказал:

— Я признаю необходимость совместных действий. Но надо учитывать, что казак еще и хозяин: землепашец, земледелец. Ему кормить семью надо, и он этому должен время уделять, а не воевать круглый год.

Пуль понял, что двинуть казаков на Москву без реальной помощи союзников маловероятно...

Краснов поднялся. Пуль, прощаясь, заметил, что он хотел бы видеть генерала Деникина во главе всех тех сил, каким суждено будет спасти Россию...

***

Захар Миронович, укрывшись на базу, затачивал колья под виноградник. Прошлой осенью он привез из Кривлянской несколько лоз, решил виноград развести.

Приспособившись на пеньке, Захар Миронович тесал колья, а сам о своем думал. Давно не было писем от

Мишки с Украины. Иван все также при атамане состоит. Недавно Степка Ус письмо с раненым казаком из Вешек передал. Фронт вот-вот рухнет, и большевики на Дон ворвутся. Генерала Деникина офицеры по станциям и хуторам мотаются, добровольцев собирают. Страдают, что не простится казакам восстание, иных постреляют, а иных сошлют, куда Макар телят не гонял. А земли казацкие будут распахивать рязанские и тамбовские мужики.

Донское правительство по указке Краснова проводит новую мобилизацию.

«Позиционеры, — думал Захар Миронович, — кричат войскового атамана. Особенно упорствует председатель Войскового Круга Харламов. Он носит с идеей создания единого командования донцов и кубанцев».

Захар Миронович взялся за очередной кол, когда на баз вошел Сергей Минаевич.

— Зря стараешься, кум, аль не слышал, че Краснов удумал?

Захар Миронович вогнал топор в пенек.

— Что удумал?

— А то, что мы скоро, кум, с тобой хозяевами не будем.

— Это как понять? — поднял седые брови Захар Миронович. — Аль большевики сюда идут?

— Большевики — иной сказ, они чужие. А вот когда свои такую же линию гнут, тут куда горше.

— Че, кум, сказки сказываешь, вертишь, как твой Серко хвостом, — начал злиться Захар Миронович.

— Вот послушай: есть указ самого атамана Войска Донского. Указ еще осенний, да его все спускать не осмеливались. Весь хлеб продовольственный и кормовое зерно за прошлый год надлежит сдать по 10 рублей за пуд. А весь новый урожай под учет в распоряжение Войска Донского...

— Вот те раз, аль я не хозяин своему зерну? — возмутился Захар Миронович.

— Да так оно получается. Говорят, что ежели поспешишь, премию дадут.

— Это, кум, навроде продразверстки большевистской...

— Выходит, что так. Я своего Степу увижу, скажу: ты что же, сукин сын, за такую власть воюешь...

— Да уж это точно, еще Георгия заработает...

Достав кисет, Захар Миронович свернул самокрутку, протянул кисет Сергею Мироновичу:

— Закуривай, кум, время подходит, того и гляди нас и табаку лишат.

— Поживем — увидим...

***

Началось новое большое наступление красных. Ожесточенные бои развернулись на юго-востоке Дона. Красноармейские отряды просачивались вглубь степей, рыскали по станицам и хуторам. Казаки же самовольно покидали части, разбегались по домам. Сотня Степана Уса отбилась от полка. Однако Степан сказал:

— Ничего, пусть не думают большевики, что поставили нас на колени. Мы еще повоюем.

Установили усовцы три «максима» на тачанки и пошли гулять, наводя страх на красные отряды. Никого не щадили. Там, где проходила Степкина сотня, кровь лилась щедро...

***

Генерал Денисов в последнее время сильно сдал. В свои тридцать четыре года выглядел на все пятьдесят. Невысокого роста, худой, он почти не покидал передовую. Днем объезжал части, выступал перед казаками, ночами с начальником штаба генералом Поляковым сидел над картами.

В последнее время Денисов редко наезжал в Новочеркасск, нечем было ему порадовать войскового

атамана. Красные нажимали по всей границе, они бросали в бой все новые силы, снимая их с других фронтов.

Как-то Денисов сказал Полякову:

— Предчувствую, что скоро фронт развалится совсем. Казачки так и норовят по станицам разбежаться, под женины юбки спрятаться.

— Святослав Варламович, не пора ли Краснову объединиться с Деникиным? У того есть силы, и их помощью мы устоим.

— Боюсь, Деникин выдвинет условия, на которые Краснов не пойдет.

— А не получится ли, что красные будут бить нас поодиночке?

Денисов промолчал, принялся ходить между столами с картами. Наконец ответил:

— Я рассчитывал на патриотизм казаков, но оказалось зря. Большевистская агитация пересилила. Чувствую, со временем поплатятся наши казачки, да будет поздно. Продразверстка — это еще цветочки, а вот когда ягодки созреют...

Денисов остановился у окна и, глядя в темень ночи, промолвил:

— Завтра с утра поеду в Новочеркасск. Буду говорить с атаманом.

***

Генерал Денисов легко взбежал по ступеням атаманского особняка. Подскочившему Шандыбе сбросил на руки шинель, приказал:

— Доложи!

Краснов встал из-за стола, двинулся навстречу Денисову:

— Вы, Святослав Варламович, очень кстати. Намечается созыв Круга. Мутит воду оппозиция. — Он указал на кресло, сам уселся напротив. — Как обстановка в армии?.. Если бы союзники прислали хотя

бы два-три батальона своих солдат, казаки сразу почувствовали бы себя уверенней... Но у наших союзников куриные мозги. Они считают, раз Германия потерпела поражение, то можно почивать на лаврах. О, нет, они плохо знают немцев, их воинственный арийский дух...

Краснов, пригладив ладонью волосы, повторил вопрос:

— Так что делается на фронте?

Денисов встал, подошел к висящей на стене карте Дона:

— Петр Николаевич, нам нужна победа. Она должна вселить в казаков уверенность. И поскольку наши новые союзники, в отличие от немцев, дерьмо, то я предлагаю...

Поднявшись, Краснов подошел к карте.

— ... в течение десяти дней перебросить лучшие наши части от Царицына и Астрахани на Северный фронт и, сосредоточив их, начать здесь наступление. Чего мы этим добьемся? Освободив северные станицы, побывавшие в ярме большевиков, мы поднимем там казаков на восстание. Одновременно мы внесем в наши части дух патриотизма, которого сегодня нет... И отсюда мы начнем наш путь на Москву...

Глядя на карту, Краснов долго молчал, потом спросил:

— Святослав Варламович, а не попытаются ли красные прорваться на нашем Восточном фронте, пользуясь его ослаблением?

— Это я учел. Здесь мы подготовим глубоко эшелонированную линию обороны.

— До начала Круга подготовить такую операцию вы не сумеете. А вот по прошествии Круга подумаем. Надо хорошенько все взвесить и обсудить с генералом Поляковым. И если судьба будет к нам благосклонна, то с Богом. Я поздравляю вас и вашу семью, Святослав Варламович, с наступающим Рождеством Христовым...

***

На станции Торговой, что ближе к царицынской ветке, на другой день после Рождества было суетно. Прибыли генерал Деникин, атаман Войска Донского Краснов, главнокомандующий Донской армией генерал Денисов, генерал Щербаков, отвечающий за связь Деникина с союзниками, генерал Смагин и еще ряд высокопоставленных лиц.

Заранее подогнали два комфортабельных вагона, один — для совещаний, другой — под ресторан.

Генерал Деникин вел себя уверенно. Он был убежден, что Донская армия на грани развала.

Краснов приехал, так и не дождавшись высадки союзного десанта в Новороссийске. Генерал Пуль продолжал настаивать: объединитесь, признайте Деникина главнокомандующим, и мы вам поможем.

Накануне генерал Денисов проинформировал Краснова об обстановке на Донском фронте, и войсковой атаман вынужден был пойти на «оперативное объединение».

Выступая на совещании, генерал Деникин предложил кроме единства военного еще единство государственное на основе «полного признания автономии новых государственных образований». Причем предполагалось, что Донская армия в оперативном отношении подчинится Деникину, но ни одна ее часть не будет уведена с Дона, если Дону будет угрожать опасность. За поставленное союзниками оружие Дон будет платить углем.

Краснов поднял обе руки в знак протеста.

— Нет и нет, — заявил он, — единое командование невозможно: это приведет к тому, что казаки разойдутся по станицам.

Его поддержал генерал Денисов:

— Казаки не потерпят подчинения русским генералам...

Донцы предложили: чтобы успокоить союзников, надо объединиться чисто формально.

Деникин отверг это предложение и потребовал реального подчинения. В знак протеста он дважды пытался покинуть совещание.

На сторону Деникина встал и Щербаков. Он сказал:

— Единое командование невозможно, но его требуют союзники. Мы все должны понять главное: затыкая соглашение, мы не получаем помощи извне...

За обедом велись общие разговоры. Когда покидали вагон-ресторан, Краснов заметил:

— Лучше бы иметь командующим какое-то третье лицо, чтобы и Антон Иванович, и я, и командующий Донской армией ему подчинялись.

— Кого вы имеете в виду? — спросил генерал Щербаков.

— Я предложил бы адмирала Колчака.

— Но он далеко на востоке.

— К чему спорить, — вмешался генерал Самгин. — Соглашение есть. Нужно его оформить.

Едва сели за стол совещания, как Деникин вновь вознамерился уехать. Краснов остановил его:

— Антон Иванович, ввиду сложившейся обстановки я считаю необходимым признать над собой ваше верховное командование, но при сохранении автономии Донской армии и подчинении ее вам через меня. Давайте писать приказ.

Деникину подали бумагу и чернила. Он собственноручно написал и подписал документ.

Краснов, прочитав, от себя добавил:

«Объявляя этот приказ Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России Донскими армиями, подтверждаю, что по соглашению моему с генералом Деникиным Конституция Всевеликого Войска Донского, Большим Войсковым Кругом утвержденная, нарушена не будет. Достояние Дона, вопросы о земле и недрах, условия быта и службы Донской армии этим командованием затронуты не будут, но делается это с весьма разумною целью достижения единства действий против большевиков».

Генерал Денисов, прочитав дописанные Красновым строки, огорчился:

— Петр Николаевич, вы подписываете себе и Донскому Войску смертный приговор.

Краснов вздохнул:

— Святослав Варламович, вы прекрасно понимаете: я подчинился воле союзников. Я выполнил их условие, чтобы они оказали Дону и добровольцам военную помощь.

Добровольцы тоже были недовольны результатом совещания и особенно припиской, сделанной Красновым. Генерал Драгомиров упрекнул Деникина:

— Эта приписка уничтожила весь смысл единого командования.

Деникин устало махнул рукой:

— Делайте что хотите...

***

Через два дня в Новочеркасск прибыл генерал Пуль. Он был доволен.

— Союзники, — улыбался Пуль, — несомненно окажут помощь донскому казачеству. Хотя целый ряд чисто технических трудностей не позволяет сделать это быстро.

На вопрос Краснова, какие конкретно трудности мешают союзникам, Пуль ушел от ответа. За Пуля ответил генерал Свечин, посланец Дона в Париже. Он написал войсковому атаману: «Нет ни одного солдата и даже офицера, который не только желал бы продлить войну, но даже слышать об этом не может... Английский генерал Томсон (генерал-квартирмейстер при английском правительстве на мирной конференции) на завтраке сказал, что Англия не даст живой силы. Американский член конференции Сесиль (бывший член правительства) говорил при мне: снабжение дадим, живой силы — нет».

Развал фронта еще можно было бы на некоторое время приостановить, окажи союзники реальную помощь.

Но слова, не подкрепленные делом, окончательно разложили войска. Казаки покидали фронт. Краснов писал Деникину: «Главное, на чем играют агитаторы, — это отсутствие союзников. Они говорят, что казаков обманывают, и это в связи с утомлением, большими морозами и тяжелыми условиями борьбы на севере вне железных дорог разлагает северные станицы, и они очищают фронт».

В агитационных целях Краснов просил Деникина прислать хотя бы один батальон иностранцев, тогда, считал он, можно будет отстоять Дон.

«В противном случае, — писал Краснов, — пройдет короткое время, несколько недель, и тогда Дон надо будет отвоевывать, как придется отвоевывать Украину».

Впоследствии Краснов вспоминал: «Как только война перестала быть национальной, народной — она стала классовой и как классовая не могла иметь успеха в беднейшем классе. Казаки и крестьяне отошли от Добровольческой армии, и Добровольческая армия погибла».

Краснов попытался еще раз обратиться к Деникину за помощью в лице союзников на царигинском фронте. Главнокомандующий согласился при условии передачи на этом участке командования генералу Врангелю, на что Краснов ответил категоричным отказом.

На этом все попытки генерала Краснова получить хотя бы малейшую поддержку от Добровольческой армии закончились. Теперь атаман Всевеликого Войска Донского судил, что скажет Войсковой Круг.

* * *

От Вешенского округа на Круг поехали Захар Миронович с Сергеем Минаевичем.

По февральскому снегу добрались в кошевке¹⁶, поставленной на полозья, в теплых кожухах, подшитых валенках. Так, в одежде, и на заседание Круга явились: в зале было холодно, печи грели слабо.

Вел собрание председатель круга Харламов, один из главных противников Краснова.

Накануне оппозиция решила первый удар направить против Денисова, обвинив его во всех неудачах Донской армии.

От генерала потребовали отчета. Но что мог сказать Денисов? Не мог же он ответить, что все последние дни они с начальником штаба генералом Поляковым разрабатывали наступательную операцию на Северном фронте. Сюда подтягивались лучшие дивизии Донской армии.

Оппозиция взваливала на генерала Денисова обвинение за обвинением.

Мало что смыслившие в боевых операциях Захар Миронович с Сергеем Минаевичем соглашались с выступавшими. Но вот слово взял войсковой атаман Краснов. Речь его была направлена в защиту Денисова.

— Не рушьте армию, господа делегаты Круга, одумайтесь, что вы делаете? Враг идет, чтобы нас уничтожить. Ваше недоверие к командующему армией генералу Денисову и начальнику штаба Полякову я отношу всецело и к себе, потому что являюсь верховным вождем и руководителем Донской армии, а они только мои помощники... Устранить их от сотрудничества со мной — это значит отрубить у меня правую и левую руки.

Закончил свою речь Краснов решительно:

— В таком случае я отказываюсь от должности донского атамана и прошу избрать мне преемника.

Он покинул заседание под шум зала.

— Смотри, — говорил Захар Миронович, — я считаю, Круг неверно поступает, когда атаману недоверие выказывает.

— Может, оно и так, кум, но семь округов против атамана?

— А черкашня за него. А там три округа. Я за Краснова буду голос держать...

Председатель Круга Харламов предложил:

— Сделаем перерыв на обед, а потом проголосуем по округам. Как они решат, так и поступим.

Знал Харламов, знала и оппозиция: округа выскажутся против Краснова. Его обвинят и в том, что союзники не дали помощи, и что он не соглашался на объединение с Деникиным...

Когда все выкричались и поставили на согласование, то отставка Краснова была принята, только «черкасия» покинула Круг... Краснов лишь покачал головой:

— У зависти черные крылья...

16 февраля на Круге ждали генерала Деникина. Краснов выехал ему навстречу, чтобы лично доложить о положении на фронте и в Войске.

Под станицей Куцевской генералы встретились.

Узнав об отставке Краснова, Деникин нахмурился:

— Жаль, что меня не было на Круге, я бы не допустил этого.

Краснов ответил:

— Сейчас настроение Круга и Войска таково, что любое ваше желание будет исполнено. Казаки видят в вас спасителя и все для вас сделают.

Краснов хотел остаться атаманом и ждал поддержки Деникина. Но командующий Добровольческой армии видел атаманом Всевеликого Войска Донского своего соратника Африкана Петровича Богаевского. Пообещав Краснову поддержку, Деникин не приложил к этому никакого усилия.

На Круге же Деникин обещал Дону полную поддержку, а затем, отобедав у Краснова, отправился на фронт в район Донецка...

Петр Николаевич стал готовиться к отъезду. Сказал жене:

— Лида, мы поедем в Батуми к брату, отдохнем. Когда советская власть рухнет, возвратимся в Петербург и заживем прежней жизнью.

— Нет, — решительно возразила Лидия Федоровна, — в этой стране ты постоянно ходишь по лезвию ножа. Уедем в Германию; надеюсь, ты не забыл, что

это моя родина. Ты снова вернешься к литературной работе, обретишь покой за письменным столом. Ведь ты не только генерал, но и писатель.

Сжав виски ладонями, Краснов долго сидел, глядя в одну точку. Наконец поднял на жену глаза:

— Хорошо, Лидочка, поедем. Но я обязательно вернусь, когда родина будет во мне нуждаться...

* * *

Накануне Краснов отпустил Любимова и Шандыбу попрощаться с родными. Иван робко спросил генеральшу о Варьке. Лидия Федоровна сказала:

— Если она такая же честная, как вы, я обещаю, что возьму ее в горничные.

Февраль был снежный и непостоянный: мороз то ударит, то отпустит. Шофер вел машину осторожно, не торопясь. Любимов и Шандыба сидели молча. Да и о чем тут говорить?

Трудно, ох как трудно прощался Алексей с близкими. Чувствовал, что не на год и не на два покидает родные места. Доведется ли еще повидать стариков? Или хотя бы побывать на их могилах?

У Ивана расставание прошло легче. Не задумывался он особо: уезжает и уезжает. Ко всему, не один покидал хутор. Варька согласилась сразу, а дома сказала:

— В Вешки поеду к доктору.

В машину села, кутаясь в полупалок. Всю дорогу жалась к Ивану. О Степане не думала: три года не жила с ним, а мучилась. Да и где он, Степан?

В Новочеркасске в особняке атамана суетились, паковали вещи. Лидия Федоровна сразу же забрала Варьку к себе, а Иван стал помогать Краснову разбирать книги и рукописи. Сгущались сумерки, когда в комнате хорунжего Любимова раздался выстрел. Иван вбежал первым и увидел: лежит на ковре Алешка, а рядом наган...

Хорунжего Любимова похоронили в Новочеркасске на следующий день. Было зимнее хмурое утро. Провожали Алексея генерал да несколько старых товарищей. Когда Любимова опускали в могилу, Краснов сказал, смахивая то ли слезу, то ли растаявшую снежинку, ползущую по щеке:

— Многие годы ты верно служил мне, сколько войсковых частей поменяли... Но вот за рубеж со мной не поехал: видно, Дон родной удержал тебя. Не буду судить: права такого не имею. Пусть земля отцов примет твое тело...

* * *

На станцию Новочеркасскую стекался народ. Создавалось такое впечатление, что ехали и шли со всего Дона проститься с бывшим атаманом. Даже из бывших противников нашлись такие, кто уже жалел об отъезде генерала Краснова.

Шандыба с Варькой еще с вечера привезли на вокзал вещи, занесли в вагон. Сидя в первом купе, стали ждать приезда генерала с женой.

Ивану было невесело. Тяжело переживал он смерть Алексея, свой отъезд. Думал: когда война закончится да большевиков прогонят?

А вот Варька была спокойна. Она — не одна, и скоро начнется новая жизнь. Скоро она окажется далеко, где нет войны и люди живут по мирным законам. И она, Варька, увидит эту жизнь...

Погода начала меняться, пошел дождь, люди прятались под зонтиками, уходили в буфет на вокзале.

Уже начало темнеть, когда подбежали Краснов с женой, Богаевский и генерал Сидоркин, назначенный вместо Денисова командующим донскими войсками.

Краснову вручили цветы, заиграл оркестр. Петр Николаевич поднялся с сопровождающими в вагон, прошел в купе. Поезд медленно тронулся, оставив позади толпу провожавших...

Хотя Краснов был уже лицом частным, на перроне Ростовского вокзала выстроился караул от лейб-гвардии казачьего полка со штандартом¹⁶ и трубачами.

Командир полка генерал Дьяков поднялся в вагон:

— Ваше превосходительство, полк, которым еще ваш дед командовал, просит выйти к нему.

Надев шинель и папаху, Краснов последовал за Дьяковым. Едва взялся за поручни, как трубачи возвестили о его появлении. Замер почетный караул, а с привокзального двора донеслись повторы команд.

Поздоровавшись с караулом и услышав ответное «Урра!», Краснов направился на привокзальную площадь, где его ожидал полк. Спешившись, стояли неподвижно сотня за сотней, прощаясь с бывшим атаманом Всевеликого Войска Донского.

Чувствуя комок, подступивший к горлу, Краснов вышел на середину площади и заговорил:

— Дорогие лейб-гвардии казаки, я тронут вашим вниманием. Сегодня я уже не ваш атаман и нет у меня права на почетный караул. Вы пришли сюда со святым штандартом, чем оказали мне высокую честь и внимание. С вами, дорогие донцы, я связан кровными узами. В ваших рядах служили мои предки, ваш полк водил когда-то мой дед... Когда я служил в лейб-гвардии Атаманском полку и был с вами в одной бригаде, я много раз стоял со своим Атаманским штандартом подле вашего штандарта. Служите же Всевеликому Войску Донскому и России, как служили ваши отцы и деды, как подобает служить первому полку донского войска, доблестным лейб-гвардии казакам. Благодарю вас за верную и доблестную службу в мое атаманство на Дону...

Генерал Краснов направился к почетному караулу, остановился перед штандартом и, преклонив колена, поцеловал полотнище. Многие казаки плакали...

У вагона, где стояли Богаевский и Сидоркин, Краснов попрощался с провожающими, и вскоре поезд с бывшим атаманом Всевеликого Войска Донского тронулся.

Глава 30

И куда только не бросала жизнь Ивана Шандыбу с той ночи, когда поезд увез его из Новочеркасска! Одной эмигрантской судьбой оказался он повязан с генералом Красновым. В Крыму у Врангеля побывали, в Прибалтику к Юденичу угодили, но поход его армии на Петроград не удался, а быть газетчиком Петр Николаевич не пожелал...

Первые годы эмиграции оказались тяжелыми. Пожили Красновы в Париже, всякого насмотрелись. Сколько бывших сановников, министров, князей и графов повидал Шандыба — не перечесть. И у всех одни разговоры: скоро советская власть рухнет и предстоит возвращение на родину. Но советская власть продолжала стоять, хотя Россия переживала голодные годы, коллективизацию.

Красновы жили литературным заработком. Иван бегал по издательствам, отвозил рукописи, забирал книги. В издательствах он узнал, что в Советский Союз вернулся писатель Толстой, который иногда появлялся у Красновых: пил чай и подолгу вел беседы с Петром Николаевичем о войне, о Донской республике, о Добровольческой армии...

Затем Красновы перебрались из Парижа в Берлин. То ли родственники Лидии Федоровны уговорили, то ли соблазнились покупкой своего домика.

Но как бы то ни было, а Иван с Варькой поехали со своими хозяевами. Шандыба по-прежнему служил генералу, а Варька была при Лидии Федоровне.

В Берлине из старых знакомых иногда заходил генерал Шкуро, седой, маленький, кругленький, как колобок, вечно куда-то торопящийся старичок. И кто бы мог подумать, что имя этого старика наводило ужас на врагов. Это его сотни творили черные дела на Кубани и в Ставрополье. Надолго запомнился там корпус генерала Шкуро...

Бывали в красновском доме и другие генералы, все

больше из казачьих: Балабин, Доманов. Как-то заехал генерал Ткачев, Шандыба знал его еще по Парижу, а раньше видел в Крыму, где Ткачев у Врангеля командовал авиацией. Но Ткачев с Красновым не сошелся во взглядах: он мечтал вернуться в Россию с покаянием.

Домик Красновых стоял в пригороде Берлина: маленький садик, дорожки посыпаны песком с ракушечником, кустарник и цветы. День у Ивана начинался рано. Сначала кустарник подстрижет, потом за генеральский кабинет принимается. Кабинет весь в шкафах с книгами да с подарками памятными; сабля со времен еще службы в царской армии, часы с цепочкой, на которой брелок в виде памятника Ермаку, что в Новочеркасске стоит... А по стенам портреты государей российских и атаманов донских.

Когда не было гостей, Красновы жили тихой будничной жизнью. Петр Николаевич трудился допоздна, утром пил крепкий чай и снова садился за письменный стол. Лидия Федоровна разбирала многочисленную почту: газеты, издательские извещения, письма читателей...

Однажды, уже в Берлине, повстречал Иван Шандыба земляка из Вешенской и от него узнал, что отец и мать его умерли, а брата Мишку срубил буденновец в конной атаке...

Еще узнал Иван, что Степку Уса расстреляли, потому как тот гулял по Дону со своей сотней и не щадил ни одного ревкомовца, сжигал их курени и расстреливал семьи...

О Степановой смерти сказал Иван Варьке. Та разок всплакнула и забыла, будто и не был Ус ей мужем...

Город Берлин Шандыбе нравился: чистые улицы, много зелени и везде порядок. Когда Красновы только перебрались в Германию, они повидали манифестации: с транспарантами, красными знаменами, с полицией, охранявшей колонны...

Но со временем иные демонстранты появились. Молодые крепкие парни со свастикой на рукаве, в корич-

невых рубахах. Они кричали приветствия своему вождю, иногда громили еврейские магазины, шумели в пивных барах и подвальчиках.

Вскоре Шандыбе стало известно: новое движение — нацисты — охватило всю Германию. Все чаще и чаще стали появляться на улицах люди с красными повязками с черной свастикой. Собираясь в толпы, они выкрикивали лозунги, приветствуя Гитлера, своего вождя. Иван видел портреты Гитлера на стенах домов, на тумбах с объявлениями.

Генерал Краснов к движению национал-социалистов относился просто:

— Версальский мир обделил Германию. Англия и Франция хотели, чтобы она не имела ни армии, ни флота, ни авиации. Но уважающая себя страна такого не допустит, и Гитлер прав в своих требованиях...

Как-то Краснов попросил Шандыбу купить книгу Адольфа Гитлера «Майн Кампф».

Прочитав ее, генерал сказал жене:

— Знаешь, Лида, этот человек зачастую говорит истину. Мне нравится, что он нападает на коммунистов, разрушителей государства и дисциплины. У меня до сих пор поперек горла стоят Ленин и Троцкий. Именно они развалили Россию, погубив ее. И сегодня миллионы людей в лагерях мрут. А что касается казачества, так они его целиком под корень вырубили... Мы испили чашу национального унижения до дна, узнали, что значит быть людьми без отечества. Помнишь, Лида, что обещали большевики России — фабрики рабочим, земли крестьянам. А казакам? Сохранить паевую землю, власть оставить, чтобы казаки чувствовали себя хозяевами. Теперь же Советы силой загоняют на Дону и Кубани казаков в колхозы... В общем, прочитал я книгу Гитлера и взгляды его разделяю. С ним Германия обретет себя. Когда я впервые увидел портреты этого человека с усиками, то не мог представить его вождем нации, а теперь могу. Он даст народу работу, восстановит промышленность и возродит армию

такой, какая нужна государству. Вспомни, Лида, дисциплинированного немецкого солдата и нашего, расхлябанного дезертира, едущего домой на крыше вагона... Гитлер за порядок в стране: этим он и берет немцев. А еще он обещает немцам лучшую жизнь. Помнишь, как германцы брали на Украине продукты, покупали их на Дону и отправляли в Германию? И немцы русский хлеб вряд ли забыли...

Прошел год-другой, и Шандыба увидел новую германскую армию. Она маршировала на парадах. Летели самолеты, ехала бронетехника, шли пехотные части.

От Краснова Шандыба узнал, что многие летчики Германии учились на командных курсах в Советском Союзе, что танковые корпуса, которые появились в новой Германии, создавались по замыслам советских специалистов, а первые танкисты получали знания в советских военных академиях.

Иногда Иван думал: если все это уже есть в Германии, а ее офицеры обучались в Советском Союзе, то какую же военную силу он имеет?

* * *

Ночью, когда замирала жизнь Берлина и наступала тишина, Петр Николаевич работал. Постаревший, чуть ссутулившийся — сказывалось долгое сидение за письменным столом, с щедро посеребренной головой, Краснов складывал исписанные страницы будущих книг в аккуратную стопку.

Каждый новый роман или новая повесть были средством к существованию самого Петра Николаевича, Лидии Федоровны, горничной Варвары, адъютанта Ивана Шандыбы.

Петр Николаевич знал, что его книги покупают, их ждут, потому что в них рассказывается о судьбах русских людей, в том числе таких, как он, эмигрантов...

Россия, родная земля изгнала их на чужбину. И здесь, рассеявшись по всей Европе и по всему миру,

они промышляли бог весть каким заработком. Бывшие офицеры чистили картошку на кухне, служили официантами, водили такси, работали скотниками у фермера. А уж о женах их говорить не приходилось: в лучшем случае им удавалось устроиться прачкой и прислужгой. А то и пополнить армию проституток...

Ночью, когда лампа на письменном столе освещала исписанные страницы, оторвется Краснов от рукописи, потрет уставшие глаза и задумается о годах, оставленных за плечами.

Да, о пережитом и им лично, и другими людьми его книги. Писать он их мечтал, когда водил полки и дивизии, корпуса и армии! В грохоте разрывов, в сабельных атаках виделись ему герои будущих романов...

О пережитом лично он размышлял, когда садился за роман «От двуглавого орла к красному знамени». Или «Венок на могилу Императорской армии», «Единая и неделимая», «С нами Бог»...

А вот теперь Краснов заканчивает роман «Царевубийцы». Он задумал рассказать в нем о русских солдатах и офицерах, принимавших участие в Русско-турецкой войне, об императоре Александре Втором, царе-Освободителе, о террористах, готовивших его убийство... Не было ли это преддверием той смуты, какую суждено сегодня, в XX веке, переживать России, своего рода прологом к ее страшному будущему?..

Краснов вспомнил, как рассказывал о своих замыслах польке Ядвиге, жене своего товарища по кадетскому корпусу, и улыбнулся неожиданному финалу того визита: проснулся в чужой постели.

Тот случай генерал всегда вспоминал с улыбкой, однако никому о нем не рассказывал, тем более жене...

Перебирая эпизоды из своей жизни, Краснов в политике остался на прежних позициях. Сегодня он с недоумением читал статьи большевистских историков. Так, поход Третьего конного корпуса на Петроград они назвали «заговором Краснова—Керенского про-

тив революции». А так ли это? Разве те полтысячи казаков и полтысячи солдат, которых он, генерал Краснов, повел на Питер, могли победить революцию? Они шли, чтобы восстановить власть Временного правительства и дать возможность работать Учредительному собранию, которое Ленин и его правительство позже разогнали.

Что касается Дона, то разве он, став атаманом Всевеликого Войска Донского, не способствовал восстановлению его экономики, улучшению жизни казаков, которые почувствовали насилие и поднялись против Советов?..

«Но ничего, — говорил себе Краснов, — история всех рассудит. Не лживая, советская, а честная, которую когда-нибудь напишут будущие российские ученые».

Взяв перо, Петр Николаевич вновь принимается за работу. Его собственная история России «в романах» охватывает три столетия, начиная от воцарения Михаила Федоровича. Такая, какой она представляется писателю Краснову...

***

Германская армия набирала силу. Как спортсмен перед выступлением, немецкая военная машина проверяла себя сначала в малых боях. Ее пехотные части проходили «обкатку» на дорогах Испании, ее самолеты летали в небе над Мадридом, Сарагосой, Барселоной.

На парады германских вооруженных сил Краснов не ходил: не верилось, что немцы в скором времени будут готовы к новой войне. В последнее время Петр Николаевич стал регулярно слушать радио и читать газеты. Как-то, слушая по радио выступление Гитлера, Краснов услышал: народы Австрии и Германии одного корня и пора им объединиться. А затем вождь германского народа заявил, что и в Чехословакии живут немцы, которые давно уже хотят воссоединения.

Когда Краснов слышал призывы к аншлюсу Австрии, он воспринимал это как законное требование германского народа. Разве не того же хотел он, Краснов, в России, говоря об объединении донского, кубанского, терского казачества?

Петр Николаевич говорил жене:

— Германская армия — это армия, где существует железная дисциплина. И если Адольфу Гитлеру удастся заполнить заводы «Шкода» и оснастить свои дивизии первоклассным оружием, то его войска будут непобедимы... Я надеюсь, Лидочка, мы дождемся освобождения моей родины, и я снова увижу родную Донщину... Надо написать Евгению Ивановичу Балабину, пусть он проведет хорошую подготовительную работу среди казачества в Чехословакии. Ведь там большая община не только донцов, но и кубанцев. Если не изменяет мне память, в Праге живет большой теоретик и знаток кубанского казачества Федор Щербина. К сожалению, мне в свое время не довелось с ним познакомиться, но я хорошо помню его труд «История Кубанского казачьего войска»... И если случится чудо и немцы захотят объединить казаков, разбросанных по всему свету, все свои силы и способности я посвящу этому великому делу...

* * *

На Покров побывал в гостях у Красновых генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро.

Нельзя сказать, чтобы Петр Николаевич уважал Шкуро. Краснов считал его выскочкой и имел на это полное право.

Когда Краснов на общевойсковом Круге был избран войсковым атаманом, Шкуро «гулял» в Баталпаптинском крае. Со своим отрядом он явился в Добровольческую армию генерала Деникина, объявил себя сначала начальником бригады, потом дивизии, а уж в девятнадцатом году командовал 3-м Кубанским конным корпусом.

О Шкуро и его конниках ходили самые дурные слухи. Корпус недисциплинирован, занимается грабежами, а сам Шкуро — грубый, жестокий человек...

Но гость есть гость, тем паче на чужбине. После обеда Петр Николаевич повел гостя в кабинет. Здесь Шкуро рассказал Краснову, что он приехал в Берлин предложить свои услуги Генеральному штабу германской армии. К великому огорчению генерала, его предложение не приняли.

— Андрей Григорьевич, — заметил Краснов, — командование германской армии считает, что ваши советы ему без надобности. Я думаю, наше время еще не наступило. Вот если начнется война с Советами, тогда другое дело. А вы уж меня, Андрей Григорьевич, простите великодушно за вопрос: чем живете? Ведь мы с вами не в старой России, где можно было рассчитывать на хороший пенсион.

Шкуро невесело усмехнулся:

— Вам, Петр Николаевич, можно позавидовать. Вас литература кормит, книги. Вон вижу на столе наброски всякие. А мне чем только не приходилось на хлеб зарабатывать! Даже в цирке верховой ездой.

— Да, горек хлеб чужбинный. Осмелюсь предложить вам, Андрей Григорьевич, небольшую сумму. Надеюсь, не обидитесь: это не подаяние. Ежели нам доведется в России встретиться, там и отдадите. Прошу вас как офицер офицера, ведь мы оба эмигранты...

Они поговорили о растущей как на дрожжах мощи германских вооруженных сил. Краснов заметил:

— На Дону, в бытность мою атаманом, я говорил англо-французским офицерам, что дух германской нации еще покажет себя. История, как видите, подтвердила правдивость моих слов... Ах, если бы Германия повернула со временем свое оружие на Восток, мы бы обрели свободу нашей родины...

Когда Шкуро покидал домик Краснова, пальто генералу подал Шандыба. Шкуро посмотрел на него острыми, как булавки, глазами.

- Ну что, казак, по Дону не тоскуешь?
- Ваше превосходительство, там моя родина.
- погоди, казак, еще будет твоя родина свободной от большевиков.
- Дай-то бог.

* * *

Миновала сырая европейская зима со всеми католическими и православными праздниками. К Красным приезжали гости из эмигрантов, поздравляли. Побывала у Красновых и дальняя немецкая родня Лидии Федоровны из Баварии. За праздничным столом они плакались о злоключениях немцев, которые вынуждены жить на чужбине, в том числе и в Чехословакии. Все выпили за будущее великой Германии и ее вождя Адольфа Гитлера...

Что ни месяц, обстановка в Европе резко менялась. Краснов не успевал осмыслить одно событие, как происходило другое. Наступил март тридцать восьмого года: Германия ввела свои войска в Австрию. Вслед за этим всю весну и лето шли упорные переговоры Германии и Италии с правительствами Франции и Англии. Германия требовала отдать ей те районы Чехословакии, где проживали немцы. Англия и Франция вынуждены были согласиться.

Краснов видел, что Германия готовится к большой войне. Аншлюс Австрии и присоединение к Германии Судетской области — это было только началом завоевательной политики Гитлера.

Как ее оценивал генерал Краснов? Полностью одобрял, говоря, что только сильное государство заслуживает уважения. Будучи человеком военным, Краснов считал необходимым увеличение германской армии и ее перевооружение.

Краснов часто думал и о Красной Армии. Немецкая печать публиковала материалы о судебных процессах в России. В них фигурировали не только партийные

руководители, ставшие врагами советской власти, но и видные военачальники...

«Россия, — думал Краснов, — переживает эпоху самоедства. В результате этого погибнут лучшие и талантливые офицеры, что не приведет к укреплению обороны. Армия ослабеет...»

Краснов был в полном недоумении, прочитав о расстреле Тухачевского, Блюхера, Якира и многих других полководцев Советской России. Однако он думал, что им на смену Сталин выдвинул более талантливых военачальников. Ведь не может быть, чтобы советская разведка не сообщала в Москву о росте боевых сил немецкой армии.

А возможно и другое: Сталина обманывают или он сам обманывается, измеряя мощь своей армии понятиями, какие были под Царицыным, когда Красная Армия была сильна пулеметными тачанками и лихими конными атаками...

Как-то раз в одном из кинотеатров Берлина Краснов смотрел документальную хронику: по Красной площади Москвы шли красноармейцы с винтовками наперевес с примкнутыми игольчатыми штыками, проскакала конница, промчались пулеметные тачанки. Потом конные упряжки протащили по Красной площади орудия.

Все это сопровождалось овациями москвичей, теснившихся по обочине площади, а на Мавзолее стояли улыбавшиеся Сталин, Ворошилов, Буденный...

Потом по Красной площади проехали танки и танкетки. Краснов подумал, что эта техника значительно уступает германской. И в завершение парада летели самолеты. Вожди большевиков и командующие Красной Армией, задрав головы, с гордым видом смотрели в небо.

* * *

Жена Ивана Шандыбы Варька, горничная, она же и кухарка, в ноябрьские дни отправилась в город за

покупками. Обычно нагрузившись пакетами, она возвращалась поздно на извозчике. Каково же было удивление Ивана, а потом и хозяев, когда Варька вернулась рано и в большом волнении. Она рассказала, что по всему Берлину идут погромы евреев, бьют и грабят их магазины, дома. По улицам битые стекла, в полиции на это и внимания не обращают.

Шандыба спросил генерала:

— Ваше превосходительство, это что означает?

Краснов пожал плечами:

— Пока, Иван, мне самому непонятно. Одно могу сказать: если полиция не обращает внимания на беспорядки, значит, она получила благословение свыше...

А через несколько дней, когда закончились погромы и полиция отправила большинство берлинских евреев в концлагеря, Краснов сказал жене:

— Тогда я не мог объяснить Ивану суть происходящего, но сегодня, думаю, смогу. Во-первых, евреи в большинстве своем люди богатые. Но это еще полдела. Гитлер боится их влияния на немцев. Вспомни Россию: кто, как не евреи, оказавшись у рычагов власти государства Российского, начали ломать его вековые устои? А Ленин и Троцкий? Разве не они разложили русский народ своими красивыми обещаниями?

— Значит ты, Петя, считаешь все это частью государственной политики Гитлера и его окружения?

— Безусловно, Адольф Гитлер готовится к большой войне и, видимо, хорошо помнит старую истину: крепкий тыл — прежде всего...

* * *

Из чешского курортного города Карловы Вары Краснову написал генерал-лейтенант Балабин. Письмо было коротким, но оно порадовало Петра Николаевича. На состоявшемся Круге казаки избрали Балабина атаманом Общеказачьего объединения в протекторате Чехии и Моравии.

Краснов не забыл, как года три тому назад Балабин посетил его в Германии. Тогда между ними произошел следующий разговор.

— Мир переживает напряженный момент, — сказал Балабин. — В воздухе пахнет второй мировой войной.

— Да, — согласился Краснов. — И эта война вряд ли оставит Россию в стороне.

— В России идут идеологические баталии между социалистами и коммунистами.

— Я слежу за этим, Евгений Иванович, и все больше и больше убеждаюсь: Сталин ненавидит всяких социалистов. Недавно большевики провели свой восемнадцатый съезд партии, и Сталин, выступая, во всех смертных грехах обвинял социал-демократов.

— Да, он изрядно почистил Третий интернационал от социалистических партий, — усмехнулся Балабин.

— Сталин в своем докладе выразил уверенность, что если война начнется, то сначала не у границ России. Советский Союз, говорил Сталин, окажется не на столбовой дорожке войны. Война начнется с нападения Гитлера на Францию и Англию.

— Поживем, Петр Николаевич, увидим. Но рано или поздно Советский Союз в войну ввяжется.

— Непременно. И когда немецкий солдат начнет очищать нашу с вами, Евгений Иванович, родину, казаки должны определиться, с кем им быть. Для себя я уже твердо решил, мне по пути с немецкой армией. Надеюсь, что она принесет освобождение казакам Дона и Кубани.

— Согласен, Петр Николаевич, казачество должно примкнуть к освободительному походу против большевизма.

— В этом случае казаки останутся военной силой. Я уверен, они будут с теми, кто на своих штыках понесет свободу их родному краю, родной земле...

Краснов, перечитав письмо Балабина, принялся писать ему ответ. Он напоминал, что казаки должны для себя решить, с кем им по пути, от какой армии они ждут освобождения Дона и Кубани.

***

В 1939 году в Париже вышел в свет «Казачий альманах». В нем бывший атаман Всевеликого Войска Донского предельно четко изложил, с кем, на его взгляд, по пути казачеству. Краснов писал:

«И верю я, что когда начнет рассеиваться уже не утренний туман, но туман исторический, туман международный, когда прояснеют мозги задуренных ложью народов и русский народ пойдет в «последний и решительный» бой с Третьим интернационалом и будет та нерешительность, когда идут первые цепи туманным утром в неизвестность, — верю я: увидят Русские полки за редееющей завесой исторического тумана родные и дорогие тени легких казачьих коней, всадников, будто парящих над конскими спинами, подавшихся вперед, и узнает Русский народ с величайшим ликованием, что уже сбросили тяжкое иго казаки, уже свободны они и готовы свободными вновь исполнять свой тяжелый долг передовой службы, чтобы как всегда, как в старину, одиннадцать крупными жемчужинами казачьих войск и тремя ядрышками бурмитского зерна городских полков вновь заблестать в дивной короне Имперской России».

В высоком стиле изложил свои взгляды генерал Краснов. Они были созвучны и казачеству, расселившемуся по всей Европе после Гражданской войны, и атаманам, которые стояли во главе казачьих общин...

В эмиграции Краснов занимался не только литературой, но и вел активную политическую жизнь. Он сотрудничал с Русским общевоинским союзом и другими монархическими организациями, общался с великим князем Николаем Николаевичем, объявленным главнокомандующим Российской Армии. А когда в Германии возник фашизм, увидел в нем панацею спасения России от большевизма.

Еще в 1927 году в книгах «Очерки по военной психологии» и «Душа армии» Краснов предсказывал:

«Грядущая война будет беспощадна. Никакая Лига Наций ее не остановит и не предотвратит. Идея вечного мира и арбитража — сладкая, вредная и опасная утопия... Будущая война не будет считаться ни с какими конвенциями и не будет падать ни мирных жителей, ни женщин, ни детей».

Наблюдая за отбивающими шаг по берлинской мостовой немецкими солдатами, Краснов любил повторять: — Вот такая армия нужна нам в борьбе с Советами.

***

В один из дней Великого поста, который Иван Шандыба всегда старался соблюдать, к домику Краснова подкатил автомобиль. Из него вышел молоденький лейтенант и прошел в кабинет генерала.

Вскоре из дома вышел атаман Войска Донского в полной парадной форме, сел в машину рядом с лейтенантом, и они поехали в сторону города.

Иван гадал, что означает приезд лейтенанта и для какой надобности генерал потребовался германскому командованию.

Не знала ответа на этот вопрос и Лидия Федоровна. Шандыба видел: генеральша волнуется, ходит по комнатам, посматривает на настенные часы. Наконец Краснов вернулся. Его привезла та же машина, и тот же самый лейтенант распахнул перед ним дверь.

Автомобиль уехал, Краснов направился в дом. Он толком не мог сказать Лидии Федоровне, зачем его вызывали, потому что принимавший его германский полковник был немногословен. Из беседы Петр Николаевич понял, что в военном ведомстве осведомлены о его настроениях и знакомы с литературными произведениями, в том числе и с публикацией в «Казачьем альманахе».

— Знаешь, Петя, если этот полковник говорил о твоих книгах, это неспроста. Вероятно, германское командование намерено тебя как-то использовать.

Ведь ты хорошо знаешь Россию и казачество. Тем более, что немцы с тобой сотрудничали, когда ты был войсковым атаманом.

— Возможно. Но, Лидочка, тогда я не пойму, почему мною еще раньше не заинтересовалось министерство пропаганды?

— Ты так и остался наивным человеком. Если два ведомства, военное и пропаганды, имеют виды на одного человека, то преимущество отдается конечно же военным. Да и какая от тебя польза господину Геббельсу? Для него ты пройденный этап.

— Да, пожалуй, ты права, — согласился Краснов с женой.

***

После того дня, как Краснова вызывали в военное ведомство, жизнь генерала потекла в обычном русле. Литературная работа, чтение газет, слушание радио. Ох, как злобствовал на Советскую Россию Гитлер, обвиняя большевиков во всех смертных грехах!

Краснов прекрасно понимал, что советская печать точно так же злобствует в адрес национал-социалистов, именуя эту партию партией фашистов.

Геббельс в своих выступлениях комментировал военные и торговые договоры, подписываемые советским правительством с Англией, Францией и Польшей.

Краснов трезво оценивал все эти пакты, которые заключали руководители Советской власти. Что они могли предпринять для спасения Чехословакии? Ровным счетом ничего. Правители Англии и Франции предали Чехословакию, принеся ее в жертву Германии.

Краснов знал: Чемберлен и Даладье не устоят перед германским натиском. Кто же будет следующим, думал Петр Николаевич. Судя по всему, очередь за Польшей. Но как это воспримет Советский Союз?

Правительства Англии и Франции уже отправили своих представителей на переговоры в Москву...

Из скудных газетных сообщений стало известно: вести переговоры уполномочили Ворошилова, сталинского любимца еще по Царицыну. Долгое время он был наркомом обороны, потом его сменил Тимошенко. Эта фигура была для Краснова мало известна, знал только, что тот из кавалеристов.

О ходе переговоров печать умалчивала. Умалчивала и о причинах их разрыва. Одно известно: делегации союзников, англичан и французов, покинули Москву.

Затем по необъяснимым причинам всякая критика советского правительства в германских газетах прекратилась.

Что было тому причиной, Краснову стало ясно, когда Германия заключила с Советским Союзом сначала Пакт о ненападении, а затем торгово-кредитное соглашение.

Эшелон за эшелонам пошли в Германию зерно и уголь, сталь и руда, нефть и еще многое другое...

И ни оскорбительного слова в адрес СССР. Корректность соблюдала и советская печать. Вскоре приехал в Берлин сам Молотов, министр иностранных дел Советского Союза, а из Германии в Москву отправился Риббентроп...

Как-то навестил Краснова генерал Балабин, привез вести, которые не публиковались печатью: о переброске советских войск на западные границы в Киевский и Белорусский округа. Балабин сказал, что Советский Союз в военном отношении слабее Германии, особенно это проявляется в авиации и танковых частях.

Краснов заметил, что Гитлер заигрывает с коммунистами, но чем это объяснить, он не знал...

А ларчик открылся просто. 1-го сентября 39-го года Германия ввела войска в Польшу, а 17 сентября Советская армия перешла польскую границу и заняла Западную Украину и Западную Белоруссию. Петр Николаевич по информации из газет и по радио пришел к выводу, что польская армия полностью деморализована.

на. Что же касается Англии и Франции, то объявленная ими война Гитлера, похоже, не очень взволновала. Главное было еще впереди. Теперь Краснову стало окончательно ясно: недалек тот час, когда Германия и Россия сойдутся в смертной схватке.

***

Пока же действия советского правительства находили поддержку в Германии. Советские войска захватили Прибалтику, у Румынии отняли Молдавию и Бессарабию, концентрировались на финской границе...

Правда, Финляндия оказалась для Красной Армии крепким орешком, а мировая дипломатия резко осудила Советскую Россию. Англия и Франция выступили в защиту Финляндии, Германия поддерживала финнов оружием и военным снаряжением. Эта война не принесла Советскому Союзу особых побед.

Изучая ход боевых действий, Краснов пришел к твердому убеждению: Красная Армия слаба в техническом отношении. На перевооружение потребуется год три-четыре. Но такого срока Германия Советскому Союзу не даст.

«Пока русский солдат с допотопной трехлинейкой дождется автоматов, армия получит новые танки, а авиация — самолеты, хотя бы равные германским, армия Третьего рейха уже будет стоять далеко за Волгой, на Урале», — думал Краснов.

Он попросил Шандыбу купить в магазине географическую карту Советского Союза. Повесив ее в кабинете в простенке между окнами, генерал долго любовался зеленой окраской Донщины, пересеченной голубой жилкой реки, вливающейся в Азовское море.

Петр Николаевич прикрыл глаза и увидел донскую степь в майском буйном цветении. По станицам и хуторам сады в белом и розовом кипении, гул пчелиный...

— Боже, — прошептал Краснов, — и все это мы потеряли. Оглянись же на нас, Господи: ужели не суждено нам увидеть все это снова?..

***

Шандыбе не спалось. В окно виднелся край неба, был он звездным, темным. Как на Дону, когда луна еще не взойдет, тучи не напоздуют и серебристая дорожка бежит по воде...

Поворочался Иван, сел, спустив ноги. Увидел — жена тоже не спит.

— Слышь, Варь, вчерась показалось мне, генерал плакал.

— Показалось — перекрестись.

— Да нет, правда плакал. Стоял перед картой и платком глаза вытирал. Не иначе Донщину вспомнил.

— А что ее вспоминать? По мне, так вроде и не было. О чем там скучать — о Степке аль о свекрухе? От Степановых кулаков у меня бока и поныне свербят. Курень, так здесь и жилье получше, и работа полегче.

— Нет, Варь, что ни говори, а я тоже, как и генерал, частенько Дон вспоминаю. Иногда чудится мне, будто плыву я, сети ставлю, а он, величавый наш батюшка, катит воды и будто недвижим. Отец как-то привиделся, будто на базу мы с ним управляемся, Воронка чистим гребенкой. Мать позвала и ставит на стол миску с борщом, а он наваристый, пахучий. А раз Мишку видал: он на коне в атаку скачет, а я ему вслед кричу: «Брат, смотри, срубят тебя...»

— Ну вот, нагородил. Все это было, да прошло. Давай спать: мне завтра вставать рано. Отстряться надо до генеральши.

Шандыба замолчал. Однако вскоре Варька сама спросила:

— Вань, а Вань, ты как мыслишь, война будет?

— Будет.

— Почем знаешь?

- От генерала слышал.
- Так война вроде уже идет?
- Ну какая это война? погоди, настанет час, схватится Германия с Россией, тогда поймешь, что такое война.
- А как думаешь, если Дон освободят, казаки в куруни свои воротятся?
- Воротятся, воротятся. Я и сам хучь бы сегодня.
- Да кто там ждет тебя?
- Варька, Дон меня ждет. Донщина моя родная.
- По мне тут лучше. Никуда я отсюда подаваться не хочу.
- Ну хватит, сама сказывала, подниматься рано...

* * *

Вот уже почти два года генерал Шкуро не переступал порога красновского дома. В прошлый приезд жаловался, что его нелюбезно приняли в штабе вермахта. А в этот раз решил предложить подготовку переводчиков для германской армии. Однако ему холодно ответили, что с данной задачей германское командование само в состоянии справиться. Да Германия и не ведет войну с Россией.

Маленький, юркий Шкуро не сидел на месте, то и дело вскакивал, бегал по кабинету. Подбежит к карте России, заложит пальцы за наборный казачий ремешок, охватит взглядом территорию Страны Советов, головой покачает:

— Обратите внимание, Петр Николаевич, какая огромная страна Россия. Еще и на Западе прихватили...

Краснов пошевелил седыми бровями:

— Ее территория создавалась веками силами русской армии, вам это хорошо известно, Андрей Григорьевич.

— Я помню историю России. Не о том речь. Как Германии удастся покорить ее?

— Пусть это будет не вашей заботой, а Генерального штаба германской армии.

— Да, там, пожалуй, план захвата России имеется. — Мне даже известно его условное название — «Барбаросса», что означает «Рыжая борода».

— Может, вы уже знаете и планы немцев в отношении казачества?

— К сожалению, нет. Но думаю, без казаков немцы не обойдутся. В казаках потребность возникнет, когда германские войска подойдут к Дону и Кубани.

Шкуро на время утомился, присел.

— Знаете, Петр Николаевич, атаман Бугалов как-то сказал мне, что казаки сами знают, куда им приложить свои силы.

— Эту его болтовню не стоит брать во внимание, — усмехнулся Краснов. — Казаки будут выполнять те задачи, какие поставят перед ними немцы. Я говорил по этому поводу с атаманами Балабиным и Домановым, и они со мной согласны.

Шкуро снова вскочил, забежал по кабинету.

— Эх, мне бы сейчас коли не корпус, то хотя бы дивизию. Уж я бы погулял на донских просторах, проплась бы моя нагайка по большевистским спинам.

Лицо Краснова передернулось:

— Андрей Григорьевич, у вас мысли только о нагайке. А у казаков иные цели: Родину отвоевать да обустроить.

Шкуро спросил сердито:

— А колхозы куда девать прикажете?

— Об этом не стоит пока гадать. Речь идет о неубитом медведе. Сами казаки, когда на родную землю вернутся, тогда и решат...

Вскоре Шкуро стал прощаться:

— Мне сейчас пора. Но убежден — не за горами такое время, что нам часто доведется встречаться...

* * *

Между тем события меняли друг друга с головокружительной быстротой.

Наступление Германии и России на Польшу закончилось полным поражением польского государства. Англия, кроме как объявить войну Германии, другого ничего придумать не смогла...

В апреле 1940 года Германия захватила Норвегию и в результате получила доступ к ее рудным разработкам. Не успели улечься страсти от этой молниеносной победы, как в мае этого же года произошла оккупация Бельгии. Настала очередь Нидерландов.

Гигантские победы достигались почти без кровопролития. Был отрезан от французской армии Дюнкерк, и английским войскам пришлось эвакуироваться в Великобританию. Триста тридцать восемь тысяч английских солдат перебрались за Ла-Манш. Для Краснова было загадкой, почему немцы не уничтожили англичан, а дали им возможность уйти из котла...

5 июня начался второй этап наступления на Францию. Германия добилась блестящей победы: 22 июня 1940 года в Компьене Франция подписала перемирие.

По этому поводу Варваре было велено приготовить торжественный обед. Генерал Краснов сказал за столом:

— Эта победа приближает нас к главным битвам — битвам России с Германией. Близится час освобождения нашей земли от большевизма...

Глава 31

Каждая новая победа Германии приближала ее к неизбежной войне с Советским Союзом.

За Бугом и Днепром, в Прибалтике, на Украине и Белоруссии сосредоточивались войска Красной Армии.

Шло строительство оборонительных сооружений. Леса Украины и Белоруссии стали пристанищами сотен тысяч красных бойцов. Подтягивались орудия на конной и механизированной тяге, грохали танки, подходила кавалерия.

С Востока на Запад тянулись эшелоны, и далеко разносилась бравая победоносная песня:

Украина золотая,
Белоруссия родная,
Наше счастье боевое
Мы стальными штыками оградим...

И не думали в ту пору красноармейцы и командиры, что неспособны они еще к настоящей войне, что два-три года потребуется, пока получит Красная Армия новое современное оружие, а ее командармы обретут боевой опыт. А за это время сотни тысячи бойцов лягут на полях сражений или окажутся за колючей проволокой в концлагерях...

В ответ на дислокацию Красной Армии на своих западных границах шла переброска огромной массы немецких войск к восточным границам с Россией. Развертывался гигантский фронт от Баренцева моря до Черного...

* * *

Что ни день, то новые стрелы, красные и синие, рисовал Краснов на карте. Своими остриями стрелы были направлены на Россию и на Германию.

Глядя на карту, не понимал простой казак Иван Шандыба, отчего эти стрелы по пути перекрещиваются. Однако в одном он был уверен: война предстоит доселе невиданная: огромные силы окажутся в ней задействованы. И от исхода этой войны будет зависеть, где дальше жить ему, Шандыбе: здесь, под Берлином, или на Дону, в родном курене.

Стал Иван замечать: в последнее время часто появляются в доме генералы Шкуро и Балабин. Краснов закрывается с ними в кабинете и о чем-то подолгу разговоры ведет.

Как-то раз проходил Иван мимо кабинета, дверь была полукоткрыта, расслышал голоса. И все об од-

ном: большевики... советская власть... казачество... Германия...

Не стал Шандыба долго слушать: не его дело в генеральских планах разбираться... А зря: в тот день генералы обсуждали возможное будущее использование немцами казачьих частей. По всему выходило: предстоит казакам не освобождать свои земли, а быть карателями против партизанских отрядов. Однако с такими планами германского командования генералы соглашались. А Краснов в заключение сказал:

— В этой войне нам придется занимать места не там, где мы хотим, а там, где нам укажут...

***

Не думал, не гадал генерал Краснов, что за несколько месяцев до нападения Германии на Советский Союз он получит письмо от самого Анатолия Ивановича Деникина, который после захвата немцами центральной Франции уехал на юг страны, где находилось правительство Виши.

Деникин написал Краснову:

«...Ваше превосходительство, вы, живя среди немцев и подпитываясь их воинственным духом, цепляетесь за призрак интервенции... Не верьте в крестовый поход против большевизма. Ибо одновременно с подавлением коммунизма в Германии стоит вопрос не о подавлении большевизма в России, а о «восточной программе» Гитлера, который только и мечтает о захвате Юга России для немецкой колонизации...»

«Антон Иванович поет старые песни, — подумал Краснов, откладывая письмо. — О каком «восточном вопросе» он ведет речь? Речь идет о борьбе с большевизмом во имя возрождения России и казачества. Разве не за это сражалась Добровольческая армия?»

***

У Сталина была твердая уверенность: ему удастся оттянуть войну. В этом нуждается страна. Необходимо реорганизовать армию, перевооружить ее, наладить выпуск новой техники.

Сталин не верил в коварство Гитлера. Он не допускал мысли, что есть политик хитрее и умнее его. Отсюда вытекало неприятие разведанных о германской армии. Даже в последние дни перед вторжением германских полчищ Сталин отрицал вероятность германской агрессии. Он верил в свою мудрость и был убежден: они с Гитлером поделили мир. Ведь не встречал же Советский Союз возражений в решении прибалтийского вопроса, польского, румынского...

***

На Лубянке в кабинете полковника Матвея Савельевича Савостина зазвонил внутренний телефон.

— Матвей Савельевич, зайдите.

Савостин поднялся; если он потребовался генералу Чернышеву, значит, возникли неотложные дела.

Генерал говорил по телефону, указал на кресло. Затем, положив трубку на рычаг, сказал:

— Матвей Савельевич, — генерал провел рукой по седым, стриженным под ежик волосам, — обстановка на фронте сложилась крайне негативная. В Белорусский округ уже выехала специальная комиссия: она будет заниматься командующим и его штабом. Как могло случиться, что Павлов, опытный командир, герой войны в Испании, допустил мощный прорыв германских войск? Впрочем, вас, Матвей Савельевич, не это должно заботить. Вам нужно подумать вот о чем. По имеющимся у нас сведениям, немцы захватили огромное количество пленных. Часть из них они отправляют в концентрационные лагеря, а часть хотят использовать для борьбы с нами. Это значит, обучать их

в разведшколах и засылать в наш тыл, а также формировать из них карательные отряды.

Генерал встал, прошелся по кабинету. С улицы не доносился шум, тяжелые шторы плотно закрывали окна.

— Матвей Савельевич, в министерстве восточных территорий рейха создан специальный казачий отдел. По нашим сведениям, в нем будет работать старый знакомый, войсковой атаман генерал Краснов. Он казачок хорошо знает, и они ему верят. На западе после Гражданской войны оказалось немало казаков. Создавая специальный отдел, немцы, вероятно, планируют использовать их в своих целях. Вот этот казачий отдел вам и подлежит взять под наблюдение.

Савостин не стал спрашивать, почему именно ему поручено это дело, но Чернышев сам неожиданно сказал:

— Матвей Савельевич, хотите узнать, отчего именно перед вами поставлена эта задача?

— Если можно, поясните.

Генерал усмехнулся:

— Мне помнится, вы как-то рассказывали, что у атамана Войска Донского Краснова в адъютантах подвизался ваш знакомый казак Шандыба. Так вот, по нашим данным, этот самый казак Иван Шандыба и по сей день является адъютантом у генерала Краснова. Он эмигрировал вместе с Красновым и много лет живет в их доме. Может быть, это будет для вас какой-то зацепкой...

* * *

Для советских людей война явилась полной неожиданностью. Был обычный выходной день, когда германская авиация сбросила на мирные города тысячи тонн смертоносного груза. Государственную границу с грохотом пересекли немецкие танки, и под канонаду пушек войска двинулись на восток.

Этот день был днем торжества вооруженных сил Германии.

А для генерала Краснова? Его рано утром разбудил телефонный звонок Шкуро. Генералы поздравили друг друга с началом нового этапа борьбы с большевиками.

Днем Краснов сел за письмо атаману Балабину:

«Ваше превосходительство, Глубокоуважаемый Евгений Иванович.

...События идут, вернее, бегут быстрым темпом и так меняют всю обстановку, что мне часто приходится написанное утром письмо вечером рвать, потому что оно уже не отвечает тому, что произошло.

Итак... Свершилось! Германский меч занесен над головою коммунизма, начинается новая эра жизни России, и теперь никак не следует искать и ожидать повторения 1918 года, но, скорее, мы накануне событий, подобных 1813 году. Только роли переменились. Россия (не Советы) является в роли порабощенной Пруссии, а Адольф Гитлер — в роли благородного императора Александра Первого — готовится отдать старый долг России. Быть может, мы накануне новой вековой дружбы двух великих народов. Вы помните 1813 год и эту величественную песню:

...Русский царь собрал дружину
И велел своим орлам
Плыть по морю на чужбину
В гости к добрым пруссакам...

Это было 128 лет тому назад, когда под Калишем были общие маневры русских и прусских войск.

...Украинский (и Кубанский) вопрос — этот вопрос уже решается и, как видите, без нашего эмигрантского участия. Я мог бы посоветовать, хотя знаю, что моих советов никто из них слушать не будет, господам самостийникам не «рыпаться» и никуда не ездить. Этим господам, без имени, без авторитета, без знания языка, дальше передних и швейцарских не пускают и

с ними не разговаривают. Своей назойливостью и ква- стливым бахвальством они только раздражают немецкие власти, и для таких господ дело может кончиться в теперешнее военное время не тюрьмою уже, а заключением в концентрационный лагерь. Вот если бы украинцы могли бы указать кандидата в гетманы, а кубанцы кандидата в атаманы, и это были бы люди, не связанные с Антантой, ни с бенешовскими деньгами, люди сильные и сравнительно молодые — люди крепкие морально, непродажные и честные, с авторитетом...

Вот пока и все. События волнующие. Сбывается то, что я давно предсказывал, и тернистым извилистым путем мы подходим к тому, что будем видеть:

Россия, Германия превыше всего,
Превыше всего в мире...

***

Война обрушилась на Советский Союз всей мощью германской армии. В считанные недели оказались оккупированными Прибалтика, Белоруссия, значительная часть Украины. Армия Гитлера победоносно двигалась на восток.

По улицам германских городов гнали колонны военнопленных. В кинотеатрах крутили документальные ленты, которые показывали отступавшую Красную Армию, хлеб-соль, подносимые немецким солдатам на бывшей территории Советского Союза.

Генерала Краснова пригласили в Министерство восточных территорий рейха и предложили работать в казачьем отделе. Генерал охотно согласился. Он считал это началом для создания казачьего автономного государства. Краснов был абсолютно уверен: и Гитлер, и командование вермахта должны оценить деятельность казачьих соединений, которые выступят на стороне германской армии.

***

Ивану Шандыбе стало горько и обидно, когда он увидел первых советских военнопленных. Еще большую горечь, смешанную с недоумением, вызвали у него кадры кинохроники, на которых девушки в России цветами встречали немецких солдат...

Генерал Краснов знал: Гитлер ненавидит славян, считает их недочеловеками, поэтому и не хочет доверять им оружие.

— Это теория, Петр Николаевич, — возразил Шкуро. — Наши казаки уже служат в отрядах, которые против партизан. А немцы, создавая из пленных воинские соединения, всегда отдают предпочтение казанам.

Лилия Федоровна велела Варваре поставить самовар, а сама слушала разговор мужа со Шкуро.

— Вы что-нибудь слышали, Андрей Григорьевич, о полковнике фон Панвитце?

Шкуро, в неизменном казачьем мундире, в последние годы сильно раздобревший и оттого ставший похожим на колобка, отрицательно покачал головой:

— Это какой Панвитц? Недавно награжденный Железным крестом?

— Он самый, Хельмут фон Панвитц из Силезии.

— А почему вы о нем спросили?

— У себя в отделе я слышал, что его метят на какую-то командную должность при казачестве.

— Ну мы дожили: немцы да в казаки...

— Что делать.

— Вы давно виделись с Евгением Ивановичем Балабиным?

— Да уж изрядно. Что-то от него вестей нет. Надо бы еще раз написать...

Вот о чем написал Краснов атаману Балабину 27 июня 1941 года:

«Ваше превосходительство, Глубокоуважаемый Евгений Иванович.

Наши письма разошлись. В своем письме от 23 июня я призывал казаков к спокойствию. Если бы русская эмиграция знала и понимала, сколько вреда она причиняет и себе лично, а главное — Русскому делу своей нервностью, экспансивностью, возбудимостью, скажу более (сужу по Берлину), опалением. В Берлине архимандрит Иоанн имел неосторожность после молебна о даровании победы над большевиками произнести горячую проповедь, в которой предсказывал в скором времени звон колоколов по всей Руси Великой и наше вот-вот возвращение на родную землю. Явились молодые взбалмошные люди (союза Гуленко), которые объявили запись добровольцев в германскую армию. Никто им не сказал, что ни одна уважающая себя армия, а тем более такая однородная, как немецкая, не станет так вдруг брать добровольцев той же национальности, что и у ее врага, тем более что в эмиграции провокаторов и большевистских агентов хоть отбавляй. Крик, шум, беготня по Берлину, распускание самых невероятных слухов имели последствием то, что уже в тот же день, 22 июня генерал Бескупский (белоэмигрант, генерал царской армии. В 1936 г. фашистскими властями был назначен начальником Управления русской эмиграции в Германии. — *Прим. ред.*) был вызван в соответствующее министерство, и ему было предложено «передать эмиграции, что она не будет участвовать в текущих событиях и всех просят оставаться на своих местах и на своей работе. Просят также выступать с предложениями и проектами и поменьше обсуждать события. Бискупский 24 июня собрал представителей организаций, чтобы им это сообщить. Поэтому мне непонятно приказание генерала Лемке «Всем быть готовыми». Что это значит? Оставить места и работу? Укладывать чемоданы? К чему? К какой деятельности быть готовыми? Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Переводчиков на русский, польский, белорусский и малорусский языки немцы начали брать уже в мар-

те этого года. Требовалось умение быстро переводить письменно с немецкого на русский и обратно, уметь вести разговор с переводом. Переводчики поступали в особые школы, где их обучали этой работе. Жалованье приличное. Жизнь в казарме. Теперь, конечно, берут еще больше переводчиков...

С подачей различных «меморандумов» советую вам не спешить. Слишком много теперь подают всяких «меморандумов» и проектов, даже таких, где предлагают возвратить помещикам всю их землю и прочее. Все это без рассмотрения складывается в архив.

Мой совет: спокойно выждать события, которые должны разыгаться в ближайшие месяцы (июль, август, сентябрь). И уповать на Бога, предавши себя и Родину на волю Божию. Ибо мы — щепки, забитые в заводь после бурно несущегося потока.

Лидия Федоровна шлет вам привет.

Храни Вас Господь!

Искренне уважающий Вас П. Краснов».

***

Атаман Балабин написал в ответ:

«...Ваше превосходительство, Глубокоуважаемый Петр Николаевич. Давно получил Ваше письмо, но обстоятельства сложились такие, что с ответом задержался. Потребовалось принять личное участие в комплектовании казачьих дивизий и переброске казаков против Тито. Эти югославские партизаны, а я бы назвал их скорее бандитами, не встречая серьезного сопротивления, нанесли несколько внезапных нападений на правительственные войска...

Но я глубоко убежден — казаки наведут порядок...

Радуют колоссальные успехи немецкой армии и довольно смешно выглядят наши эмигранты. Их преждевременные сборы на родину кроме ироничного смеха ничего не вызывают... Однако находятся такие наши соотечественники, у которых победы германского

оружия вызывают озлобление. И при этом обидно за Антона Ивановича, который призывает оказывать помощь Советскому Союзу. Будто и не было никакой Добровольческой армии и борьбы с большевизмом. А может, генерал Деникин забыл все это по причине слабости его умственных способностей?

Я думаю, близится час, когда наше Отечество, наши казачьи земли потребуют создания казачьих корпусов на Дону и Кубани...

Глубокоуважаемый Петр Николаевич, пишу это, ибо опасаясь, как бы большевики нас не опередили. Краснодарский крайком партии с ведома своего ЦК большевиков начал формировать Кубанский казачий корпус, а во главе его назначен генерал Кириченко. Что это за генерал, сказать вам не берусь. Для меня личность малоизвестная. Комплектование начнется в ближайшее время...

Низкий поклон Лидии Федоровне.

Искренне уважающий Вас Е. Балабин.

Р. С. Забыл сообщить Вам, ваше превосходительство: к нам наезжал на этих днях полковник фон Панвигтц. Говорят, он намерен просить фюрера дать согласие на создание на российских землях казачьих дивизий, дабы использовать их для войны с большевиками. Помогите ему Бог, а мы поможем.

Храни Вас Господь!>

***

В небольшом православном храме худощавый седой господин, поставив свечу, неожиданно подошел к Шандыбе и на чистом немецком языке спросил:

— Вы Иван Шандыба, донской казак?

Иван не удивился: после Гражданской войны сколько здесь перебывало русских эмигрантов. Вероятно, кто-то из земляков подсказал.

Иван кивнул.

— Вам привет от Матвея Савельевича Савостина.

— Разве Матвей в эмиграции? — поразился Иван. Незнакомец от ответа на вопрос ушел.

— Вы по-прежнему живете у генерала Краснова?

— Живу.

— Матвей хотел бы знать, чем сейчас занимается генерал. Он ведь, кажется, нынче книгам не уделяет много внимания? Матвей спрашивал, не пошел ли Краснов к немцам на службу? Если да, то в чем конкретно заключается его работа? Все, что узнаете, сообщите мне, пожалуйста.

— А где я вас разыщу?

— Через некоторое время я сам к вам подойду. Вот как сегодня. — Господин взял Шандыбу за рукав. — Только о нашем разговоре никому ни слова, и даже своей жене. Зачем зря тревожить людей...

Иван долго думал: почему же незнакомец о Матвее ничего не сказал? Возможно, тот в эмиграции, но служит противникам Краснова. Ведь за влияние на казачество идет борьба...

И в мыслях у Ивана не было, что генералом Красновым интересуется советская разведка, а Матвей служит в ее органах. И только многие годы спустя, когда Шандыба увидел Савостина в форме советского офицера, он вдруг вспомнил, что Матвей когда-то считал себя большевиком, убежденным сторонником новой власти.

***

О том, как представлял себе Петр Николаевич Краснов возрождение России, можно судить по одному из его писем генералу Балабину, атаману Общеказачьего объединения в Протекторате Чехии и Моравии:

«...Мне рисуется три вида:

1 — В СССР поднимется восстание против большевиков. Сталин и К^о, все коммунисты частью удержат, частью будут уничтожены, образуется там, в России, правительство, которое вступит в мирные переговоры с немцами, и война на Востоке Европы замрет.

2 — Немцы оттеснят большевиков примерно до Волги и укрепятся. Будет оккупированная немцами часть России и большевистская Россия — война затянется...

3 — Немцы оккупируют часть России до Волги (примерно). В остальной части создается правительство эсеровского толка, которое заключит мир с немцами, приняв все их условия.

В первом случае эмигрантский Русский вопрос о том, быть или не быть казачьим областям и в них казакам, будет решаться там новым правительством.

Во втором случае — немецким главным командованием для оккупированной части их в восточной части новым правительством.

Во всех трех случаях до окончания войны эмигрантского вопроса нет, и обсуждать его — это толочь воду в ступе.

Я имею указания, что решено:

— до окончания войны на Востоке Русскую эмиграцию не трогать (переводчики, заведующие питательными пунктами, полицейско-карательные отряды не в счет);

— при воссоздании России в Россию будет привлечена лишь небольшая часть эмиграции, вполне проверенная, вне английских и большевистских влияний!

...Если будут восстановлены казачьи войска (об этом я хлопочу), то на началах старого станичного быта и самой суровой дисциплины. Кругам и Раде не дадут говорить и разрушат работу атаманов, как это делалось в годы 1918—1920-е.

Итак — все темно и неизвестно. Нужно ждать конца войны, предоставив себя воле Божьей, поменьше болтать и побольше копить денег, ибо никто ни на проезд в Россию, ни на обеспечение семей за границей, ни немцы, ни чехи, ни единого пфеннига не даст...»

* * *

В маленьком полуподвальном кабачке за столиком сидел молодой полковник с ленточкой в петлице. Лен-

точка означала, что ее владелец награжден Железным крестом за боевые заслуги.

Вскоре в кабачок спустился еще один молодой офицер, тоже полковник. Они пожали друг другу руки, хозяйка подала пару кружек пива.

— С возвращением тебя, Вилли, с горячего русского фронта.

— Спасибо, Хельмут. Правда, что касается горячего, то тут как сказать. Для русских это действительно горячо, а для нас одно удовольствие. Красивые русские девочки и — о майн готт — великолепная еда. Мы имеем такие продукты, какие дома, в Германии, мне не перепадали за всю жизнь.

— А партизаны?

— Пока на партизан нельзя пожаловаться. Вероятно, наши brave солдаты русских так запугали, что те и слово такое забыли.

Офицеры весело рассмеялись.

— А ты, Хельмут, чем сейчас занят?

— Подыскиваю новую службу. Скажи, Вилли, как ты думаешь, можно ли из военнопленных или из казачков-эмигрантов создать войска, которые бы служили Германии?

Вилли вытаращил глаза.

— Хельмут фон Панвитц, ты в своем уме? Неужели ты думаешь, что фюрер согласится, чтобы украинцы или казаки надели германскую форму?

— Разве я говорил о германской форме? Украинцы и казаки наглотались столько дерьма от большевиков, что с радостью наденут что угодно. Кстати, когда они боролись против Советов в Гражданскую войну, у них была своя форма.

— Хельмут, я казаков знаю только по цирку. А в России о каком казачестве может идти речь? Сталин его, по-моему, уничтожил. Эмигранты сохранили свою форму, но она у них вся пропахла нафталином. Да и какие они теперь казаки?

— Видишь ли, Вилли, я сейчас изучаю историю казачества, его быт и обычай. Думаю, мне это скоро при-

годится. Я знаю, что в Восточном отделе рейха служит донской атаман. Есть еще генерал Шкуро, но насколько я знаю историю русской Гражданской войны, этот Шкуро авантюрист и бандит. Однако с Красновым они вроде дружат...

— Хельмут, а как к твоим идеям отнесутся наверху?

— Надеюсь, там ими заинтересуются. Эй, хозяйка!..

Друзья заказали еще по кружке пива и сменили тему разговора...

***

Полковник Хельмут фон Панвитц вовсе не был фантазером. Просто с давних времен он интересовался историей России и особенно казачеством.

С началом войны против Советского Союза у Панвитца родилась мысль: нужно восстановить казачество и заставить его служить Германии.

Одно беспокоило Панвитца — как к этому отнесутся руководители Третьего рейха.

В штабе вермахта его идеи уже заинтересовали сослуживцев: полковника Штифа и генерала Зетлера. Сначала они подтрунивали над Панвитцем, называли его идеалистом, но вскоре призадумались.

— Мы имеем три миллиона пленных, — говорил Панвитц, — среди которых сотни тысяч перебежчиков. Они сидят за колючей проволокой и томятся от безделья. Среди них немало казаков. Стоит только бросить ключ, и на него откликнутся и те, у которых родители пострадали от советской власти, и те, которые хотят выйти из лагерей. Дайте мне возможность, и я создам новую армию, которая будет обладать прекрасными боевыми качествами.

Генерал Зетлер рассмеялся:

— Мой дорогой Хельмут, за годы большевистской власти казаки разучились воевать.

— Мы уже имеем казачьи части в стадии формирования. А один полк, в котором командирами немцы,

уже находится на фронте. Командует полком майор Юнгшультц.

— Хельмут, считай, что нас ты убедил...

30 сентября 1942 года фон Панвитц вылетел в Ростов-на-Дону, чтобы на месте познакомиться с положением дел. Каково же было удивление полковника, когда ему рассказали, что накануне советский Кубанский казачий корпус, созданный из добровольцев, в сабельной атаке нанес поражение немецкому механизированному подразделению в районе станицы Куцевской.

Здесь, на Дону, Хельмут фон Панвитц встретился с генералом Клейстом, чьи войска упорно продвигались к горам Кавказа. Клейст в конце беседы сказал:

— К местному населению мы должны иметь особый подход... А ваше предложение сформировать казачий корпус я поддерживаю. Вижу вас на командной должности...

***

В середине октября 1942 года со взлетной полосы берлинского аэродрома поднялся самолет и взял курс на Полтаву, чтобы там дозаправиться и лететь в Ростов.

В этом самолете находилась группа офицеров, возвращавшихся из госпиталей. Но никто из них и не догадывался, кем был человек, сидящий рядом с ними: седой, с нависшими бровями и аккуратно подстриженными усами...

Этим рейсом летел генерал Краснов. Он получил приблизительно то же задание, что и фон Панвитц, правда, с меньшими полномочиями.

Краснову надо было узнать настроение жителей Дона и Кубани, выяснить, как они относятся к начавшемуся формированию казачьих частей.

Из аэропорта Краснов на специально присланной за ним машине проехал в Новочеркасск. Почти ничего не напоминало то время, когда здесь была столица Вой-

ска Донского. Правда, стоял новочеркасский собор, где правил службу молодой священник.

Затем Краснов решил побывать в станицах Куцевской и Уманской. Он помнил, что прежде здесь сформировались два полка, один из которых находился под его, Краснова, командованием в Первую мировую войну.

Краснов ехал по пыльным степным дорогам, сначала донскими, потом кубанскими станицами.

В Куцевской к нему в машину подсел полковник из вновь сформированного отряда. В недавнем времени это был помощник атамана станицы Уманской, бравый, молодой еще казак Соломаха.

В проезжающих станицах и хуторах Краснов не долго задерживался. Ему было приказано в первых числах ноября возвратиться в Берлин.

Вот и Уманская. (Краснов упорно не хотел именовать ее Ленинградской.) Петра Николаевича поразили развалины многих домов, отсутствие заборов... Все казалось заброшенным, забытым. Бурьян местами вымахал в человеческий рост, хаты и сараи как после татаро-монгольского нашествия.

Краснов вылез из машины и в сопровождении Соломахи пошел по центральной улице. Одет генерал был в коричневую бекешу, брюки-галифе такого же цвета с голубыми лампасами. Мягкие сапоги, на голове чуть заломленная папаха. Полковник Соломаха был в черкеске, подпоясанной наборным кавказским поясом, с кинжалом, в серой кубанке с красным верхом.

Позади бывшего атамана Войска Донского казак нес серебряный пернач-булаву.

Краснов шел медленно, по-стариковски сутулясь, поглядывал по сторонам. Сказал, будто сам себе:

— Неприглядно жили уманцы.

— Ваше превосходительство, чему удивляться. В тридцать третьем голодном году станица была на «черной доске»: часть людей вымерла, часть отправили в ссылку. После тех голодных лет станицу заселили му-

жики из центральных губерний России. А они, ваше превосходительство, сами видите как хозяйничают.

— После смерти Каледина, — заговорил Краснов, — когда Круг избрал меня войсковым атаманом, я знал, с чего надо начинать восстановление Дона — с хозяйства. При мне железные дороги работали, как до революционной смуты, торговля и промышленность выправились. Даже извозчики не смели брать выше довоенной цены. И армия казачья обрела себя. Вся беда, что мы не сумели преодолеть местный национализм. Заставить казака через свой забор глянуть нам не удалось. А там, за забором, большевики ножи наточили, силой несметной навалились, и не стало Донского казачества...

Перейдя дощатый мосток на пересечении улиц, Краснов спросил:

— Где здесь, в Уманской, жил командир 2-го полка, мой подчиненный?

— У войскового старшины и его семьи трагическая судьба, — ответил Соломаха.

— Какая?

— Когда на станицу наступали красноармейцы из «Стальной» дивизии Жлобы, старшина, сидя в хате с женой и старшим сыном, отстреливался из пулемета. Красные несколько раз накатывались, и каждый раз их отбивали. И тогда они подожгли хату... Вся семья сгорела...

— Царство им небесное, — перекрестился Краснов, сняв папаху. — Помню, старшина все копил деньги на постройку нового дома, крытого цинком. Не суждено.

— А сам Жлоба, ваше превосходительство, знаете, как жизнь закончил? Большевики его расстреляли.

— Есть порода пауков, самка которых после оплодотворения убивает самца. Советская власть поступала подобным образом...

Дождавшись, когда шофер подогнал машину, Краснов, прощаясь с Соломахой, заметил:

— Большевикам за все их черные дела еще долго расплатываться придется. А нам нельзя ни забывать, ни прощать... Желаю всяческих успехов, полковник.

***

8 ноября 1942 года, когда Краснов возвратился в Берлин, Хельмут фон Панвितц был назначен командующим всеми казачьими формированиями.

В штабе было решено казачьи формирования именовать кавалерийским корпусом фон Панвитца. Для испытания казаков бросили на помощь румынам.

Корпус блестяще справился с задачей, отразив наступление двух советских дивизий.

Рождественские праздники Хельмут фон Панвитц проводил неподалеку от Вены. Здесь узнал новость: фюрер выразил желание лично вручить ему награду.

Вот как вспоминает об этом сам Панвитц:

«Аудиенция состоялась 13 января 1943 года в «Волчьем логове». Майор фон Белоу, адъютант фюрера, провел меня по тоннелю в тайный бункер... Едва я снял перчатки, как широко распахнулись двери. Кабинет фюрера имел внушительные размеры, но был хорошо освещен. Сидевший за столом Гитлер был одет в черный френч и черные брюки. Он поднялся с кресла и тихим невыразительным голосом, будто диктовал текст машинистке, произнес свои поздравления:

— От имени германского народа я выражаю вам признательность за ваше непоколебимое мужество, за ваше героическое участие в борьбе за свободу и величие Отечества. Вы сто шестьдесят седьмой воин, удостоенный Рыцарского креста с дубовыми листьями».

Дальнейший разговор происходил следующим образом:

— Вам довелось командовать разными частями. Чего стоят румыны?

— В военном деле абсолютные профаны.

— А как ваши казаки?

— Мой фюрер, эти люди умеют превосходно сражаться... Мне кажется, мы немного ошибаемся в отношении к русским...

— Да, возможно, — прервал Гитлер.

— Не следовало бы оскорблять чувства славян. Казаки, как и немцы, прекрасные воины. Они никогда не расстаются с оружием.

— Да, возможно, полковник. Благослови вас Господь, и пусть вам сопутствует удача в тяжелом солдатском труде...

***

Для атамана Краснова Сталинград был всегда Царицыном.

Германские полчища со своими союзниками двинулись к городу по донским степям.

Краснов говорил Шкуро:

— Армии красных скоро почувствуют силу германской военной машины. Одно меня печалит, Андрей Григорьевич, что не казаки Дона пронесут свои штандарты по улицам этого города, а солдаты вермахта.

Синие стрелы, означавшие удары армии Паулюса, уперлись в Волгу.

— Смотрите, — торжествующе говорил Краснов, — здесь, в Царицыне, лягут главные силы Красной Армии. Не на Москву был направлен основной удар немцев, а именно сюда. И вы думаете, почему? Ларчик просто открывается: Генеральный штаб германской армии намерен отрезать Кавказ от центра. Тогда Красной России конец...

Когда генерал уезжал на службу в Главное управление казачьих войск при министерстве восточных территорий рейха, Иван Шандыба подолгу смотрел, как синие стрелы впились в Царицын. Широко они развернулись на донских просторах. Синяя окраска разползлась по городам и станицам, окрасила родную Вешенскую, хутор Пригибский.

Краснов заметил однажды:

— Близится день, Иван, когда ты увидишь свою Донщину свободной.

В газетах писали о тяжелых боях под Сталинградом, о многотысячных потерях. В зимние дни сорок второго — сорок третьего годов стали просачиваться сообщения о «котле», армии Паулюса и о «генерале Манштейне», на которого возлагалось много надежд, но он не смог выручить окруженную группировку...

Иван видел, как отодвигаются стрелы от Сталинграда — Царицына. Краснов с горечью сообщил:

— Нас подвели румыны и итальяшки. Они не выдержали натиска Красной Армии, и германский фронт оказался прорванным...

А весной Шандыба услышал:

— Кажется, Советы не успокаиваются. После Царицыны они стали резко наращивать военный потенциал.

Как-то в беседе с генералом Шкуро Краснов сказал:

— К сожалению, кубанские и донские казаки оказались в очень трудном положении. Немцы закрыли коридор, по которому ушли соединения с Кавказа. Те части, каким поручено держать плацдарм на Кубани, усиленные кубанскими казаками, держатся на участке плавней. У них один выход: через Керченский залив в Крым...

Краснов пальцем указал на позиции, которые занимали кубанцы:

— В район Феодосии послан Хельмут фон Панвигт. Он должен построить укрепления и принять казаков.

— А как же их семьи? — Шкуро посмотрел на Краснова. — С ними расправятся как с врагами?

— Думаю, что да. Сошлют в места, откуда мало кто возвращается. — Краснов побарабанил пальцами по столу, нахмурился. — Может быть, кто-то и спасется, но разве только те, которые уйдут через ростовский коридор. Я все-таки полагаюсь на благоразумие казаков, которые заранее отправили свои семьи...

— Думаю, что вопрос о казачьих дивизиях сейчас решится быстро. В них возникла особенная потребность, в Югославии разрослось партизанское движение. Тито и англичане активизировались.

— Петр Николаевич, я подал рапорт в штаб верховного командования с просьбой назначить меня командиром одной из казачьих дивизий.

Краснов кивнул:

— Андрей Григорьевич, ваш рапорт побывал в Главном управлении. Одно могу сказать: немцы намерены держать в казачьих дивизиях свои командные кадры. Кстати, есть мнение, что во главе всего казачьего движения будет Хельмут фон Панвигт. И что недалеко то время, когда он получит чин бригадного генерала.

— Вы не намерены возражать?

— По поводу чего?

— Немец из Силезии будет поставлен над всеми казаками?

— Не забывайте, Андрей Григорьевич, он в фаворе у Адольфа Гитлера, из его рук в свое время получил Рыцарский крест с дубовыми листьями.

Шкуро мелкими шажками прошелся по кабинету.

— Значит, Петр Николаевич, будем ждать милостей от немца из Силезии?

— Будем, Андрей Григорьевич. Но я убежден — без дела мы не останемся.

***

Хельмут фон Панвигт срочно вылетел в Крым. Времени на укрепление Феодосийского района оставалось очень мало. Необходимо было организовать строительство оборонительных линий. В помощь казакам были призваны крымские татары.

Представители татар явились к Панвигту и пригласили его с офицерами посетить мечеть. Хельмут фон Панвигт приглашение седобородых старейшин принял.

В мечети, слушая проповедь муллы, он подумал, что немцы напрасно оттолкнули татар, которых можно было использовать в борьбе с Советской властью...

После молитвы Панвитц предложил старейшинам создать в Крыму татарские военизированные батальоны. Вскоре были организованы одиннадцать батальонов...

Советские войска наступали на Кубанский плацдарм. Не выдерживая натиска, казаки любыми путями перебирались в Крым. Переправлялись через Керченский пролив, ехали по пыльным безводным дорогам, разношерстно одетые: кто в черкеске с башлыком, кто в немецкой форме, в кубанках или старых дедовских фуражках, с карабинами или автоматами за плечами. Все это воинство двигалось к Феодосии. Здесь казаков ждал фон Панвитц.

Он собрал их и, построив, заявил:

— Из вас будет сформировано настоящее казачье войско. Вы получите новое обмундирование и оружие. После этого я сам поведу вас в бой.

Речь Панвитца воодушевила бездомных, потерянных казаков. Всех их погрузили в поезд и отправили в Восточную Пруссию, на Милавский полигон.

Прибывших казаков требовалось привести в соответствующий вид. По воспоминаниям очевидцев, «это было скопище людей, где только и знали, что пьянство, мордобой, песни и бахвальство».

Поручив офицерам начать формирование частей и налаживать дисциплину, Панвитц тем временем отправился по концлагерям для агитации. Завербованные пленные ехали на Милавский полигон, где их зачисляли в полки. 21 апреля 1943 года был подписан приказ о создании первой казачьей дивизии, которая стала составной частью «Кавказского войскового соединения СС»...

Сюда же, в Восточную Пруссию, прибывали эшелоны с семьями казаков, с их скарбом и даже скотом. Со временем шумный табор превратится в воинское фор-

мирование, в котором казакам прививались немецкая аккуратность и дисциплинированность.

В местечке Моково, недалеко от полигона, была создана унтер-офицерская школа для молодежи.

* * *

В конце лета 1943 года лагерь в Милау жил в напряжении: завершалось формирование дивизии. На главные командные должности прибыли немецкие офицеры. Вместе с тем в Главном управлении казачьих войск при Министерстве восточных территорий начальник отдела генерал Краснов утверждал и казаков на офицерские должности. Особенно радовало Краснова, что значительная часть казаков еще служила в Донской армии в бытность его войсковым атаманом.

Как-то генерал сказал Шкуро:

— Знаете, Андрей Григорьевич, я убежден: из казаков, коих я возвращал в те еще годы борьбы с большевиками, получатся превосходные кадры офицеров...

Иван Шандыба в это время выносил корзину из-под письменного стола с мусором.

— И куда же после формирования предполагается направить дивизию? — спросил Шкуро.

— Насколько мне известно, на фронт направлять казаков пока не намерены. Уничтожить банды Тито в Югославии — вот их ближайшая задача.

— Ну, будет где разгуляться нашим хлопцам. Кстати, Петр Николаевич, чем быть изгоями в Восточной Пруссии, не лучше ли создать в тех местах и жилые станицы? Край-то чудный.

— Вы правы, Андрей Григорьевич, этот вариант мы обсуждали с фон Панвитцем...

О чем еще говорили Краснов со Шкуро, Шандыба не слышал: взяв корзину с бумагами, он вышел.

Через несколько дней Шандыба пересказал услышанный разговор незнакомцу в православном храме.

***

Вечер опустился на Москву, но в кабинете генерала Чернышева свет не зажигали, только над самым столом горела лампа под зеленым абажуром. Генерал внимательно слушал доклад Матвея Савостина.

— А как вы думаете, Матвей Савельевич, догадывается ли ваш связной, кому передает сведения?

Савостин улыбнулся:

— Думаю, что пока нет.

— Ну что ж, хорошо. Эти сведения мы передадим Тито. Казаки — противник серьезный. Особенно если их переселят на югославские земли...

Вернувшись в свой кабинет, Савостин долго сидел, глядя в одну точку. Он все пытался вспомнить лицо Шандыбы, но кроме как затянувшейся на черепе раны на память ничего не приходило...

***

Хельмут фон Панвитц ожидал приезда генерала Краснова, назначенного начальником отдела Главного управления казачьих войск. С ним прибывал и генерал Шкуро. Шкуро просился на командира дивизии, но Панвитц, зная, что генерал плохой военачальник, предложил ему должность на формирочном пункте в Триесте.

В день приезда Краснова лагерь казаков волновался, многие из донцов помнили его еще войсковым атаманом, а некоторые даже служили с ним во время Первой мировой войны. Из числа ветеранов Панвитц и велел назначить почетный караул. Оркестру, которым руководил полковник Кононов, дезертировавший из Красной Армии, было предложено сыграть гимн донского либо кубанского войска. Кононов выбрал донской.

Краснов прибыл в середине дня. На станции в Мокво он пересел на коня и под гимн «Всколыхнулся, взволновался тихий Дон» объехал строй почетного караула. Генерала сопровождал Шкуро.

Остановив коня перед почетным караулом, Краснов неожиданно заплакал. Слезы потекли по его стариковским, чуть припухшим щекам.

— Здравствуйте, господа казаки! — справившись с волнением, произнес он.

— Здра... желаем, ваш... превосходительство!..

Краснов посмотрел на Шкуро.

— Они узнали меня... И я помню их... всех...

Краснов и Шкуро в сопровождении фон Панвитца направились в лагерь, где их уже ожидала построенная в каре дивизия. Краснов объехал строй, и полк за полком приветствовал его.

Краснов повернулся в Панвитцу:

— Господин бригадный генерал, — голос старого атамана дрожал, — вы проделали большую работу по возрождению казачества, и оно всегда будет помнить ваши славные дела.

— Ваше превосходительство, мы призваны исполнить свой долг. У нас цель одна: разбить большевиков и уничтожить советскую власть, которая кабалит Россию...

Пригладив усы, Краснов договорил, обращаясь к казакам:

— ...Мы должны помнить, что Германия ведет борьбу за нашу свободу... Вместе с немецким народом мы обретем свою родину... Наш час настал!.. Наша задача — уничтожить коммунизм раз и навсегда и добиться освобождения казачьих земель...

Когда Краснов закончил свою речь, Панвитц выкрикнул:

— Вперед за свободу казачества!

Он повернулся к генералам:

— Господа, прошу вас отобедать со мной...

За столом речь шла о дальнейшем использовании казаков.

— В Югославии мы проверим их выучку, — говорил Панвитц. — Вслед за этой дивизией отправится вторая. Кстати, я внимательно ознакомлен с вашей запиской, господин атаман, о поселении казачества на

освобожденных землях Югославии. В штабе вермахта с этим предложением согласились. Теперь дело за казаками...

* * *

В Моково грузились эшелоны. По сходням заводили в теплушки лошадей, на платформах устанавливали пушки, минометы...

Одетые в новое обмундирование, с саблями на боку, казаки прощались с семьями, переговаривались:

— Нам от хорватов пощады ждать не придется, и мы к ним без милости.

— А с нами как Советы поступали? Что, они детей наших щадили или же наших миловали? Какую судьбу мы ныне влачим?

— Ничего, добудем себе родину...

Сентябрьские ночи были теплые. Казаки, распахнув двери теплушек, вполголоса пели. И такая тоска слышалась из вагонов:

Ты, Кубань, ты наша Родина...

Или:

Ой, ты, наш батюшка, тихий Дон...

Эшелоны шли через Польшу, Венгрию на север Белграда, в местечко Панцево.

В октябре 1943 года две бригады казачьей дивизии были задействованы в боях против югославских партизан. Но предупрежденные советской разведкой партизаны Тито уходили от крупных сражений.

Отряды казаков-карателей действовали безжалостно. Они жгли села и расстреливали местных жителей, подозреваемых в связях с партизанами.

Победные репортажи казачьих бригад радовали Краснова и Шкуро. В Управление казачьих войск поступали сведения о создании новых дивизий.

— Если бы эти войска были под Царицыном вместо румын, германская армия не получила бы котла, — говорил Краснов.

Шкуро поддакивал:

— Румыны, Петр Николаевич, это не солдаты, а просто орда.

— Помните: «Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют...»

— Так писал, кажется, Лермонтов...

Краснов поморщился:

— Так писал Пушкин.

— Запомятовал...

— А вы, Андрей Григорьевич, случайно не знаете, как оказался в немецком плену генерал Власов?

— Почему же, знаю. Его взяли через год после начала войны в районе волховских болот, спящего на чердаке. А вообще-то он человек со скользкой биографией.

— Со скользкой? Отчего же?

— Ему сорок четыре года, родился в Нижегородской губернии в семье бедняка, крестьянина... Учился в семинарии. Попом не стал. Доброволец Красной Армии... В Гражданскую командовал ротой. А уже в тридцать восьмом году был советником при Чан Кайши. Впоследствии командовал танковым корпусом, который Сталин считал образцовым... Теперь в немецком плену выдает себя за врага сталинского режима и объявил себя основателем освободительного движения.

— То есть, Андрей Григорьевич, Россия может получить в его лице второго генерала де Голля?

— Как вам сказать, Петр Николаевич. Пока что немцы его таковым не считают, хотя ведут пропаганду в его поддержку и думают создавать армию, где стержнем станут пленные украинской национальности.

— Жовтоблаkitники? Мы их в свое время повидали.

— Свою армию Власов решил назвать РОА, что означает Русская Освободительная Армия... Первые две дивизии он уже начал формировать.

— А как к этому относятся эмигранты и наши казаки?

— Эмигранты денкинского полка его презирают, а атаман Бугалов на запрос Власова ответил так: нас интересует свобода и жизнь по собственным законам.

— Бугалов ответил правильно.

Краснов немного подумал.

— Бугалов и другие казаки знают: сражаясь за свою свободу, они добьются освобождения всей России... Если Власов только принялся за создание своей дивизии, то наши дивизии уже воюют в Югославии. Как пишет мне атаман Доманов, в Северной Италии сегодня сгруппировались пятнадцать тысяч беженцев, и там создан небольшой гарнизон для защиты на случай нападения. Это, Андрей Григорьевич, наша небольшая Родина.

— В Кирхберге Панвитц создал дом отдыха для больных и выздоравливающих после ранений казаков. Он объяснил это тем, что в немецких госпиталях с нашими ранеными обращаются скверно, как с «недолюдьми».

Краснов поморщился.

— А как к ним относятся в Кирхберге?

— Там командует атаман Кулаков, и обстановка в доме отдыха хорошая. Кстати, я слышал, что немецкое командование направило часть казаков во Францию для борьбы с партизанами.

— Совсем немного, и они, как я выяснил, будут под командованием небезызвестного Власова.

***

Бригадный генерал Хельмут фон Панвитц действиями своих казаков был доволен. Ему передали, что Адольф Гитлер в частной беседе отметил его организаторские способности, сказав, что из казачьего сброда Панвитц создал войска, способные навести порядок в непокорной Югославии.

В последние месяцы сорок третьего года Панвитца беспокоили судьбы семей казаков, собранных в районе Восточной Пруссии у лагеря Милау. По замыслу Панвитца сюда должны были прибывать казаки из концлагерей и красноармейцы, которые добровольно пожелают записаться в казаки. На проведение такой агитации Панвитц уже получил добро.

Генерал знал, что надо было как можно быстрее переселить семьи казаков с Милавского полигона. Панвитц побывал в Югославии и сделал вывод: если расселить здесь казачьи семьи, то они будут защищать новые места, как родные станицы... Природа здесь красоты необычайной. В долинах и на нижних склонах гор зеленеют виноградники, а дальше вверх уходят буковые леса.

В Югославии Панвитц попал в засаду партизан. Он отправился на разведку в окрестности Новограда вместе с группой офицеров подполковника Бударина из Кубанского полка. Продвигаясь по серпантину дороги, они попали под обстрел.

Унтер-офицер Назаренко послал за подкреплением. Когда прискакал эскадрон, партизаны уже покинули место боя...

На территорию между Белградом и Загребом, очищенную от партизан Тито, были перевезены казачьи семьи. Перед Рождеством стало известно: части советских войск уже выходят к югославским границам. В первом бою на реке Драве казаки 4-го Кубанского, 5-го Донского и 6-го Терского полков буквально за один день разбили 133-ю стрелковую дивизию.

***

В Управление казачьих войск прибыл генерал Шкуро. Был он возбужден и слегка попахивал спиртным. Подсев к столу Краснова, Шкуро молча забарабанил костяшками пальцев.

Краснов тоже молчал. Наконец Шкуро заговорил:

— Дела наши, Петр Николаевич, швах. Красные наступают. Скоро боевые действия развернутся уже в Европе.

— Я это знаю, Андрей Григорьевич. Но сейчас меня беспокоит положение казачьих частей. Тито получил большую поддержку от Черчилля, и партизаны усилили нажим. Панвитц выехал в район сражений. Я чувствую: нашим казакам придется воевать с Красной Армией.

— С советской.

— Все равно.

— Нет, не все равно. Красная Армия по своей вооруженности и знаниям своих командиров значительно уступала нынешней советской армии.

— Ведь вам, Андрей Григорьевич, хорошо известно, что на Драве казаки разбили наголову советскую стрелковую дивизию генерала Толбухина.

— Теперь уже маршала.

— Пусть маршала. Меня беспокоит, что этот Толбухин сосредоточит значительные силы и постарается нанести удар возмездия. Пока же казаки воюют с югославскими партизанами, а те, как вам известно, полностью зависят от англичан: Черчилль шлет им вооружение и советников. Но скоро нашим казакам придется туго.

— Петр Николаевич, а вам известно, что Власов создал свое российское правительство? Возможно, с ним на контакт пойдут англичане и американцы.

Краснов усмехнулся.

— Кто такой Власов для Черчилля и Рузвельта? Вот если бы в начале войны такое российское правительство в эмиграции образовал Деникин, иное дело. Деникин для англичан и американцев — фигура: он их бывший союзник... Но Деникин сказал «нет» и тем самым повернул Черчилля и Рузвельта в сторону Сталина.

— Что же нам делать?

— Ждать вестей от Панвитца... Одно плохо — Тито теперь располагает поддержкой не только англичан, но и Советов.

Шкуро не сиделось, он вскочил, забегал по ковровой дорожке.

— Петр Николаевич, я думаю, что вместе с нами, точнее, с казаками будут сербские националисты-монархисты Дражи Михайловича, когда дивизия Панвитца столкнется с Советами.

Брови Краснова взметнулись:

— Андрей Григорьевич, о чем вы говорите? Да разве вы забыли, кто первым начал в 1914 году борьбу с немцами? Сербы на дух не принимают германскую гегемонию. Никто иной как сербы вовлекли Тито с коммунистами в эту партизанскую войну и, кстати, только после того, как Советы начали войну с Германией.

Краснов сделал жест, чтобы Шкуро перестал бегать. Тот присел, Краснов продолжал говорить:

— Вчера стало известно: регент Венгрии адмирал Хорти отдал приказ венгерским войскам не оказывать сопротивления Советам.

— Но это предательство...

— Да, это открывает дорогу русским. У германской армии нет сил, чтобы защищать Венгрию, значит, Советам подойдут к Балканам...

— Да, но тогда Панвитц окажется в труднейшем положении.

— Вероятно, Андрей Григорьевич, мы скоро отправимся поддерживать наших казаков...

***

Пользуясь тем, что венгры прекратили сопротивление, армия маршала Толбухина стремительно наступала. Казачий штаб покинул Белград: партизаны выдвинулись, готовясь ударить по дивизиям Панвитца с тыла.

Собрав командиров казачьих полков, Хельмут фон Панвитц сказал:

— Господа, положение осложнилось. Нам предстоит сразиться с советскими войсками.

Кто-то из офицеров попытался крикнуть «ура», но одинокий голос потонул в гробовой тишине. Все понимали: регулярные части — это не партизаны...

Первой навстречу войскам Толобухина выступила Вторая казачья бригада под командованием немецкого полковника фон Шульца. Партизаны всячески мешали ее продвижению: минировали дороги и мосты, оставляли засады, устраивали нападения на колонны. С боями казачья бригада дошла до небольшого городка Копривница, обороняемого устахами¹⁷ полковника Бобана. Здесь бригада передохнула и снова двинулась на восток. На всем пути казаки постоянно отбивали атаки партизан.

Впереди лежал небольшой городок Клоштар. Командир бригады полковник фон Шульц поставил в известность казачьих офицеров, что некоторые партизанские отряды уже соединились с советскими частями и поэтому Клоштар надо брать с боем. Казаки пошли в наступление. Каково же было их удивление, когда, вступив в городок, они увидели транспаранты с приветствиями советским бойцам.

Вскоре к Клоштару подошла и вся казачья дивизия. Она стала готовиться к сражению с советскими войсками...

* * *

Хельмут фон Панвитц склонился над столом. Глядя на карту, командиры казачьих полков внимательно слушали генерала.

— Господа офицеры, — начал Панвитц, — впереди город Питомача. Там уже расположились советские войска. С юга движутся партизаны Тито. Нам предстоит овладеть Питомачей. Бой начнем ночью. Первыми пойдут казаки 6-го Тверского полка под командованием подполковника Сальме. В нашем

распоряжении, господин Сальме, артиллерийская батарея...

Накануне боя Панвитц появился в окопах, прошелся по траншеям.

— Там, впереди наш враг, — говорил он. — Казаки, они лишили вас родины и сейчас готовятся лишить во второй раз. Они забывают, что у вас есть сабли и кони. Бой для казака — это праздник, праздник души. Ваши семьи ждут от вас только победы...

Усатый казак в кубанке налил стакан сливовицы, протянул Панвитцу. Проговорил:

— За победу, ваше благородие!

Хельмут выпил с удовольствием.

— Да-да, именно за победу! С вами, верные мои казаки, я связал свою жизнь и с вами пойду до конца...

Атака началась в полночь.

В темноте на единственно уцелевший мост ринулся полк терцев. У самого моста кто-то заметил искры бикфордова шнура, успел подбежать, затоптать горящий шнур ногами. Советские полки, оборонявшие Питомачу, открыли по наступавшим ураганный огонь.

Медленно вперед продвигался Донской полк. Донцам пришлось прорывать линию обороны, и они потеряли много людей убитыми и ранеными. Хельмут фон Панвитц запросил артиллерийской поддержки; казаки-артиллеристы, подтачив орудия к цепям наступающих, открыли беглый огонь.

Командир полка полковник Кононов поднял донцов в атаку. Казаки ворвались в траншею противника...

К утру Питомача была взята. Днем Хельмут фон Панвитц вручил отличившимся казакам и немецким офицерам Железные кресты.

Вскоре фон Панвитцу было присвоено звание группенфюрера, а казачье соединение переформировали в 15-й кавалерийский казачий корпус в составе двух дивизий и двух бригад.

Узнав об этом, Панвитц воскликнул:

— Наконец-то я достиг своего!

К войскам должен был приехать и генерал Краснов, но он позвонил и отказался, сославшись на болезнь.

* * *

В марте 1945 года в большой зал Вировицкого муниципалитета съехались представители казачьих соединений. Здесь состоялось собрание делегаций от частей недавно созданного кавалерийского корпуса.

Зал был переполнен. Собрание назвали казачьим Кругом. Предстояло избрать войскового атамана.

Круг открыл один из старейших казаков полковник Кононов. Во вступительной речи он отметил, что уже давно, со времен Гражданской войны, не было такого, чтобы избирали войскового атамана.

— Двадцать семь лет мы ожидали этого дня, мы были лишены своей власти, — говорил Кононов. — В этом зале представлены казаки войска. Так давайте же выберем самого достойного, кого мы назовем своим атаманом. Пусть это будет тот, кто больше всего сил отдал служению казачеству...

Едва Кононов замолчал, как раздались крики:

— Панвитца!

— Вы хотите иметь войсковым атаманом Панвитца? — удивился Кононов.

В ответ раздался гул одобрения. Оркестр грянул марш. Панвитца окружили атаманы, начались поздравления. Кононов, дождавшись окончания марша, объявил:

— Хельмут фон Панвитц, вы избраны атаманом всех казачьих войск!

Зал взорвался приветственными криками. Полковник Кононов продолжил:

— Мы клянемся вам, как главному атаману, в верности!

Сотни папах взлетели к потолку...

В ту ночь Хельмут фон Панвитц написал своей жене: «Я их никогда не оставлю».

* * *

В этом же месяце казаки в последний раз ходили в конную атаку. Это было на берегу реки Дравы. Против казаков находились хорошо подготовленные болгарские войска, перешедшие на сторону советской армии.

Стало известно, что болгарская часть держит оборону, имея дальнобойные орудия. В казачьем штабе приняли решение атаковать ночью.

Под прикрытием темноты и густого леса четыре сотни казаков подобрались к болгарам и неожиданно на полном скаку ворвались в их укрепления.

Бой был короткий и беспощадный: казаки жалости не знали...

Дальнейшие боевые действия кавалерийский казачий корпус вел против наступающих частей Народно-освободительной армии Югославии. Фон Панвитц хотел вывести казаков из войны. Он обратился к командующему юго-восточной группой с подобной просьбой, но ему ответили:

— Рано. Нужно продержаться несколько дней, чтобы дать возможность группе армий отступить из Греции через Македонию и Сербию...

* * *

Дальнейшая служба корпусов складывалась так.

Вызвав на командный пункт полковника Кононова, Панвитц приказал ему отправиться к Власову для переговоров о будущем казачьих частей. Затем он поговорил с командиром казачьего соединения полковником Шульцем.

— Скажите, Шульц, отчего вы не хотите сдать в плен англичанам? Они ведь согласились принять поляков Андерса. Почему бы им не поступить подобным образом с двадцатью пятью тысячами казаков?

Шульц покачал головой:

— Британцы заключили соглашение с Советским Союзом, а красные не пощадят нас.

— Опять политика, — вздохнул Панвитц. — Но все-таки я думаю, что англичане не будут против антибольшевистски настроенных войск, тем более испытанных в кровопролитных боях. Конечно, если они хотят увидеть Россию когда-либо свободной от Советов...

Шульц удивился:

— Вы что, Панвитц, всерьез полагаете, что Черчилль или Рузвельт пойдут наперекор Сталину из-за горстки казаков? В лучшем случае они выдадут их партизанам Тито. А югославы казаков хорошо запомнили... — Шульц безнадежно махнул рукой. — Правда, наш полковник Рентель был некогда в хороших отношениях с Александром, у которого к тому же в друзьях ходят атаман Краснов и генерал Шкуро. Когда-то, еще в двадцатом году Александр в чине капитана был членом военной миссии при армии Деникина.

Панвитц хлопнул в ладоши:

— А ведь верно! Я слышал об этом как-то от Шкуро, которому Александр вручал орден. А еще капитан фон Гуденус состоял в дальнем родстве с британским министром иностранных дел Антони Иденом. Надо, Шульц, двигаться к Австрии, куда на подходе армия Александра...

День ото дня обстановка складывалась все напряженнее.

28 апреля 1945 года немецкий генерал Вольф сдался в плен со всеми своими войсками, которые дислоцировались в Италии. Сложилась близкая к хаосу ситуация. Измотанные наскоками югославских партизан, немецкие части в беспорядке уходили из Албании, Далмации и Италии.

Кавалерийский казачий корпус, выполняя задание германского Генерального штаба, под невероятным давлением противника начал планомерный отход. Главная тяжесть пала на вторую дивизию, которая удерживала оборонительную линию до 6 мая, дав воз-

можность уйти подальше от фронта нескончаемой колонне кавалерии и грузовиков.

В ночь на 4 мая, когда в горах шел снег, колонна достигла австрийской границы в районе Косбах-Маутана на высоте 1360 метров.

7 мая английские войска получили точные инструкции в отношении прибывших казаков. Командир 78-й британской дивизии бригадный генерал Арбутнот приказал подполковнику Малькому немедленно занять тирольский город Линц, чтобы там разоружать казаков. Генерал дважды повторил:

— Мальком, не забывайте, это казаки. Действуйте предельно осторожно. Лично проследите, чтобы акция была проведена как можно деликатнее и без инцидентов.

В местечке Косбах-Мауте подполковник Мальком собрал казачьих командиров и передал им указание: направляться в Линц для сдачи оружия...

Атаман Доманов находился со своим штабом в отеле «Золотая рыбка». Неподалеку расположился казачий стан, в котором насчитывалось около пятнадцати тысяч мужчин и четыре тысячи женщин с детьми.

— Я ваш офицер связи, — заявил с порога атаману Доманову майор Девис, — и, следовательно, нахожусь в вашем распоряжении. О выдаче казаков Советскому Союзу не может быть и речи. Продолжайте проводить с людьми занятия, хорошее войско всегда должно быть в хорошей форме. Офицеры могут оставить сабли и пистолеты.

В зеленой весенней австрийской долине, казалось, наступил мир. Но был он тревожным...

В Хорватии Вторая казачья дивизия двигалась на запад. 9 мая ее командир полковник фон Шульц, узнав о подписании Германией акта о капитуляции, предупредил своих офицеров:

— Огонь больше не открывать.

12 мая после полудня перед полковником Шульцем предстал парламентар, офицер Народно-освободительной армии Югославии. Он заявил:

— Вот приказ о немедленной капитуляции, подписанный генералом Лором. В случае отказа вы будете уничтожены авиацией союзников.

Шульц внимательно изучил бумагу:

— Я не вижу здесь подписи генерала, а вижу только его факсимиле...

Спустя некоторое время 6-й терский полк первым вошел в контакт с частями 11-й танковой дивизии англичан. Радости казаков не было предела: они считали, что теперь спасены. Тем более что Панвитц объявил о немедленной сдаче англичанам. Однако генерал Арчер сдержанно сообщил:

— Ваши казаки пройдут через наши порядки, и не более.

Одетый в форму терцев Панвитц находился среди казаков. Он предчувствовал, что ему скоро предстоит расстаться с кавалерийским корпусом.

На его глазах начался «последний парад». Его открыл под звуки марша 1-й Донской полк. Перед Панвитцем рысью проходили ряды кавалеристов, глядя направо, где стоял человек, по воле которого они здесь оказались...

В Линце казакам пришлось пережить трудные минуты. Англичане забирали их коней прямо со стана.

— Это грабеж, я протестую! — возмущился атаман Доманов. Британский комендант холодно ответил:

— Не забывайте, что вы пленники. Отныне ваши кони являются собственностью британской короны.

26 мая англичане забрали казачью казну, в которой по старинной традиции хранились сбережения казачьих семей. В руки победителей попало шесть миллионов марок и столько же миллионов итальянских лир.

— Ничего, — успокоил Доманова майор Девис, — теперь казаки будут получать довольствие наравне с англичанами.

На этом потрясения казаков не закончились. Вскоре весь стан облетела весть: пропал Шкуро!

Старый генерал был арестован в Зальцбурге и перевезен в отель «Золотая рыбка» в Линце. Его присутствие вселяло надежду в тех, кто боялся быть выданным советской стороне. Однажды утром его подняли с постели и увезли в неизвестном направлении.

Фон Панвитц был арестован 28 мая в восемь часов утра Стефаном Уартом, командиром 6-й британской пехотной дивизии. На улице их ожидали автомашины и броневые автомобили.

— Куда меня отправляют? — спросил Панвитц.

— В лагерь, — последовал ответ.

Вместе с майором Химмигхофеном и капралом Бергером Панвитца привезли в Греффен, где дислоцировалось бронетанковое соединение англичан.

На следующий день все казачьи командиры были вызваны англичанами в Линц для «поездки на конференцию». Обеспокоенным женам казаков британские офицеры отвечали, что их мужья будут дома через несколько часов.

— Это в Виллах, тут недалеко...

Один лейтенант дал слово чести.

Пока собирались к отъезду, неожиданно прозвучал выстрел: есаул Головинский покончил с собой. Об этом тут же стало всем известно. Среди казачьих офицеров воцарилось гробовое молчание.

Более двух тысяч командиров сели на грузовики с тревогой и надеждой. Для сопровождения был выделен довольно большой конвой из английских солдат, вооруженных автоматами.

Колонна направилась вначале, как было объявлено, в направлении на Виллах. Однако вскоре казаки обнаружили, что их везут совсем не туда. На крутом повороте несколько человек, спрыгнув с грузовика, скрылись в зарослях. Спустя некоторое время колонна въехала в лагерь, обнесенный рядами колючей проволоки. Генерал Шкуро, уже находившийся в лагере, сообщил:

— Нас, братцы, предали...

Вскоре последовало распоряжение:

— Быть готовыми к отправке в четыре утра. Между высшим командованием Великобритании и Советского Союза заключено соглашение...

Среди казаков-командиров началась паника. Они срывали с себя знаки отличия и награды, уничтожали письма и документы, которые были при них. Генерал Салкин, сохранивший пистолет, покончил с собой, четверо командиров ночью повесились.

Утром колонна грузовиков в сопровождении двадцати пяти бронемашин и ста пятидесяти мотоциклистов вошла в Спитальский лагерь. Казаки отказывались садиться в машины, сцепившись друг с другом, но английские солдаты быстро навели порядок. Раненых, словно мешки, покидали в кузов грузовика.

Двое казаков, у которых был при себе яд, отравились по дороге. Тех, кто пытался бежать, пристреливали на месте.

Все пленные командиры были переданы солдатам советской армии в Йоденбурге.

Часом позже майор Девис зачитал в лагере, расположенном в окрестностях Линца, следующее обращение:

«Казаки, вас предали ваши главари, толкнувшие на неверный путь, но отныне вы свободны от их пагубного влияния. Вы можете возвратиться на свою родину. Сейчас решается вопрос о репатриации всех казаков, их жен и детей...»

На следующий день состоялась выдача советской стороне офицерского состава 15-го кавалерийского казачьего корпуса. Был там и Хельмут фон Панвизц. Две тысячи казаков и сто пятьдесят немцев были окружены полком НКВД...

К вечеру на железнодорожные пути подогнали состав из сорока пульманов¹⁸. Английские солдаты начали заталкивать в них арестованных, не забывая при этом отобрать у пленников часы, украшения, драгоценности. За несколько дней подобным образом было погружено в вагоны около пятидесяти тысяч человек...

***

Потрясенный, враз осунувшийся Краснов в своей комнате, которую снимал вместе с женой в окрестностях города Линца, написал две петиции: одну королю Англии Георгу VI, а вторую в Международный Красный Крест в Женеву.

Это был крик души.

О чем просил Краснов? Провести тщательное расследование о причинах, побудивших казаков бороться бок о бок с немцами против советской власти.

Петр Николаевич не ждал помилования для тех, кто был повинен в военных преступлениях.

«Они, — писал Краснов, — достойны суда Международного военного трибунала...»

Обе петиции заканчивались словами: «Я прошу вас во имя справедливости, человечности и во имя Всемогущего Бога!..»

Той ночью Петр Николаевич долго не мог уснуть. Забылся только под утро.

И приснился ему сон, который он уже однажды видел во время Первой мировой войны.

Тогда Петр Николаевич жил в квартире сельского священника. Старый священник предсказал Краснову, что ждут его великие дела и великие муки... И еще сказал священник библейские слова: «И не введи нас во искушение...»

***

Иван Шандыба навсегда запомнил тот майский день. Было тепло и солнечно, по чистому голубому небу кудрявились белые облачка. К дому, где снимали квартиру Красновы, подъехал легковой автомобиль, и из него вышли два советских офицера: майор и полковник.

Они прошли мимо Шандыбы; полковник, чуть замедлив шаг, внимательно посмотрел на Ивана. Офицеры вошли в дом.

Старый, седой генерал в форме со всеми наградами сидел у окна. Увидев офицеров, встал, подошел к жене, сказал успокаивающе:

— Не надо грустить, Лидочка. Я вернусь к вечеру...

Выйдя вместе с офицерами, Краснов направился к машине. Проходя мимо Шандыбы, полковник приостановился.

— Вот мы и свиделись, Иван Шандыба...

Потом был самолет, Москва, Лубянка... Допросы и очные ставки... В камере не раз вспоминались Красново слова священника:

«И не введи нас во искушение...»

Эпилог

Дорогой в аэропорт полковник Савостин спросил у Краснова:

— Петр Николаевич, вы писатель и генерал, прожили долгую жизнь. Скажите, как вам видится будущее России?

Краснов удивленно поднял брови.

— Будущее России? Будущее России велико; я в этом не сомневаюсь. Российский народ крепок и упорен. Он как сталь. Он выдержал не одну трагедию, не одно иго. Будущее за народом, а не за правительством. Режим приходит и уходит. Нероны рождались и исчезали. Уйдет и советская власть. Не СССР, а Россия займет должествующее ей почетное место в мире...

На Лубянке Краснов вел себя достойно и мужественно. Когда до смерти оставались считанные дни, он попросил следователя:

— Я русский человек, и позвольте мне принять смерть по-православному, помыться и надеть чистое белье.

Ему позволили и даже дали в помощь внучатого племянника Николая Краснова. Петр Николаевич

сказал ему слова, которые можно считать завещанием писателя и генерала русскому народу:

— Что бы ни случилось — не смей ненавидеть Россию. Не она, не русский народ — виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Недостаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать. Сверху все это началось, Николай. От тех, кто стоял между престолом и ширью народной... Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и в лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будут жить Сталин и сталинцы. Умрут они, и настанут многие перемены... Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное Дело не может выздороветь сразу...

И Краснов на прощание обнял внука...

17 января 1947 года в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано официальное сообщение:

«Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период Гражданской войны атамана Краснова П. Н., генерал-лейтенанта Белой армии Шкуро А. Г., командира Дикой дивизии — генерал-лейтенанта Белой армии князя Султана Кылыч-Гирея, генерал-майора Белой армии Краснова С. Н., генерал-майора Белой армии Доманова Т. И., а также генерала германской армии, эсэсовца фон Панвица Хельмута в том, что по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Краснова П. Н., Шкуро А. Г., Султана Килыч-Гирея, Краснова С. Н., Доманова Т. И. и фон Панвица к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение».

Комментарии

ТУМАСОВ БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ — современный российский писатель (1926 г. р.). Живет и работает в Краснодаре. Автор исторических романов: «Русь залесская», «Земля неизвестная», «Зори лютые», «На рубежах южных», «Пока жива Россия», «Лихолетье», «Землей да волей жалованы будет», «Кровью омытые», «Под стягом Российской империи» и многих других.

«Не введи во искушение» — новое произведение писателя.

¹ *Баз* (нар.-разг.) — на юге России: огороженная площадка или крытый двор для скота; задний двор в крестьянской усадьбе.

² *Курултай* — съезд, общее собрание у некоторых монгольских и тюркских народов.

³ *Денник* — отдельное стойло для крупного домашнего скота (чаще — для верховых лошадей).

⁴ *Венский конгресс* (1814–1815) — конгресс европейских государств (за исключением Турции); завершил войны коалиций европейских держав с Наполеоном I. Закреплена политическая раздробленность Германии и Италии; Варшавское герцогство разделено между Россией, Пруссией и Австрией.

⁵ *Цейс Карл Фридрих* (1816–1888) — немецкий оптик-механик. В 1846 г. основал фирму в Йене по раз-

работке и производству оптических приборов и оптического стекла.

⁶ *Клуня* (нар.-разг.) — помещение для молотбы хлеба и складывания снопов.

⁷ *Канны* — селение в Юго-Восточной Италии, близ устья реки Офанто. Около Канн 2 августа 216 г. до н. э. во время 2-й Пунической войны карфагенская армия Ганнибала ударами с флангов уничтожила 70-тысячную римскую армию.

⁸ *Мыза* (нар.-разг.) — отдельно стоящая усадьба с сельскохозяйственными постройками; хутор.

⁹ *Чекмень* — старинная мужская одежда в виде полукафтана в талию со сборками сзади.

¹⁰ *Униатская церковь* — религиозное объединение, основанное на союзе (унии) православной церковной организации с католической церковью.

¹¹ *Опорки* (разг.) — старые изношенные сапоги со споротыми голенищами.

¹² *Фольварк* — в Польше, Литве, Белоруссии и западной части Украины: небольшая усадьба, хутор.

¹³ *Каганец* — светильник, состоящий из черенка с салом и фитиля.

¹⁴ *Чирики* (разг.) — башмаки, туфли.

¹⁵ *Кошевка* (кошева) — (нар.-разг.) — широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые кошмой, рогожей и т. п.

¹⁶ *Штандарт* — в России до 1917 года и некоторых других странах: знамя кавалерийского полка, эскадрона.

¹⁷ *Усташи* — в 1929—1945 гг. организация хорватов-националистов. Основана за границей (центры в Италии, Австрии, Венгрии, Бельгии и др. странах) А. Павеличем. После оккупации Югославии Германией (1941 г.) создали Независимое государство Хорватию.

¹⁸ *Пульман* — большой пассажирский или товарный вагон на железной дороге (по имени американского изобретателя Пульмана (1831—1891)).

Хронологическая таблица

5 (22) сентября 1869 г. Петр Николаевич Краснов родился в семье казачьего офицера в Санкт-Петербурге.

1889 г.

Краснов закончил Павловское училище по первому разряду с занесением на мраморную доску почета.

1891 г.

В военном издании «Русский инвалид» появились первые публикации.

1892 г.

Краснов поступил в Академию Генерального штаба, из которой был отчислен в следующем году.

1894 г.

Краснов назначен полковым адъютантом (начальником штаба полка). В этом же году выходит в свет роман «Атаман Платов» и ряд сборников рассказов.

1897 г.

Краснов направляется в Эфиопию в качестве начальника казачьего конвоя при дипломатической

миссии. Награжден орденом Святого Станислава 2-й степени и французским орденом Почетного легиона.

1899–1900 гг.

Краснов командует сотней в Атаманском полку.

1902 г.

Краснов участвует в Курских маневрах, после чего командирится в Закавказье, где изучает жизнь и быт казаков на турецкой и персидской границе.

1904 г.

Будучи приписанным к штабу Забайкальской казачьей дивизии, Краснов участвует в Русско-японской войне. Награжден орденом святой Анны 4-й степени «За храбрость». За бои под Ляояном — орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, за бои на реке Шаха и под Мукденем — мечами к ордену Святого Станислава. Выходит в свет его двухтомник «Год войны».

1910 г.

За выдающиеся успехи по службе Краснов получает звание полковника.

1911 г.

Краснов назначен командиром 1-го Сибирского казачьего полка имени Ермака Тимофеевича.

1913 г.

Краснов получает в командование 10-й Донской казачий полк имени генерала Луковникова в г. Замосстье. С этим полком вступает в Первую мировую войну. К этому времени Краснов уже широко известен как публицист, автор «Картин былого Тихого Дона», романов «В житейском море», «Погром», «Потерянные», повестей и рассказов.

Ноябрь 1914 г.

Краснов производится в генерал-майоры и командует Краоанской бригадой.

Апрель 1915 г.

Краснов назначается командиром 3-й бригады Туземной дивизии. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Июль 1915 г.

Краснов — начальник 3-й Донской дивизии, вскоре переводится во 2-ю Сводно-казачью дивизию. Один из основоположников маневренной войны.

24 августа 1917 г.

Краснов принимает 3-й конный корпус.

Октябрь 1917 г.

Начало известного в истории «похода Краснова—Керенского» на Петроград.

30 октября 1917 г.

Части 3-го конного корпуса столкнулись под Пулковом с превосходящими отрядами матросов и красногвардейцев. Поход остановлен.

Февраль 1918 г.

Краснов распускает казаков и эшелонами отправляет на Дон. Вскоре в станицу Константиновскую прибывает и он сам с женой.

16 мая 1918 г.

Генерала Краснова избирают войсковым атаманом Великого Войска Донского.

5 июня 1918 г.

Великое Войско Донское объявляется «самостоятельной демократической республикой».

Август 1918 г.

Донская казачья армия освобождает всю территорию Дона.

Октябрь 1918 г.

Краснов впервые ставит вопрос о походе на Москву.

Ноябрь 1918 г.

Появление первых сообщений о боях с петлюровцами и махновцами.

12 декабря 1918 г.

Встреча Краснова с главой союзнической миссии генералом Пулем на станции Куцевская.

4 января 1918 г.

Начало развала Донской армии.

8 января 1919 г.

Краснов соглашается на «оперативное» объединение с Деникиным.

Начало февраля 1919 г.

Войсковой Круг заставляет Краснова отказаться от должности войскового атамана и покинуть зал заседаний.

6 февраля 1919 г.

Краснов с женой отбывает из Новочеркасска в изгнание.

Сентябрь 1919 г.

Краснов поступает в Северо-Западную армию генерала Юденича.

1919—1947 гг.

Жизнь в эмиграции: Франция — Германия. Выходят в свет романы «От двуглавого орла к красному зна-

мени», «Все проходит», «Опавшие листья», «Понять — простить», «Единая и неделимая», «Белая свитка», «Цареубийцы», «Ненависть» и другие.

1939—1941 гг.

Краснов приветствует агрессию Гитлера и нападение Германии на Советский Союз.

1941—1943 гг.

Краснов работает в Казачьем отделе при Министерстве восточных территорий рейха.

Март 1944 г.

Краснов — начальник Главного управления казачьих войск при Министерстве восточных территорий, формирует казачьи войска для борьбы с партизанами.

Май 1945 г.

Краснов пишет две петиции: королю Георгу VI и Международному Красному Кресту в Женеву.

Арест Краснова.

17 января 1947 г.

По приговору Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Петр Николаевич Краснов казнен (повешен).

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Тумасов. НЕ ВВЕДИ ВО ИСКУШЕНИЕ. Роман	7
Комментарии	437
Хронологическая таблица	439

Литературно-художественное издание

Тумасов Борис Евгеньевич
НЕ ВВЕДИ ВО ИСКУШЕНИЕ
Роман

Ведущий редактор *А. В. Варламов*
Художественный редактор *О. Н. Адашкина*
Технический редактор *Е. П. Кудиярова*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Т. В. Федоровой*
Компьютерный дизайн *Ю. А. Хаджи*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПФ «Ермак»
115201, г. Москва, 2-ой Котляковский пр-д, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.